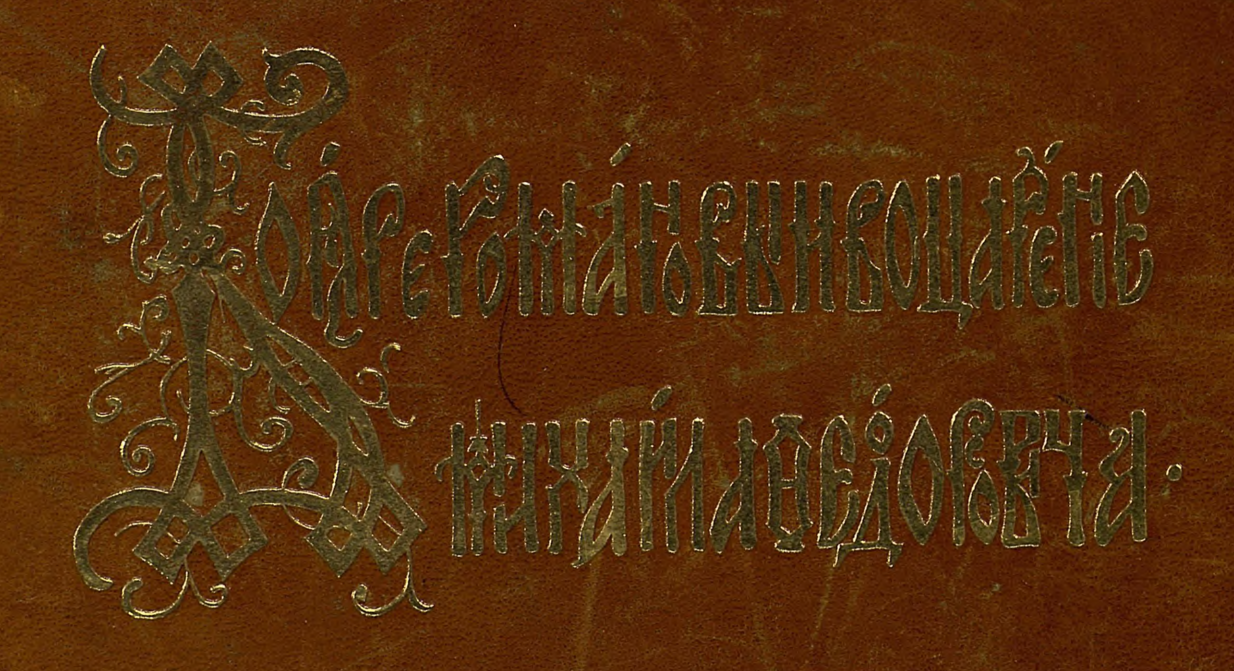

Бояре Романовы и воцаренїе
Михаила Ѳедоровича

Его Сіятельства

Графа

Илларіона Ивановича

ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА.

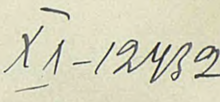
Николай

БОЯРЕ РОМАНОВЫ

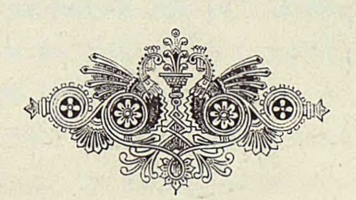
и воцаренie

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА

ИЗДАНIЕ
Комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія
Дома Романовыхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1913.

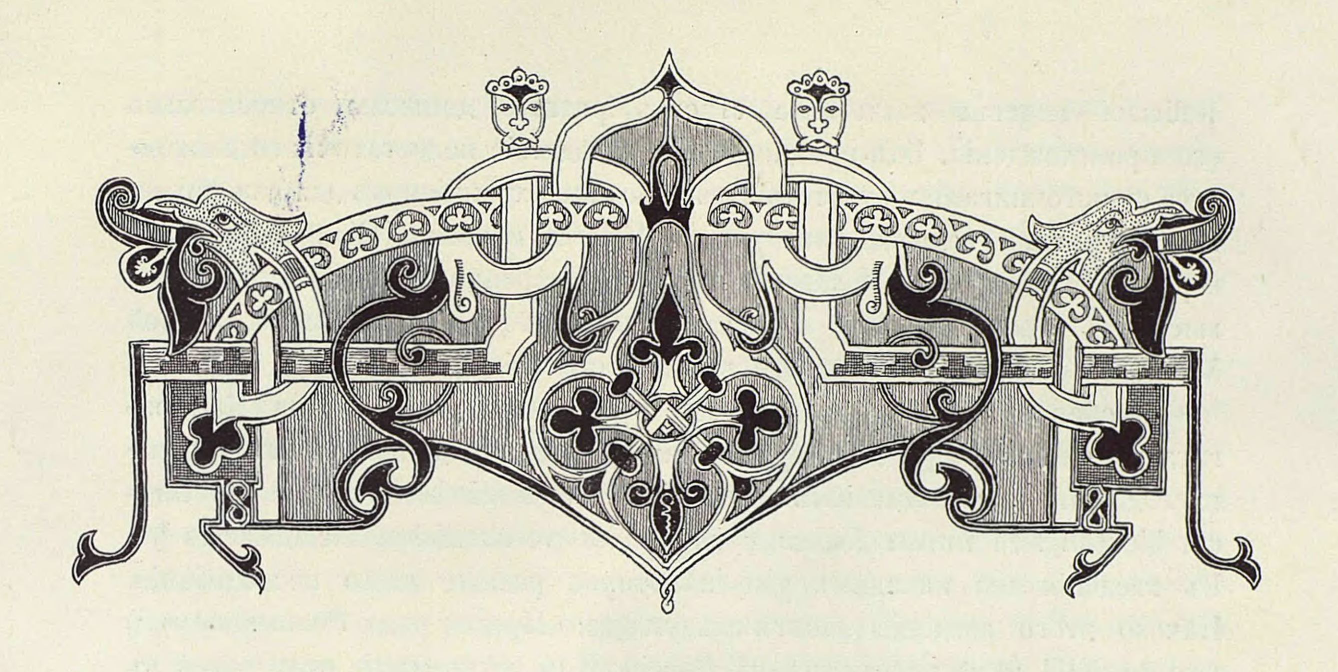
Текстъ и редакція книги—Магистра Ру́сской исторіи **П. Г. Васенко.**

Заставки, концовки, загл. буквы—Академика **Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго.**

Геліогравюра—**Р. Голике и А. Вильборга.** Клише—цинкографіи **«Уніонъ».**

Цвѣтные рисунки—фотоцинкографіи **С. М. Прокудина-Горскаго.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предки царицы Анастасіи—вѣрные слуги и помощники Московскихъ князей, собирателей Руси.

I.

ВЪ ЛѢТО 6855... князь великій Семенъ Ивановичь, внукъ Даниловъ, женился втретьи; взялъ за себя княжну Марью, дщерь великаго князя Александра Михаиловича Тверскаго; а ѣздилъ по неѣ во Тверь *Андрѣй Кобыла* да Алексѣй Босоволковъ» [1]).

Этимъ извѣстіемъ, отнесеннымъ лѣтописью къ 1347 году [2]), исчерпываются всѣ наши достовѣрныя свѣдѣнія о родоначальникѣ знаменитаго боярскаго рода, одному изъ представителей котораго волею судебъ предназначено было «воспріять» въ 1613 году «государства Московскаго царствія», создавшагося благодаря усиліямъ князей собирателей и ихъ вѣрныхъ слугъ и помощниковъ, исконныхъ Московскихъ бояръ, причемъ предки царя Михаила по праву занимали среди этихъ бояръ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Однако знатность многочисленнаго потомства Андрея

Кобылы издавна заставляла строить разные домыслы относительно его происхожденія. Эти предположенія вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ источниками и отсутствія выработанныхъ пріемовъ для ихъ изученія и критики казались авторамъ XVIII и начала XIX вѣка неопровержимой истиной и позволяли имъ съ увѣренностью повѣствовать о высокомъ происхожденіи отъ владѣтельныхъ чужестранныхъ князей Московскаго боярина, жившаго въ XIV столѣтіи.

Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи трудъ барона Кампенгаузена, чиновника русской службы, написавшаго въ началѣ XIX вѣка цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ Genealogisch-Chronologische Geschichte des Allerdurchlauchtigsten *Hauses Romanow* und seines vorälterlichen Stammhauses [3])». Въ введеніи мы находимъ уже нѣкоторое резюме всего изслѣдованія. Начало этого введенія гласитъ слѣдующее: «Предки рода ***Романовыхъ*** [4]) уже въ XIII вѣкѣ поселились въ Россіи и съ тѣхъ поръ отличались въ ней своей служебною дѣятельностью какъ въ военное, такъ и въ мирное время, занимая военныя и гражданскія важнѣйшія должности и духовныя высшія званія. Родъ этотъ, достигшій въ ***Рюрико-Романовской*** линіи Русскаго Царскаго Престола еще въ XVI вѣкѣ и занимающій его въ ***Романово-Рюриковской*** династіи, въ мужскомъ и женскомъ поколѣніяхъ съ 1613 г., т. е. въ теченіе 192 лѣтъ,—происходитъ ближайшимъ образомъ отъ ***Юрьевыхъ***, составлявшихъ вѣтвь ***Захарьиныхъ. Захарьины***, въ свою очередь, прямые потомки ***Кошкиныхъ***, а ***Кошкины*** происходятъ отъ ***Кобылиныхъ*** или ***Камбилиныхъ***. Отъ тѣхъ же ***Кобылиныхъ*** произошли весьма многія Русскія фамиліи, частью уже угасшія, частью доселѣ существующія. Родъ ***Камбилиныхъ***, однако, не коренной Русскій, а ***Прусско-Литовско-Самогитскій***, происходящій отъ древнихъ царей, князей, или державцевъ, прежнихъ обитателей показанныхъ выше странъ» [5]). Далѣе слѣдуетъ изложеніе содержанія всего труда, а затѣмъ первую часть своихъ изысканій Кампенгаузенъ открываетъ такими утвержденіями: «Первый водворившійся въ Россіи родоначальникъ прародительскаго рода ***Романовыхъ*** былъ Пруссо-Самогитскій князь, или державецъ по имени ***Гландалъ*** (или ***Гланда***) ***Камбила Дивоновичъ***, происходившій отъ древнѣйшихъ языческихъ Пруссо-Литовско-Самогитскихъ царей, князей или державцевъ. Изгнанный изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ ***Самогитіи*** и ***Судавіи*** Нѣмецкимъ Рыцарскимъ Орденомъ, порабощавшимъ Прусскія земли, онъ въ послѣдней четверти XIII вѣка бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ Россію. Здѣсь, въ

1287 году, онъ былъ крещенъ съ именемъ Іоанна, какъ все это будетъ подробнѣе изложено въ послѣдующей специальной генеалогической исторіи. Вышеупомянутый его сынъ, названный въ Россіи ***Андреемъ Ивановичемъ Камбилою*** (а искаженно ***Кабыла*** или ***Кобыла***) оставилъ послѣ себя многочисленное потомство, которое по прозвищамъ его и его отца получило названіе рода ***Кабылиныхъ*** или ***Кобылиныхъ***» [6]).

Если отъ этихъ утвержденій обратиться къ доказательствамъ ихъ, помѣщеннымъ во второй части труда [7]) Кампенгаузена, то мы увидимъ странное на первый взглядъ, но иногда встрѣчаемое у изслѣдователей сочетаніе критическаго чутья съ способностью строить малообоснованныя догадки и считать ихъ неопровержимыми. Кампенгаузенъ очень мѣтко критикуетъ заблужденія своихъ предшественниковъ, съ которыми намъ предстоитъ еще познакомиться, баснословящихъ о короляхъ Прутено и Воійдеводѣ и т. д., но свои утвержденія о Гландалѣ Камбилѣ и его сынѣ основываетъ на довѣріи къ изысканіямъ критикуемыхъ имъ лицъ. Онъ говоритъ: «Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по симъ вопросамъ сходство показаній, которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ,—дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландалъ) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго рода Романовыхъ, но что онъ былъ и выходцемъ изъ Самогитіи и сосѣдней съ нею Зюдъ-ауеръ-ляндіи; былъ въ этихъ странахъ державцемъ» [8]). Вслѣдъ затѣмъ Кампенгаузенъ распространяется на тему о томъ, что преданію «нельзя не придавать вѣры особенно въ области генеалогическихъ данныхъ» [9]), и исключительно на преданіи, не подтверждаемомъ, а скорѣе опровергаемомъ изысканіями автора, приходитъ къ вышеприведеннымъ утвержденіямъ [10]). При этомъ ему не приходитъ въ голову провѣрить показанія «достовѣрнѣйшихъ лѣтописей» и подлинность разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріаловъ и актовъ, а безъ такой повѣрки нельзя дѣлать и никакихъ прочно обоснованныхъ заключеній. Благодаря такимъ свойствамъ изысканій Кампенгаузена, мы не можемъ опереться на ихъ результаты относительно происхожденія Андрея Кобылы.

Минуя затѣмъ нѣсколько трудовъ XVIII вѣка, авторы которыхъ болѣе или менѣе бездоказательно разсказываютъ о предкахъ родоначальника Романовыхъ [11]), познакомимся съ любопытнымъ произведеніемъ герольдмейстера петровскихъ временъ Ст. Андр. Колычева, который составилъ въ 1722 году записку подъ заглавіемъ: «Исторіографія, вкратцѣ собранная

изъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ» [12]). Въ этой запискѣ Колычевъ повѣствуетъ о Прусскомъ королѣ Прутено, который въ 373 году по Р. Х. «для старости своей, отдалъ въ вѣчное обладательство свое королевство брату своему Вейдевуту» [13]). Одинъ изъ потомковъ сына Вейдевута, Недрона, Гландосъ Камбила въ 1280 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году помянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича, поколѣніе свое линейно производящій, самъ пріиде къ Московскому великому князю Даниле Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ всуе творятъ Латынники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарещи иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ граматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отмѣняли, недописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню посему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кабыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры» [14]).

Этотъ разсказъ, да и вообще все изслѣдованіе Колычева, основанное на показаніяхъ писателей позднихъ и склонныхъ къ смѣлымъ догадкамъ, изобилуетъ явнымъ баснословіемъ [15]). Поэтому и свѣдѣнія о Камбиліонѣ, въ немъ сообщаемыя, не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Правда, случаи искаженія иностранныхъ названій и русификація ихъ общеизвѣстны. Вспомнимъ, хотя бы «Стекольный» вмѣсто Стокгольмъ. Но не менѣе извѣстны и обратные примѣры творчества книжниками разныхъ миѳическихъ лицъ для объясненія географическихъ названій и т. д. Такъ, въ Хронографѣ редакціи 1512 года сообщается о томъ, какъ нѣкій царь «Вузъ» «сотвори Византію... и роди... дщерь и нарече Византія» [16]). Но книжники не удовольствовались созданіемъ «Вуза». Они стали разсказывать, что «Визъ... роди... дщерь, нарече имя ей Антія; и созда градъ... и нарече имя граду тому во имя дщере своея и въ свое, Византія» [17]). Мы встрѣтимся еще съ подобной книжной легендой, когда будемъ говорить о пресловутомъ Прусѣ, братѣ Римскаго Кесаря Августа. Поэтому ограничимся здѣсь указаніемъ, что слово «Кобыла» можно съ неменьшимъ правомъ счесть прозвищемъ, на какія такъ падокъ и до сихъ поръ русскій народъ. Прозвища многихъ членовъ рода Андрея Кобылы и цѣлый рядъ

русскихъ фамилій даютъ намъ яркіе примѣры этой склонности, встрѣчаемой и у другихъ національностей [18]). На основаніи приведенныхъ соображеній позволительно усомниться въ существованіи Гланды Камбиліона, Дивонова сына [19]).

Можетъ впрочемъ показаться, что нами не принято во вниманіе слѣдующее обстоятельство: Колычовъ принадлежалъ къ потомству Андрея Кобылы и могъ руководиться семейными преданіями. Однако обратившись къ показаніямъ другого представителя этого же рода и притомъ жившаго въ болѣе раннее время, мы не находимъ уже имени Гланды Камбиліона. Мы разумѣемъ здѣсь начало поколѣнной росписи Шереметевыхъ, составленной бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ и за собственоручной подписью представленной имъ 23-го мая 1686 года въ Разрядъ. Вотъ это начало: «Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла: Пріѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Θедоръ Андреевичъ» [20]). Эту роспись Шереметевъ подалъ въ Разрядъ для офиціальнаго пополненія и исправленія старой родословной книги. Плодомъ этого пополненія явилась знаменитая Бархатная книга [21]). Въ интересахъ Шереметева было сообщить о своихъ предкахъ какъ можно болѣе полныя свѣдѣнія, при чемъ скорѣе можно было бы ожидать упоминанія о какомъ нибудь миѳическомъ родоначальникѣ, чѣмъ пропускъ имени дѣйствительнаго пращура [22]). Отсюда ясно, что названный бояринъ не зналъ никакого Гланды Камбилы, Дивонова сына [23]). Зато и Шереметевъ сообщаетъ о владѣтельномъ происхожденіи Кобылы и о выѣздѣ его изъ «Пруссъ». Когда возникли эти преданія?

Идя въ глубь временъ, видимъ, что не только въ серединѣ XVII столѣтія, но и въ концѣ XVI вѣка были увѣрены въ истинности второго факта. Такъ въ челобитной одного изъ потомковъ Шевляги, который по родословнымъ былъ роднымъ братомъ Андрея Кобылы, поданной въ 1643 году на окольничаго князя Θ. Θ. Волконскаго, сказано « . . а нашъ, государь, холопей твоихъ родъ пошелъ отъ прародителя нашего отъ Θедора Ивановича отъ Шевляги. Какъ онъ выѣхалъ ис Прус . . . . » [24]). Подобно этому и въ родословной конца XVI и начала XVII-го вѣка отмѣчается: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы, выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ... [25]). Въ приведенныхъ случаяхъ не упоминается о властительскомъ происхожденіи Андрея Кобылы. Однако преданіе объ этомъ существовало уже въ XVI вѣкѣ. Это видно изъ словъ Курбскаго объ Іоаннѣ IV:

«Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, такоже мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ» [26].

Слова Курбскаго очень любопытны. Они, какъ отмѣчено выше, показываютъ, что уже въ XVI вѣкѣ преданіе о властительномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако имя Михаилъ указываетъ или на болѣе отдаленнаго предка рода Романовыхъ, или на то, что преданіе о его высокомъ званіи явилось поздно и искажаетъ факты. Кромѣ того Курбскій говоритъ, что Михаилъ былъ «съ роду княжатъ Решскихъ». По справедливому объясненію Устрялова Решскій значитъ имперскій [27]). А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо относить къ позднему времени. Во всякомъ случаѣ можно думать, что мысль о властительскомъ происхожденіи Андрея Ивановича не была въ ходу въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, мѣстничаясь въ 1500 году съ княземъ Даніиломъ Щенятемъ, бояринъ Юрій Захарьичъ Кошкинъ не ссылался на свое происхожденіе отъ владѣтельнаго князя, что ему было бы очень выгодно сдѣлать [28]). Да и о Пруссіи, отечествѣ своихъ предковъ, онъ не вспомнилъ.

Считая такимъ образомъ преданіе о властительскомъ и о иноземномъ происхожденіи боярина Андрея Кобылы возникшимъ поздно и внушающимъ большія и основательныя сомнѣнія [29]), мы должны отвѣтить на два вопроса: 1) что было причиной возникновенія подобнаго преданія, 2) что дало поводъ вести родъ Андрея Ивановича изъ Пруссіи.

Относительно перваго вопроса отвѣтъ подсказывается хотя бы только что приведеннымъ мѣстническимъ случаемъ. Потомки удѣльныхъ и великихъ князей, ставши слугами Московскихъ государей «заѣзжали» прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты. Они несомнѣнно кололи имъ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ и всячески старались ихъ оттѣснить на задній планъ. Трудно было держаться старымъ слугамъ Московскаго Князя, и вотъ надо было опереться на какое-нибудь преданіе, которое могло бы возвысить ихъ въ глазахъ аристократически настроенныхъ новыхъ сотоварищей и соперниковъ и поставить нетитулованную знать на одинъ уровень съ титулованной. Воспоминанія о давней близости фамиліи къ Московскимъ князьямъ, о постоянной знатности предковъ, невольно наводили мысль на гордыя преданія. Притомъ вести себя отъ туземныхъ князей не было возможности и приходилось прибѣгнуть къ предположенію

о выѣздѣ предковъ изъ чужихъ земель [30]); на это наталкивали дѣйствительные случаи выѣзда знатныхъ чужестранцевъ въ Москву въ XV и XVI вѣкахъ, не говоря уже о многихъ русскихъ людяхъ, являвшихся изъ другихъ княжествъ и земель служить великому Князю Московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовѣстно повѣрить въ существованіе какого-нибудь «свѣтлаго и нарочитаго» выѣзжаго предка. Въ результатѣ получилось любопытное явленіе: почти всѣ не княжескіе дворянскіе роды въ Россіи повели свое начало отъ заѣзжихъ выходцевъ [31]). При этомъ многіе знатныя фамиліи вели себя изъ нѣмцевъ въ частности «изъ Пруссъ» [32]).

Такое предпочтеніе Пруссіи имѣло свое основаніе. Познакомимся съ нимъ. Для этого надо вспомнить, что послѣднія десятилѣтія XV вѣка были началомъ нашей политической самостоятельности и большого внѣшняго могущества. Московскій великій князь благодаря усиліямъ своихъ предковъ и своимъ собственнымъ усиліямъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ освободилъ свою страну отъ нѣкогда грознаго татарскаго ига; соединилъ въ своихъ рукахъ обладаніе почти всей сѣверовосточной Русью и къ народной радости и гордости съ большимъ основаніемъ могъ назвать себя государемъ и самодержцемъ всея Руси. Впереди открывались еще болѣе широкія перспективы: окончательное объединеніе русской земли, покореніе татарскихъ ханствъ, стремленіе къ берегамъ Балтійскаго моря, принятіе царскаго титула. Но и къ концу 1400-хъ годовъ русскій великій князь поднялся на головокружительную высоту. Паденіе Византіи дѣлало его политическимъ главою и покровителемъ православія. Естественно поэтому получила большую извѣстность и распространеніе горделивая теорія о Москвѣ—третьемъ и послѣднемъ Римѣ, выраженная въ краткой формулѣ: «два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти».

Гордыя притязанія государей и народа на міровую роль Руси, имѣвшія исторически-жизненное основаніе, хотѣлось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображеніями. Бракъ московскаго великаго князя и греческой царевны Софіи Палеологъ давалъ, правда, первому извѣстное право считать себя преемникомъ Византійскихъ или Восточноримскихъ императоровъ. Но хотѣлось большаго, хотѣлось независимо отъ грековъ явиться законными наслѣдниками ихъ міроваго значенія. Тогда, какъ справедливо отмѣтилъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ [33]), «оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отно-

шеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы». Тогда то и возникла легенда о Прусѣ, братѣ «Кесаря Августа», который «разряди вселенную братіи своей»... При этомъ «сему Прусу тогда поручено бысть властодержство въ березехъ Вислы реки, градъ Мадборокъ и Торунъ и Хвойница и преславый Гданескъ и ины многи грады по реку глаголемую Нѣмонъ, впадшую въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса сѣмени бяше» «Рюрикъ и братія его; и егда еще живяху за моремъ, и тогда Варяги именовахуся и изъ заморія имяху дань на Чюди и на Славенехъ и на Кривичахъ» [34]). Не трудно понять, почему Пруссія была сочтена родиной Рюрика. Лѣтопись говорила о племени Руси, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и имѣвшемъ князьями Рюрика съ братіею. Созвучіе слова Русь (Руссія) и Пруссія дѣлало для людей XV и XVI вѣка, плохихъ филологовъ, не знавшихъ, что подобная этимологія невозможна, отожествленіе ихъ вполнѣ правильнымъ и заманчивымъ. Представленіе о древнемъ Римѣ, какъ всемірной монархіи, позволяло считать Августа властителемъ и Пруссіи, а распространенный тогда взглядъ на государство, какъ на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводилъ на мысль о раздѣлѣ Римской имперіи Кесаремъ Августомъ въ пользу императорской родни. О томъ, что названіе страны дало имя и миѳическому родоначальнику Пруссіи, Прусу, можно было бы и не упоминать.

Легенда о Прусѣ, измышленная, по предположенію Жданова, знаменитымъ писателемъ XV вѣка, Пахоміемъ, выходцемъ изъ югославянскихъ земель [35]), а, быть можетъ, скажемъ мы, и другимъ досужимъ книжникомъ, отвѣчала помысламъ русскихъ великихъ князей и горделивымъ чаяніямъ русскаго народа. Поэтому она пользовалась большимъ почетомъ въ нашей древней писменности [36]) и заслужила полное признаніе и довѣріе со стороны государей и ихъ подданныхъ. Царь Иванъ вполнѣ ей довѣрялъ, вѣрили и русскіе люди XVI—XVII вѣковъ [37]). Какъ соблазнительно и заманчиво, какъ просто и естественно было вывести изъ Пруссіи и себя стародавнимъ слугамъ и помощникамъ московскихъ великихъ князей! Какъ легко повѣрить тому, чему хочется вѣрить!

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы лично всецѣло готовы примкнуть къ мысли Н. П. Петрова о туземномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы. Но не можемъ вполнѣ согласиться съ поч-

теннымъ авторомъ относительно его дальнѣйшихъ выводовъ. Н. П. Петрову все дѣло представляется въ такомъ видѣ. Андрей Ивановичъ Кобыла былъ внукомъ знаменитаго боярина XIII—XIV вѣковъ Іакинѳа Великаго и происходилъ изъ Новгорода, гдѣ была Прусская улица, около которой удалось обнаружить существованіе въ прежнее время Кобыльяго проѣзда и Кобыльей улицы [38]). Но родословныя потомковъ Іакинѳа, извѣстныхъ московскихъ бояръ Челядниныхъ и Бутурлиныхъ, молчатъ о такомъ родствѣ, и мы ничѣмъ не можемъ провѣрить предположеній Н. П. Петрова, высказанныхъ имъ очень рѣзко и утвердительно. Затѣмъ, не отрицая возможности новгородскаго происхожденія предка династіи Романовыхъ, не можемъ не указать, что обозначеніе улицы, гдѣ жилъ въ Новгородѣ этотъ предокъ, въ качествѣ мѣстности, откуда онъ появился въ Москвѣ, было бы чрезвычайно страннымъ и необычнымъ. Мы скорѣе допустили бы, что нѣкоторое смутное семейное преданіе о Прусской улицѣ, какъ мѣстожительствѣ Андрея Кобылы, могло еще болѣе натолкнуть его отдаленныхъ потомковъ XVI вѣка на мысль о Прусской землѣ, какъ его прежнемъ отечествѣ. Во всякомъ случаѣ новгородское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько нибудь твердо нельзя. Это осталось до сихъ въ области предположеній.

Какъ на болѣе или менѣе вѣроятныя догадки мы смотримъ и на результаты интересныхъ изысканій Г. С. Ш., обнародованные имъ въ статьѣ «Князь Аѳанасій Даниловичъ, сынъ князя Даніила Александровича Московскаго» [39]). Осторожный авторъ не высказываетъ прямо и положительно своихъ выводовъ, а дѣлаетъ рядъ сопоставленій и намековъ, предоставляя читателю самому придти къ извѣстнымъ заключеніямъ. Если попытаться создать изъ этихъ намековъ цѣлую картину, то она нарисуется въ такихъ, приблизительно, очертаніяхъ. Въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ жилъ знатный мужъ Иванъ (Ивонъ), котораго Г. С. Ш., повидимому, склоненъ считать выходцемъ изъ Пруссіи. Князь Дмитрій Александровичъ и Новгородцы отдали около 1265 года этому Ивану Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ. У Ивана были дѣти: Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Аѳанасія Даниловича, брата Калиты. Князь этотъ жилъ въ Новгородѣ и былъ тамъ любимъ народомъ. Благодаря родственнымъ связямъ съ домомъ князя Даніила Московскаго Андрей Кобыла и ѣздилъ въ 1347 году посломъ за великой княгиней Маріей [40]).

Такая картина несмотря на всю ея заманчивость и остроумныя сближенія, сдѣланныя ея авторомъ, очень проблематична. Нельзя сказать,

что она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но ничѣмъ нельзя доказать и обратнаго утвержденія. Поэтому остается повторить, что объ Андреѣ Кобылѣ мы имѣемъ одно только достовѣрное извѣстіе, приведенное въ началѣ настоящей главы. Изъ этого извѣстія можно сдѣлать только одинъ совершенно прочный выводъ. Андрей Кобыла былъ близкимъ и знаменитымъ слугой-бояриномъ великаго князя Симеона Гордаго. А такъ какъ близость и довѣріе пріобрѣтаются и въ особенности пріобрѣтались въ тѣ времена годами долгой и вѣрной службы, то возможно съ большой увѣренностью допустить предположеніе о томъ, что Андрей Ивановичъ служилъ уже первому собирателю русской земли. Во всякомъ случаѣ съ династіей Калиты родъ Андрея Кобылы былъ связанъ еще въ стародавнія времена, когда возвышеніе Москвы было дѣломъ будущаго, а мысль о томъ, что «Богъ перемѣнитъ Орду» была смѣлой и отрадной мечтой.

II.

Изъ родословцевъ извѣстно, что «у Андрея Ивановича у Кобылы» было «5 сыновъ. 1-й Семенъ Жеребецъ; 2-й Александръ Елка, 3-й Василій Вантей бездѣтенъ, 4-й Гаврило Гавша, 5-й Ѳедоръ Кошка» [41]). Изъ этихъ сыновей отмѣтимъ прежде всего Александра Елку, родоначальника знаменитаго и многочисленнаго рода бояръ Колычевыхъ. Однако точныхъ свѣдѣній о дѣятельности и жизни его и его братьевъ: Семена, Василія, Гаврилы у насъ нѣтъ. За то младшій сынъ Андрея Ивановича, Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, былъ замѣтнымъ человѣкомъ своего времени и выдающимся бояриномъ своего государя, знаменитаго Дмитрія Донскаго. Быть можетъ, онъ былъ послухомъ при составленіи Донскимъ первой его духовной, написанной въ 1371 году, оберегалъ Москву въ 1380 году во времена Мамаева нашествія на Русь, «вытягалъ» въ пользу своего государя «Товъ и Медынь у Смольнянъ» [42]). Нельзя, впрочемъ, утверждать положительно участія Кошки ни въ одномъ изъ названныхъ событій: у Донского было два боярина Ѳедора Андреевича: Свиблъ и Кошка. При способѣ нашихъ древнихъ источниковъ обозначать людей въ большинствѣ случаевъ только по имени и отечеству трудно бываетъ установить съ точностью, кого именно они разумѣютъ. Оба они подписались на второй духовной князя Дмитрія Ивановича [43]). Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью думать, что вся жизнь боярина Кошки протекла на службѣ Московскимъ князьямъ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ

бояръ, которые въ малолѣтство Донского вмѣстѣ со св. митрополитомъ Алексѣемъ оберегли интересы своего князя и русской земли, и съ полнымъ правомъ слушалъ знаменательныя слова умирающаго героя Куликовской битвы, обращенныя имъ къ собравшимся къ нему близкимъ совѣтникамъ и слугамъ: «Родихся передъ вами и при васъ возрастохъ и съ вами царствовахъ. Землю Россійскую держахъ.... И мужествовахъ съ вами на многи страны и противнымъ страшенъ бывъ во бранехъ и поганыя низложихъ Божіею помощію и враги покорихъ. Великое Княженіе свое вельми укрѣпихъ, миръ и тишину земли Русьстей сотворихъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, еже ми предалъ Богъ и родителіе мои. И вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами грады держахъ и великія власти, и чада ваша любихъ, и никому же зла не сотворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни избечествовахъ, но всѣхъ любихъ и въ чести держахъ. И веселихся съ вами, съ вами и поскорбѣхъ. Вы не нарекостеся у меня бояре, но князи земьли моеї» [44]).

До сихъ поръ намъ удалось отмѣтить только одинъ прочно установленный фактъ изъ жизни Ѳеодора Андреевича Кошки. Но мы имѣемъ еще одно драгоцѣннѣйшее свидѣтельство объ этомъ бояринѣ, вѣрнѣе объ его значеніи при Московскихъ государяхъ. Въ 1409 году послѣ извѣстнаго нашествія на Русь Эдигея, этотъ ординскій князь прислалъ грамоту великому князю Василію Дмитріевичу и въ ней между прочимъ писалъ: «Добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла были къ Орде отъ Ѳедора отъ Кошки—добрый былъ человѣкъ,—которые добрые дела ординскіѣ, то и тобѣ воспоминалъ, и то ся минуло» [45]). Эти слова ясно указываютъ, какимъ вліяніемъ пользовался въ Москвѣ умный и осторожный бояринъ. О вліятельности Кошки можно заключить изъ того, что въ 1393 году онъ ѣздилъ во главѣ посольства въ Великій Новгородъ и для подкрѣпленія мирнаго докончанія съ Новгородцами и вернулся домой съ полнымъ успѣхомъ [46]). Съ первостепеннымъ Московскимъ бояриномъ вступилъ въ свойство даже самъ великій князь Тверской, женившій одного изъ своихъ сыновей на дочери Ѳеодора Андреевича, Аннѣ [47]).

Изъ сыновей Кошки, умершаго или постригшагося въ монахи не позже 1405 года [48]), извѣстны особенно Иванъ, Ѳеодоръ Голтяй, Александръ Беззубецъ. Внукъ послѣдняго, Андрей Шереметъ, сталъ родоначальникомъ стариннаго и знаменитаго рода бояръ Шереметевыхъ, процвѣтающаго до нашихъ дней въ двухъ вѣтвяхъ: графской и нетитулованной. Еще болѣе славная судьба выпала на долю боярамъ Романовымъ, прямымъ

потомкамъ боярина Ивана Θеодоровича. Подписавшись въ 1406 году въ числѣ 7-ми бояръ на духовной великаго князя Василія Дмитріевича [49]), онъ былъ казначеемъ и любимцемъ этого государя, о чемъ мы имѣемъ упоминаніе въ уже извѣстномъ намъ письмѣ Эдигея. Разсерженный перемѣной политики Московскихъ князей относительно Орды, этотъ татарскій князь вспоминалъ добрыя, по его мнѣнію, времена вліянія Θедора Кошки и жаловался: «а нынѣ у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина, и ты нынѣ ис того слова, ис того думы не выступаешъ. Ино того думою учинилась твоему улусу пакость. Крѣстьянѣ изгибли, и тыбъ опять тако не дѣлалъ, а молодыхъ нѣ слушалъ» [50]).

Наставленія и жалобы Эдигея рисуютъ намъ людей двухъ поколѣній и темпераментовъ и даютъ намъ понять, какъ измѣнилось настроеніе въ Москвѣ къ XV вѣку. Θеодоръ Кошка представляется намъ дипломатичнымъ политикомъ. Подобно первымъ князьямъ собирателямъ онъ умѣлъ таить свои личныя чувства къ татарамъ, притворяться расположеннымъ къ Ордѣ, пожалуй и заискивать передъ ней. Иванъ Θеодоровичъ пережилъ въ юности впечатлѣнія Куликовской битвы и подъема, съ ней связаннаго. Смѣлый и отважный, онъ полагалъ, что для русскихъ настала пора стряхнуть съ себя иго, и хотя ошибся въ этомъ, однако, не потерялъ расположенія своего государя. По крайней мѣрѣ онъ подписался на 2-хъ духовныхъ великаго князя Василія Дмитріевича, писанныхъ въ 1423 и 1424 годахъ, при чемъ оба раза занималъ четвертое мѣсто среди бояръ [51]).

О сыновьяхъ Ивана Θеодоровича Кошкина исторіи извѣстно очень мало. Подпись одного изъ нихъ, боярина Θеодора Ивановича, мы находимъ на 2-й и 3-й духовной великаго князя Василія Дмитріевича [52]). О дѣятельности другихъ не сохранилось даже и такихъ скудныхъ указаній. За то мы имѣемъ любопытный лѣтописный разсказъ, связанный съ именемъ наиболѣе интересующаго насъ сына Ивана Θеодоровича, боярина Захарія Ивановича Кошкина, прадѣда царицы Анастасіи и царскаго шурина Никиты Романовича. «Въ лѣто 6940»,—гласитъ это повѣствованіе,—«во осени, князь великій обручалъ за себя княжну Марію, дщерь Ярославлю, а внуку Марьи Голтяевы...... Въ лѣто 6941. Князь великій Василей Васильевичъ женился на Москвѣ, по Крещеніи въ мясоѣдъ великій, понялъ дщерь князя Ярослава Володимеровича именемъ Марію, и на той свадьбѣ Захарья Ивановичъ Кошкинъ имался за поясъ у князя у Василья у Юрьевича у Косого» [53]). Въ другой лѣтописи приведены и слова Захарья Ивановича: «тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою» [54]).

Если вѣрить этому разсказу [55]), то вскроются любопытныя отношенія того времени, указывающія на большую близость Захарья Ивановича Кошкина къ великому князю и вспыльчивость его. Онъ рѣшился оскорбить двоюродного брата своего государя. Это можетъ быть объяснено и тѣмъ, что самъ Кошкинъ былъ двоюроднымъ дядей невѣсты: ея мать Марія Θеодоровна Голтяева, по мужу княгиня Мало-Ярославецкая и Городецкая, была двоюродной сестрой названнаго боярина. Во всякомъ случаѣ великая княгиня Софья Витофтовна, мать Великаго Князя Василія Васильевича, приказала снять поясъ съ Василія Косого, и междуусобная война между двоюродными братьями-князьями, не задолго передъ тѣмъ прекратившаяся, вспыхнула съ новой силой [56]).

Съ именемъ Захарія Ивановича связываютъ иногда и участіе въ войнѣ съ Литвой, бывшей въ 1445 году [57]). Однако такое указаніе основано на недоразумѣніи, выясненномъ покойнымъ С. М. Соловьевымъ. Захарій Ивановичъ Кошкинъ, воевавшій, какъ это видно и изъ лѣтописи, тогда противъ Москвы, принадлежалъ къ числу смоленскихъ бояръ [58]). Такимъ образомъ судьба московскаго боярина Захарія Ивановича намъ остается неизвѣстной, хотя можно съ увѣренностью думать, что онъ, по свойству съ великимъ княземъ и заслугамъ своихъ предковъ, былъ хорошо поставленъ въ служебномъ отношеніи при дворѣ московскаго государя, несмотря на появленіе въ Москвѣ новаго боярскаго элемента, служебныхъ князей, довольно быстро выродившихся въ князей-бояръ.

Время великаго князя Василья Васильевича и его сына, знаменитаго Ивана III, представляется любопытной эпохой въ жизни московскаго государства и высшаго служилаго класса на Руси. Тогда зародилось то политическое противорѣчіе въ русской дѣйствительности XVI вѣка, которое было одной изъ важнѣйшихъ причинъ Смуты начала XVII столѣтія. Государь все болѣе и болѣе шелъ къ демократическому полновластію, пользуясь въ этомъ отношеніи сочувствіемъ народныхъ массъ. А высшая администрація принимала все болѣе и болѣе аристократическій характеръ. Прежніе московскіе бояре, хотя и бывшіе очень близкими къ великому князю людьми и вольными слугами его, всегда помнили свое мѣсто, основывая свое положеніе на службѣ государю, на заслугахъ предковъ и не ставя себя на одинаковый уровень съ властителемъ. Быстрое присоединеніе «удѣловъ», среди которыхъ были и великія княженія, къ Москвѣ заставляло прежнихъ ихъ государей поступать на службу къ своему счастливому родственнику, на котораго они готовы были смотрѣть, какъ

на равнаго себѣ. Великій князь Московскій ласкалъ своихъ новыхъ слугъ: ему невыгодно было съ ними ссориться и лестно было себя ими окружить. Они, благодаря своему высокому происхожденію, систематически оттѣсняли прежнихъ слугъ Московскаго великаго князя, занимая всюду первыя мѣста. Внося въ высшую администрацію свои удѣльныя замашки, смотря на себя какъ на полноправныхъ участниковъ во власти, такіе князья-бояре склонны были «высокоумничать», что вело къ большимъ треніямъ между ними и Московскимъ государемъ и что, начавшись частными опалами при Иванѣ III, кончилось грозной опричниной, созданной его внукомъ.

Уже на первыхъ порахъ своего появленія при Московскомъ великокняжескомъ дворѣ князья-бояре стали «заѣзжать» старыхъ нетитулованныхъ бояръ [59]). Немногія фамиліи послѣднихъ удерживали не безъ труда свое прежнее положеніе, и въ числѣ этихъ немногихъ были Кошкины-Кобылины [60]). Эта борьба за вліяніе порождала взаимную нелюбовь между титулованной и нетитулованной знатью, и, хотя всѣ почти боярскія семьи, и княжескія и не княжескія, перероднились между собой, это не мѣшало ихъ взаимной враждѣ. Она таилась, пока Кошкины были, хотя и знатными, но рядовыми боярами, и обнаружилась тогда, когда потомки Ѳедора Андреевича Кошки Юрьевы-Захарьины [61]) стали царской родней. Въ такой атмосѳерѣ затаенной вражды пришлось дѣйствовать старшимъ сыновьямъ Захарья Ивановича, извѣстнымъ воеводамъ времени Ивана III, Якову и Юрью Захарьевичамъ.

III.

Историку, изслѣдующему древнюю Русь, бываетъ трудно и часто даже невозможно охарактеризовать сколько нибудь полно жизнь, дѣятельность и душевныя свойства ея героевъ, не говоря уже о болѣе скромныхъ, хотя и выдающихся дѣятеляхъ. И въ особенности время возвышенія Москвы съ трудомъ поддается изученію этой біографической стороны прошлаго нашей родины. Конецъ XV и XVI вѣкъ, тоже не обильные источниками, все же даютъ болѣе матеріала ихъ изслѣдователю. Поэтому и дѣятельность 2-хъ братьевъ Захарьичей намъ возможно будетъ прослѣдить, если и не съ достаточной, то все же съ большей полнотой, чѣмъ это удалось сдѣлать относительно ихъ предковъ. Правда, о раннихъ годахъ жизни хотя бы Якова Захарьича ничего неизвѣстно. Онъ становится замѣтнымъ человѣкомъ лишь съ 1480 года, въ которомъ

ему «сказано» было боярство [62]). Затѣмъ, почти до самой смерти Якова Захарьича, мы встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ выполнителемъ цѣлаго ряда отвѣтственныхъ службъ и порученій великихъ князей Ивана III и Василія III. Такъ не позже 1485 года этотъ бояринъ былъ назначенъ на очень трудный постъ новгородскаго намѣстника, откуда долженъ былъ во главѣ новгородской рати идти на занятіе Тверского княжества, которое впрочемъ было присоединено къ Москвѣ безъ кровопролитнаго столкновенія [63]). Когда Яковъ Захарьевичъ вернулся въ Новгородъ, ему предстояло выполнить тамъ великую задачу: надлежало по возможно скоро слить недавно покорившуюся область съ исконными московскими владѣніями. Для этого прежде всего было переселено изъ Новгорода нѣсколько десятковъ богатѣйшихъ людей [64]). Новгородцы отвѣтили въ 1588 году заговоромъ на жизнь намѣстника. Яковъ Захарьичъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгимъ и суровымъ. Какъ говоритъ лѣтопись, многихъ «думцовъ Яковъ пересѣкъ и перевѣшалъ». Послѣ этого, воспользовавшись благопріятнымъ поводомъ, Иванъ III вывелъ изъ Новгорода болѣе 7000 «житіихъ людей», а затѣмъ «тоя же зимы князь великы... переведя изъ Великаго Новгорода многихъ бояръ и знатныхъ людей и гостей, всѣхъ головъ больше 1000». Переселенцамъ были даны помѣстья въ Москвѣ и другихъ старинныхъ владѣніяхъ Ивана III. Вмѣсто же выведенныхъ новгородцевъ въ области Новгорода были поселены многіе московскіе лучшіе люди, гости и дѣти боярскія, какъ изъ столицы, такъ и изъ уѣздовъ [65]). Подобная мѣра, очень важная для скорѣйшаго подавленія сепарастическихъ стремленій, неминуемо очень сильныхъ въ Новгородѣ, была выполнена въ намѣстничество Якова Захарьича и притомъ, какъ видно изъ позднѣйшей исторіи новгородско-московскихъ отношеній, съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Не успѣло кончиться одно важное дѣло, порученное Якову Захарьичу, какъ возникло другое, требовавшее отъ него не меньшей энергіи и проницательности. Въ Новгородѣ проявилась и успѣла пустить корни опасная ересь жидовствующихъ. Раскрытая благодаря ревности архіепископа Генадія эта ересь подверглась осужденію осенью 1491 года на Московскомъ церковномъ соборѣ. Послѣ этого Генадію вмѣстѣ съ намѣстниками Яковомъ и Юріемъ Захарьичами было поручено разслѣдованіе виновныхъ и наказаніе ихъ. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ ересь покончила свое существованіе [66]). Послѣ этого Яковъ Захарьичъ еще нѣсколько лѣтъ намѣстничалъ въ Новгородѣ и въ исходѣ 1495 года водилъ новгородскія войска въ походъ противъ Швеціи [67]).

Побывавъ затѣмъ нѣкоторое время намѣстникомъ въ Костромѣ и во Владимірѣ [68]), Яковъ Захарьевичъ принялъ дѣятельное и выдающееся участіе въ войнѣ съ Литвой. Въ 1500 году, когда въ Москву прибыло посольство отъ князей, бывшихъ на службѣ у великаго Литовскаго Князя, съ просьбой принять ихъ съ вотчинами на службу Московскому государю, Иванъ III не упустилъ благопріятнаго случая. Онъ отправилъ противъ Литвы сильную рать, во главѣ которой былъ поставленъ Яковъ Захарьевичъ. Русскія войска подъ начальствомъ храбраго и искуснаго воеводы дѣйствовали очень удачно и взяли Брянскъ и Путивль [69]).

Дѣятельность энергичнаго намѣстника и полководца не прошла незамѣченной. Онъ занялъ ко дню смерти Ивана III одно изъ первыхъ мѣстъ среди московскихъ бояръ. Третьимъ Яковъ Захарьевичъ стоитъ въ спискѣ знатнѣйшихъ сановниковъ 1505 года, третьимъ изъ немногихъ виднѣйшихъ бояръ онъ подписался на духовной своего государя [70]). Когда на престолъ вступилъ Василій III, Яковъ Захарьевичъ продолжалъ служить съ не меньшею ревностью. Уже на склонѣ лѣтъ онъ снова ведетъ московскія рати противъ литовцевъ. Воеводы великаго князя дошли почти до Вильны, но послѣ прибытія сильныхъ непріятельскихъ войскъ принуждены были отступить къ Оршѣ, Смоленску и даже Брянску, гдѣ получили значительныя подкрѣпленія. Тогда Литовскій великій князь заключилъ перемиріе съ Москвой [71]). Участіе въ литовской войнѣ 1501—1509 годовъ было послѣдней службой Якова Захарьича. Въ 1510—1511 году престарѣлаго боярина не стало [72]).

Такова служебная дѣятельность выдающагося представителя рода Кошкиныхъ. Лаконическія извѣстія лѣтописей не даютъ намъ, къ сожалѣнію, возможности дать его характеристику съ желательной точностью и опредѣленностью. Все же можно сказать, что Яковъ Захарьичъ выдѣлялся своей энергіей, административными дарованіями и воинскими талантами. Распорядительный, находчивый и умѣлый онъ былъ равно на мѣстѣ, какъ на полѣ брани, такъ и при управленіи областями.

Братъ его, Юрій Захарьевичъ, младшій годами, позже выступилъ на служебное поприще и раньше покинулъ его, скончавшись въ 1503—1504 годахъ и пробывъ бояриномъ всего какихъ нибудь 11 лѣтъ [73]). Онъ былъ гораздо менѣе извѣстенъ, чѣмъ старшій братъ, съ которымъ вмѣстѣ былъ въ 1490-хъ, а, можетъ быть, и 1480-хъ, годахъ намѣстникомъ въ Новгородѣ [74]). Во время войны съ Литвой въ 1500 году Юрій Захарьевичъ предводительствовалъ Московской ратью и дѣйствовалъ очень успѣшно.

Ему удалось взять городъ Дорогобужъ. Тогда противъ Москвичей было отправлено сильное литовское войско, подъ главнымъ начальствомъ гетмана князя Константина Острожскаго. Въ свою очередь великій князь Иванъ III послалъ къ Юрью на помощь воеводу и боярина своего князя Данила Васильевича Щеня съ Тверскою силою. Князь Щеня и въ служебномъ отношеніи и по знатности происхожденія превосходилъ Юрья Захарьича, вслѣдствіе чего тотъ долженъ былъ удовольствоваться положеніемъ второстепеннаго воеводы и назначенъ былъ начальствовать сторожевымъ полкомъ. Это назначеніе разобидѣло гордаго побѣдителя, и онъ отказался, было, отъ предводительствованія войсками, донеся великому князю, что ему «въ сторожевомъ полку быти немочно: то мнѣ стеречи князя Данила». Строгій Иванъ III цѣнилъ людей. Онъ понималъ, что самолюбіе доровитаго человѣка, показавшаго недавно свой воинскій талантъ, нужно поберечь. Въ то же время великій князь умѣлъ постоять за интересы государства и оберечь достоинство своей власти. Онъ отправилъ князя К. Ушатаго гонцемъ къ Юрію Захарьичу, который долженъ былъ выслушать и упрекъ себѣ и урокъ государственной мудрости и въ то же время нѣкоторое утѣшеніе. «Гораздо ли такъ чинишь?»,—говорилъ именемъ Ивана III присланный къ строптивому боярину князь Ушатый,—«говоришь,тебѣ не пригоже стеречи князя Данила: меня и моего дѣла? Каковы воеводы въ большомъ полку, тако чинятъ и въ сторожевомъ: ино то не соромъ тебѣ» [75]).

Юрій Захарьевичъ смирился и вмѣстѣ съ княземъ Щенятемъ предводительствовалъ ратью въ знаменитой битвѣ на Митковѣ полѣ на рѣчкѣ Ведрошѣ 14-го іюня 1500 г. Литовцы были разбиты на голову, и самъ гетманъ попалъ въ плѣнъ. Въ столкновеніи съ княземъ Щенятемъ Юрій Захарьичъ выказалъ большое честолюбіе; впрочемъ, быть можетъ, онъ стоялъ здѣсь и за родовую честь. Дѣятельностью своей онъ доказалъ свою храбрость, воинское искусство, безпрекословнымъ повиновеніемъ волѣ Ивана III—исконную вѣрность своего рода князьямъ Московскимъ.

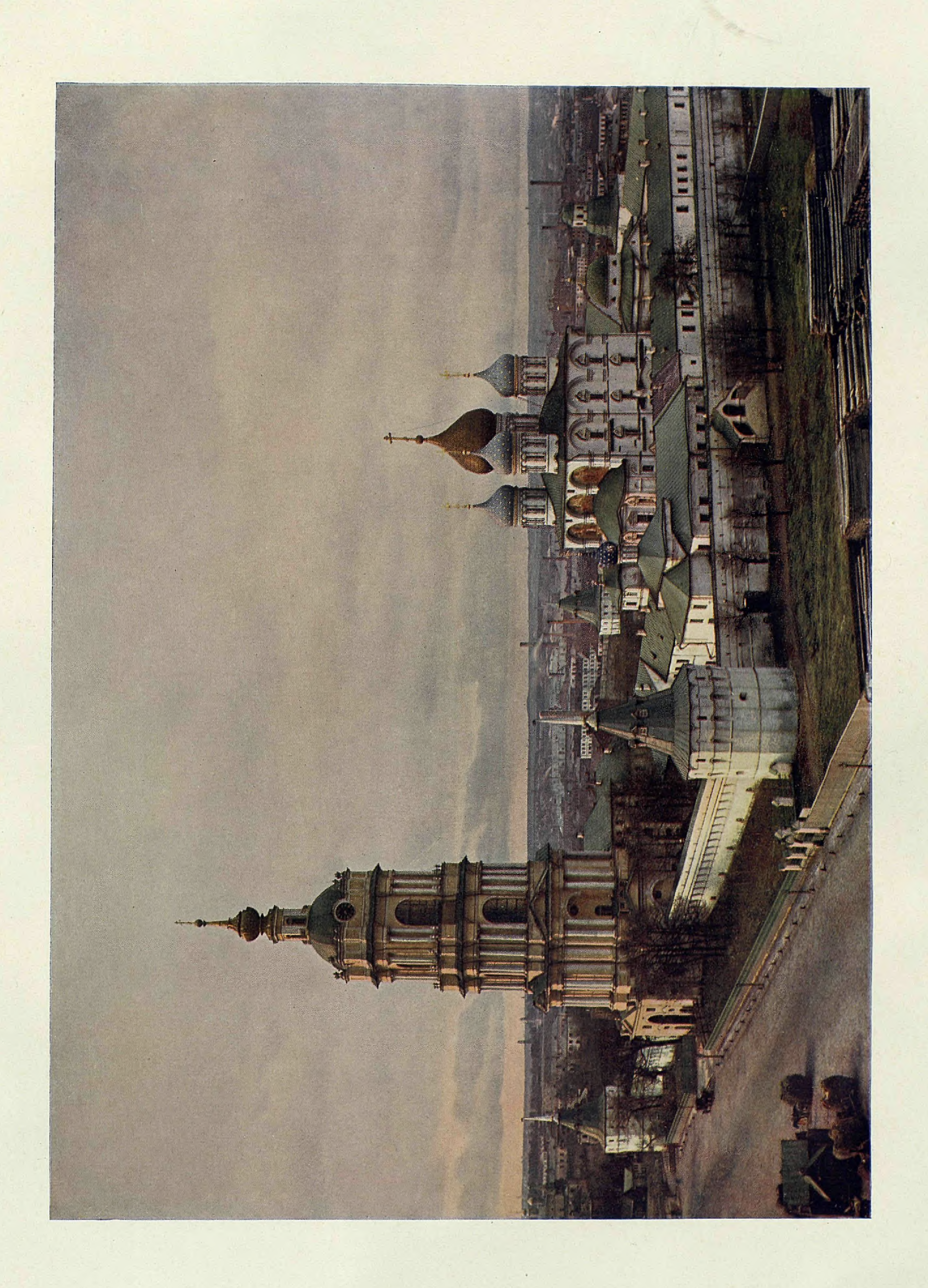
Этой преданностью своимъ Государямъ отличался и старшій изъ многочисленныхъ сыновей Юрія Захарьича, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, родной дядя царицы Анастасіи Романовны, дочери его брата, третьяго сына извѣстнаго побѣдителя литовцевъ. Отецъ первой супруги Грознаго, окольничій Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, намъ малоизвѣстенъ. Знаемъ только, что онъ былъ одно время воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ. Романъ Юрьевичъ былъ женатъ, имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, умеръ 12 февраля 1543 года и погребенъ въ Московскомъ Новоспас-

скомъ Монастырѣ [76]). Объ его знаменитомъ потомствѣ — рѣчь впереди. А служебная карьера Михаила Юрьевича можетъ быть прослѣжена нами довольно хорошо. Еще до полученія имъ званія окольничего Михаилъ Юрьевичъ выполняетъ дипломатическое порученіе въ Литвѣ. Затѣмъ служитъ воеводой подъ Смоленскомъ и въ Тулѣ. Въ 1513—1514 году ему сказанъ санъ Окольничего. Въ 1520—1521 годахъ Михаилъ Юрьевичъ, побывавшій передъ этимъ съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Казани, становится бояриномъ. Его служба продолжается. Мы встрѣчаемъ Михаила Юрьевича на походахъ противъ Крыма и Казани въ 1522 и 1524 годахъ [77]). Всѣ свои службы бояринъ Захарьинъ выполнялъ усердно и пользовался полною благосклонностью своего государя. Извѣстно, что Василій «не любилъ встрѣчи противъ себя». Не любилъ онъ и гордаго княжья, а предпочиталъ рѣшать всѣ государственныя дѣла, «запершись самъ третій у постели». Этотъ-то государь, очевидно, желавшій по возможности порвать съ традиціями удѣльныхъ временъ, очень жаловалъ Михаила Юрьевича и довѣрялъ ему. На второй свадьбѣ великаго князя названный бояринъ былъ вторымъ дружкой. Въ 1527 и 1528 годахъ Михаилъ Юрьевичъ ручался за нѣкоторыхъ опальныхъ бояръ или принималъ поручиковъ по нихъ [78]).

Расположеніе великаго князя Василія III къ вѣрному своему боярину вскрывается яснѣе всего изъ любопытнаго лѣтописнаго описанія предсмертной болѣзни и кончины этого государя. Какъ свидѣтельствуетъ интересующій насъ разсказъ [79]), великій князь Василій Ивановичъ захворалъ въ своемъ селѣ Озерецкомъ близъ Волоколамска осенью 1433 года, когда у него на ногѣ сдѣлалась какая-то злокачественная болячка (не карбункулъ ли?). Долго перемогался больной, скрывая свою болѣзнь отъ жены и братьевъ, но, наконецъ, поддался. Потихоньку отъ всѣхъ онъ послалъ за духовными грамотами своихъ дѣда и отца и «пусти въ думу къ себѣ къ духовнымъ грамотамъ... Ивана Юрьевича Шигону [80]) и діака своего Меншово Путятина и нача мыслити князь велики, кого пустити въ ту думу и приказати свой государевъ приказъ». Изъ близкихъ бояръ при немъ не было Михаила Юрьевича, который и былъ вызванъ къ умирающему государю. На общемъ совѣтѣ рѣшено было ѣхать къ Москвѣ, куда и перевезли 23 ноября больного великаго князя. Тогда же Василій III сталъ «думати з бояры, а тогда бысть у него бояръ князь Василій Васильевичъ Шуйской, Михайло Юрьевичъ, и дворецкой его Тверскій Иванъ Юрьевичъ Шигона и діаки его Меньшой Путятинъ да Θедоръ Мишюринъ». Съ этими ближайшими къ

Новоспасскій монастырь въ Москвѣ.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

нему лицами великій князь совѣтовался «о своемъ сыну о князѣ Иваннѣ и о своемъ великомъ княженіи и о своей духовной грамотѣ, понеже сынъ его еще младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертый, и како устроитися царству послѣ его». Затѣмъ по написаніи духовной Василій III обратился къ религіозному утѣшенію: дважды соборовался и причастился святыхъ таинъ, причемъ «вста самъ, мало же его попринялъ Михайло Юрьевичъ». Послѣ причастія великій князь призвалъ къ себѣ митрополита, своихъ братьевъ и всѣхъ бояръ, а также другихъ служилыхъ людей и торжественно объявилъ своимъ наслѣдникомъ малолѣтняго сына, Ивана IV. Онъ поспѣшилъ при этомъ напомнить своимъ братьямъ, которымъ, какъ видно изъ разсказа лѣтописи, не очень довѣрялъ [81]), объ ихъ крестномъ цѣлованіи, а къ остальнымъ присутствовавшимъ обратился съ слѣдующими словами: «а вы бы бояре и боярскіе дѣти и княжата, стояли вопчѣ, съ моимъ сыномъ и съ моею братіею противъ недруговъ, а служили бы есте моему сыну, какъ есте мнѣ служили прямо». Затѣмъ великій князь прибавилъ боярамъ: «вѣдаете и сами, что отъ великаго князя Володимера Кіевскаго ведется наше государство Владимерское, Новгородское и Московское; мы вамъ государи природженые, а вы наши извѣчные бояре; и вы, брате, стойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинилъся на государствѣ государь и чтобы была въ землѣ правда».

Между тѣмъ болѣзнь шла своимъ чередомъ, и хотя князь «болѣзни... не чюяше, а раны у него не прибываше, но токмо духъ отъ нея тяжекъ, идуще же изъ нея нежидъ смертный». Тогда великій князь Василій Ивановичъ призвалъ къ себѣ «князя Михаила Глиньскаго да Михаила Юрьевича и дохтуровъ своихъ», чтобы тѣ приложили къ болячкѣ такое средство, «чтобы отъ нея духу не было». «И нача ему говорити бояринъ его Михайло Юрьевичъ, тѣшачи государя: государь князь великій, чтобы водки нарядити и въ рану пущати и выжимати; ино, государь, видячи тебя, государя, такова истомна, чтобы государь, спустити съ [82]) день или съ два, чтобы было, государь, хотя мало болѣзни твоей облегченіе, ино бы тогда и водки спустити». Умирающій обратился къ одному изъ врачей и спросилъ: «мощно ли тобѣ, чтобы было облегченіе болѣзни моей». На отрицательный отвѣтъ опечаленнаго доктора Василій замѣтилъ окружающимъ: «братіе! Николай надо мною позналъ, что язъ не вашъ». Раздались рыданія стряпчихъ и дѣтей боярскихъ, заглушенныя «егодля» [83]).

Смерть приближалась къ московскому государю. Наканунѣ своей кончины онъ призвалъ къ себѣ кромѣ князя Михаила Глинскаго и

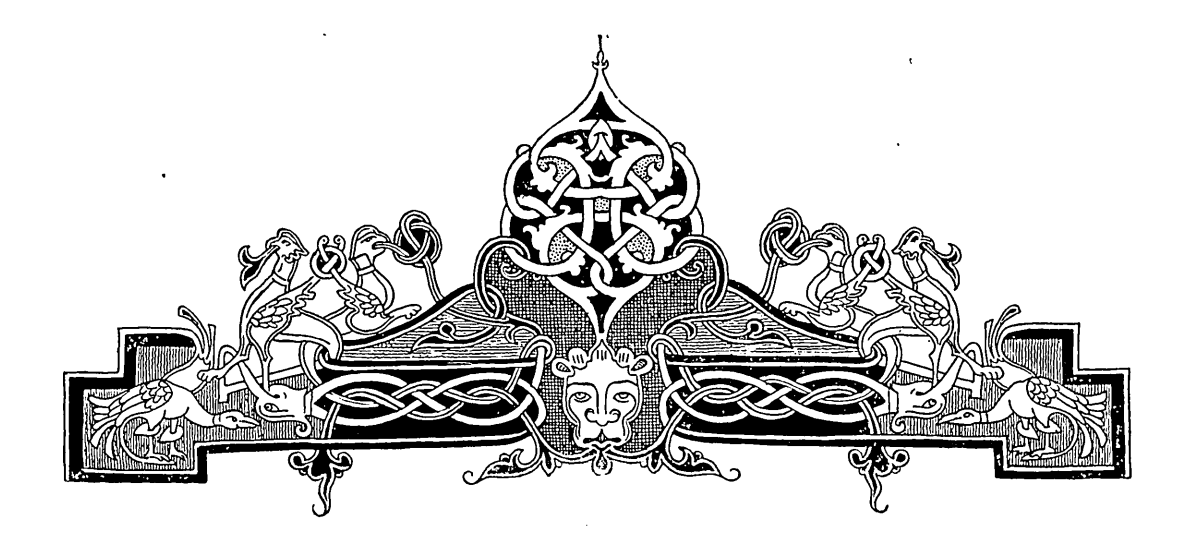
Михаила Юрьевича [34]) еще нѣсколько приближенныхъ лицъ, «и быша у него тогда бояре отъ третіаго часа и до седмаго и приказалъ имъ о своемъ сыну великомъ князѣ Иванѣ Василіевичѣ и о устроеніи земскомъ, какъ бы правити послѣ его государство. И пондоша отъ него бояре, а у него остася Михаило Юрьевичъ да князь Михаило Глинской да Шигона, и быша у него тѣ бояре и до самыя нощи. И приказалъ имъ о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быти и какъ къ ней боярамъ ходити, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строитися». Вообще Михаилъ Юрьевичъ не отходилъ отъ умирающаго великаго князя. Онъ былъ свидѣтелемъ трогательнаго прощанія Василія III съ дѣтьми и женой, при чемъ великій князь, благословивъ своего младшаго сына золотымъ крестомъ, «приказа отнести тотъ крестъ по представленіи своемъ боярину Михаилу Юрьевичю».

Тяжелые моменты прощанія умирающаго съ близкими сердцу кончились. Тогда великій князь рѣшилъ, что настало время исполнить свое задушевное желаніе и принять постриженіе. Митрополитъ Даніилъ и вѣрный бояринъ «Михайло Юрьевъ похвалили ему дѣло то, что добра желаетъ». Но другіе приближенные стали возражать... «И бысть промежь ими пря велика». Наконецъ, по просьбѣ самого князя Василія митрополитъ началъ совершать обрядъ постриженія. Великій князь потерялъ тѣмъ временемъ голосъ, терялъ силы, не могъ поднять правой руки «и подняше ея бояринъ его Михайло Юрьевичъ». По окончаніи пострига умирающаго причастили Св. Таинъ. Лицо его просвѣтлѣло, и онъ спокойно опочилъ отъ мірской суеты. «И видѣ Шигона»,—прибавляетъ благочестивый бытописатель,—«духъ его отшедше, аки дымецъ малъ».

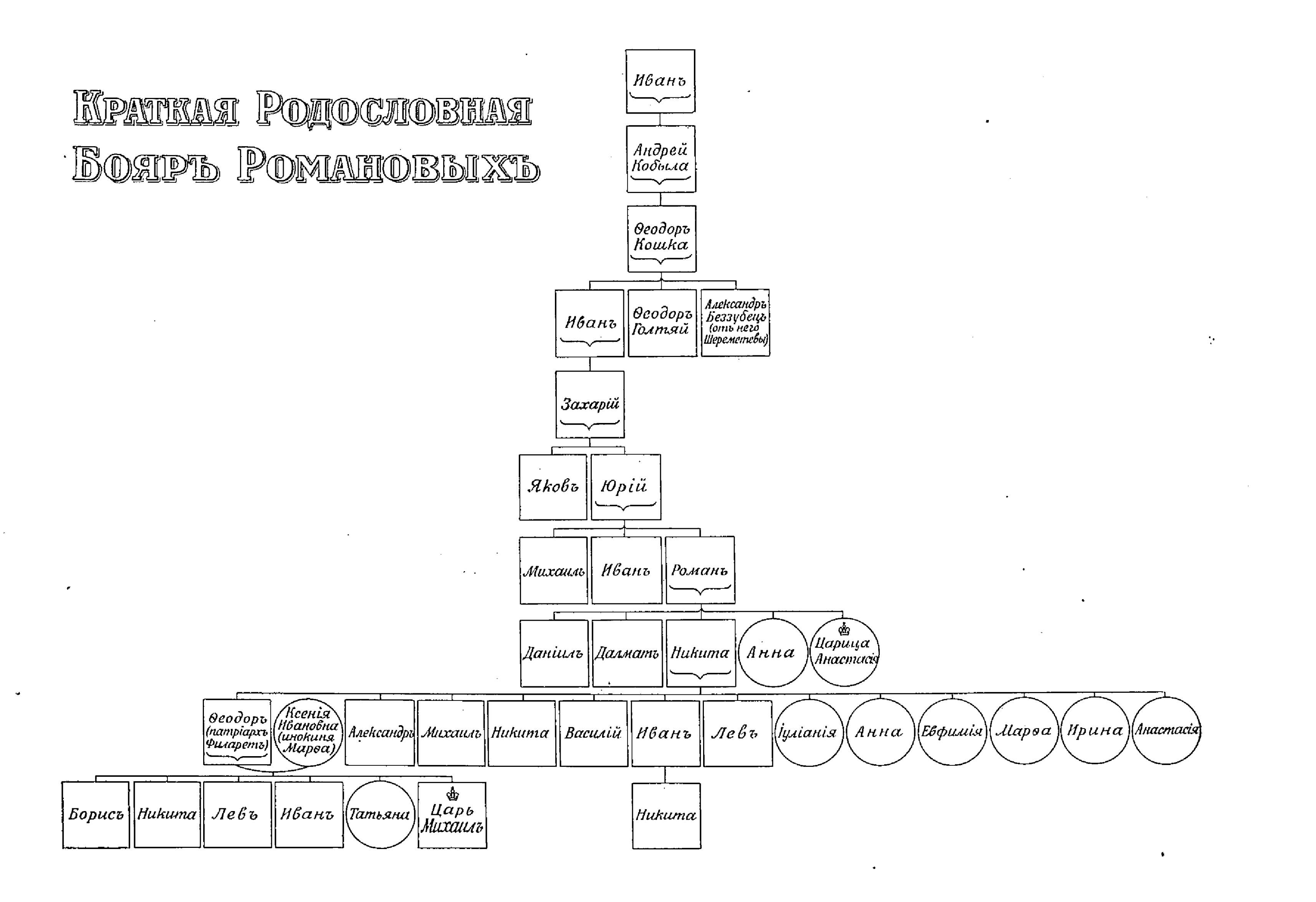
Мы видѣли, какую дѣятельную и важную роль игралъ Михаилъ Юрьевичъ во время предсмертной болѣзни своего государя, какимъ вѣрнымъ и любящимъ слугой онъ былъ великому князю. Умеръ Василій III, и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ распоряжается его похоронами. Онъ «повелѣ во Архангелѣ ископати гробъ подлѣ отца его великаго князя Ивана Васильевича; онъ же призвалъ «шатерничего... И повелѣ ему гробъ привести каменъ». Въ малолѣтство Ивана IV Михаилъ Юрьевичъ продолжалъ служить вѣрой-правдой московскому великому князю. Между прочимъ незадолго до своей смерти онъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ съ литовскими послами. Такъ на второмъ совѣщаніи, Михаилъ Юрьевичъ, видя, что пріѣхавшіе паны хотятъ отмолчаться отъ переговоровъ, вынудилъ ихъ прервать молчаніе, замѣтивъ, «Паны, хотя

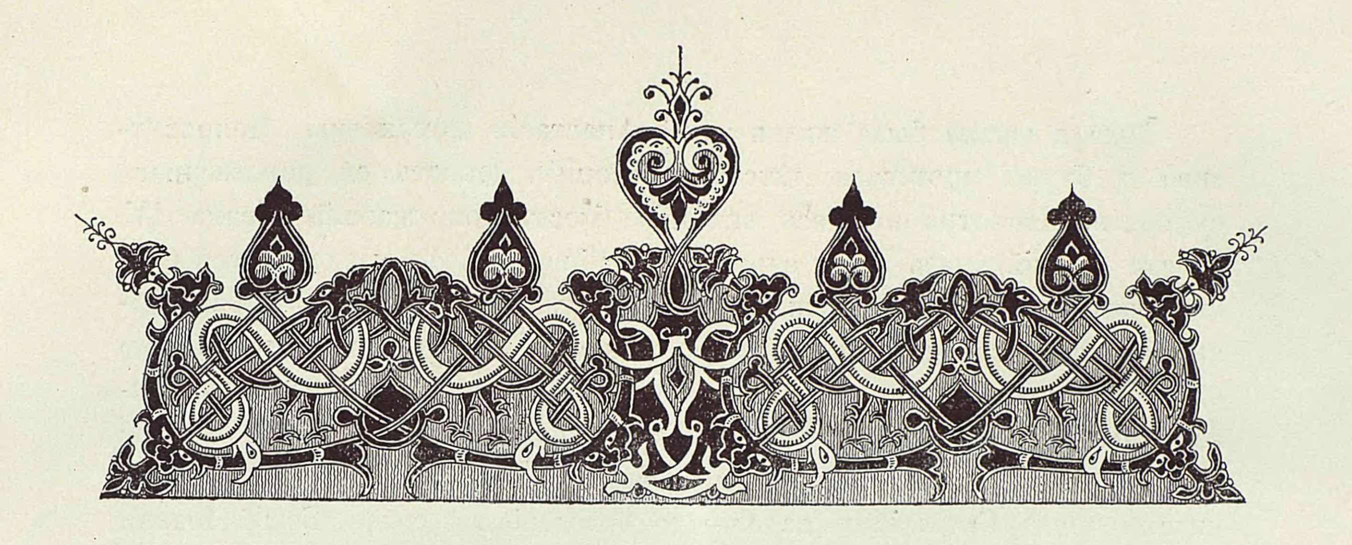
бы теперь дни были и большіе, то молчаніемъ ничего не сдѣлать, а теперь дни короткіе (дѣло происходило въ декабрѣ 1536 г. и январѣ 1537 г.), и говорить будете, такъ все мало времени» [85]). Участіе въ совѣщаніяхъ съ послами было, повидимому, одной изъ послѣднихъ службъ Михаила Юрьевича. Въ «7046 (1537—8) году... умерли, бояре... Михайло Юрьевичъ Захарьинъ». [86]). Не стало преданнаго, умнаго, искуснаго въ посольскихъ дѣлахъ слуги московскихъ государей.

Со смертью Михаила Юрьевича и его братьевъ [87]) сошло съ исторической арены послѣднее поколѣніе рода Кошкиныхъ-Захарьиныхъ какъ рядовыхъ, хотя и знатныхъ великокняжескихъ бояръ. Племянница его стала Московской царицей, а племянники поднялись до положенія вліятельной царской родни. Оглянемся поэтому на путь, пройденный предками царицы Анастасіи. Онъ почетенъ и славенъ. Съ давнихъ поръ представители ея рода стоятъ у трона великихъ князей московскихъ, собирателей Руси. Они служили своимъ государямъ и родинѣ, когда Москва была незначительнымъ сравнительно городомъ, они помогали выростанію могущества ея, ея князей и всей земли русской. То стоя у кормила правленія, то завѣдуя великокняжеской казной, то водя войска на внѣшнихъ враговъ, управляя областями, договариваясь съ иноземными дипломатами, Кошкины-Захарьины содѣйствовали собиранію Руси. Они пріобрѣли при этомъ большой политическій навыкъ и смыслъ и передали его своимъ потомкамъ. Они нелицемѣрно служили своимъ государямъ и пріобрѣли тѣмъ для младшихъ поколѣній своего рода, «Никитичей», историческое право наслѣдовать своимъ царственнымъ родственникамъ и продолжать ихъ великое дѣло устроенія и возвеличенія Россіи [88]).

Краткая Родословная Бояръ Романовыхъ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царица Анастасія Романовна и царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

I.

Въ 1540-хъ годахъ въ Москвѣ жило осиротѣвшее семейство окольничего Романа Юрьевича Захарьина. Жило оно скромно и благочестиво. Мать, боярыня Іуліанія Ѳеодоровна, принявшая впослѣдствіи иночество, воспитывала въ добрыхъ старыхъ завѣтахъ рода Захарьиныхъ своихъ дѣтей: Даніила, Далмата, Никиту, Анну и Анастасію [1]). Будущая царица родилась, какъ полагаютъ, около 1530 года. Съ дѣтства она была пріучена къ рукодѣльямъ, и нѣсколько работъ ея, исполненныхъ по исконному русскому обычаю для украшенія храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей, сохранилось до нашихъ дней. Выростая подъ сѣнью родительскаго дома, молодая дѣвушка незамѣтно развилась, расцвѣла красой и притомъ плѣняла всѣхъ своимъ добрымъ и кроткимъ нравомъ. Существуетъ преданіе, что святой Геннадій Костромской, посѣтивъ Москву, «пріятъ былъ честно отъ боярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея Даніилы и Никиты и дщери ея Анастасіи Романовны». Прозорливецъ предсказалъ, будто бы, скромной боярышнѣ супружество съ царемъ, что и сбылось въ недалекомъ будущемъ [2]).

Тиха и уютна была жизнь юной Анастасіи Романовны. Непривѣтливо и бурно протекали дѣтство и ранняя юность ея царственнаго суженаго. Несмотря на весь внѣшній блескъ, окружавшій Ивана IV, сирота великій князь былъ одинокъ и заброшенъ. Въ младенчествѣ царственнаго малютку окружали ласки и заботливость отца, не нарадовавшагося на своего надежду-сына. Рожденіе «царскаго отрочати» вызвало рядъ предсказаній и ожиданій. Такъ юродивый Дементій на вопросъ великой княгини Елены: «Что имамъ родити», яко уродствуя отвѣща: «Титъ широкій умъ». Другое предсказаніе сдѣлалъ почитаемый современниками инокъ Галактіонъ, задолго до появленія на свѣтъ Божій Іоанна предрекшій, что у великаго князя Василія родится сынъ, который покоритъ царство Казанское [3]). Наконецъ на только что родившагося малютку извѣстная своей ревностью къ державной власти партія духовенства возложила упованія, какъ на того, «кто управитъ исконное во отечествіи его любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе» [4]). По удивительному стеченію обстоятельствъ всѣ предсказанія сбылись: и Казань была взята, и царь былъ одаренъ широкимъ и острымъ умомъ, и «мятежное шатаніе о благородствѣ» было сломлено. Однако, къ величайшему сожалѣнію, умъ царя не былъ во время направленъ на одно благое, а неизбѣжную борьбу съ высшимъ, титулованнымъ боярствомъ царь повелъ черезъ-чуръ круто и нервно. Но разбираясь въ причинахъ жестокихъ и подчасъ безумныхъ казней Ивана IV, мы не можемъ не принимать во вниманіе тѣхъ условій, при которыхъ выросъ этотъ, хотя и запятнанный злодѣяніями, но все же глубоко несчастный человѣкъ [5]).

При чтеніи разсказа о послѣднихъ дняхъ жизни великаго князя Василія III невольно обращаемъ вниманіе на какую-то чрезмѣрную боязнь умирающаго за своего сына. Какъ мы видѣли, онъ всѣмъ внушаетъ мысль о необходимости оберегать Іоанна и вѣрно служить ему: и братьямъ, и боярамъ, и прочимъ служилымъ людямъ. Приказалъ Василій и «мамѣ», т. е. главной воспитательницѣ своего маленькаго сына, боярынѣ Челядниной: «Чтобы еси, Огрофѣна, отъ сына моего отъ Ивана пяди не отступала». Кромѣ того Софійская вторая лѣтопись сообщаетъ намъ еще одно любопытнѣйшее обстоятельство. При знатнѣйшихъ боярахъ, которымъ Василій поручилъ заботу объ Иванѣ и о дядѣ его матери, князѣ Михаилѣ Львовичѣ Глинскомъ, великій князь сказалъ послѣднему: «А ты бы, князь Михайло Глинской, за моего сына великаго князя Ивана, и за мою вели-

Плащаница работы царицы Анастасіи Романовны.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

кую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ» [6]).

Предчувствія Василія III отчасти сбылись. Правда, сынъ его благополучно пережилъ пору своего дѣтства и ранней юности и «учинился на государствѣ государь», но много непріятностей и униженій, о которыхъ Иванъ IV сохранилъ мрачное воспоминаніе на всю жизнь, выпало ему на долю. На четвертомъ году Иванъ лишился отца, на восьмомъ потерялъ мать и остался въ самомъ нѣжномъ возрастѣ круглымъ сиротой. Бояре и, главнымъ образомъ, бояре-князья пренебрежительно относились къ юному государю, высказывали неуваженіе къ памяти его покойныхъ родителей, оставляли его безъ ухода и ласки, занятые своими раздорами и борьбой знатнѣйшихъ фамилій въ государствѣ. За мелкими личными счетами князья-бояре забывали и государево дѣло, и самого государя. А между тѣмъ на пріемахъ пословъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ Иванъ видѣлъ себя главнымъ лицомъ, а первѣйшіе сановники въ государствѣ раболѣпно склонялись передъ нимъ. Все это раздражающе дѣйствовало на умную, нервную и впечатлительную натуру ребенка. Онъ мучительно чувствовалъ свои обиды, началъ догадываться о своихъ правахъ и о попираніи ихъ окружающими. А послѣ того какъ онъ вполнѣ отчетливо созналъ высокое значеніе своего сана, это стало обычнымъ предметомъ его размышленій, при чемъ нелюбовь, а затѣмъ и ненависть къ незаконнымъ похитителямъ власти, князьямъ-боярамъ, все болѣе и болѣе возрастали.

Когда великому князю минуло двѣнадцать лѣтъ, новое зло ожидало его: лесть и заискиванье окружающихъ, догадавшихся о томъ, что посредствомъ подрастающаго государя можно будетъ добиться вліянія и власти. Если пренебреженіе и обиды ожесточили душу Ивана, то лесть и ласкательство поселили въ ней презрѣніе къ человѣческому достоинству. Государь сталъ показывать себя, обнаруживалъ по временамъ вспышки безудержнаго гнѣва и внушилъ къ себѣ нѣкоторый страхъ.

Не знаемъ, подъ чьимъ вліяніемъ юный великій князь полюбилъ чтеніе. Можетъ быть, здѣсь сказались основныя свойства его натуры, склонной къ сложной душевной жизни и работѣ ума. Во всякомъ случаѣ это былъ большой начетчикъ. При этомъ чтеніе, вращавшееся въ кругу опредѣленныхъ религіозныхъ и политическихъ темъ, и неминуемое общеніе съ духовенствомъ, главой котораго былъ, начиная съ 1542 года, знаменитый своимъ умомъ и любовью къ просвѣщенію митрополитъ Макарій, принад-

лежавшій къ партіи іосифлянъ, еще болѣе укрѣпило Ивана IV въ любимой мысли о святости и важности его положенія [7]). Подъ вліяніемъ этой мысли молодой 16-ти-лѣтній Иванъ рѣшился на небывалое дѣло: торжественно вѣнчаться на царство и именовать себя во всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ сношеніяхъ Царемъ и великимъ княземъ [8]). Въ то же время задумалъ великій князь вступить въ бракъ. Объявить о такихъ важныхъ событіяхъ своей жизни, изъ которыхъ первое должно было знаменовать факты большого политическаго значенія: возвышеніе могущества Руси и усиленіе державной власти, противоположеніе государя всѣмъ его подданнымъ, какой бы титулъ они ни носили [9]), Иванъ IV пожелалъ въ самой торжественной обстановкѣ. 13-го декабря 1546 года государь призвалъ къ себѣ на совѣщаніе митрополита Макарія и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. На другой день первосвятитель отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и вызвалъ въ Москву всѣхъ бояръ и даже тѣхъ, «которые въ опалѣ были; и съ митрополитомъ всѣ бояре у великаго князя были и внидоша отъ великого князя радостны». Черезъ 3 дня, въ пятницу 17 декабря, у государя были митрополитъ со всѣми боярами и выслушали слѣдующую рѣчь молодого властителя: «Милостью Божіею и Пречистые Его Царици Богоматери, и великихъ чюдотворцовъ Петра и Алексіа и Іоны и Сергіа Чюдотворца и всѣхъ святыхъ Русскихъ чюдотворцовъ молитвами и милостью, положилъ на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ есми женитися; и язъ по твоему благословенію умыслилъ и хощу женитися, гдѣ ми Богъ благословитъ и пречистая Его Богомати и чюдотворци Русскіе земли. А помышлялъ есми женитися въ ыныхъ царствахъ, у короля у котораго, или у Царя у котораго, и язъ, отче, тоѣ мысль отложилъ, въ ыныхъ государствахъ не хочу женитися для того, что язъ отца своего Государя великаго князя Василія и своей матери остался малъ: привести мнѣ за себя жену изъ ыного государства, и у насъ нѣчто норовы будутъ розные, ино между нами тщета будетъ, и язъ, отче, умыслилъ и хочю женитися въ своемъ государствѣ, у кого ми Богъ благоволитъ по твоему благословенію».

Рѣчь юнаго великаго князя до слезъ тронула собравшихся, «видяще такова государя млади суща, а ни съ кѣмъ совѣтующа, развѣ Божіа промысла, таковъ благъ помыслъ хотяща исполнити». Митрополитъ благословилъ Ивана и сказалъ: ... «соверши Богъ твою мысль исполнену въ благое дѣло». Бояре также одобрили желаніе государя. Послѣ этого великій князь заявилъ и о другомъ своемъ намѣреніи: «По твоему, отца

своего митрополита, по благословенію и съ вашего боярского совѣту хочю язъ напредъ своей женитбы поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ: какъ наши прародители цари и великіе князи и сродничь нашъ великій князь Владимеръ Всеволодичъ Манамахъ на царство, на великое княженіе садилися, и язъ по тому же тотъ чинъ хочю исполнити и на царство на великое княженіе хочю сѣсти. И ты, господине, отецъ мой Макарей митрополитъ, то дѣло благослови меня совершити». И на эту рѣчь митрополитъ отвѣтилъ благословеніемъ, а бояре радостными, быть можетъ и лицемѣрными, похвалами, по поводу того, «что государь въ такомъ во младеньчествѣ, а прародителей своихъ чиновъ великихъ царей и великихъ князей поискалъ».

Выполняя свои намѣренія, Іоаннъ IV 17-го января 1547 года торжественно вѣнчался на царство. Въ это время уже шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящей женитьбѣ молодого государя. Прежде всего ему надлежало избрать себѣ невѣсту. Какъ передаетъ Герберштейнъ, при вступленіи великаго князя Василія III въ первый бракъ былъ произведенъ выборъ изъ 1500 красивѣйшихъ дѣвушекъ въ странѣ [10]). Сынъ Василія пожелалъ послѣдовать примѣру своего отца. Намѣстникамъ разныхъ областей государства и спеціально для этой цѣли посланнымъ сановникамъ были даны порученія произвести выборъ красивѣйшихъ въ каждомъ уѣздѣ дѣвушекъ и представить ихъ государю въ Москву на смотръ. Здѣсь то одной изъ нихъ предназначено было стать счастливой избранницей юнаго царя. До насъ дошли двѣ любопытныя грамоты, относящіяся къ этой женитьбѣ царя Ивана [11]). Въ первой, посланной въ декабрѣ 1546 года въ Новгородъ «княземъ и дѣтемъ боярскимъ», говорится между прочимъ: «послалъ есми въ отчину свою, въ Великій Новгородъ, Околничего... а велѣлъ есми бояромъ своимъ и намѣстникомъ... да околничему... смотрити у Васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты... и выбъ съ ними часа того ѣхали въ Велики Новгородъ... А которой васъ дочь дѣвку у себя утаитъ... и тому отъ меня быть въ великой опале и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу». Такими же словами, показывающими, что дѣло велось по возможности наспѣхъ, оканчивается и другая намъ извѣстная грамота, отправленная 4-го января 1547 года въ Вязьму и Дорогобужъ. Въ ней мы встрѣчаемся и съ любопытнымъ указаніемъ на случаи уклоненія отъ предварительныхъ смотровъ. «И вы де и къ нимъ», т. е. государевымъ посланцамъ, «не ѣдете»,— говорится въ грамотѣ,—«и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ

29

не слушаете, и вы то чините негораздо, что нашихъ грамотъ не слушаете и вы бъ одноличино часу того поѣхали з дочерми своими»; «а которыи къ намъ з дочерми своими часа того не поѣдетъ, и тому отъ меня быти въ великой опале и в казни».

Неизвѣстно, когда состоялся съѣздъ выбранныхъ на предварительныхъ смотрахъ невѣстъ въ Москву; неизвѣстно также, почему юный государь остановилъ свой выборъ на Анастасіи Романовнѣ. Существуютъ догадки, что здѣсь были причиной и политическія соображенія. Царь не желалъ жениться на русской княжнѣ, чтобъ не поощрять спесивыхъ притязаній титулованной знати; въ то же время онъ хотѣлъ взять въ жены дѣвушку изъ стараго боярскаго рода [12]). Эти догадки могутъ почесться не безосновательными, если мы примемъ во вниманіе, во-первыхъ, то обстоятельство, что Иванъ IV ни разу не остановилъ выбора на представительницѣ русскаго княжья. Во-вторыхъ, родъ царицы Анастасіи былъ однимъ изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ среди московскаго нетитулованнаго боярства. Впрочемъ, думается намъ, царь скорѣе всего избралъ подругу жизни, руководствуясь зародившеюся въ немъ сердечной склонностью. Во всякомъ случаѣ впослѣдствіи онъ горячо любилъ свою первую жену и находился подъ благотворнымъ вліяніемъ ея женственной прелести и доброты.

Свадьба царя Ивана и Анастасіи Романовны состоялась 3-го февраля 1547 года, «въ четвертокъ всѣядныя недѣли», въ Успенскомъ соборѣ. Радостное для всей Руси таинство совершилъ самъ митрополитъ Макарій, сказавшій новобрачнымъ учительное слово. Въ своемъ поученіи первосвятитель давалъ наставленія, какъ жить молодымъ царю и царицѣ въ страхѣ Божіемъ, и указывалъ на выполненіе христіанскихъ и царственныхъ добродѣтелей, какъ на залогъ счастія и блаженства [13]).

Слова митрополита о милосердіи и справедливости и заботливости о подданныхъ соотвѣтствовали душевному настроенію молодой царицы. Правда, читая многія хвалебные отзывы объ Анастасіи Романовнѣ, трудно сказать, что скрывается за обычными реторическими эпитетами: христолюбивая, Богомудрая, благочестивая. Но, къ счастью, мы имѣемъ характеристику первой жены Грознаго, выдѣляющуюся изъ общаго уровня шаблонныхъ фразъ. Мы разумѣемъ сообщеніе, помѣщенное въ одной изъ послѣднихъ главъ Хронографа редакціи 1617 года. Авторъ этихъ главъ, былъ несомнѣнно талантливымъ писателемъ: благодаря поэтическому складу души и тонкому уму онъ имѣлъ необыкновенную

способность живописать людей и ихъ свойства. Его характеристики, порой чрезмѣрно субъективныя, всегда ярки и выразительны. Вотъ этотъ именно писатель и далъ намъ о царицѣ Анастасіи отзывъ, объясняющій причины огромной популярности первой жены Грознаго. «Изъобрѣте бо предоброе сокровище»,—пишетъ книжникъ начала XVII вѣка, сообщивъ о первомъ бракѣ царя Ивана,—«аки свѣтлый бисеръ или аѳраксъ, камень драгій, всечестную отроковицу и блаженную въ женахъ Анастасію, дщерь нѣкоего вельможи, Романа именемъ, яже богоугодное житіе не точію въ дѣвственичествѣ, но и во брацѣ, не гордящеся діадимою, поживе и славу сего суетного свѣта ни во что же вмѣняше». Далѣе авторъ говоритъ о добродѣтеляхъ царицы: она «смиреномудріемъ присно украшающися; нелицемѣрному же посту и крайнему воздержанію всегда прилежаше, на молитву преклоняющися, и зельно нищелюбію руцѣ простираше». Но Анастасія не только сама была добродѣтельна. Царица «и самого честнаго и благороднаго супруга своего, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на всякія добродѣтели наставляа и приводя». Когда же «блаженная же и предобрая супруга его не во многыхъ лѣтахъ ко Господу отиде, и потомъ, аки чюжая бурія веліа припаде къ тишинѣ благосердіа его» [14]).

Сквозь обычную для XVI—XVII вѣка реторику въ вышеприведенномъ отзывѣ ясно обрисовывается образъ царицы Анастасіи, скромной, доброй, любящей русской женщины, имѣвшей самое благотворное вліяніе на своего умнаго и богато одареннаго, но необузданнаго, опальчиваго и болѣзненно подозрительнаго мужа. Благодаря браку съ Анастасіей и начинается благотворная перемѣна въ Іоаннѣ. Страшное бѣдствіе, посѣтившее Москву въ томъ же году, огромный пожаръ 2 іюня 1547 года, и тѣсное сближеніе государя съ Сильвестромъ и Адашевыми упрочили эту перемѣну [15]). Мало по малу юный царь обратился къ дѣламъ правленія, обнаружилъ кипучую дѣятельность и провелъ въ началѣ 1550-ыхъ годовъ рядъ важныхъ внутреннихъ преобразованій. Тогда же былъ совершенъ и славнѣйшій въ глазахъ народа воинскій подвигъ Іоанна, покореніе Казанскаго царства. Подготовленное Іоанномъ III и Василіемъ III взятія Казани и послѣдовавшее за нимъ покореніе Астрахани окружило имя Грознаго громкой славой побѣдителя и завоевателя Татарскихъ царствъ. Иванъ IV долго собиралъ силы для окончательной борьбы съ Казанью. Наконецъ онъ почувствовалъ себя готовымъ къ этому предпріятію: были собраны большія силы для осады Казани, въ новопостроенномъ городкѣ Свіяжскѣ устроена

база для военныхъ операцій, выставленъ заслонъ противъ возможнаго нападенія Крымцевъ. Только послѣ этого войска двинулись въ походъ.

Настало время и самому царю поспѣшить подъ Казань. Анастасія между тѣмъ готовилась въ третій разъ стать матерью: двѣ дочери ея и царя Ивана умерли въ младенческіе годы [16]). Тяжела была для нѣжныхъ супруговъ разлука, особенно при такихъ обстоятельствахъ. Однако приходилось покориться неизбѣжности, такъ какъ присутствіе царя въ лагерѣ осаждающихъ было необходимо въ виду важности историческаго событія. Поэтому 16-го іюня 1552 года Иванъ IV самъ отправился въ походъ, трогательно простившись съ горячо любимой женой. «Азъ, жено, надѣяся на Вседержителя и премилостиваго и всещедраго и человѣколюбиваго Бога, дерзаю и хощу итти противъ нечестивыхъ варваръ и хощу страдати за православную вѣру и за святые церкви не токмо до крови, но и до послѣдняго издыханія........ Тебѣ же, жено, повелѣваю никако о моемъ отшествіи скорбѣти, но пребывати повелѣваю въ велицыхъ подвизѣхъ духовныхъ и часто приходити къ святымъ Божіимъ церквамъ и многи молитвы творити за мя и за ся и многу милостыню творити убогимъ, и многихъ бѣдныхъ и въ нашихъ царьскихъ опалахъ разрѣшати повелѣваю, да сугубу мзду отъ Бога пріимемъ, азъ за храбръство, а ты за сія благая дѣла». Анастасія, услышавъ прощальныя слова своего царственнаго супруга, «уязвися нестерпимою скорбію и не можаше отъ великія печали стояти», такъ что Іоаннъ поддержалъ ее «своима руками». Придя нѣсколько въ себя отъ горькаго плача, царица съ трудомъ отвѣчала: «Ты убо, благочестивый государю мой, заповѣди храниши Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, еже ти хотящу душу свою положити за православную вѣру и за православныя христіане, азъ же како стерплю отшествіе своего государя? Или кто ми утолитъ горькую сію печаль? Или кто ми принесетъ и повѣдаетъ великую сію милость отъ Бога... яко благочестивый царь государь.... дрався съ нечестивыми и одолѣвъ и на свое царство здравъ возвратися? О всемилостивый Боже, услыши слезы и рыданіе рабы своея, дай ми сіе услышати!........» Послѣ словъ жены Иванъ сталъ снова утѣшать ее, горячо поцѣловалъ и отправился на славный подвигъ [17]).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, горячія пожеланія Анастасіи сбылись, и 2 октября 1552 года Казань лежала у ногъ русскаго царя. Спустя нѣсколько дней по взятіи Казани, Іоаннъ, оставивъ въ новопокоренномъ краѣ часть войска и воинскихъ запасовъ, поспѣшилъ вернуться въ Москву къ царицѣ Анастасіи Романовнѣ. Князь Курбскій въ своей «Исторіи

князя Великаго Московскаго», похожей болѣе на злостный памфлетъ, разсказываетъ, что «совѣтовавше» царю «всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ» и этой мѣрой «до конца выгубилъ бы воинство бусурманское и царство оно себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки». «Царь же совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ; они бо шептаху ему во уши да поспѣшится ко царицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами» [18]). Мы однако увѣрены во-первыхъ, что Грозному не нужно было слушать ничьихъ совѣтовъ, чтобы ускорить отъѣздъ въ Москву къ больной женѣ. Во-вторыхъ, мѣра, предлагаемая якобы «мудрыми воеводами», была и безцѣльна и не нужна и врядъ ли осуществима. Для окончательнаго замиренія края необходимы были годы, сколько бы войска ни держать въ немъ; завоеваніе оказалось достаточно прочнымъ и безъ такой чрезвычайной оккупаціи; войско состояло главнымъ образомъ изъ ополченій служилыхъ людей, т. е. дѣтей боярскихъ; а эти ополченія рвались домой, да и присутствіе дѣтей боярскихъ, помѣщиковъ въ ихъ хозяйствахъ, ввѣренныхъ имъ государствомъ, являлось довольно важнымъ не только съ ихъ частноклассовой точки зрѣнія. Кромѣ того возвращеніе царя въ столицу послѣ взятія Казани было очень полезно и для правительственныхъ дѣлъ.

Грозный выѣхалъ изъ Казани 12 октября, ѣхалъ сначала Волгой, затѣмъ отъ Нижняго помчался «на коняхъ» ко Владиміру. На пути къ нему пришла радостная вѣсть о рожденіи сына, царевича Дмитрія. Тогда «государь благочестивый испусти отъ радости неизреченныя слезы и рекъ: «что воздамъ, Владыко, противъ твоему благодаренію? усугубилъ еси на мнѣ грѣшнемъ милость свою». Продолжая свой путь и совершая богомолья въ близлежащія обители, Иванъ пріѣхалъ въ концѣ октября въ Москву, гдѣ его ожидала торжественная встрѣча и поздравительная рѣчь митрополита Макарія. Лишь послѣ этого царь могъ отдаться велѣнію сердца и повидать свою любимую супругу, едва оправившуюся отъ рожденія сына. Начались пиры и щедрыя пожалованія по случаю радостныхъ событій. Въ декабрѣ царь съ царицей отправились въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, гдѣ и состоялось крещеніе царевича Дмитрія [19]).

Торжества, связанныя съ взятіемъ Казани и рожденіемъ царскаго сына первенца, прервались въ самомъ началѣ марта внезапной и опасной болѣзнью молодого государя. Эта болѣзнь, едва не стоившая жизни Грозному,

вскрыла таившуюся до того времени вражду княжатъ къ новой царской роднѣ и имѣла несомнѣнное вліяніе на дальнѣйшій ходъ царствованія Ивана Васильевича. Какъ разсказываетъ хорошо освѣдомленный официальный лѣтописецъ той эпохи, во время болѣзни царя разыгрались слѣдующія событія. «Бысть болѣзнь» государя «тяжка зѣло, мало и людей знаяше и тако бяше боленъ, яко многимъ чаяти: къ концу приближися». Тогда по совѣту одного изъ приближенныхъ дьяковъ, Ивана Михайлова, царь Иванъ повелѣлъ написать духовную грамоту, а къ вечеру привелъ на основаніи этой грамоты къ крестному цѣлованію «на царевичево княже-Дмитріево имя бояръ своихъ: князей И. Ѳ. Мстиславскаго, Вл. И. Воротынскаго, Дм. Ѳ. Палецкого, бояръ И. В. Шереметьева, М. Я. Морозова, Дан. Ром. и Вас. Мих. Юрьевыхъ, дьяка Михайлова. Въ тотъ же вечеръ, государь привелъ къ крестному цѣлованію думныхъ дворянъ: Алексѣя Ѳедоровича Адашева и Игн. Вешнякова. Это были ближайшіе къ царю въ то время сановники. Однако и среди нихъ началось колебаніе. Такъ бояринъ князь Дм. Ив. Шкурлятевъ и казначей Никита Фуниковъ уклонились отъ присяги, оба «разнемоглись»; по слухамъ же они сносились съ возможнымъ претендентомъ на престолъ, двоюроднымъ братомъ царя, княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Старицкимъ и его матерью, честолюбивою княгинею Евфросиніей, которые, пользуясь случаемъ, помышляли о царскомъ престолѣ. Они, какъ мы увидимъ, встрѣтили сочувствіе не только среди своихъ дѣтей боярскихъ, которыхъ они стали задабривать, «давати жалованіе деньги», но и среди родовитѣйшаго титулованнаго боярства. Даже князь Палецкій, тесть малоумнаго царскаго брата, поцѣловавъ крестъ царевичу Дмитрію, сталъ ссылаться съ княземъ Владимиромъ, прося у него и у княгини Евфросиніи милостей для своего зятя, если князь Старицкій будетъ государемъ Московскимъ.

Однако ближніе царскіе бояре приняли свои мѣры. Они указали князю Старицкому и его матери на неприличіе ихъ поступковъ: «государь не домагаетъ, а онъ (т. е. князь Владиміръ) людей своихъ жалуетъ». Тѣ стали «на бояръ велми негодовати и кручинитися», бояре же начали «отъ нихъ беречися и князя Володимера Ондрѣевича ко государю часто не почали пущать». Тогда доброхотъ князя Старицкаго, всесильный любимецъ царя, священникъ Сильвестръ, взялъ сторону Владимира и сказалъ боярамъ: «про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? братъ васъ, бояръ, государю доброхотнѣе». На это послѣдовалъ отвѣтъ,

что «на чемъ они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, по этому и дѣлаютъ, какъ бы ихъ государство было крѣпче». Въ такихъ переговорахъ прошелъ вечеръ, а на другой день государь призвалъ къ себѣ всѣхъ бояръ и приказалъ имъ принести присягу царевичу Дмитрію въ Передней избѣ, такъ какъ «государь изнемога же велми и ему при собѣ ихъ приводити къ цѣлованію истомно». Поэтому приводить къ присягѣ должны были ближніе государевы бояре: Мстиславскій и Воротынскій «съ товарищи» [20]).

Тогда то и разыгралась въ высшей степени бурная и непристойная сцена. Не стѣсняясь присутствіемъ умирающаго государя, бояре затѣяли между собой жестокую ссору, причемъ зачинщиками явились сторонники князя Владимира. Изъ нихъ князь Ив. Мих. Шуйскій отказался по формальному соображенію: «имъ не передъ государемъ крестъ цѣловати немочно». Но отецъ государева любимца, Алексѣя Адашева, окольничій Ѳеодоръ Адашевъ, выяснилъ, въ чемъ дѣло: «вѣдаетъ Богъ да ты, государь: тебѣ, государю, и сыну твоему царевичу князю Димитрею крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Данилу з братіею не служивати; сынъ твой, государь нашъ, ещо въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Данилу з братіею; а мы уже отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видѣли многія». Слова Адашева были сигналомъ къ волненіямъ: «бысть мятежъ великъ и шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярехъ, а не хотятъ пеленичнику служить». Бояре, вѣрные Ивану, стали увѣщевать остальныхъ присягнуть царевичу Димитрію, а тѣ «почали бранитися жестоко, а говорячи имъ, что они хотятъ сами владѣти, а они имъ служить и ихъ владѣнія не хотятъ». «И быть межъ бояръ»—прибавляетъ лѣтописецъ,—«брань велія и крики и шумъ великъ и слова многія бранныя».

Вся эта ссора произвела самое тягостное впечатлѣніе на смертельно больного царя. Видя «боярскую жестокость», «царь и великій князь» началъ говорить такъ: «Коли вы сыну моему Димитрею креста не цѣлуете, ино то у васъ иной государь есть, а цѣловали есте мнѣ крестъ и не одинова, чтобы есте мимо насъ иныхъ государей не искали, а язъ васъ привожу къ цѣлованію, и велю вамъ служити сыну своему Дмитрею, а не Захарьинымъ; и язъ съ вами говорити много не могу..... а не служити кому которому государю въ пеленицахъ, тому государю тотъ и великому не захочетъ служити; и коли мы вамъ не надобны, и то на вашихъ душахъ»... Затѣмъ, обратившись къ безусловно вѣрнымъ ему боярамъ, государь сказалъ: «будетъ станетца надо мною воля Божія, меня

не станетъ, и вы пожалуйте, попамятуйте, на чемъ есте мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали; не дайте бояромъ сына моего извести никоторыми обычаи, побѣжите въ чужую землю, гдѣ Богъ наставитъ». Закончилъ свою рѣчь Грозный напоминаніемъ Данилу Романовичу и двоюродному его брату, Василію Михайловичу: «А вы, Захарьины, чего испужалися? али чаете, бояре васъ пощадятъ? вы отъ бояръ первыя мертвецы будете! и вы бы за сына за моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе не дали».

Гнѣвныя слова Грознаго поотрезвили бояръ, которые пошли присягать царевичу Димитрію. Однако и тутъ не обошлось безъ протестовъ, причемъ лѣтопись отмѣчаетъ князей Пронскаго, Ростовскаго, Щенятева и Нѣмого Оболенскаго. Тѣмъ не менѣе присяга были принесена. Затѣмъ былъ приведенъ къ присягѣ и князь Владиміръ Андреевичъ. Долго онъ не хотѣлъ присягать, спорилъ въ присутствіи государя съ боярами и подчинился только угрозамъ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ царя, заявившихъ, что «не учнетъ князь креста цѣловати, и ему оттудова не выдти». И мать князя Старицкаго «одва велѣла печать приложити, а говорила: «что то де за цѣлованіе, коли неволное!» и много рѣчей бранныхъ говорила. «И оттолѣ бысть вражда велія государю съ княземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ, а въ боярѣхъ смута и мятежъ, а царству почала быти въ всемъ скудость»,—заканчиваетъ свое любопытнѣйшее повѣствованіе бытописатель.

Владиміръ Андреевичъ съ матерью, бояре-княжата и Сильвестръ съ своими сторонниками [21]) расчитывали или учитывали скорую кончину царя. Грозный между тѣмъ выздоровѣлъ отъ «огненной болѣзни» и ничѣмъ до поры до времени не обнаружилъ своего недовольствія на продерзостныхъ и некрѣпкихъ ему сановниковъ. Нельзя ли видѣть здѣсь вліянія кроткой Анастасіи? Во всякомъ случаѣ весной 1553 года царь болѣе думалъ о воздаяніи благодарности Вышнему, чѣмъ о наказаніи провинившимся и отмщеніи зазнавшимся боярамъ. По благочестивому обычаю того времени были предприняты большія богомолья по святымъ обителямъ. Царь съ царицей посѣтили съ мая мѣсяца по конецъ іюня кромѣ другихъ монастырей Троице-Сергіевъ и Кирилло-Бѣлозерскій. Затѣмъ, оставивъ жену въ послѣдней обители, Грозный съѣздилъ помолиться въ Ѳерапонтовъ монастырь и по пустынямъ и только послѣ этого царь съ царицей отправились въ обратный путь. Здѣсь ихъ постигло тяжкое горе: скончался ихъ первенецъ и наслѣдникъ, царевичъ Димитрій [22]).

Ища утѣшенія въ своей скорби, Іоаннъ и Анастасія снова предприняли рядъ путешествій по обителямъ. Съ жаркой мольбой о ниспосланіи имъ дѣтей были они въ Ростовѣ у Леонтія чудотворца и въ монастырѣ св. Никиты въ Переяславцѣ и въ горячей вѣрѣ обрѣли утѣшеніе. Въ 1554 году царственные супруги были обрадованы рожденіемъ сына, царевича Іоанна. Послѣ сего у нихъ родились царевна Евдокія, скончавшаяся 2-хъ лѣтъ, и царевичъ Ѳедоръ, которому судьбой предназначено было стать послѣднимъ государемъ изъ династіи Калиты [23]).

Такъ шла семейная жизнь Грознаго и Анастасіи, жизнь полная интимныхъ радостей и печалей, жизнь полная любви и нѣжности. Никакія внутреннія бури не омрачали, на сколько можно судить, брачнаго сожительства царственныхъ супруговъ. Огорченія приходили извнѣ и шли они отъ княжатъ, раздосадованныхъ возвышеніемъ Захарьиныхъ, и отъ Сильвестра съ присными. Такъ въ 1554 году былъ обнаруженъ замыслъ князей Ростовскихъ отъѣхать или, какъ стали въ тѣ времена смотрѣть въ Москвѣ, бѣжать въ Литву. На допросѣ выяснилось, что князь Семенъ Ростовскій говорилъ: «государь не жалуетъ великихъ родовъ, безчеститъ, а приближаетъ къ себѣ молодыхъ людей, а насъ ими теснитъ, да и тѣмъ насъ истеснилъся что женился у боярина у своего дочерь взялъ, понялъ рабу свою и намъ какъ служити своей сестрѣ, и иные поносительные слова [24])». Эта исторія, какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго слѣдствія, была въ тѣсной связи съ происшествіями, имѣвшими мѣсто во время опасной болѣзни царя, и кончилась ссылкой коновода Ростовскихъ князей князя Семена, «въ Бѣлоозеро въ тюрму».

Не знаемъ причинъ неудовольствія Сильвестра на царицу Анастасію. Курбскій ни въ чемъ не упрекаетъ ее. Самъ Иванъ пишетъ: «Единаго роди малаго слова непотребна». Но въ виду молчанія Курбскаго нѣтъ основанія думать, что это слово было «малымъ» лишь въ глазахъ Ивана. Неудивительно, если и кроткая царица на обнаруженныя къ ней и ея роднымъ чувства могла отвѣтить взаимной холодностью и даже какой-нибудь рѣзкостью. Это по мнѣнію Грознаго вызвало «ненависть зѣльную» къ Анастасіи, которую Сильвестръ и его друзья стали уподоблять «всѣмъ нечестивымъ царицамъ». Въ другомъ мѣстѣ царь Иванъ опредѣленно говоритъ о томъ, что партія Сильвестра сравнивала Анастасію Романовну съ императрицей Евдокіей, гонительницей Златоуста [25]). Не раздѣляя убѣжденія Грознаго о «зѣльной ненависти» Сильвестра къ Ана-

стасіи, не можемъ совершенно отвергнуть его показаній. Судя по вышеприведенному разсказу Царственной Книги о болѣзни царя, кое-что изъ заявленій Ивана можно принять. Нелюбовь къ роду Захарьиныхъ среди высокомѣрныхъ княжатъ и ихъ доброхотовъ могла нечувствительно переходить и въ непріязнь къ царицѣ Анастасіи.

Тѣмъ не менѣе при жизни кроткой царицы даже ея недоброжелатели могли быть спокойны за свою участь. Она, обезоруживая царя, смягчала его гнѣвные порывы и удерживала его отъ казней и опалъ. Недолго однако наслаждался Иванъ IV своимъ счастьемъ. Все, казалось, предвѣщало Анастасіи долгую и счастливую жизнь. Любимая мужемъ, цвѣтущая здоровьемъ могла ли она думать, что безжалостная смерть уже сторожитъ ее у порога. Осенью 1559 году царь съ супругой и дѣтьми были въ Можайскѣ, и тамъ «грѣхъ ради нашихъ царица недомогла» [26]). Болѣзнь оказалась предвѣстницей скорой кончины. И вотъ 7-го августа 1560 года Грозный лишился своей «юницы» [27]). Отчаяніе овдовѣвшаго царя Ивана Васильевича было велико и непритворно. Съ плачемъ и рыданіями шелъ онъ за гробомъ безвременно угасшей подруги жизни, поддерживаемый подъ руки приближенными.

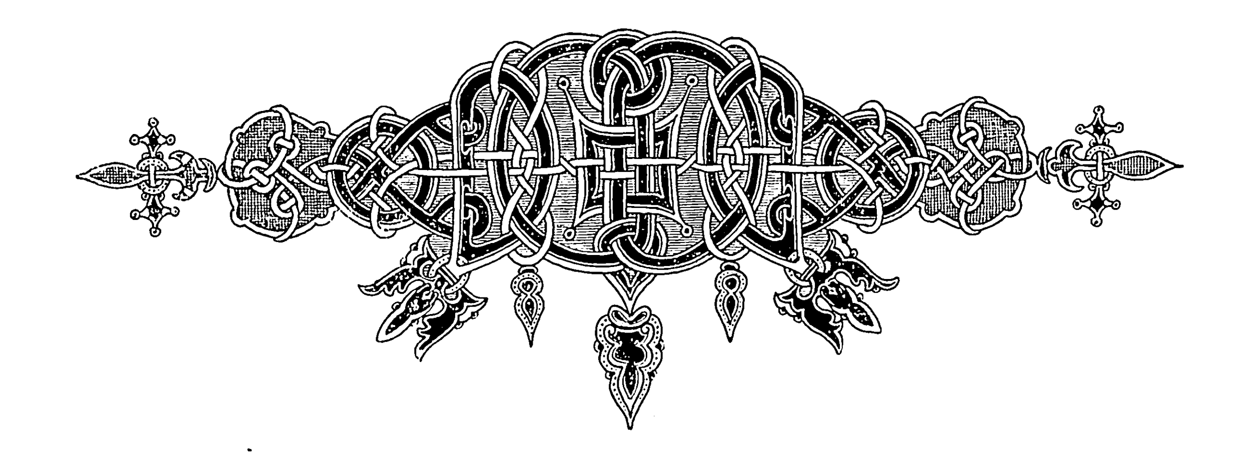
Горе царя раздѣляли съ нимъ и его подданные. Множество народа толпилось за печальной процессіей, преграждая ей путь. Всѣ шли отдать послѣдній долгъ первой русской царицѣ. Нищіи и убогіи со всей Москвы собрались на погребеніе своей благодѣтельницы «не для милостыни, но съ плачемъ и рыданіемъ веліемъ»,—какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, прибавляющій за тѣмъ: «Бяше же по ней плачъ не малъ, бѣ бо милостива и беззлобива ко всѣмъ» [28]).

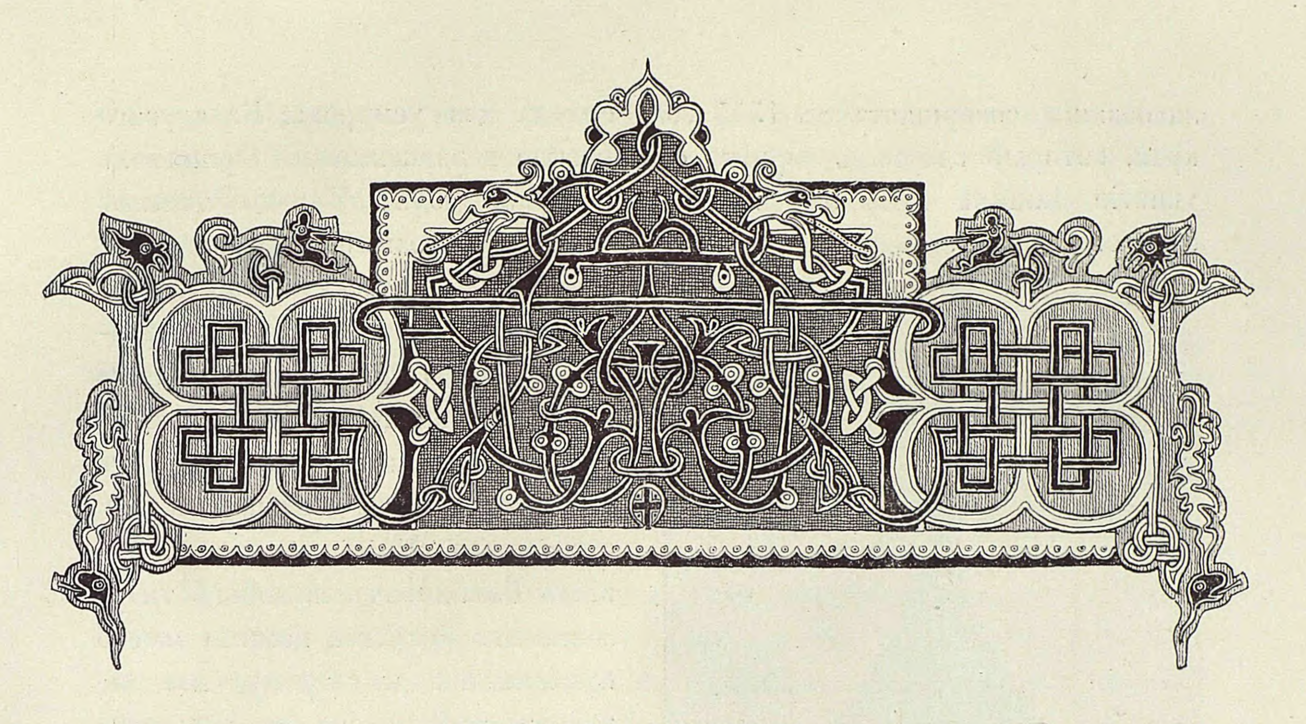
Вскорѣ послѣ смерти Анастасіи въ характерѣ Іоанна произошла разительная перемѣна. Она объясняется, во первыхъ, отсутствіемъ той нравственной сдержки, которой была для Грознаго его «беззлобивая» «юница». Во вторыхъ, смерть Анастасіи въ столь молодые годы не могла послѣ происшествій въ 1553 году не казаться чрезвычайно, можно сказать болѣзненно, подозрительному Ивану IV слѣдствіемъ отравы. И вотъ царь быстро покатился по наклонной плоскости озлобленія и грѣха. При томъ заговорила и чувственная сторона этой страстной натуры. И вторая половина царствованія Грознаго является страшной эпохой въ жизни русскаго народа, когда казни и развратъ царили надъ испуганной землей. При этомъ Іоанна охватывали часто порывы раскаянія и угрызенія совѣсти. Съ ясностью онъ представлялъ себѣ тогда всѣ ужасы, имъ содѣян-

ные, не находилъ себѣ оправданія, молился, постился.... и все это до новой вспышки ярости и гнѣва.

Озлобленное умоизступленіе, въ которомъ находился царь Иванъ съ 1560-ыхъ годовъ, не позволяло долго понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ внутренней политики Грознаго. Мы разумѣемъ знаменитую опричнину, «учрежденіе», которое, по остроумному замѣчанію Ключевскаго, «всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ» [29]). Въ настоящее время послѣ мастерского изслѣдованія С. Ѳ. Платонова мы хорошо знаемъ весь смыслъ демократической сравнительно опричнины, которая была направлена противъ титулованнаго боярства и явилась логическимъ завершеніемъ политики Ивана III и Василія III. Однако тотъ же изслѣдователь еще разъ подтвердилъ намъ, что «сцены звѣрствъ и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязной пѣной, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ» [30]). Отмѣтимъ, что низшіе слои населенія, чутьемъ оцѣнивавшіе смыслъ личности и политики Грознаго, съ негодованіемъ относились къ его опричникамъ-любимцамъ [1]).

Во всякомъ случаѣ мрачные ужасы второй половины царствованія Грознаго дѣлали для народа еще болѣе привлекательнымъ и популярнымъ свѣтлый образъ первой его супруги, тихой, кроткой и милостивой царицы Анастасіи Романовны. Уже одно это обстоятельство было благопріятнымъ для того, чтобы царицына родня стала пользоваться народнымъ расположеніемъ. Личныя достоинства царскаго шурина, боярина Никиты Романовича Юрьева, упрочили это расположеніе и сдѣлали впослѣдствіи семью Никитичей необыкновенно популярной и любимой народными массами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

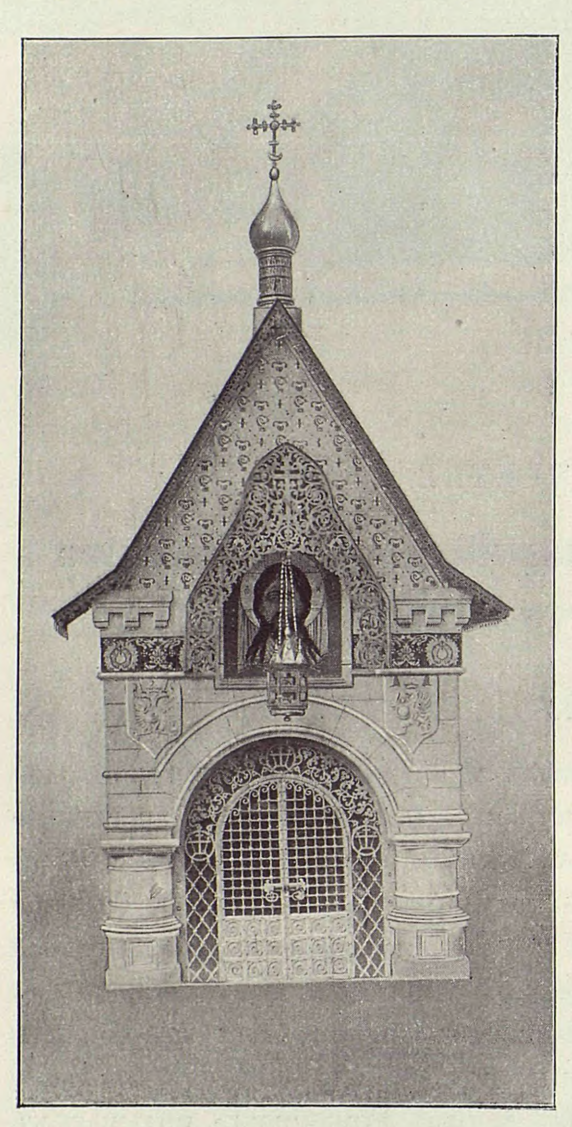
Царскій шуринъ и ближній бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ.

I.

Бракъ государя въ древней Руси имѣлъ обыкновенно одно естественное послѣдствіе: родня новой государыни, до тѣхъ поръ часто незнатная и незамѣтная, выдвигалась на первыя мѣста въ государствѣ, пріобрѣтала большое вліяніе и значеніе. Тѣмъ болѣе должны были возвыситься ближайшіе родные царицы Анастасіи, братья ея, и сами по себѣ принадлежавшіе къ одному изъ старѣйшихъ московскихъ боярскихъ родовъ. Старшій изъ братьевъ Анастасіи Романовны, Даніилъ Романовичъ, получилъ къ свадьбѣ своей сестры санъ окольничего [1]). Не прошло послѣ этого и двухъ лѣтъ, а мы видимъ уже Даніила Романовича въ званіи боярина и дворецкаго. Эти званія онъ сохранялъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1565 году [2]).

Быстро повышаясь, старшій царскій шуринъ несетъ дѣятельную службу. Онъ участвуетъ въ рядѣ походовъ подъ Казань, послѣ взятія этого города отправленъ царемъ въ Москву съ вѣстью о славномъ

завоеваніи, совершаетъ въ 1555 году походъ для усмиренія Казанскаго края, который вздумалъ вернуть себѣ былую независимость. Принималъ участіе Даніилъ Романовичъ и въ Ливонской войнѣ. Въ большинствѣ случаевъ онъ служитъ вторымъ воеводой въ большомъ полку, т. е. занимаетъ одно изъ первыхъ, хотя и не главное мѣсто [3]). Изъ Захарьиныхъ онъ до самой своей смерти наиболѣе замѣтенъ. Ему «съ братіей» отказываются служить въ 1553 году бояре—княжата и ихъ сторонники. Чѣмъ заслужилъ Даніилъ Романовичъ нелюбовь титулованнаго боярства помимо своего приближенія къ трону, мы не знаемъ: свойства его личности намъ совершенно неизвѣстны. Имѣемъ только одну современную характеристику его, но она, во-первыхъ, принадлежитъ такому пристрастному человѣку, какъ Курбскій, во-вторыхъ, лишена индивидуальныхъ чертъ и, наконецъ, относится заразъ къ нѣсколькимъ лицамъ. Въ этой характеристикѣ «шурья» царя поставлены во главѣ «презлыхъ ласкателей» и «нечистивыхъ губителей» «всего царствія». Далѣе приписываются огульно всѣмъ ласкателямъ «замыслы» всѣми нами (т. е. знатью?) «владѣти» «и судъ превращающе, посулы грабити и другія злости плодити, скверныя пожитки свои умножающе» [4]). Считая эти отзывы лишенными доказательной силы, мы привели ихъ, какъ показателей отношенія партіи княжатъ къ роду Захарьиныхъ, не болѣе.

Усыпальница бояръ Романовыхъ-Юрьевыхъ.

Не представляя себѣ облика старшаго изъ братьевъ царицы Анастасіи, не знаемъ подробностей и его семейной обстановки. Изслѣдованія генеоло-

гистовъ обнаружили намъ лишь то, что Даніилъ Романовичъ былъ женатъ два раза. Какъ первая, такъ и вторая жена его носили одинаковое имя—Анна. Каково было ихъ происхожденіе, не установлено. Извѣстно только, что вторая жена пережила своего мужа и погибла во время страшнаго пожара 24-го мая 1571 года, въ нашествіе хана Дивлетъ-Гирея на Москву. Ея участь раздѣлили и дѣти Даніила Романовича: Иванъ, Ѳеодоръ и Анна [5]). Такимъ образомъ пресѣклось потомство старшаго брата царицы Анастасіи. За то потомкамъ младшаго изъ ея братьевъ предстояла славная будущность.

II.

По даннымъ родословныхъ изысканій Никита Романовичъ Юрьевъ былъ старше своей царственной сестры. Однако, повидимому, онъ былъ очень молодъ ко дню ея свадьбы съ Грознымъ, почему долго не получалъ думнаго званія. Это не мѣшало быть ему въ приближеніи у государя, съ которымъ онъ какъ «спальникъ и мыльникъ» былъ «въ мыльнѣ» передъ первой царской свадьбой [6]). Молодость не помѣшала и женитьбѣ Никиты Романовича, супруга котораго, урожденная Головина, принимала участіе въ брачномъ церемоніалѣ князя Юрія Васильевича. Рано овдовѣвъ, Никита Романовичъ вступилъ около 1555 года во второй бракъ, женившись на княжнѣ Евдокіи Александровнѣ Горбатой, отъ которой имѣлъ многочисленное потомство [7]). Въ 1558—1559 годахъ онъ получилъ санъ окольничего, въ 1562—1563 годахъ сталъ бояриномъ, а въ 1565—1566 годахъ, по смерти своего старшаго брата—дворецкимъ [8]). Служба его была посвящена военнымъ, дворцовымъ, административнымъ и государственнымъ дѣламъ, и всюду Никита Романовичъ проявлялъ свои способности и такія личныя свойства, которыя стяжали ему общее уваженіе и любовь.

Какъ воинъ и полководецъ, Никита Романовичъ упоминается много разъ въ разрядныхъ записяхъ того времени. Такъ, между прочимъ, онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ походовъ противъ Ливоніи [9]). Въ одномъ изъ этихъ походовъ, въ 1575 году, Никита Романовичъ Юрьевъ взялъ городъ Пернау, причемъ выказалъ себя необыкновенно великодушнымъ побѣдителемъ. «По извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ»,—разсказываетъ С. М. Соловьевъ,—«воевода Никита Романовичъ Юрьевъ обошелся очень милостиво съ жителями Пернау, позволилъ имъ со всѣмъ добромъ выйти изъ города и, чего не могли тутъ захватить съ собой, то взять послѣ» [10]).

Кромѣ войны съ Ливоніей царскій шуринъ бывалъ и въ другихъ походахъ: для защиты государства отъ вторженія Крымцевъ, въ походѣ противъ Швеціи и иныхъ [11]). Царь, очевидно, цѣнилъ его и надѣялся на его вѣрность. Сверхъ того, какъ братъ первой, любимой жены царя и дядя царевичей, Никита Романовичъ игралъ большую и видную роль при царскомъ дворѣ. Онъ, правда, не состоялъ въ опричнинѣ, но это, пожалуй, и не входило въ виды самого Грознаго, которому среди земщины необходимо было имѣть безусловно вѣрныхъ себѣ людей. Во всякомъ случаѣ Никита Романовичъ неизмѣнно сохранялъ расположеніе царя и постоянно сопровождалъ его въ разныхъ походахъ [12]). Онъ оставался при этомъ въ должности дворецкаго до 1576—1577 года, когда на его мѣсто назначенъ былъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ. Но въ этой перемѣнѣ нельзя видѣть опалы или даже проявленія неудовольствія со стороны царя, такъ какъ новый дворецкій былъ поставленъ ниже окольничыхъ, слѣдовательно, должность была признана менѣе почетной, чѣмъ прежде. Надо также принять во вниманіе, что въ томъ же самомъ году Никита Романовичъ попрежнему находился «при государѣ», при которомъ состоялъ и новый дворецкій [13]).

Довѣріе Грознаго къ своему шурину высказалось и въ томъ, что съ 1572 года царь поручилъ ему завѣдываніе важнымъ дѣломъ обороны южной окраины Московскаго государства [14]). Здѣсь проявились административныя способности Никиты Романовича. На этой сторонѣ служебной дѣятельности знаменитаго боярина слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Она наиболѣе извѣстна и имѣла, какъ мы предполагаемъ, нѣкоторыя немаловажныя послѣдствія.

Чтобы понять важность и трудность возложенныхъ на Никиту Романовича обязанностей, далеко нелишнимъ является ознакомленіе съ той обстановкой, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Южная окраина Московскаго государства, граничившая съ дикой степью и бассейномъ рѣки Дона, составляла въ тѣ времена предметъ усиленныхъ работъ и безпокойствъ царя и правительства. Со стороны дикой степи, или какъ говорили тогда, дикаго поля всегда можно было опасаться внезапнаго появленія хищныхъ кочевниковъ, крымскихъ татаръ. Живя грабежомъ сосѣдей, крымцы зорко подстерегали удобный моментъ и, улучивъ его, являлись «изгономъ» или «искрадомъ» на Русь, разоряли и опустошали ее. Необходимо было бороться съ Крымомъ, при чемъ можно было выбрать одинъ изъ трехъ путей. Возможно было попытаться

покорить крымцевъ, ограничиться обороной отъ нихъ, или держаться по отношенію къ нимъ смѣшанной, т. е. оборонительно-наступательной политики. Но покореніе Крыма, какъ это ясно сознавалъ умный и проницательный царь Иванъ Васильевичъ, было въ XVI вѣкѣ предпріятіемъ невыполнимымъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, походъ черезъ дикое поле для громоздкаго московскаго ополченія былъ крайне изнурителенъ. Далѣе доставка черезъ это поле военныхъ и иныхъ припасовъ и подходъ подкрѣпленій были дѣломъ весьма труднымъ. Взятіе Крыма потребовало бы долговременнаго присутствія въ немъ огромнаго оккупаціоннаго корпуса, а, какъ мы уже отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, московское служилое ополченіе нельзя было очень долго держать на походномъ положеніи. Наконецъ, сувереномъ Крымскаго хана въ XVI вѣкѣ былъ могущественнѣйшій Турецкій султанъ, которому, пользуясь удобнымъ путемъ по Черному морю, легко было бы вытѣснить насъ изъ Крыма, если бы мы и овладѣли имъ.

Отказавшись поэтому отъ наступательной борьбы съ Крымомъ, нельзя было въ то же время ограничиваться и одной пассивной обороной. Южная окраина была тогда не очень далека отъ столицы государства, и страшный набѣгъ въ 1571 году хана Дивлетъ-Гирея показывалъ, что границу эту надо постепенно отодвигать къ югу. Тогда остановились на третьемъ, единственно вѣрномъ способѣ рано или поздно подчинить себѣ степь. Границу стали укрѣплять построеніемъ городовъ-крѣпостей, въ которыхъ ставились сильные военные отряды и изъ которыхъ въ дикое поле высылались многочисленные сторожа и станицы для наблюденія за возможнымъ появленіемъ враговъ. Наблюденіе облегчалось тѣмъ, что въ степи было только нѣсколько удобныхъ для движенія воинскихъ отрядовъ дорогъ или шляковъ. Съ теченіемъ времени, когда пограничные города и ихъ уѣзды развивались и становились болѣе многочисленными, въ степи строились новыя укрѣпленія и уже изъ нихъ высылались развѣдочные и сторожевые отряды. Такова была въ общихъ чертахъ организація обороны южной окраины Московскаго государства въ концѣ XVI и XVII вѣковъ. Для несенія нелегкихъ и опасныхъ службъ по этой оборонѣ привлекалось мѣстное населеніе, для прироста котораго на югѣ Московское правительство принимало свои мѣры, посылая въ южные города сведенцевъ изъ другихъ мѣстностей государства. Брало оно на службу и тѣхъ переселенцевъ, которые брели на югъ изъ центральныхъ областей, спасаясь отъ тяжелыхъ для нихъ условій существованія

въ московской Руси. Охотно принимались также тѣ люди, которые возвращались въ предѣлы Руси, побывавъ уже за рубежомъ, сойдя на Донъ «въ вольные казаки» и т. д.

Населеніе южной окраины, въ большинствѣ своемъ служилое, принадлежало къ наименѣе хорошо поставленнымъ въ государствѣ классамъ общества. Тяжелая служба, постоянныя опасности, невысокое положеніе среди другихъ разрядовъ московскихъ людей, необходимость обрабатывать землю не только на свой обиходъ, но и для прокормленія тѣхъ войскъ, которыя присылались изъ Москвы для охраны границы, все это дѣлало жителей южной окраины однимъ изъ наиболѣе недовольныхъ элементовъ въ государствѣ [15]). Завѣдываніе такимъ населеніемъ требовало особаго умѣнья и способностей. И въ этомъ отношеніи выборъ Никиты Романовича Юрьева нельзя не признать удачнымъ. Впрочемъ не онъ былъ первымъ организаторомъ или, вѣрнѣе, реорганизаторомъ станичной и сторожевой службы. Его предшественникомъ былъ знаменитый воевода и бояринъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, назначенный 1 января 1571 года «вѣдати станицы и сторожи и всякіе.. государевы польскія службы». Ему то и принадлежатъ первыя распоряженія относительно посылки станицъ и сторожей изъ разныхъ южныхъ городовъ Московскаго государства [16]). Однако уже въ слѣдующемъ году мы видимъ во главѣ этого дѣла боярина Никиту Романовича Юрьева, который и завѣдывалъ имъ, повидимому, непрерывно почти до самой смерти. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ распоряженія его по дѣлу обороны южной окраины въ 1572, 1576, 1577, 1578, 1580 и 1586 годахъ. Въ то же время, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, въ эти годы на Никиту Романовича возлагались и другія порученія. Напримѣръ въ 1575 году онъ стоитъ во главѣ войскъ, осаждавшихъ Пернау. Распоряженія Никиты Романовича касаются разныхъ сторонъ его дѣятельности, какъ начальника развѣдочной службы на южной окраинѣ. Такъ онъ съ дьякомъ Вас. Щелкаловымъ изучаетъ новую дорогу въ степи, дорогу, которой стали пользоваться татары. Затѣмъ одинъ или съ другими боярами Никита Романовичъ опредѣляетъ способъ несенія сторожевой службы, время, когда надо начинать ее, разстоянія, которыя надо обслуживать развѣдчикамъ, сроки, на которые они посылались въ степь, и тому подобныя подробности [17]). На ряду съ этимъ царскому шурину приходилось озаботиться лучшимъ обезпеченіемъ служилыхъ людей, поставить ихъ существованіе въ болѣе сносныя и справедливыя условія. Станичники и сторожи, которые несли тяжелую

развѣдочную службу, дѣти боярскіе, помѣстные и безпомѣстные, атаманы, сторожевые казаки безпрестанно подавали на государево имя челобитныя съ просьбой объ удовлетвореніи ихъ многообразныхъ нуждъ. Челобитья эти шли на разсмотрѣніе Никиты Романовича. Въ рѣшеніяхъ по поводу этихъ прошеній сказывалась справедливость и гуманность царскаго шурина, соединявшіяся съ его радѣньемъ государеву дѣлу, т. е. интересамъ службы.

Благодаря заботливости и вниканію въ нужды подчиненныхъ Никитой Романовичемъ были произведены въ положеніи служилыхъ людей на южной окраинѣ слѣдующія перемѣны. Было отмѣнено обыкновеніе отправлять въ «польскія» (т. е. полевыя) посылки и сторожи по спискамъ полковыхъ воеводъ, которые, обыкновенно, изъ своихъ полковъ отправляли самыхъ негодныхъ дѣтей боярскихъ, а было постановлено составлять нужные списки въ центральномъ вѣдомствѣ, завѣдывавшемъ служилыми по отечеству людьми, «въ Розрядѣ». При этомъ урегулирована была и служба этихъ дѣтей боярскихъ. Состоялось постановленіе, по которому «дважды бы однихъ дѣтей боярскихъ врядъ на польскую службу не посылати, для великія нужи будетъ перемѣнить ихъ некѣмъ, или по ихъ охотѣ». Для безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ «по приговору Никиты Романовича была постановлена ежегодная выдача денежнаго жалованья. Улучшено было также положеніе сторожевыхъ казаковъ: имъ былъ увеличенъ помѣстный окладъ въ $2^1/_2$ раза (съ 20 четей до 50). Кромѣ того имъ «приговорили давать денежное жалованье «въ третей годъ по три рубли человѣку для сторожевыя службы, чтобъ имъ безконнымъ не быти[18])».

Такими и цѣлымъ рядомъ подобныхъ распоряженій Никита Романовичъ не могъ не заслужить себѣ признательности со стороны населенія южной окраины, съ которой его связала столь долговременная и плодотворная служба. Не оттуда ли идетъ популярность Никитичей среди казачьихъ элементовъ, которая сказалась, какъ мы увидимъ ниже, впослѣдствіи и которая легко могла зародиться именно благодаря отношеніямъ Никиты Романовича къ «Югу» и его доброй справедливости?

Что личность царскаго шурина и боярина была очень популярна въ широкихъ слояхъ русскаго населенія, доказываютъ лучше всего народныя пѣсни о немъ. Въ одной изъ нихъ, посвященной князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, этотъ полководецъ представленъ современникомъ Грознаго и Никиты Романовича. Послѣдній въ отвѣтъ на просьбу

Скопина помочь осажденной литовцами Москвѣ сожалѣетъ сначала объ утраченной молодости, затѣмъ оборачивается бѣлымъ горностаемъ и «выщелкиваетъ» въ оружейныхъ «магазеяхъ» «замочки отъ ружей»; ставъ послѣ того сѣрымъ волкомъ онъ «выторкалъ» у непріятельскихъ лошадей «всѣ глотки». Наконецъ, Никита Романовичъ дѣлается добрымъ молодцемъ и идетъ воевать съ врагами.

Если въ вышеизложенномъ произведеніи народнаго творчества прославляется умъ и сверхъестественныя чародѣйскія силы знаменитаго боярина, то въ пѣснѣ о Мамстрюкѣ Темврюковичѣ, другомъ царскомъ шуринѣ, братѣ второй жены Грознаго, Маріи, рисуются близкія отношенія Никиты Романовича и къ царю и къ народу. Ближній бояринъ докладываетъ царю о желаніи заѣзжаго княжича «загонять сильно царство Московское». Царь, выслушавъ Никиту Романовича, сказалъ ему: «ты садися на добра коня, побеги по всей Москве по широкимъ улицамъ». По приказу Грознаго «дядюшка», какъ ласкательно зоветъ народная пѣсня любимаго боярина, ѣдетъ по Москвѣ, находитъ 2-хъ борцовъ, 2-хъ братьевъ Борисовичей и сводитъ ихъ съ Мамстрюкомъ. Пѣсня кончается посрамленіемъ заѣзжаго черкасскаго князька и побѣдой русскихъ борцовъ, которыхъ беретъ подъ свое покровительство самъ царь.

Народное воображеніе не довольствовалось тѣмъ, что вспоминало излюбленнаго «дядюшку» Никиту Романовича въ пѣсняхъ о другихъ лицахъ. Оно сложило пѣсню, посвященную почти исключительно его прославленію. На пиру у Грознаго,—говорится въ этой пѣснѣ,—царь похвастался тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ русской земли. Царевичъ Иванъ, сидѣвшій за царскимъ столомъ, возразилъ на это, что главный измѣнникъ безнаказанно дѣйствуетъ. Въ отвѣтъ на гнѣвныя допытыванья отца царевичъ указалъ на своего младшаго брата, Θеодора. Грозный, разъярившись, приказываетъ казнить сына. Малюта Скуратовъ съ готовностью хватаетъ Θеодора и ѣдетъ съ нимъ на Поганую лужу. Узнаетъ объ этомъ отъ своей сестры, царицы Анастасіи, Никита Романовичъ, сѣдлаетъ онъ добраго коня и мчится въ погоню за Малютой. Догнавъ лютаго опричника, онъ бьетъ его до смерти со словами: «не за свой кусъ ты, собака, хватаешься и этимъ кусомъ самъ подавишься». Со спасеннымъ отъ смерти царевичемъ возвращается радостно Никита Романовичъ въ Москву. Тамъ царь погруженъ въ печаль и всѣмъ приказалъ ходить въ черномъ платьѣ. Въ праздничной одеждѣ идетъ царскій шуринъ къ Іоанну, и дѣло объясняется. Грозный отъ гнѣва и печали переходитъ

къ бурной радости и сулитъ Никитѣ Романовичу «города съ селами». Однако Никита безкорыстенъ. «Не беру я городы съ пригородками, Не надо мнѣ селъ со приселками... А ты пожалуйка Микитину вотчину: Кто коня угналъ, кто жену увелъ, Да ушелъ въ Микитину вотчину, Того въ Микитиной вотчинѣ не взыскивати». Въ позднѣйшей обработкѣ только что пересказанной пѣсни, обработкѣ, сложенной въ далекой Сибири, все дѣло передается съ нѣсколько иными подробностями. Царевичъ Θеодоръ навлекаетъ на себя гнѣвъ грознаго отца тѣмъ, что, упомянувъ о трехъ боярахъ Годуновыхъ, какъ главныхъ измѣнникахъ, не желаетъ назвать ихъ именъ. Когда Малюта Скуратовъ увозитъ царевича на казнь, вѣсть объ этомъ доходитъ до «стараго» Никиты Романовича. Онъ догоняетъ палача и уговариваетъ казнить вмѣсто Θеодора своего любимаго конюха. Пріѣхавъ въ свою Романовскую вотчину, дядя празднуетъ спасеніе племянника веселымъ пиромъ. Годуновы стараются навлечь на Никиту Романовича царскую опалу и разсказываютъ о пирѣ, не зная его причины. Царь спѣшитъ къ своему шурину, въ ярости пронзаетъ его ногу своимъ жезломъ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, пожаловалъ «старова Никиту Романовича» «погребъ злата и серебра», второе «питья разнова, а сверхъ того грамота тарханная кто церкву покрадетъ мужика ли убьетъ а хто у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ во село во боярское ко старому Никите Романовичу и тамъ быть имъ не в выдаче» [19]).

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, пѣснь сложена въ буйной казачьей средѣ. Характерно, что и тамъ личность Никиты Романовича рисуется въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Онъ не боится противостать самому Грозному, презрительно обходится съ его любимцемъ—опричникомъ Малютой и отказывается отъ богатыхъ даровъ царя съ тѣмъ, чтобы сдѣлать свою отчину прибѣжищемъ злосчастныхъ людей, которымъ, въ случаѣ ихъ поимки, грозили страшныя кары. Такъ высоко стоялъ образъ «дядюшки», «стараго» Никиты Романовича въ народномъ воображеніи.

III.

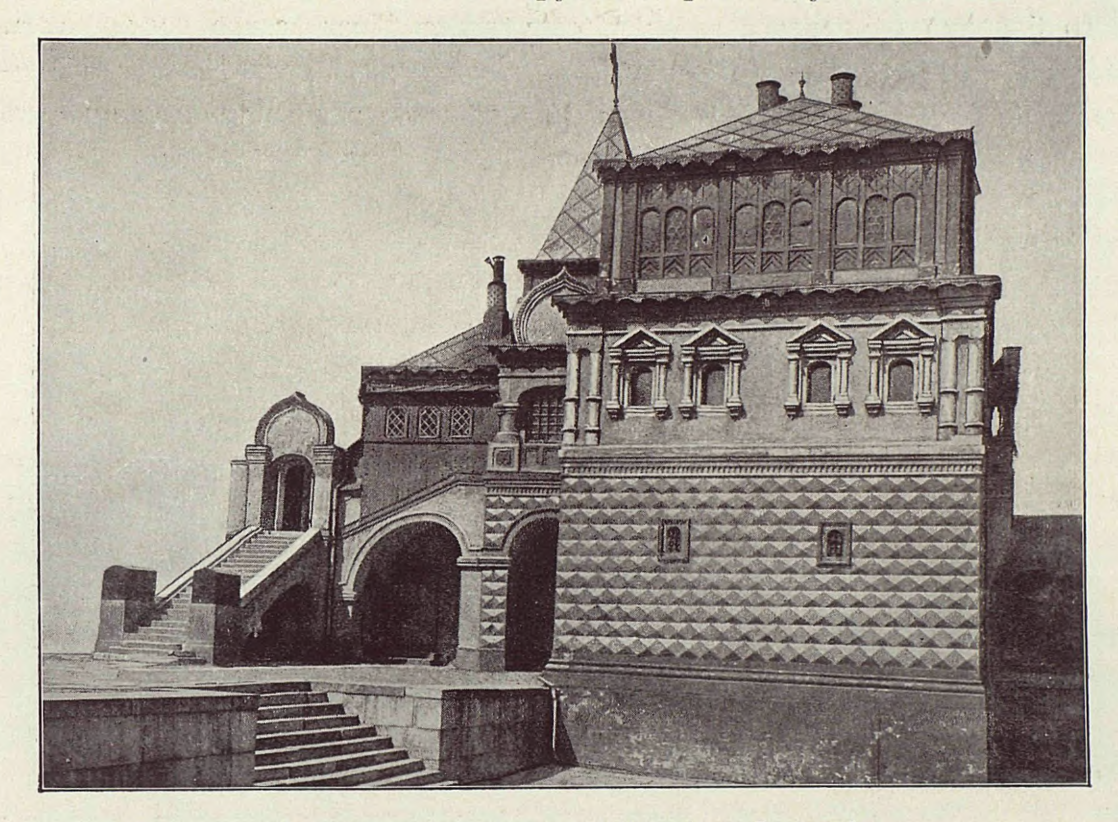
Мы познакомились съ дѣятельностью и личностью царскаго шурина и ближняго боярина Никиты Романовича Юрьева. Прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ годахъ его жизни, у насъ на очереди стоитъ любопытный и нелишенный нѣкотораго значенія вопросъ, соотвѣтствовали ли

положенію этого боярина его матеріальныя средства. Прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на поставленный нами вопросъ, нужно признать, что вполнѣ удовлетворительно разрѣшить его мы въ настоящее время не въ состояніи [20]). «Фамилія Романовыхъ»,—говоритъ авторъ изслѣдованія «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи»,—«какъ по родству съ царскимъ домомъ, такъ и по мѣстничеству, стояла высоко среди московской знати въ исходѣ XVI столѣтія, но о богатствѣ ея намъ не пришлось встрѣтить особыхъ указаній. Во всякомъ случаѣ состояніе Романовыхъ, какъ опальныхъ бояръ при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ, должно было сильно пошатнуться» [21]). Вполнѣ соглашаясь съ Е. П. Карновичемъ во второмъ случаѣ, не можемъ вполнѣ принять его перваго замѣчанія. Указанія на богатства Романовыхъ есть, но ихъ надо собрать и свести воедино. Тогда, если и не создастся цѣльной картины, то получится вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе.

Прежде всего отмѣтимъ, что уже предки Романовыхъ, Кошкины, обладали громадными богатствами, заключавшимися сообразно господствовавшему у насъ въ то время типу народнаго хозяйства главнымъ образомъ въ земельныхъ вотчинахъ. О земельномъ довольствѣ Кошкиныхъ мы можемъ заключить по подарку, сдѣланному одной изъ представительницъ рода Маріей Голтяевой, невѣсткой Ѳеодора Кошки. Въ половинѣ XV вѣка она отдала своему любимому правнуку, князю Борису Волоцкому, слѣдующія земли: «на Коломнѣ села Проскурниковъское, да Веденьское и з деревнями, и на Городнѣ деревня, и на Москвѣ за Похрою Розсудовские села Зверевъское и Барановъское, и иные селца и зъ деревнями и съ пустошми, и въ Володимере Симизиньские села и Лазарьское и Котязино, и что къ тѣмъ селомъ потягло, какъ было за Марьею; да у города у Володимеря Евнутьевъское село, да на Костромѣ на Волзѣ Нижняя Слобода со всѣми деревнями, да Базѣевъское, да Мануиловъское и зъ деревнями, да на Вологдѣ Турандаевъское, да Понизовное, да Ковылиньские (варіантъ: Кобылинские) села, да Горка, да на Шошѣ деревни, да у Москвы село Шарапово зъ деревнями, да Лошаково зъ деревнями, да лугъ на рощѣ на Москвѣ подъ Крутицею, да въ Берендѣевѣ село Ростовцовъское зъ деревнями, да въ Кинелѣ Суровцово, да Тимоѳѣевъское, да Микульское.... да...... дворъ свой внутри города на Москвѣ» [22]). Кромѣ земельныхъ владѣній Голтяева имѣла еще казну, которую во время междоусобій разграбили было сторонники Шемяки [23]). Другой представитель рода, Захарій Ивановичъ, родной прадѣдъ Никиты Романовича,

былъ тоже, повидимому, очень богатъ. Вспомнимъ пресловутую исторію съ драгоцѣннымъ золотымъ поясомъ, усаженнымъ самоцвѣтными каменьями, разыгравшуюся на свадьбѣ великаго князя Василія Васильевича. Обладаніе такимъ поясомъ является признакомъ большого благосостоянія его владѣльца: въ тѣ времена подобныхъ вещей не очень много было и въ великокняжеской казнѣ.

Конечно, богатства, собранныя предками, распредѣлялись между многочисленнымъ потомствомъ; но съ другой стороны служба на важныхъ и,

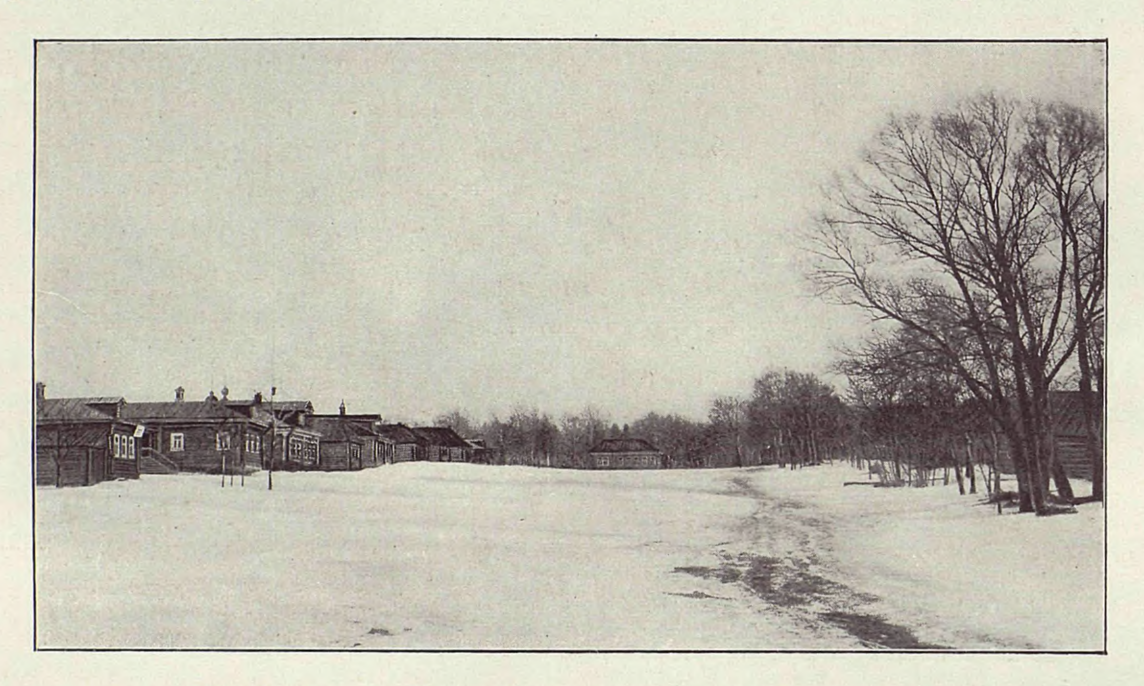

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, на Варваркѣ.

по обычаямъ того времени, доходныхъ должностяхъ намѣстниковъ и волостелей, царскія пожалованія, приданое должны были увеличивить средства Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Никита Романовичъ, оба раза выгодно женатый, унаслѣдовавшій по всей вѣроятности состояніе, оставшееся послѣ смерти дѣтей Даніила Романовича, служившій столь долго въ важнѣйшемъ санѣ боярина, неизмѣнно пользовавшійся царскимъ расположеніемъ, братъ любимой жены царя естественно долженъ былъ обладать большимъ состояніемъ. Конфискація, постигшая имѣнія Никитичей при царѣ Борисѣ, мѣшаетъ намъ съ точностью опредѣлить размѣры земельнаго богатства,

оставленнаго имъ отцомъ. Однако по вотчинамъ Ивана Никитича и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ можно въ общихъ, конечно, чертахъ прослѣдить, какими землями обладалъ Никита Романовичъ. Подобную работу предпринялъ недавно капитанъ Корпуса военныхъ топографовъ М. Я. Кожевниковъ, любезно предоставившій въ наше распоряженіе карту, на которую онъ, пользуясь указаніями печатнаго матеріала, нанесъ владѣнія Никиты Романовича и его ближайшаго потомства.

Изучая эту карту, видимъ, что вотчины царскаго шурина и ближняго боярина находились во многихъ уѣздахъ Московскаго государства. Прежде всего отмѣтимъ усадьбу Романовыхъ въ Москвѣ, въ Китай-городѣ, на Варваркѣ. Палаты бояръ Романовыхъ, заново построенныя въ

Общій видъ села Клины, Владимірской губ. Юрьевскаго уѣзда.

XIX вѣкѣ, занимаютъ лишь часть этой усадьбы. Затѣмъ подъ Москвой находился рядъ селъ и деревень Никиты Романовича какъ-то: Ромашково, Ермолино, Еганово, Измайлово. Далѣе въ близъ лежащихъ уѣздахъ этотъ бояринъ владѣлъ между прочимъ Братовщиной, Чашниковымъ, Куровымъ, Андревскимъ, Степановскимъ, Ѳедоровскимъ, Жуковымъ и мн. др.

Если отъ Москвы и окрестныхъ уѣздовъ обратиться къ востоку, то придется указать на Заколпье и Георгіевское, какъ Муромскія владѣнья Никиты Романовича. Къ сѣверо-востоку отъ столицы названный бояринъ

входилъ Кишлеевымъ близъ Владимира и цѣльнымъ рядомъ земель около Юрьева-Польскаго. Назовемъ Клинъ (или Клины), Петровское, Смердово, Пычево. Идя далѣе къ сѣверо-востоку, встрѣчаемся съ вотчиной Никиты Романовича Денисовымъ недалеко отъ Ярославля.

Если мы продолжимъ свой путь за Волгу и обратимся къ Костромскому краю къ бассейну рѣки Унжи и уѣздамъ городовъ Галича, Чухломы, Солигалича, то мы вступимъ въ область наиболѣе крупныхъ владѣній царскаго шурина и боярина. Здѣсь можно указать на такія земли, села и деревни, какъ Анофріево, Унжу, Шулеву, Зосима-Савватій, Никола Мокрый, Спасъ, Березники, Парфентьевъ, Степурино, Верховье и т. д.

Владѣлъ Никита Романовичъ нѣкоторыми землями и въ Тверскомъ краѣ. Такъ упоминается среди его вотчинъ Свистуново (подъ самой Тверью) и Тургиново. Между Бѣжецкимъ верхомъ и Москвою находились такія вотчины названнаго боярина какъ Хабойкое, Суслово, Лихачево и Ѳедорково. Наконецъ въ Новгородскомъ краѣ, ближе къ Старой Русѣ, встрѣчаемся съ Романовской вотчиной Бурегами.

На западъ отъ Москвы упоминается лишь вотчина Никиты Романовича въ Вязьмѣ. Зато въ такъ называемыхъ южныхъ уѣздахъ названному боярину принадлежалъ цѣлый рядъ земель. Напримѣръ, въ Калужскомъ краѣ Никита Романовичъ владѣлъ Карамышовымъ и Спасскимъ. Между Ряжскомъ и Епифанью ему принадлежали Вослеба, Кремнево и другія земли. Наконецъ находимъ указанія на владѣнія Никиты Романовича въ Данковѣ и Ельцѣ. Наиболѣе крупными вотчинами его здѣсь являются Романово, Мокрое, Студенецъ, Сырская, Троицкое [24]).

Таковъ перечень, далеко неточный и неполный, земельныхъ богатствъ Никиты Романовича. Изъ него можно заключить, что они были громадны. Но кромѣ того мы имѣемъ и другія указанія на громадныя средства любимаго царскаго шурина. Между прочимъ офиціальное жизнеописаніе патріарха Филарета прямо сообщаетъ что Борисъ у Никитичей «премногая» «имѣнія отъемъ» [25]). Затѣмъ въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ народной пѣсни говорится о томъ, что царь пожаловалъ старому Никитѣ Романовичу погребъ злата и сребра. Такое сообщеніе пѣсни показываетъ, что, по представленію народному, богатства названнаго боярина были велики. Наше заключеніе подтверждается другой народной пѣсней, повѣствующей объ избраніи Михаила Ѳеодоровича въ цари. По словамъ этой пѣсни князь Дмитрій Пожарскій

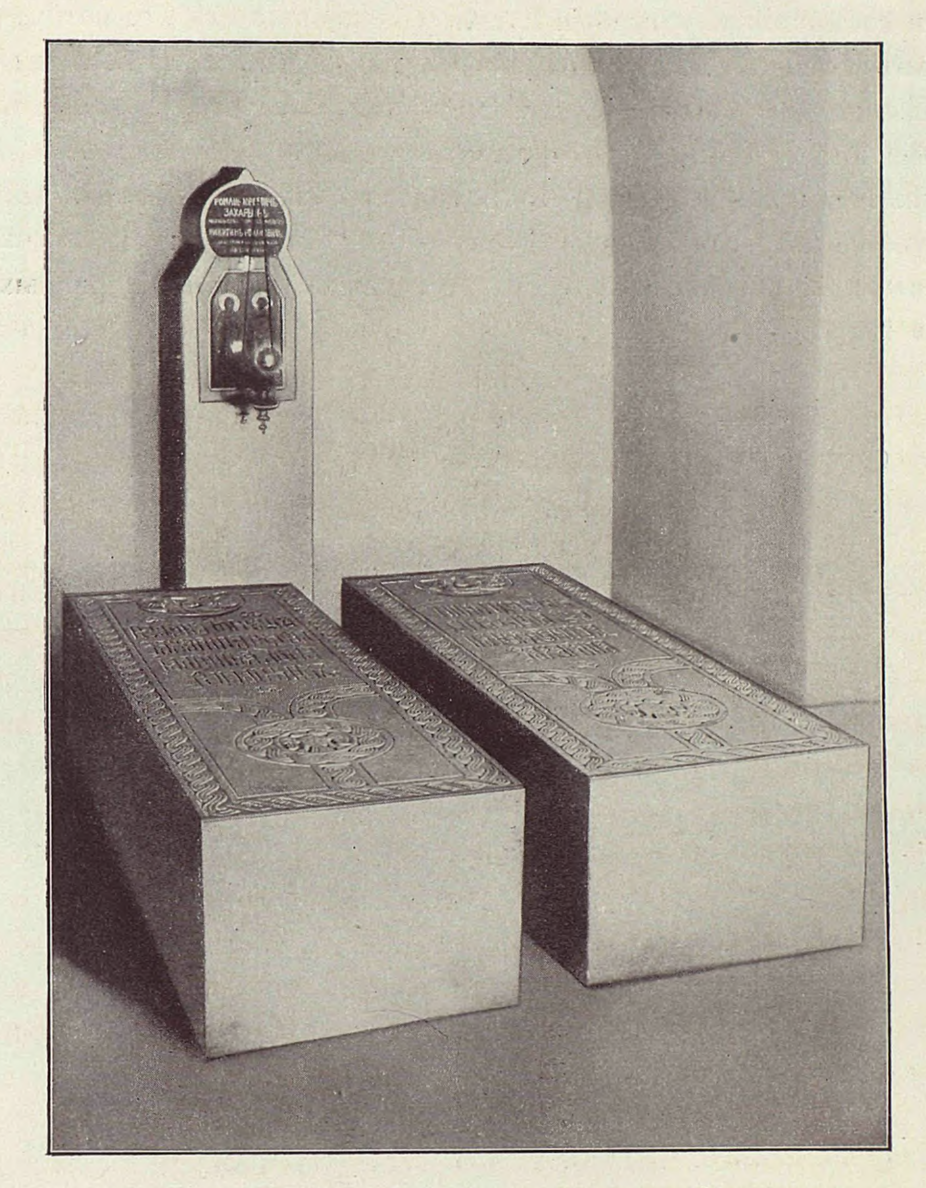
предлагаетъ: «Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари изъ славнаго изъ богатаго дому Романова—Михаила сына Өеодоровича» [26]).

Помимо смутныхъ народныхъ преданій мы имѣемъ извѣстіе о богатствѣ Никиты Романовича, идущее изъ иностраннаго источника. Англійскій посолъ при дворѣ Грознаго Боусъ, недоброжелатель царскаго шурина, разсказывалъ, будто голландцы заняли у этого царскаго приближеннаго столько денегъ по 25%, что ежегодно платятъ ему по 5.000 марокъ. Принимая марку за рубль, найдемъ, что капиталъ, отданный въ ростъ Никитой Романовичемъ, равнялся 20.000 рублей. Намъ нечѣмъ повѣрить правдивости словъ Боуса, который изъ своего разсказа сдѣлалъ такой выводъ. Голландцы дали боярину замаскированную взятку, чтобы главный совѣтникъ государя держалъ ихъ сторону противъ англичанъ; отъ послѣднихъ въ то время, дѣйствительно, были отняты ихъ прежнія исключительныя торговыя льготы. Однако хитрый англичанинъ оставилъ въ тѣни обстоятельства, послужившія причиной отобранія этихъ льготъ: недоброжелательство англичанъ къ Россіи, желаніе монополизировать всю внѣшнюю торговлю Руси въ свою пользу и участіе нѣкоторыхъ англійскихъ подданныхъ въ войнѣ противъ Московскаго государства [27]).

Не придавая полной вѣры словамъ Боуса, всетаки не можемъ не видѣть въ нихъ указаній на средства Никиты Романовича и на вліяніе этого сановника при Грозномъ. Но не далеко было время, когда значеніе царскаго шурина и ближняго боярина должно было еще болѣе возрасти. Царь, преждевременно состарившійся и одряхлѣвшій, умеръ 17 марта 1584 года, не имѣя полныхъ 54 лѣтъ отъ рожденія. На престолъ вступилъ его сынъ Өеодоръ. По извѣстіямъ многихъ бытописателей того времени Грозный, видя неспособность своего преемника къ управленію государствомъ, поручилъ попеченіе о немъ и о царствѣ нѣсколькимъ лицамъ. При этомъ всѣ источники сходятся на имени Никиты Романовича, согласно указывая на него, какъ на одного изъ такихъ сановниковъ [28]). Авторъ Хронографа редакціи 1617 года называетъ по этому поводу царскаго дядю «ближнимъ пріятелемъ» молодого государя и говоритъ, что онъ былъ «благоуменъ и смысленъ и разуменъ зѣло», «яко могущу управить Русійскаго государства державъство все» [29]).

С. Ө. Платоновъ не вѣритъ сообщеніямъ о какихъ-бы то ни было формальныхъ распоряженіяхъ Грознаго относительно учрежденія совѣта близкихъ къ царю Өеодору лицъ, назначенныхъ быть опекунами малоспособнаго государя. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что первое время

царствованія Θеодора Никита Романовичъ «сохранялъ за собою безспорное первенство» [30]). Иначе и быть не могло, какъ по близости этого боярина къ своему родному племяннику-царю, такъ и по опытности его въ государственныхъ дѣлахъ.

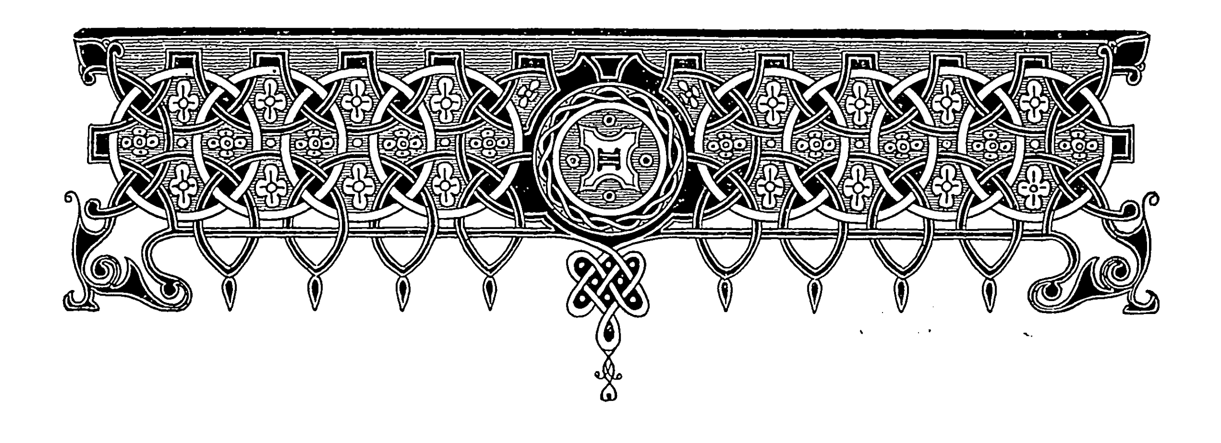

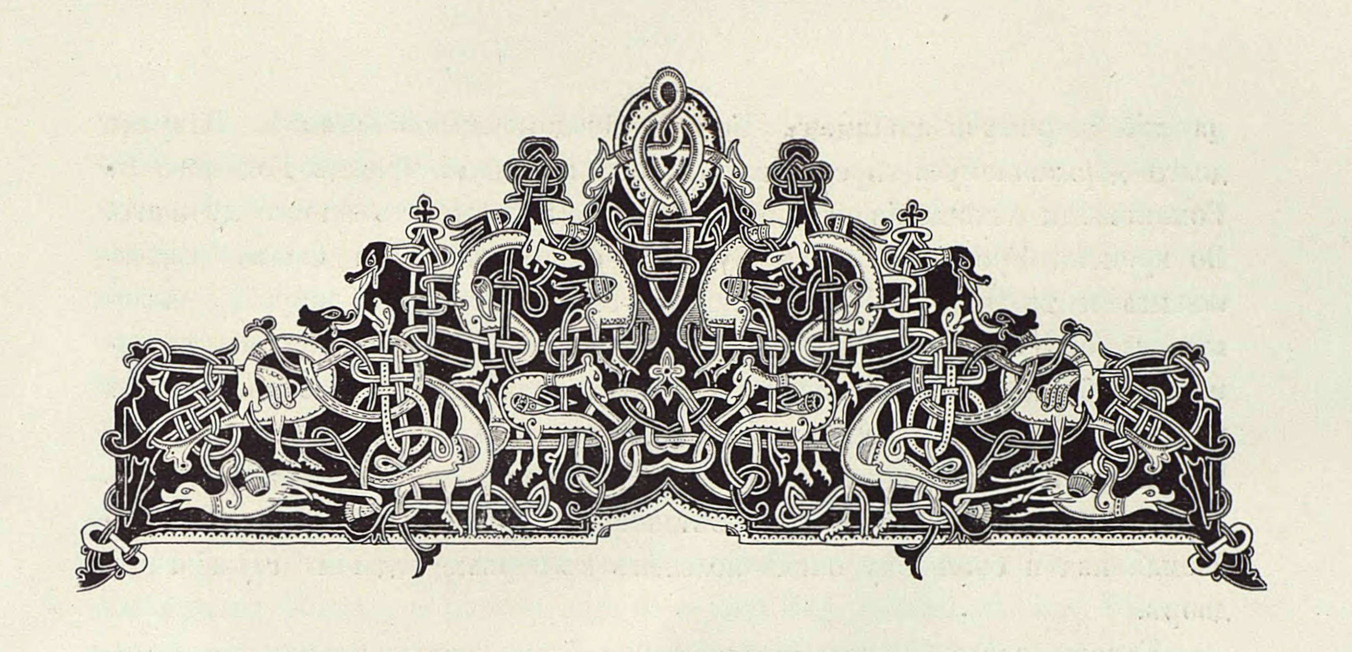
Гробницы Романа Юрьевича и Никиты Романовича Захарьиныхъ.

Однако недолго пришлось Никитѣ Романовичу нести бремя правленія Русью. Въ августѣ 1584 года тяжкая болѣзнь постигла его и лишила возможности заниматься государственными дѣлами [31]). Однако, повидимому, Никита Романовичъ не переставалъ интересоваться ими. Такъ

за какихъ-нибудь два-полтора мѣсяца до смерти, онъ слушалъ докладъ о станичной и сторожевой службѣ и положилъ на этомъ докладѣ свою резолюцію [32]. Въ этой ревности къ службѣ можно узнать достойнаго представителя того рода, который усердно помогалъ своимъ государямъ въ дѣлѣ собиранія и устроенія Руси.

Долго боролся Никита Романовичъ съ своимъ смертельнымъ недугомъ. Но дни его были сочтены. Тогда онъ постригся и принялъ схиму подъ именемъ Нифонта. Это произошло, вѣроятно, за нѣсколько дней до его кончины, а 23-го апрѣля 1586 года не стало любимаго народомъ «дядюшки» «стараго» Никиты Романовича [33]. Онъ упокоился на вѣки послѣ славной, исполненной государственныхъ трудовъ и ратныхъ подвиговъ жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Никитичи и опала на нихъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ.

I.

СО СМЕРТЬЮ Никиты Романовича осиротѣла многочисленная и дружная семья Никитичей. Отъ брачнаго союза скончавшагося въ 1587 году боярина съ княжной Евдокiей Александровной Горбатой родилось 7 сыновей и 6 дочерей. Почти всѣ они за исключенiемъ умершей въ младенчествѣ Iулiании пережили своихъ родителей [1]). Умирая Никита Романовичъ былъ озабоченъ судьбой своихъ любимыхъ дѣтей. Отличаясь способностями и энергiей,—особенно старшiй изъ нихъ Ѳеодоръ,—дѣти стараго царскаго дяди могли за себя постоять, но были еще слишкомъ молоды [2]) и при этомъ окружены недоброжелателями-боярами: вспомнимъ 1553 годъ и поведенiе князей-бояръ во время тяжкой болѣзни молодого тогда Грознаго. Опричина подавила, принизила княжатъ, но, конечно, не способствовала выработкѣ въ нихъ нѣжныхъ чувствъ къ царю и его новымъ роднымъ. Поэтому, думалось умирающему Никитѣ Романовичу, его дѣтямъ необходимо было заручиться расположенiемъ влiятельнаго лица, находившагося въ одинаковыхъ съ Никитичами условiяхъ. Такимъ человѣкомъ былъ

царскій шуринъ и любимецъ Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Вопреки долго державшемуся представленію объ исконной враждѣ Годунова съ Романовыми отношенія ихъ долго не оставляли желать ничего лучшаго. Во времена Грознаго, когда будущій царь всея Руси былъ совсѣмъ юнымъ и только что начинающимъ свою блестящую карьеру человѣкомъ, онъ очень дружилъ съ опытнымъ и умнымъ царскимъ шуриномъ и ближнимъ совѣтникомъ. Свойство по Иринѣ Θеодоровнѣ, женѣ царевича Θеодора и сестрѣ Бориса, еще болѣе сблизило Юрьевыхъ-Романовыхъ съ Годуновымъ. Никита Романовичъ, повидимому, полюбилъ даровитаго, вкрадчиваго и привѣтливаго шурина своего царственнаго племянника и былъ ему очень полезенъ въ первые годы его службы при дворѣ.

Теперь, когда Борисъ Θеодоровичъ былъ могущественнымъ человѣкомъ въ государствѣ благодаря своему вліянію на сестру царицу и шурина царя, къ нему обратился на смертномъ одрѣ царскій дядя и ближній пріятель съ просьбой беречь и охранять его дѣтей. Годунову въ свою очередь важно было видѣть въ близкой роднѣ государя, двоюродныхъ братьяхъ и сестрахъ его, друзей себѣ, а не враговъ. Борису, еще болѣе чѣмъ Романовымъ, необходимы были союзники; титулованное боярство, не расположенное къ нетитулованнымъ Романовымъ-Юрьевымъ-Захарьинымъ, еще менѣе склонно было спокойно сносить верховенство надъ собой гораздо менѣе родовитаго потомка Мурзы Четы. Недаромъ въ глазахъ аристократически настроеннаго Тимоθеева Борисъ былъ «средороденъ и средочиненъ по всему», а дочери знатныхъ московскихъ бояръ были по мнѣнію этого писателя для Годунова «госпожами».

Поэтому царскій шуринъ и конюшій бояринъ охотно пошелъ навстрѣчу желанію своего давняго благожелателя, царскаго дяди Никиты Романовича. Онъ далъ «клятву» «къ великому боярину» имѣть о его «чадѣхъ соблюденіе». И долго продолжался между Годуновымъ и молодыми Никитичами Романовыми «завѣщательный союзъ дружбы» [3]). Царскій шуринъ прекрасно ладилъ съ двоюродными братьями царя, а въ свою очередь Романовы не приняли участія въ той интригѣ Шуйскихъ, которая была направлена противъ царицы Ирины, а, стало быть, главнымъ образомъ противъ Бориса Годунова [4]).

Вскорѣ по смерти отца старшему изъ его молодыхъ сыновей, Θеодору Никитичу, упоминавшемуся до этого времени иногда при при-

дворныхъ торжествахъ, пожалованъ былъ санъ боярина. Это случилось въ 1586—1587 году [5]). Одновременно съ этимъ второй сынъ Никиты Романовича, Александръ, былъ назначенъ царскимъ кравчимъ [6]). Остальные по молодости своей служили, вѣроятно, въ стольникахъ и иныхъ, менѣе важныхъ, придворныхъ чинахъ [7]). Отношенія между Никитичами и правителемъ государства, какимъ сталъ Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, были въ общемъ мирными, хотя, быть можетъ, иногда дѣло и не обходилось безъ треній. Такъ Исаакъ Масса, голландецъ, проживвшій въ Россіи около 8 лѣтъ съ 1601—1602 года, разсказываетъ такой случай, имѣвшій будто бы мѣсто во время царствованія Θеодора Ивановича. Однажды, когда царь шелъ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь, холопы Александра Никитича хотѣли занять одинъ изъ домовъ въ селѣ Воздвиженскомъ для остановки въ немъ своего господина. Однако холопы Бориса Годунова, облюбовавшие эту же избу для своего боярина, насильственно удалили ихъ оттуда. Холопы Александра Никитича пожаловались своему господину на такой поступокъ и получили въ отвѣтъ приказаніе всегда уступать. Въ то же время о своеволіи Борисовыхъ холоповъ было доведено до свѣдѣнія царя, который сказалъ своему любимцу: «Борисъ, Борисъ, ты уже слишкомъ много позволяешь себѣ въ царствѣ; всевидящій Богъ взыщетъ на тебѣ». Такое замѣчаніе будто-бы «такъ уязвило Бориса, что онъ поклялся отомстить и сдержалъ свое слово, когда сталъ царемъ» [8]).

Конечно, такое происшествіе могло случиться, но оно настолько мелочно, что врядъ ли само по себѣ могло вызвать вражду между Борисомъ и Никитичами. Во всякомъ случаѣ при Θеодорѣ эта вражда ни въ чемъ замѣтномъ не проявилась. И дѣти Никиты Романовича счастливо устраивали свою семейную жизнь, находясь при этомъ въ приближеніи къ государеву двору. Всѣ они поженились или повышли замужъ, при чемъ путемъ браковъ породнились или стали въ еще болѣе близкія отношенія къ многимъ знатнѣйшимъ родамъ въ государствѣ. Назовемъ хотя бы князей Черкасскихъ, Голицыныхъ, бояръ Шереметевыхъ и т. д. [9]).

Держались Никитичи дружно и сплоченно. Принадлежа, какъ замѣчаетъ Масса, къ «самому знатному, древнѣйшему и могущественнѣйшему въ землѣ Московской» роду, они жили очень скромно и были всѣми любимы. «При этомъ каждый изъ нихъ держалъ себя съ царскимъ достоинствомъ». Всѣ братья кромѣ привѣтливости и скромнаго образа

жизни отличались красивою наружностью, походя этимъ на своего старшаго брата.

Θеодоръ Никитичъ превосходилъ всѣхъ своихъ братьевъ. По свидѣтельству только что названнаго иностраннаго писателя это былъ «красивый мужчина, очень ласковый ко всѣмъ и такъ хорошо сложенный, что московскіе портные обыкновенно говорили, когда платье сидѣло на

Церковь и главная улица въ с. Домнинѣ, бывшемъ вотчиной матери Царя Михаила Θеодоровича.

комъ нибудь хорошо: «вы второй Θедоръ Никитичъ». «Онъ такъ хорошо сидѣлъ на конѣ»,—прибавляетъ Масса,—«что всѣ видѣвшіе его приходили въ изумленіе» [10]).

Слова Массы о привлекательной внѣшности Θеодора Никитича подтверждаются и дошедшими до насъ портретами его, уже въ старости, когда бывшій щеголь, красавецъ и страстный любитель охоты сталъ смиреннымъ Филаретомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Руси. О пристрастіи Θеодора Никитича къ охотѣ и при томъ охотѣ въ старомъ русскомъ вкусѣ съ ловчими птицами и собаками свидѣтельствуетъ документъ 1605 года, освѣдомляющій насъ о томъ, какъ невольный по-

Образъ святого Михаила Малеина.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

стрижникъ и затворникъ снова сталъ вспоминать «про мирское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ» [11]).

Недаромъ вспоминалось иноку Филарету его «мірское житіе». Во время царствованія Θеодора Ивановича старшій изъ его двоюродныхъ братьевъ наслаждался большимъ счастьемъ, выпавшимъ ему на долю. Онъ былъ женатъ на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой, происходившей отъ хорошей, хотя и сильно уступавшей Романовымъ Юрьевымъ въ знатности, московской фамиліи, которая была въ родственныхъ связяхъ съ Салтыковыми. Отецъ ея владѣлъ вотчинами въ Костромскомъ краѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ знаменитое Домнино, пошло въ приданое за его дочерью. Отъ брака съ Ксеніей Ивановной бояринъ Θеодоръ Никитичъ имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей. Большинство изъ нихъ умерло въ раннемъ младенчествѣ [12]). Въ живыхъ остались лишь дочь Татьяна и сынъ Михаилъ Θеодоровичъ. Онъ былъ, повидимому, младшимъ въ семьѣ, родившись 12-го іюля 1596 года [13]). Не знаемъ, какъ протекли первые годы будущаго великаго государя и царя всея Руси. Сохранилось до нашего времени лишь нѣсколько предметовъ, которые преданіе усвапваетъ ребенку Михаилу Θеодоровичу: колыбелька, стуликъ, рукавички, туфельки, игрушечки. Одно можно сказать съ увѣренностью: нѣжный отецъ окружалъ своихъ дѣтей любовью, ласками и заботами. «Малые де мои дѣтки»,—съ глубокой горестью говорилъ впослѣдствіи ссыльный инокъ Филаретъ,—«маленьки де бѣдные осталися; кому де ихъ кормить и поить? таково де ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было?» Изъ этихъ словъ ясно видно, какъ хорошо жилось малюткѣ Михаилу Θеодоровичу до опалы и постриженія его родителей.

Въ будущемъ младшаго сына боярина Θеодора Никитича ожидали и тяжкія невзгоды и великая будущность: ему предназначено было стать основателемъ могущественной нынѣ царствующей династіи. Но это произошло въ 1613 году, а до того и ребенку Михаилу Θеодоровичу и всей Руси пришлось пережить страшныя бѣдствія. Младенцу Михаилу предстояла нежданная разлука съ родителями и ссылка изъ Москвы, его родинѣ—потрясенія самозванщины и колебаніе государственнаго строя, «разруха» и «лихолѣтье». Для яснаго уразумѣнія послѣдующей судьбы Романовыхъ и обстоятельствъ избранія Михаила Θеодоровича царемъ всея Руси, мы вынуждены будемъ по временамъ обращаться къ исторіи Смуты конца XVI и начала XVII вѣка.

II.

Смутное время въ Московскомъ государствѣ совпало съ прекращеніемъ династіи Ивана Калиты и часто ставится въ связь съ этимъ событіемъ. Послѣдній по времени взглядъ подобнаго рода принадлежитъ такому высокоавторитетному изслѣдователю нашей старины, какъ недавно скончавшійся В. Ѳ. Ключевскій. Въ третьей части своего курса Русской исторіи знаменитый ученый высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Въ Московской Руси у народа былъ крѣпокъ взглядъ на государство, какъ на вотчину государя. Поэтому немыслимы были и возстанія противъ царя, полнаго хозяина въ своей землѣ. Вслѣдствіе такого вотчиннаго взгляда недовольные положеніемъ дѣла въ государствѣ бѣжали изъ него; «брели розно», но не думали бунтовать противъ Верховной власти. Подобное положеніе вещей, чрезвычайно выгодное для монархической идеи, въ то же время имѣло одно опредѣленное и пагубное для государства послѣдствіе: населеніе Московской Руси не могло усвоить себѣ идеи выборнаго царя. Вотъ почему всѣ выборные государи дорожили фиктивнымъ или реальнымъ родствомъ съ угасшей династіей. Вотъ почему стала столь опасной и нашла столько подражателей идея самозванчества. Вотъ почему и «смута прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и непрямымъ, съ угасшей династіей: царь Михаилъ утвердился на престолѣ не столько потому, что былъ земскимъ всенароднымъ избранникомъ, сколько потому, что доводился племянникомъ послѣднему царю прежней династіи» [14]). Несомнѣнно, взглядъ на государство, какъ на вотчину, существовалъ въ древней Руси и несомнѣнно, какъ мы будемъ имѣть случай говорить объ этомъ ниже, онъ сыгралъ большую роль при избраніи Михаила Ѳеодоровича. Однако, успѣхъ идеи самозванчества, съ котораго и началась Смута, и самое зарожденіе этой идеи объясняется не только взглядомъ на государя какъ на вотчинника, но и другими обстоятельствами; ихъ то и упустилъ въ данномъ случаѣ изъ виду Ключевскій. Дѣло въ томъ, что представленіе о государѣ стояло необыкновенно высоко въ древнерусскомъ сознаніи. Государь, какъ помазанникъ Божій, «властію достоинства приличенъ есть Богу»; этотъ взглядъ, выраженный въ подобной формѣ московскими книжниками: св. Іосифомъ Волоцкимъ и другими, отразился и въ народной поговоркѣ: «Вѣдаетъ Богъ, да великій государь». Сочетаясь съ представленіемъ о томъ, что Богъ, желая наградить людей,

Игрушки и другіе предметы, принадлежавшіе по преданію царю Михаилу Θеодоровичу во время его дѣтства.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

посылаетъ имъ добраго царя, а для кары—злого, подобное отношеніе къ личности и власти царя дѣлало возстаніе противъ него почти невозможнымъ. Но, если нельзя возстать противъ законнаго государя, то можно воспротивиться узурпатору. И такимъ образомъ самозванчество является знаменемъ, подъ прикрытіемъ котораго мыслимо народное движеніе въ случаѣ глубокаго недовольства народа положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и незыблемости монархической идеи. Правда, Лжедимитрій появился въ связи съ до сихъ поръ невыясненной вполнѣ смертью св. царевича Димитрія Углицкаго. Однако, тотъ же Ключевскій, не довольствуясь выставленной имъ причиной Смуты, указываетъ и другія.

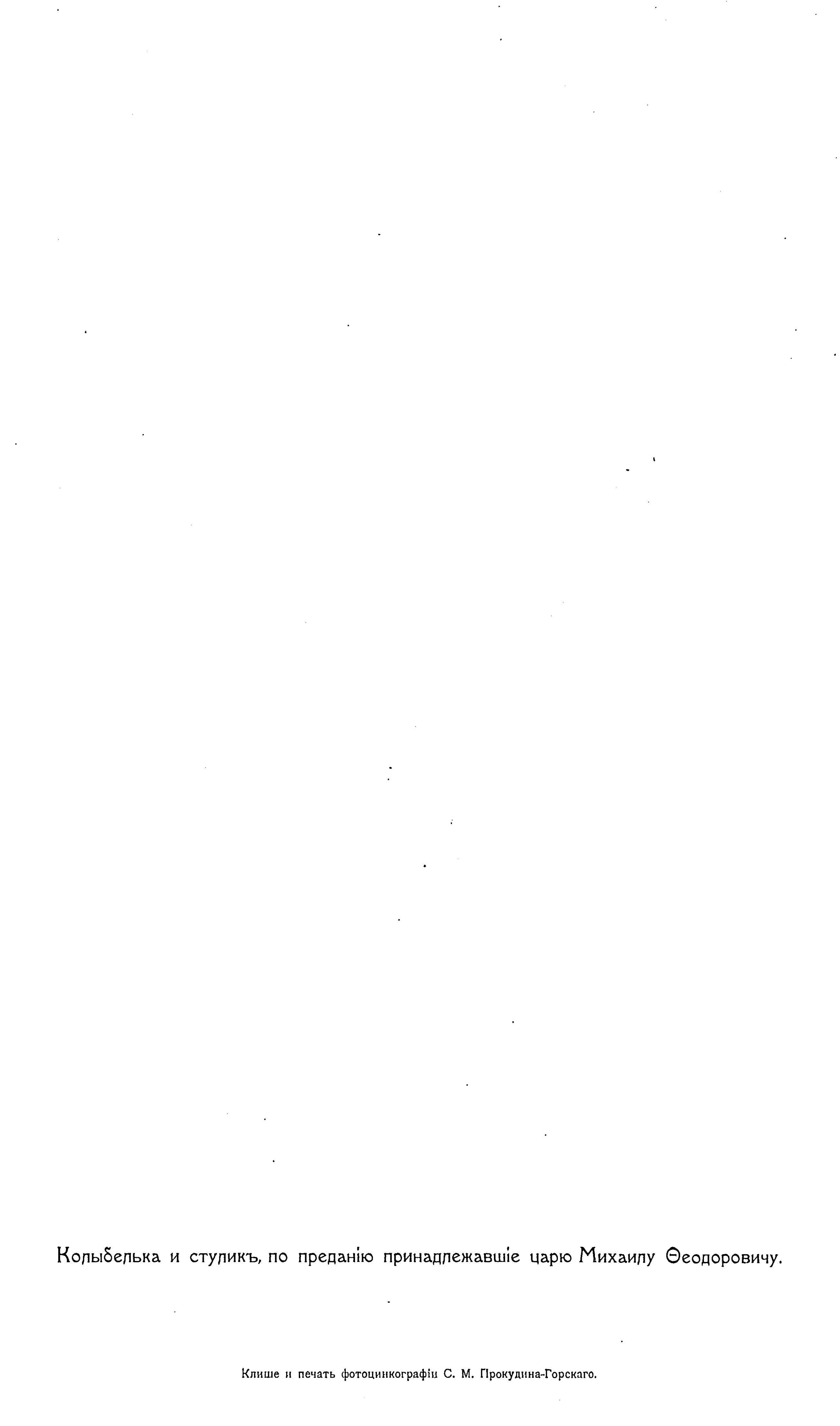
Эти другія причины лучше всего выяснены въ трудѣ С. Ѳ. Платонова «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.». Пользуясь работами своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ и В. О. Ключевскаго, и своими пристальными наблюденіями надъ русской жизнью въ названный періодъ, Платоновъ мастерски рисуетъ намъ причины возникновенія Смутнаго времени. Прослѣдимъ вкратцѣ результаты изысканій названнаго изслѣдователя [15]).

Сказочно-быстрый ростъ Московскаго государства, занявшаго въ какихъ нибудь 250—300 лѣтъ восточно-европейскую равнину и перевалившаго къ моменту смерти Ѳеодора Ивановича черезъ Камень (Уральскій хребетъ) въ Азію, не могъ не имѣть тѣневыхъ сторонъ, и даже весьма значительныхъ. Къ такимъ сторонамъ приходится отнести два противорѣчія русской жизни въ XVI вѣкѣ, съ неизбѣжностью вытекавшія изъ условій созданія Московскаго государства. Первое изъ нихъ, политическое, выражалось въ томъ, что однимъ и тѣмъ же историческимъ процессомъ собиранія удѣльныхъ княжествъ около Москвы въ государствѣ образовалась сильная единоличная власть, стремившаяся къ демократическому полновластью, и аристократически настроенная высшая администрація, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ потомковъ прежнихъ владѣтельныхъ князей. Второе противорѣчіе въ русской жизни XVI столѣтія было соціальнымъ и состояло въ борьбѣ двухъ классовъ общества, служилаго и тяглаго, между собой. Верховная власть замѣчала эти противорѣчія и реагировала на нихъ въ первомъ случаѣ даже черезчуръ энергично и нервно. Подъ вліяніемъ мысли, что классъ титулованной знати можетъ оказаться слишкомъ притязательнымъ, Грозный задумалъ и осуществилъ свою знаменитую опричнину. Благодаря ей онъ,

отобравъ «княженецкія» вотчины на государевъ обиходъ и испомѣстивъ «княжатъ» на окраинахъ государства, а ихъ прежнія земли роздавъ гораздо болѣе многочисленнымъ и безпритязательнымъ опричникамъ, достигъ весьма важныхъ результатовъ: подорвалъ въ корнѣ значеніе старой знати и демократизировалъ въ довольно высокой степени землевладѣніе.

Однако, старая знать не была окончательно подавлена, и уцѣлѣвшіе представители ея въ свое время показали, какъ живучи традиціи «княжатъ». При томъ, проводя въ жизнь хорошо намѣченную и задуманную реформу, Іоаннъ затемнилъ и исказилъ ея смыслъ своими жестокостями и насильями, да и опричники его были въ высшей степени своевольны и притѣсняли населеніе безъ всякаго удержу. А необходимая для государства демократизація землевладѣнія влекла за собой ломку богатыхъ и хорошо налаженныхъ хозяйствъ; это въ свою очередь отражалось на экономическихъ устояхъ страны и обостряло еще болѣе и безъ того острую соціальную вражду крестьянъ и помѣщиковъ. Послѣдніе, все болѣе и болѣе нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, всячески старались закрѣпостить крестьянскую массу, которая со своей стороны пыталась такъ или иначе сбросить съ себя тяжелое ярмо: «брела розно», уходила на окраины государства и толпами бѣжала за рубежъ, въ дикое поле, гдѣ и пополняла собой ряды вольнаго казачества. Въ этой борьбѣ Московское правительство, особенно нуждавшееся въ служиломъ классѣ, или было пассивнымъ зрителемъ, или приходило на помощь помѣщикамъ. Такая политика озлобляла крестьянство и подготовляла участіе крестьянской массы въ Смутѣ. Кромѣ того и служилый классъ, главнымъ образомъ его низшіе слои, далеко не былъ доволенъ своимъ положеніемъ: служебныя и экономическія условія, въ которыхъ онъ жилъ, были отнюдь не блестящи. Неудачи Ливонской войны еще болѣе расшатали хозяйственный укладъ государства и приблизили Смуту. Недоставало лишь повода къ ея открытому проявленію, и прекращеніе династіи Калиты дало въ этомъ направленіи необходимый толчокъ.

Не трудно замѣтить, что данная теорія расходится съ мнѣніемъ В. О. Ключевскаго въ очень существенномъ пунктѣ. Она считаетъ прекращеніе династіи Калиты лишь поводомъ къ Смутѣ, а центръ тяжести вопроса переноситъ на выясненіе соціально-экономическихъ отношеній, приведшихъ государство къ тяжелымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Что эти отношенія были одной изъ важнѣйшихъ причинъ Смуты, не отрицается

Колыбелька и стуликъ, по преданію принадлежавшіе царю Михаилу Θеодоровичу.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

и Ключевскимъ. Вѣроятно, и онъ правильно оцѣнилъ тотъ фактъ, что Смута не привилась на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ государства, гдѣ не было соціальной розни [16]). Поэтому смѣло можно утверждать, что безъ указанныхъ причинъ Смута не возникла бы. Вотчинный укладъ государства, взглядъ на царя какъ на вотчинника не помѣшалъ бы брату царицы и естественной наслѣдницы царствія, Борису Годунову утвердиться на престолѣ и начать собою новую династію Годуновыхъ. Не будь горячихъ элементовъ въ странѣ, не вспыхнулъ бы въ ней страшный пожаръ.

Предвидимъ возраженіе противъ нашей мысли. Оно можетъ состоять въ слѣдующемъ: безъ внутреннихъ осложненій Смуты бы не было; но ея не было бы и при продолженіи династіи Калиты; ея возникновенію помѣшали бы взглядъ на государство, какъ на вотчину, и представленіе о царѣ, какъ замѣстителѣ Бога на землѣ. Конечно, трудно гадать, во что бы выродился нашъ внутренній кризисъ, если бы династія Калиты не угасла въ 1598 году. Однако, возможны были бы два исхода: появленіе самозванца или изнуреніе и истощеніе государства отъ усиленія и размноженія въ немъ разбойничьихъ шаекъ. Что первый фактъ при народномъ недовольствѣ положеніемъ вещей возможенъ, показываютъ хотя бы усиленные народные толки о Петрѣ I, какъ о самозванцѣ; отъ этихъ толковъ— одинъ шагъ до появленія человѣка, который могъ бы выдать себя за настоящаго государя, подмѣненнаго самозванцемъ, и имѣть въ данныхъ обстоятельствахъ большой успѣхъ. Но не станемъ углубляться въ догадки и предположенія о самозванцѣ: симптомы второго изъ указанныхъ нами возможныхъ исходовъ кризиса XVI вѣка были уже на лицо до возникновенія открытой Смуты.

Существованіе многочисленныхъ разбойничьихъ или полуразбойничьихъ шаекъ въ древней Руси—фактъ настолько общеизвѣстный, что не нуждается въ детальныхъ указаніяхъ. Вспомнимъ хотя бы и то, что самъ славный покоритель Сибири, Ермакъ Тимофеевичъ, совершилъ до своего подвига рядъ разбойныхъ нападеній на купеческіе караваны по Волгѣ и т. д. Но къ царствованію Бориса Годунова разбойничество приняло ужасающіе размѣры. По словамъ наблюдательнаго Авраамія Палицына, въ Украйныхъ городахъ набралось болѣе 20.000 «сицевыхъ воровъ» [17]). Еще болѣе поразительный фактъ передаетъ «Новый Лѣтописецъ». По словамъ его составителей «бысть въ то же время», т. е. въ царствованіе Бориса, «умножишася разбойство въ землѣ Рустей»,

такъ что «не токмо что по пустымъ мѣстамъ проѣзду не бысть, ино и подъ Москвою быша разбои велицы». Это «нестроеніе и кровопролитіе» до такой степени встревожило царя, что онъ «посылаше многижда на нихъ». Посланные отряды встрѣчали упорное сопротивленіе со стороны разбойниковъ «и ничево имъ не можаху сотворити». Въ силу этого разбои усилились еще болѣе: «воры и досталь православныхъ христіанъ посѣцаху и грабяху». Разбойничьи шайки объединялись подъ предводительствомъ «старѣйшины въ разбойникѣхъ», нѣкоего Хлопа. Дерзкіе разбои заставили царя Бориса, который, «слышавъ, яко ничто имъ не здѣлати, прискорьбенъ бысть зѣло» и поднялъ въ боярской думѣ вопросъ объ искорененіи зла. «Бояре же придумаша на разбойниковъ послати со многою ратью воеводъ». Тогда царь отправилъ противъ Хлопа и его шаекъ «окольничево своево Ивана Өеодоровича Басманова, а съ нимъ многую рать». Встрѣча царскихъ войскъ съ разбойниками произошла подъ Москвой. Загорѣлся смертельный бой, въ которомъ Басмановъ былъ убитъ, а его войско съ величайшими усиліями побѣдило разбойниковъ и «многихъ ихъ побиша: живи бо въ руки не давашася». Хлопъ, или Хлопко, весь израненный, былъ взятъ живымъ, схвачены были и многіе люди изъ его шаекъ, «а иные уйдоша на Украйну и тамо ихъ всѣхъ воровъ поимаша и всѣхъ повелѣша перевѣшать» [18].

Дерзость и многочисленность шаекъ Хлопа, ихъ ожесточенность и отчаянная смѣлость показываютъ, думается намъ, съ достаточною ясностью, какіе зловѣщіе признаки грядущей соціальной разрухи обнаружились на Руси независимо отъ самозванщины. Но къ концу царствованія Өеодора эти симптомы не были еще очень замѣтны: не забудемъ, что и при царѣ Борисѣ первые годы были вполнѣ спокойными. Какъ говоритъ одинъ изъ умныхъ современниковъ Смуты, «двулѣтному же времяни прешедшу» по воцареніи Годунова «и всѣми благиними Росія цвѣтяше». И другой изъ выдающихся очевидцевъ-бытописателей Смутной эпохи отмѣчаетъ «доброцвѣтущую его (т. е. Бориса) царства красоту» [19]. Нуженъ былъ страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 и слѣдующихъ годахъ, и сопряженныя съ нимъ ужасныя бѣдствія, чтобы соціальное нестроеніе проявилось въ столь рѣзкой формѣ.

Такимъ образомъ моментъ прекращенія старой династіи прошелъ совершенно спокойно; это дало поводъ къ справедливому замѣчанію С. Ө. Платонова, «что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиной» [20].

Порядокъ, господствовавшій въ Московскомъ государствѣ отъ кончины Θеодора до избранія на престолъ Бориса, объясняется тѣмъ, что во главѣ государства и послѣ смерти царя попрежнему оставался «изрядный правитель» его, братъ царицы Ирины. Мы не знаемъ, сдѣлалъ ли Θеодоръ какія нибудь распоряженія на случай своей кончины. Но во всякомъ случаѣ послѣ смерти царя весь царскій «синклитъ» въ присутствіи патріарха принесъ присягу на вѣрность овдовѣвшей царицѣ, и никто не воспротивился этой присягѣ. При взглядѣ на государство, какъ на вотчину государя, естественной преемницей Θеодора была Ирина, любимая при этомъ за ея добродѣтельную жизнь [21]). Даже, когда Ирина, отказавшаяся отъ власти, удалилась въ монастырь и приняла иночество, на имя иноки царицы Александры,—такъ звалась въ монашествѣ вдова царя Θеодора,—писались офиціальныя донесенія, «отписки» [22]).

Удаленіе царицы въ монастырь ставило на очередь вопросъ о томъ, кто будетъ государемъ на Руси. Для царскаго «обиранія» и былъ созванъ въ Москвѣ земскій соборъ обычнаго въ тѣ времена состава [23]). Казалось, единственнымъ безспорнымъ кандидатомъ на престолъ былъ въ данныхъ обстоятельствахъ шуринъ скончавшагося царя, братъ его вдовы царицы, и правитель государства. Что касается княжатъ, которые по родословцу были ближе къ угасшей династіи и отлично помнили это, то ко дню смерти Θеодора они не могли выставить своихъ притязаній. Народъ о родствѣ такихъ князей съ царскимъ домомъ не думалъ въ виду захуданія многихъ княжескихъ фамилій. При этомъ наиболѣе видные представители княжья въ 1598 году были очень молоды за исключеніемъ Шуйскихъ. А во главѣ послѣднихъ стояли «лукавый царедворецъ» и политическій хамелеонъ Василій Ивановичъ и братъ его, бездарный князь Дмитрій, своякъ Бориса Θеодоровича Годунова. Поэтому Шуйскіе малозамѣтны въ описываемое время. Новому изслѣдователю даже кажется, что названные князья играли тогда «второстепенную роль знатной Годуновской родни» и что извѣстіе Новаго Лѣтописца, будто они «не хотяху» избранія Бориса, является нѣкоторымъ вымысломъ [24]). Не рѣшаемся вполнѣ примкнуть къ этому мнѣнію. Думаемъ, что Шуйскіе подъ рукой играли въ нѣкоторую оппозицію Борису, но тщательно заметали свои слѣды. Это очень подходило къ характеру фамиліи, «прошедшей черезъ опричнину Грознаго». Такимъ образомъ Годуновъ, осторожно и умѣло подготовлявшій свое избраніе уже за нѣсколько лѣтъ до смерти царя Θеодора послѣ кончины малютки-царевны Θеодосіи, могъ

не очень безпокоиться о результатѣ совѣщаній предстоящаго земскаго собора. Быть можетъ поэтому Борисъ, хотя онъ и огранизовалъ агитацію въ пользу своего избранія, не оказалъ тѣмъ не менѣе давленія на составъ самого представительства на соборѣ [25]). И дѣйствительно, Борисъ Годуновъ былъ избранъ на Московскій престолъ.

Однако, повидимому, это избраніе не обошлось безъ нѣкоторыхъ треній, какъ это превосходно выяснено въ томъ трудѣ проф. Платонова о Смутѣ, къ которому намъ много разъ предстоитъ обращаться. Дѣло въ томъ, что у Годунова нашлись соперники. Не остановимся на кандидатурахъ принца Максимиліана австрійскаго, князя Мстиславскаго и Богдана Бѣльскаго. Первая, явившаяся плодомъ измышленій знаменитаго дьяка Андрея Щелкалова, интересна лишь, какъ показатель, что идея «выборнаго царя» зарождалась уже въ нѣкоторыхъ, правда, особенно развитыхъ умахъ русскихъ людей XVI-го вѣка. Князь Мстиславскій самъ устранился отъ престола, а чаянія и попытки Бѣльскаго только подтверждали намъ, до чего доходила наглость и дерзость этого выскочки, долгое время бывшаго любимцемъ царя Ивана Грознаго [26]).

Кромѣ только что названныхъ кандидатовъ на царскій престолъ, былъ, какъ можно видѣть изъ цѣлаго ряда сообщеній иностранцевъ, современниковъ событій 1598 года, сообщеній, основанныхъ на русскихъ слухахъ и вѣстяхъ, и еще одинъ, самый серьезный благодаря близкому родству съ угасшей династіей. Это былъ двоюродный братъ покойнаго государя, старшій изъ Никитичей, бояринъ Θеодоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ. Выдѣливъ изъ массы баснословій, сплетавшихся въ то время, достовѣрныя извѣстія, приходимъ къ нѣсколькимъ любопытнымъ выводамъ. Такъ можно съ увѣренностью сказать, что кандидатура Θеодора Никитича пользовалась извѣстнымъ сочувствіемъ среди московской знати, которая принимала въ соображеніе, насколько родъ Кошкиныхъ-Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ древнѣе и знаменитѣе рода Годуновыхъ. При этомъ становится яснымъ, что легенда о томъ, будто умирающій царь Θеодоръ вручилъ скипетръ и корону своему ближайшему родичу, Θеодору Никитичу, сложена была уже въ это время и всего скорѣе для цѣлей предвыборной агитаціи. Тогда же, повидимому, получилъ распространеніе пригодный для избирательной борьбы слухъ о томъ, что Борисъ виноватъ въ смерти царевича Димитрія. Всѣ же остальные слухи и вѣсти, тогда обращавшіеся въ народѣ и сообщаемые

намъ иностранными наблюдателями, надо или заподозрѣть или, лучше всего, отвергнуть [27]).

Во всякомъ случаѣ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ восторжествовалъ надъ встрѣтившимися на его дорогѣ препятствіями и сталъ царемъ всея Руси. Онъ и его приверженцы постарались всѣми способами укрѣпить положеніе новаго государя и его династіи. Прежде всего новоизбранный царь заставилъ членовъ собора и всенародное множество долго и слезно просить его принять престолъ, «учиниться государемъ» и этимъ показывалъ, что онъ не стремился къ верховной власти [28]). При этомъ Борисъ Годуновъ со свойственнымъ ему тактомъ и умомъ заявлялъ величайшую готовность, «гдѣ будетъ» его «работа всему православному крестьянству пригодится за святыя Божія церкви и государства Московскаго за едину пядь земли и за все православное крестьянство и за сущихъ младенцевъ» «кровь свою изліяти и голову положити» [29]). И только неоднократныя моленія принудили Бориса дать свое согласіе и стать царемъ. Затѣмъ въ документахъ, составленныхъ по случаю царскаго избранія, тщательно выставлены всѣ причины, почему выборъ палъ на Бориса и почему этому выбору нельзя противиться [30]). Указано и на то, что Борисъ «родичъ по свойству» угасшей династіи и на то, что на немъ почіетъ благословеніе 2-хъ послѣднихъ царей ея. Въ одномъ документѣ говорится, что Иванъ Грозный «приказалъ» Борису царство въ случаѣ смерти царя Ѳеодора. Въ другомъ сказано, будто Иванъ IV, при дворѣ котораго, находясь въ непосредственномъ приближеніи къ царской особѣ, Борисъ «отъ премудраго его царьскаго разума царственнымъ чиномъ и достоянію навыкъ», очень любилъ Годунова и считалъ его своимъ сыномъ. Передъ своей смертью Грозный поручилъ любимому «родичу» соблюдать «отъ всякихъ золъ» царя Ѳеодора и царицу Ирину, что Борисъ свято выполнилъ.

Приводя постоянно мысли о близости «царского родича и шурина» къ угасшей династіи и къ дѣламъ правленія, указанные документы и обосновываютъ ими избраніе Годунова на престолъ, прибавляя при этомъ, что никто не можетъ противиться подобному избранію, такъ какъ «гласъ народа—гласъ Божій». Для большаго подтвержденія правильности избранія Бориса, такъ, какъ тогда можно было сказать, что «царскій корень пресѣкся», документы указываютъ историческіе прецеденты подобнаго рода. Наконецъ, опасаясь, «яко да не рекутъ нѣціи: отлучимся отъ нихъ, понеже царя сами суть поставили», соборъ грозитъ

такимъ людямъ. «Да не будетъ то, да не отлучаются»,—читаемъ мы въ соборномъ опредѣленіи,—«таково бо слово аще кто речетъ, неразуменъ есть и проклятъ».

Казалось, ничего не было забыто, чтобы укрѣпить на престолѣ новую династію. При томъ избранный царь былъ безспорно очень уменъ и обладалъ громадными дарованіями правителя. Тѣмъ не менѣе призракъ соціальной и политической катастрофы уже надвигался неотвратимо на Русь и тѣнь воскресшаго царевича Димитрія уже витала надъ русскою землею. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе С. Ѳ. Платонова о темномъ Углицкомъ дѣлѣ и давно уже высказались въ томъ смыслѣ, что «Борисъ является въ немъ подозрѣваемымъ на основаніи самыхъ шаткихъ и сомнительныхъ уликъ» [31]). Но тотъ кризисъ, съ которымъ не былъ въ силахъ справиться даже Борисъ, погубилъ его семью. Однако, до своей гибели Годуновы ревниво охраняли свою власть отъ дѣйствительныхъ, мнимыхъ или возможныхъ на нее покушеній и посягательствъ. Нельзя ихъ, и въ частности царя Бориса за это чрезмѣрно винить. Онъ зналъ, что противъ его зрѣетъ какое-то движеніе, зналъ, что избраніе его встрѣтилось съ оппозиціей и не было столь единодушнымъ, какъ это представляли оффиціальные документы, и, вполнѣ понятно, чрезвычайно нервничалъ и всюду склоненъ былъ подозрѣвать измѣну. Это, конечно, не было признакомъ того «мелкодушія», о которомъ говорилъ покойный С. М. Соловьевъ [32]). Это было естественнымъ послѣдствіемъ той тяжелой обстановки, въ которой пришлось дѣйствовать царю Борису. Она то и дѣлала его такимъ подозрительнымъ человѣкомъ. Жертвой раздражительной подозрительности новаго государя стали и прежніе его друзья по «завѣщательному завѣту» [33]) Никитичи.

III

По своемъ воцареніи Борисъ Годуновъ ничѣмъ не выразилъ неудовольствія Романовыми, которое легко могло явиться послѣдствіемъ толковъ о кандидатурѣ Ѳеодора Никитича и вѣроятныхъ шагахъ этого боярина къ достиженію престола во время избирательнаго періода. Новоизбранный царь даже пожаловалъ въ 1598—1599 году боярскій санъ Александру Никитичу и окольничество его брату Михаилу Никитичу. Вдругъ въ концѣ 1600—началѣ 1601 года Никитичей и ихъ ближайшихъ родныхъ постигла страшная бѣда. Они были обвинены въ

попыткѣ достичь престола «вѣдовствомъ и кореніемъ» и подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ. Дѣло это до сихъ поръ представляется весьма загадочнымъ и темнымъ и врядъ ли когда-нибудь будетъ выяснено съ желательной полнотой за недостаткомъ данныхъ. По разсказу Новаго Лѣтописца, составленнаго въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича при патріархѣ Филаретѣ и не безъ его вліянія [34]), причина возникновенія преслѣдованія Никитичей и ихъ родни и ходъ слѣдствія и суда надъ ними представляются въ такомъ видѣ. Царь Борисъ, приказавшій нѣкогда умертвить царевича Дмитрія, чтобы тѣмъ извести царскій корень, по смерти царя Ѳеодора замыслилъ «царское послѣднее сродствіе известь: братія бо царя Ѳедора Ивановича Ѳеодоръ Никитичъ з братьею, а сродствіе бысть ближнее царица Анастасія Романовна да Микита Романовичъ отъ единаго отца и матери; отъ царицы Настасіи Романовны царь Ѳедоръ Ивановичъ, отъ Никиты Романовича Ѳедоръ Никитичъ з братьею». Чтобы достигнуть своей цѣли, Годуновъ «многихъ научаше людей ихъ па нихъ доводити». «По тѣмъ доводамъ» у Романовыхъ брали многихъ вѣрныхъ ихъ людей «и пыташе ихъ разными пытками». «Они же отнюдь па государей своихъ ничево не говоряху, терпяху за нихъ въ правдѣ, что не вѣдая за государи своими ничево». Наконецъ, нашелся предатель. Это былъ «окаянный» Второй Бартеневъ, казначей Александра Никитича [35]). Онъ явился къ Семену Годунову и возвѣсти ему: «Что царь повелитъ здѣлать надъ государи моими, то и сотворю». О Бартеневѣ было доложено царю, и тотъ «ему повелѣ сказати многое свое жалованіе». «Семенъ же, умысля со Вторымъ и наклаша всяково коренія въ мѣшки», которые Бартеневъ подложилъ въ казну своего боярина. Затѣмъ этотъ предатель «пріиде доводить на государя своего и про то кореніе извести.». По доносу Бартенева произвели въ домѣ Александра Никитича обыскъ, «тѣ мѣшки взяша, иново ничего не искаху: вѣдаху, бо что у нихъ въ дому ничего неправеднаго нѣтъ».

За обыскомъ послѣдовалъ допросъ Ѳеодора Никитича «з братьею». «Они же пріидоша яко агнецы непорочны къ закоженію», возлагая упованіе на Бога и ничего не боясь, такъ какъ «не вѣдаху въ себѣ никакіе вины и неправды. Бояре же многіе на нихъ, аки звѣріе пыхаху и кричаху», чѣмъ лишали Никитичей возможности «отвѣщевати отъ такова многонароднаго шуму». Тогда послѣдовалъ арестъ заподозрѣнныхъ и пытка какъ ихъ, такъ и людей ихъ, «рабъ и рабынь» Отъ послѣднихъ всѣми мѣрами добивались, «чтобы они что па государей своихъ молвили».

Однако тѣ были тверды и «помираху многія на пыткахъ, государей своихъ не оклеветаху». Наконецъ, царь Борисъ рѣшилъ участь Романовыхъ и ихъ близкихъ. Θеодоръ Никитичъ, его жена и теща были сосланы въ разныя отдаленныя мѣста и пострижены, остальныхъ послали въ дальнюю и суровую ссылку. О бѣдствіяхъ заточенныхъ бояръ Романовыхъ и смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ, насильственной и послѣдовавшей якобы по приказу Бориса, рѣчь пойдетъ ниже. Теперь же отмѣтимъ, что Новый Лѣтописецъ разсказываетъ, будто «окаяннiи люди доводтчики всѣ перепропаша: другъ друга изрѣзаша, а иные по дорогамъ побіени быша; всѣ окаянніи безъ покаянія помроша за свое окаянство и неправедные дѣла и не за повинную кровь» [36]).

Таково повѣствованіе Новаго Лѣтописца. Въ немъ мы находимъ наряду съ опредѣленной тенденціей выставить Бориса съ самой черной стороны, а Никитичей въ роли не только невинныхъ, но и сознательно погубленныхъ своимъ злымъ врагомъ жертвъ, рядъ умолчаній объ очень существенныхъ сторонахъ дѣла и нѣкоторое самопротиворѣчіе. Такъ не выяснено, какую роль придали Годуновы «всякому коренью», почему пострадали всѣ Никитичи и ихъ родня, если «коренье» найдено было только у одного Александра, почему, наконецъ, особая кара постигла именно Θеодора Никитича съ женой и тещей, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ Бартенева не было въ данный моментъ предателей изъ многочисленныхъ рабовъ и рабынь этого боярскаго рода. Нѣкоторое противорѣчіе, хотя и заглаженное, усматриваемъ мы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца. Романовы шли на допросъ смѣло, зная свою невинность, и ничего не могли сказать въ свое оправданіе изъ-за шума допрашивавшихъ бояръ. Думаемъ, что Θеодоръ Никитичъ, человѣкъ отнюдь не робкій, не испугался бы шума и не растерялся бы отъ него до такой степени, а совершенно заглушить его показанія криками и не дать ему и его братьямъ никакой возможности объясниться, тоже было бы очень трудно.

Поэтому разсказъ Новаго Лѣтописца надлежитъ принять съ большими оговорками и дополненіями. Такъ его тенденція показать, что Борисъ умышленно искалъ случая погубить «царское послѣднее сродствіе», не оправдывается при повѣркѣ. Годунову ничего не стоило бы, разъ онъ приказалъ умертвить нѣкоторыхъ изъ Романовыхъ, предать смерти и остальныхъ. Однако онъ этого не сдѣлалъ, а напротивъ вернулъ впослѣдствіи изъ ссылки Ивана Никитича и облегчилъ участь многихъ изъ оставшихся въ живыхъ его родственниковъ. Также сомнительно и пока-

заніе Новаго Лѣтописца о томъ, что и до обыска у Александра Никитича Годуновъ поощрялъ доводы на Романовыхъ со стороны ихъ холоповъ и приказывалъ подвергать пыткѣ вѣрныхъ Никитичамъ людей. Казалось бы, что тогда устраивать комедію съ подбрасываніемъ «кореньевъ» не было бы особой нужды. Кромѣ того самъ Ѳеодоръ Никитичъ разсказывалъ нѣчто иное объ этомъ же обстоятельствѣ. Онъ говорилъ приставленному къ нему Богдану Воейкову: «бояре де намъ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорить людей нашихъ, а я де самъ видѣлъ то не одиножды.» Сопоставляя эти слова съ словами Василія Никитича: «погибли деи мы напрасно къ Государю въ наносѣ отъ своей братьи бояръ, а они деи на насъ наносили не узнавъ, сами деи они помрутъ прежде насъ», можно придти къ заключенію, что не отъ Бориса исходила иниціатива въ дѣлѣ ссылки Никитичей. По крайней мѣрѣ они сами этого не думали при Годуновѣ. Иначе они не стали бы пытаться такими рѣчами смягчить царя, который явно стремился къ ихъ гибели. Если же Никитичи говорили такъ безъ всякаго предвзятаго намѣренія, то тѣмъ болѣе искренности нужно искать въ ихъ рѣчахъ, тѣмъ менѣе поводовъ довѣрять разбираемому нами извѣстію Новаго Лѣтописца.

Итакъ единственный сравнительно подробный и современный разсказъ о дѣлѣ Романовыхъ и ихъ близкихъ полонъ недомолвокъ и неясностей. Другихъ же подобныхъ повѣствованій и вовсе не сохранилось. Придется поэтому прибѣгнуть къ гаданіямъ и къ сопоставленіямъ намековъ и отдѣльныхъ указаній, которые разсѣяны кое-гдѣ въ сказаніяхъ и документахъ той поры. Подобная работа произведена была уже профессоромъ Платоновымъ. Поэтому намъ прежде всего предстоитъ обратиться къ его выводамъ, какъ всегда и интереснымъ и поучительнымъ и, познакомившись съ ними, убѣдиться, въ какой мѣрѣ они представляются намъ пріемлемыми.

Но до ознакомленія съ взглядами С. Ѳ. Платонова на интересующее насъ событіе, намъ предстоитъ выяснить вопросъ объ одной серіи документовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ дѣлу Никитичей. Такое отступленіе необходимо потому, что этими документами пользовался и С. Ѳ. Платоновъ; принуждены были и мы привлекать ихъ уже нѣсколько разъ во время предшествующаго изложенія. Мы разумѣемъ «Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ», хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и напечатанное Археографической Коммиссіей въ количествѣ 34 документовъ подъ № 38 во II-омъ томѣ

Актовъ Историческихъ [37]). Къ сожалѣнію это «Дѣло», представляющее собой рядъ черновыхъ «отпусковъ» изъ Московскаго приказа Казанскаго Дворца и подлинныхъ «отписокъ» на имя государя отъ приставовъ, наблюдавшихъ за опальными Никитичами, и другихъ должностныхъ лицъ, дошло до насъ лишь въ видѣ отрывка, который справедливо охарактеризованъ его издателями, какъ «перемѣшанный, растраченный и поврежденный гнилью». При этомъ издатели говорили, что они издали не всѣ изъ сохранившихся до нашего времени документовъ этого «Дѣла». Они отмѣтили, что въ немъ находятся «и еще немногіе, выпущенные по ихъ неважности» акты. Содержаніе нѣкоторыхъ такихъ «выпущенныхъ актовъ» указано въ изданіи. Такъ, помѣстивъ память Якову Вельяминову о постриженіи тещи Θеодора Никитича, издатель отмѣчаетъ: «Таковой же отпускъ грамоты въ Чебоксаръ, воеводѣ Ждану Зиновьеву (отъ 3-го іюля), писанъ на листкѣ» [38]). Подобнымъ же образомъ за грамотой Ивану Некрасову слѣдуетъ поясненіе: «Такая же грамота послана и головѣ стрѣлецкому Смирному Маматову» [39]) Наконецъ, послѣ грамоты въ Казань воеводѣ князю Голицыну помѣщено указаніе такого рода: «Сюда же относятся отписки: 1) Казанскихъ воеводъ, о проѣздѣ князя Черкасскаго съ приставомъ, іюля 23; 2) Нижегородскаго воеводы, о пріѣздѣ ихъ іюля 1, и отводѣ имъ двора Троицкаго Сергіева монастыря (Первая получена въ Москвѣ іюля 12, а вторая 15 числа, 1) и 3) отписка (получена въ Москвѣ августа 1) Нижегородскаго же воеводы, о томъ, что Иванъ Романовъ съ приставомъ прибылъ іюля 25 и поставленъ на томъ же дворѣ [40]).

То обстоятельство, что акты, относящіеся къ дѣлу такой важности, не были изданы всѣ, возбудило среди нѣкоторыхъ ученыхъ сомнѣнія и подозрѣнія. Такъ въ одномъ изъ писемъ покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С. Д. Шереметеву о Смутномъ времени встрѣчаемся съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Въ подлинникѣ ни слѣдственнымъ дѣломъ, ни дѣломъ Романовыхъ никто, кажется, не пользовался». По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно только то, что Н. М. Павловъ обратилъ вниманіе на дѣло Романовыхъ и указалъ, что оно не такъ ветхо, какъ можно было бы заключить по точкамъ издателя.

Замѣчаніе Бестужева тонко даетъ понять, что при изслѣдованіи «Дѣла» въ рукописи можно придти къ нѣкоторымъ немаловажнымъ открытіямъ. Поэтому мы сочли долгомъ ознакомиться съ подлинникомъ «Дѣла.» Пересмотръ его привелъ насъ къ такимъ выводамъ: 1) кромѣ

отмѣченныхъ издателями въ «Дѣлѣ» находимъ еще 3 цѣлыхъ акта и одинъ отрывокъ, подклеенный къ бумагѣ иного содержанія и сообщающій повелѣніе ссыльнымъ Василію и Ивану Никитичамъ Романовымъ жить впредь вмѣстѣ. Акты, дошедшіе до насъ въ цѣломъ видѣ, содержатъ въ себѣ: 1) царскую грамоту въ Пелымь воеводѣ князю Василію Григорьевичу Долгорукову, 2) царскую грамоту въ Нижній Новгородъ воеводѣ Юрію Ивановичу Нелединскому, отъ 28 іюня 1602 года и 3) царскую грамоту тому же воеводѣ, отъ 11 іюня 1602 года [41]).

Анализируя подробно свѣдѣнія, даваемыя этими актами, невольно соглашаемся съ издателями «Дѣла» о неважности пропущенныхъ въ изданіяхъ коммисій документовъ. Кромѣ нѣкоторыхъ не безынтересныхъ подробностей бытоваго характера, они не даютъ ничего цѣннаго. Тѣмъ не менѣе мы рѣшили напечатать непомѣщенные въ Актахъ Историческихъ документы въ качествѣ приложенія къ настоящему сочиненію. Дѣлаемъ это для того, чтобы дать возможность каждому воочію убѣдиться въ степени «неважности» этихъ актовъ для сужденія о дѣлѣ Романовыхъ. Кромѣ того оттуда мы извлекаемъ нѣкоторыя, правда, очень мелкія подробности о жизни Ивана Никитича Романова.

Послѣ вынужденнаго обстоятельствами дѣла отступленія обращаемся къ интереснымъ наблюденіямъ С. Ѳ. Платонова. Разсказавъ о дѣлѣ и опалѣ Богдана Бѣльскаго, который пострадалъ одновременно съ Романовыми и, какъ думается профессору Платонову, въ тѣсной связи съ ними, [42]) и познакомивъ читателей съ ходомъ розыска надъ Никитичами и ихъ родней, [43]) названный изслѣдователь высказываетъ мысль, что «пресловутое» коренье «послужило, очевидно, точкой отправленія» къ изложеннымъ дѣйствіямъ годуновскаго правительства. «Невозможно допустить»— продолжаетъ авторъ «Очерковъ по исторіи Смуты»,—«чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею династіей, къ которой Борисъ исповѣдывалъ такую благоговѣйную преданность. Очевидно, что Годуновъ съ его думцами—боярами доискался чего-то болѣе серьезнаго, чѣмъ корешки». Далѣе слѣдуетъ замѣчаніе что «одни корешки въ казнѣ Александра Никитича не привели бы къ царской опалѣ все «племя виновнаго» и что «предметомъ обвиненія служило не простое вѣдовство». «На то, что Романовы подозрѣвались въ болѣе слож-

помъ преступленіи намекаетъ», по мнѣнію С. Ѳ. Платонова, «и инструкція, данная приставамъ» ихъ—«писать государю про тайныя государевы дѣла [44]), что проявится отъ его государевыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ».

Послѣ приведенныхъ разсужденій профессоръ Платоновъ отмѣчаетъ извѣстную уже намъ вражду, обнаруженную боярами Годунова по поводу дѣла Романовыхъ къ Никитичамъ, и отказывается видѣть въ ней «проявленіе личной злобы и мести противъ» этой семьи. Естественно поэтому задаться вопросами о причинѣ возникшей враждебности. Только политическая рознь»,—отвѣчаетъ изслѣдователь Смуты»,—«могла на Романовскій кругъ вооружить бояръ другого, въ данномъ случаѣ Годуновскаго круга. Люди, связавшіе свои успѣхи съ господствомъ Бориса, могли бояться дѣятельности враждебныхъ Борису или далекихъ отъ него бояръ, въ томъ числѣ и братьевъ Никитичей.» «Но чего именно можно было бояться въ данное время?»... Возстановить народныя массы противъ Бориса было бы очень нелегко, такъ какъ популярность Бориса не была еще подорвана.... «Но возможна была интрига. Какая?».

Для рѣшенія поставленнаго имъ себѣ вопроса С. Ѳ. Платоновъ привлекаетъ къ дѣлу нѣкоторые «документы, относящіеся къ позднѣйшимъ годамъ». Такъ, въ 1605 году правительство Годунова, называя Самозванца Гришкой Отрепьевымъ, прибавляло, что онъ нѣкогда жилъ «у Романовыхъ во дворѣ». Нѣчто подобное заявлялось офиціально и при царѣ Василіи Шуйскомъ, когда посольство этого царя утверждало, что Отрепьевъ «былъ въ холопехъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкаскаго, и заворовавшись, постригся въ чернцы». Въ дополненіе къ этимъ правительственнымъ указаніямъ одно изъ частныхъ сказаній сообщаетъ такую подробность: «Гришка ко князю Борису Кельбулатовичу (Черкасскому) въ его благодатный домъ приходилъ и отъ «князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ, и тоя ради вины на него царь Борисъ негодова». И правда, мы знаемъ, что князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій былъ въ числѣ наиболѣе заподозрѣнныхъ. При этомъ по воцареніи Самозванца онъ осыпалъ милостями Никитичей. А первые слухи о появленіи Лжедимитрія «народились въ Москвѣ какъ разъ въ пору розыска о Романовыхъ». На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, профессоръ Платоновъ склоненъ вѣрить, что «Романовы причастны были къ дѣлу подготовки Самозванца». Но осторожный и вдумчивый изслѣдователь не успокаивается на такомъ выводѣ. Онъ понимаетъ,

«что въ разбираемомъ дѣлѣ далеко не все съ такой точки зрѣнія становится яснымъ». И дѣйствительно, вѣдь Никитичей обвинили не въ подготовкѣ Самозванца, а въ томъ, что они хотѣли себѣ «достать царство». «Возможнаго изъ нихъ претендента на царскій престолъ, Ѳеодора Никитича, поспѣшили постричь въ монашество и держали въ заточеніи до самой смерти Бориса, а нѣкоторыхъ другихъ виновныхъ, даже того князя Ивана Черкасскаго, который по преданію жаловалъ Отрепьева, нашли возможнымъ скоро возвратить изъ ссылки». «Изъ этого можно заключить»,— справедливо думаетъ С. Ѳ. Платоновъ,—«что обвиненіе въ желаніи достать царство старшему Романову не было вымысломъ, за которымъ Борисъ желалъ скрыть дѣйствительное обвиненіе въ подготовкѣ Самозванца». Это основательное сомнѣніе заставляетъ изслѣдователя Смуты назвать все дѣло о Романовыхъ и начало исторіи «ложнаго Дмитрія» таинственнымъ гордіевымъ узломъ, который онъ не имѣетъ «надежды ни распутать ни даже разрубить».

Не имѣемъ этой надежды и мы. Но все же мы попытаемся выяснить, насколько это возможно, въ чемъ, дѣйствительно, Борисъ подозрѣвалъ Романовыхъ и насколько онъ былъ правъ въ своихъ подозрѣніяхъ. Что же касается участія Никитичей въ подготовкѣ перваго Самозванца, то здѣсь, намъ представляется, нельзя будетъ пойти дальше простыхъ догадокъ безъ всякой увѣренности въ ихъ прочности. Конечно, въ настоящее время съ увѣренностью можно сказать, что Самозванецъ былъ русскимъ человѣкомъ по происхожденію, писавшимъ по польски съ руссизмами. Можно утверждать далѣе, что онъ былъ плодомъ боярской интриги и самъ зналъ это [45]). Но какіе именно бояре выставили его противъ Бориса: Никитичи, или бояре-княжата съ Шуйскимъ во главѣ? Трудно съ какой-нибудь вѣроятностью отвѣтить на это. Правда, Романовы были ославлены Годуновымъ, какъ «измѣнники и злодѣи», а Шуйскіе и другіе княжата бились противъ Самозванца. Однако, Шуйскіе умѣли служить всякому режиму, но служить «за страхъ, а не за совѣсть» въ противность русской поговоркѣ. Они служили въ опричнинѣ Грознаго и сохраняли въ то же время горделивое представленіе о своемъ родословномъ старшинствѣ передъ династіей Калиты [46]). Они были въ полномъ подчиненіи у Бориса, «надъ памятью котораго впослѣдствіи они такъ зло и неблагородно надругались». Наконецъ, служа Самозванцу уже послѣ того, какъ они открыто агитировали и возбуждали народъ противъ него, Шуйскіе вели интригу противъ Лжедимитрія при дворѣ

польскаго короля Сигизмунда [47]). Этимъ искушеннымъ въ хитрости и притворствѣ лицамъ ничего не стоило играть двойную, въ случаѣ надобности даже тройную, политическую игру. И самая поспѣшность, съ какой они повели было агитацію противъ Самозванца, можетъ указывать на то, что и подготовленъ онъ былъ ихъ руками.

Съ другой стороны, не оправдывая безусловно Ѳеодора Никитича, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказалъ себя оппортунистомъ и склоннымъ къ интригѣ человѣкомъ и лишь впослѣдствіи возвысился до патріотическаго подвига, не можемъ не принять во вниманіе, что предположенія объ участіи Никитичей въ дѣлѣ подготовки перваго Самозванца покоятся на основаніяхъ довольно шаткихъ, а иногда и противорѣчащихъ въ извѣстной мѣрѣ этимъ предположеніямъ. [48]).

Прежде всего замѣтимъ, что изъ трехъ свидѣтельствъ, приводимымъ С. Ѳ. Платоновымъ въ доказательство близости Отрепьева къ Романовымъ [49]), послѣднее находится въ сказаніи, полномъ легендарныхъ подробностей, и возникло, весьма вѣроятно, вслѣдствіе знакомства его автора съ правительственными сообщеніями о Гришкѣ. Первые же два приводятъ свое указаніе безъ всякаго сопоставленія Романовыхъ съ дѣломъ Самозванца. Особенно характерно, что первое свидѣтельство находимъ въ грамотѣ патріарха Іова, вѣрнаго приверженца царя Бориса. Однако онъ, упоминая о томъ, что Гришка, а въ мірѣ Юшко, Отрепьевъ, «жилъ у Романовыхъ во дворѣ и заворовався отъ смертной казни постригся въ чернецы», не дѣлаетъ никакихъ указаній на помощь Никитичей Самозванцу, а здѣсь это было бы важно сдѣлать; и еслибъ у правительства Годунова были въ рукахъ какія-нибудь данныя, компрометирующія въ этомъ дѣлѣ Романовыхъ, то, конечно, они были бы приведены здѣсь для вящшей убѣдительности. Изъ дальнѣйшаго же содержанія грамоты Іова видно, что пребыванію Гришки у Романовыхъ не придавалось того значенія, о которомъ можно было бы думать по первому впечатлѣнію. Патріархъ упоминаетъ объ Отрепьевѣ: «да и у меня Іова патріарха во дворѣ для книжного писма побылъ во дьяконѣхъ же». Преданность Іова Годунову внѣ сомнѣній. Однако, и онъ нѣкоторое время до извѣстной степени покровительствовалъ Гришкѣ, конечно, не желая видѣть его когда-нибудь на тронѣ Московскихъ государей [50]). Такимъ образомъ свидѣтельство грамоты Іова своимъ умолчаніемъ о роли Никитичей въ дѣлѣ Гришки скорѣе говоритъ противъ участія Романовыхъ въ подготовкѣ перваго самозванца, чѣмъ подтверждаетъ этотъ фактъ.

Но если Никитичи непричастны были къ дѣлу Самозванца [51]), то почему онъ осыпалъ ихъ милостями? Отвѣтъ на подобное недоумѣніе данъ намъ уже авторомъ хронографа редакціи 1617 года. Онъ вполнѣ правильно объяснилъ намъ это обстоятельство желаніемъ [52]) Разстриги «къ народомъ во льсти своей показати, иже онъ есть царскій сынъ, имъ же и пронаречеся». Дѣйствительно, Самозванцу надо было осыпать милостями опальныхъ при царѣ Борисѣ людей, тѣмъ болѣе своихъ «родственниковъ», вѣрнѣе говоря, свойственниковъ [53]). Такимъ образомъ у насъ остается лишь одно указаніе на причастность Романовыхъ къ какому-то государственному преступленію. Это—выраженіе про «тайныя государевы дѣла, что отъ нихъ измѣнниковъ проявится». Но данное выраженіе могло явиться и результатомъ того, что и все дѣло о Романовыхъ принадлежало къ числу тайныхъ», такъ какъ у царя Бориса,—увидимъ, почему—были полныя основанія избѣгать его огласки [54]).

Въ чемъ же обвинялись и подозрѣвались Годуновымъ Никитичи? Намъ кажется, что именно въ томъ, въ чемъ одного изъ нихъ укорилъ, по удачному опредѣленію С. Ѳ. Платонова «простоумный» царскій приставъ: они хотѣли,—былъ увѣренъ Борисъ»—«царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ» [55]). Что, дѣйствительно, подобное обвиненіе обращалось тогда въ Московскомъ обществѣ, по всей вѣроятности, со словъ приверженцевъ Годунова, свидѣтельствуетъ намъ Исаакъ Масса. «Разсказываютъ»,—повѣствуетъ намъ этотъ расположенный къ Романовымъ современникъ Смуты,—«что» жена Ѳеодора Никитича «совѣтовалась съ братьями своего мужа, Иваномъ и Александромъ, и ихъ родственниками о томъ, какъ бы извести царя и весь домъ его». «Но это извѣстіе не вѣрно»,—продолжаетъ Масса,—«ибо основывается на ложномъ свидѣтельствѣ, сдѣланномъ съ цѣлью найти поводъ къ тому, чтобы погубить. Все это, какъ мы потомъ узнаемъ, было сдѣлано по внушенію Годуновыхъ» [56]). Если принять во вниманіе, что наиболѣе суровая кара, т. е. невольное постриженіе, постигла Ѳеодора Никитича, его жену и тещу, то придется признать за показаніемъ Массы о сущности обвиненія противъ Романовыхъ и ихъ родни значительную долю вѣроятности. Тогда и опала всего круга Никитичей становится совершенно ясной и понятной.

Вѣря словамъ голландца, современника Смуты, о томъ, какое обвиненіе было предъявлено Никитичамъ, не раздѣляемъ мнѣнія этого повѣствователя, что оно было лишь предлогомъ погубить Романовыхъ и было «сдѣлано по внушенію Годуновыхъ». Напротивъ, изъ «Дѣла о ссылкѣ

Романовыхъ» ясно видно, какія опасенія внушали Борису уже сосланные и униженные имъ Никитичи. Во-первыхъ, всѣ братья были разлучены, и лишь впослѣдствіи было сдѣлано послабленіе на этотъ счетъ. Во-вторыхъ, они были отданы подъ самый строгій надзоръ, который преслѣдовалъ одну цѣль: не допустить сношеній сосланныхъ съ внѣшнимъ міромъ, или между собой. Для этого на мѣстѣ ссылки надо было поселиться на особомъ огороженномъ дворѣ, «чтобы отъ церкви и отъ Съѣзжей избы и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ» и чтобы «дороги мимо дворъ прохожія не было» и зорко слѣдить, чтобы никто къ сосланному или «къ дѣтинѣ» его «не подходилъ, и не разговаривалъ съ нимъ ни о чемъ, и письма какого не поднесъ, и не сходился съ нимъ никто»; «а кто учнетъ подходить» къ сосланному «или къ человѣку его, или какое письмо принесутъ, или учнутъ ссылаться съ нимъ братья его или иные какіе люди, и» «тѣхъ людей имая присылать ко Государю» [57]). Также зорко наблюдали и за постриженными Феодоромъ Никитичемъ и его тещей [58]).

И такъ Борисъ Годуновъ не сомнѣвался въ существованіи преступныхъ замысловъ у семьи Романовыхъ. Посмотримъ, насколько правильна была его увѣренность и чѣмъ она обосновывалась. Думаемъ, что ходъ разсужденій у Бориса былъ таковъ: Θеодоръ Никитичъ претендовалъ на престолъ. Связанные узами кровнаго родства съ угасшимъ царственнымъ домомъ Романовы имѣли не меньшія, если не большія права начать собой новую династію, чѣмъ Годуновъ—свойственникъ бывшей династіи. Борисъ взялъ верхъ надъ остальными кандидатами благодаря тому, что онъ, какъ братъ царицы Ирины, которой присягнули думные люди, былъ въ данный моментъ ближайшимъ наслѣдникомъ династіи, притомъ онъ былъ искуснымъ правителемъ государства и привычной властью въ немъ. Но, если бы стали считаться не съ Ириной, а съ царемъ Θеодоромъ—Никитичи получили бы перевѣсъ надъ Годуновымъ. Все это царь Борисъ учитывалъ. Вотъ почему онъ не могъ не относиться съ нѣкоторой предвзятой подозрительностью къ Романовымъ. Слѣдствіемъ этой подозрительности могъ явиться нѣкоторый надзоръ за Никитичами и ихъ родственниками.

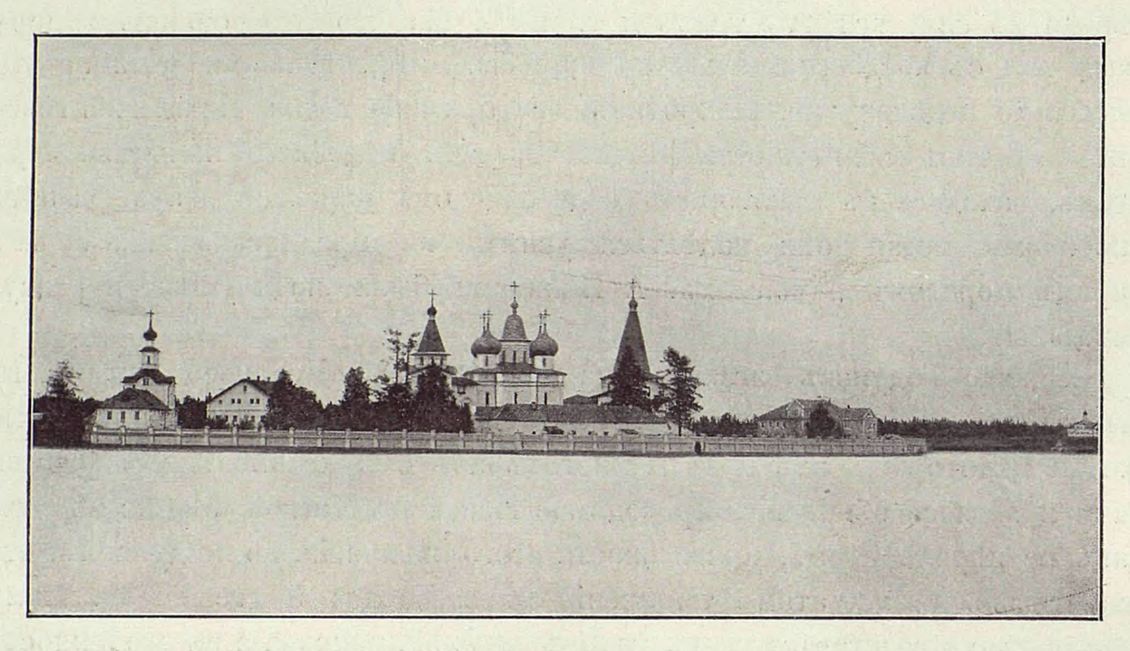
При такомъ настроеніи Годунова, онъ не могъ не дать полной вѣры доносу довѣреннаго холопа Романовыхъ, Второго Бартенева, подтвержденнаго нахожденіемъ въ казнѣ у Александра Никитича мѣшковъ «съ кореньемъ». Что это было за коренье и какъ оно попало въ казну къ

одному изъ Романовыхъ, вопросъ темный и едва ли не праздный. Новый Лѣтописецъ и другіе, враждебныя Годунову свидѣтельства, утверждаютъ, что мѣшки были подброшены по наущенію Годуновыхъ и въ особенности самого царя. Но мы видѣли, что Борисъ былъ непритворно встревоженъ дѣломъ Романовыхъ: ясно, что онъ былъ непричастенъ къ эпизоду «съ кореньями». Остается предположить, что или самъ Бартеневъ, желая выслужиться, подложилъ злосчастные «мѣшки» въ казну своего «государя», или что «коренье», дѣйствительно, принадлежало Александру Никитичу. Однако и послѣднее предположеніе не говоритъ ничего противъ Романовыхъ: оно, въ случаѣ его правдивости, покажетъ только, что и Никитичи были также суевѣрны, какъ большинство людей того времени, и вѣрили въ силу всякихъ травъ и т. п. [59]). Но что это «коренье» держали они съ колдовскими или съ еще болѣе преступными цѣлями, это нисколько недоказуемо. Напротивъ, вся прежняя жизнь Никитичей говоритъ противъ возможности приписать имъ подобные помыслы. При этомъ, находясь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ царскаго двора, какимъ способомъ могли они надѣяться успѣть въ приписывавшихся имъ царемъ Борисомъ замыслахъ? А Никитичи были люди умные и разсудительные.

Однако Годуновъ взглянулъ на дѣло иначе. «Коренье» явилось въ его глазахъ важной уликой. За ней послѣдовалъ допросъ заподозрѣнныхъ, пытки нѣкоторыхъ изъ нихъ и многихъ изъ ихъ холоповъ. Въ результатѣ и явилось обвиненіе, приводимое Исаакомъ Массой. Мы не вѣримъ, какъ не вѣрилъ и онъ, правильности этого обвиненія, но не думаемъ, что оно явилось результатомъ ухищреній царя Бориса и его родни. Намъ лично дѣло представляется въ такомъ видѣ. Романовы, а въ особенности Шестовы не вполнѣ примирились съ воцареніемъ Бориса и позволяли себѣ въ разговорахъ высказывать въ родственномъ кругу недовольство на исходъ «царскаго обиранія», выставлять свои несомнѣнныя права на престолъ, выражать надежду на лучшее будущее и т. д. Разговоры были подхвачены и съ искаженіями и преувеличеніями переданы Годуновымъ. Отсюда и началась царская опала. При томъ, боясь популярности Никитичей, Годуновъ, повидимому, старался не разглашать этого дѣла. Послѣднее обстоятельство, конечно, служило ему скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу. Держась таковой точки зрѣнія, мы не можемъ, повторимъ еще разъ, строго винить царя Бориса. Но не можемъ не сказать, что Никитичи пострадали или почти безвинно, или во всякомъ случаѣ неза-

служенно тяжко. Ихъ вины не доказаны; вѣроятно, не считались вполнѣ доказанными и тогда [60]); и тѣмъ не менѣе они были лишены всего: богатства, почестей, свободы, радостей семейной жизни, и отправлены въ тяжелую ссылку, изъ которой многіе изъ нихъ и не вернулись, найдя въ ней безвременную и горестную кончину. Страданія несчастныхъ родственниковъ угасшей династіи въ ссылкѣ и составятъ теперь предметъ нашего изложенія, причемъ главное вниманіе наше естественно должно сосредоточиться на описаніи судьбы Θеодора (Филарета) Никитича и его младшихъ братьевъ.

Какъ мы уже отмѣтили, Романовыхъ и ихъ родню не только отправили въ суровую ссылку, но и постарались разметать по разнымъ

Видъ Антоніево-Сійскаго монастыря съ западной стороны.

мѣстамъ. Θеодоръ Никитичъ былъ сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, гдѣ и постриженъ подъ именемъ Филарета. Невольное постриженіе было удѣломъ и «семьи» (т. е. жены) Θеодора Никитича, Ксеніи Ивановны. Сосланную въ Заонежскіе погосты на Бѣлоозерѣ и посаженную тамъ въ заточеніе, ее постригли подъ именемъ Марθы. Участь зятя и дочери раздѣлила теща Θеодора Никитича, Марія Шестова, постриженная въ городѣ Чебоксарахъ въ Никольскомъ дѣвичемъ монастырѣ. Дѣти Θеодора Никитича, Татьяна и малютка Михаилъ, будущій царь, съ семействомъ Александра Никитича и теткой, княгиней Черкасской были сосланы въ Бѣлозерскъ, гдѣ и томились въ заключеніи Остальныхъ Романовыхъ сослали:

Александра Никитича «къ Стюденному морю къ Усолью рекомая Луда», Михаила Никитича въ Пермъ Великую, гдѣ ему повелѣно было «здѣлать тюрму отъ града семь поприщъ», Василія Никитича—въ Яранскъ, а Ивана Никитича—въ Пелымь. Князей Черкасскихъ, Сицкихъ и другихъ родственниковъ Романовыхъ разослали по дальнимъ городамъ [61]).

Ужасы ссылки, и связанныя съ ней лишенія, душевныя страданія, грубое обращеніе усердныхъ не по разуму приставовъ надломили крѣпкую натуру Никитичей и троихъ изъ нихъ скоро свели въ могилу. Преданіе, исходившее и отъ самихъ Романовыхъ, обвинило въ смерти Александра, Михаила и Василія Никитичей самого Бориса. Такъ Новый Лѣтописецъ категорически утверждалъ, что «по повелѣнію» Годунова приставъ «удушилъ» Александра Никитича. Масса передаетъ про смерть этого несчастнаго боярина слѣдующій маловѣроятный разсказъ: «Александра же, къ которому Борисъ уже давно питалъ ненависть, увезли съ маленькимъ сыномъ на Бѣлоозеро. Здѣсь ихъ томили въ горячей банѣ. Ребенка спасло божественное провидѣніе; онъ заползъ въ уголъ, гдѣ могъ свободно дышать черезъ маленькую щель и остался живъ: люди, взявшіе его къ себѣ, сберегли его [62]). Михаилъ Никитичъ, сосланный въ Ныробскую волость (Чердынскаго уѣзда) Пермскаго края, тоже погибъ въ темницѣ, сдѣланной для него по повелѣнію Бориса Годунова. Узникъ томился въ ней около года. Затѣмъ его «тамъ удавиша и погребенъ бысть тамъ въ пустѣ мѣстѣ, надъ гробомъ же его выросли два древа, именуемыя кедръ: едино древо въ головахъ, другое въ ногахъ». Къ этому краткому, но выразительному повѣствованію Новаго Лѣтописца позднѣйшее преданіе, записанное Берхомъ и сообщенное имъ Карамзину, прибавляетъ рядъ любопытныхъ подробностей. Михаила Никитича привезли въ Ныробу зимой 1601 года. Кромѣ пристава было при немъ еще 6 сторожей. «Въ то время, какъ они копали для него землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Ныробцы научили дѣтей своихъ носить въ дудочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у землянки, они впускали въ оную дудочки и питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ Москву шесть человѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей злонамѣрныхъ: возвратились двое, уже въ царствованіе Шуйскаго, другіе умерли въ пыткахъ. По преданію «сторожи, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма темна и

сыра»,—продолжаетъ Карамзинъ и прибавляетъ: «Михаилъ Никитичъ былъ высокъ ростомъ, дороденъ и силачь. Желѣза его хранятся въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, вѣсамъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или нижнія (вѣроятно, ножныя?) въ 19, замокъ въ 10 фунтовъ» [63]).

Изъ приведеннаго преданія видно, что Михаилъ Никитичъ содержался въ землянкѣ и въ цѣпяхъ на хлѣбѣ и водѣ. Не отрицаемъ сообщаемыхъ фактовъ, но не думаемъ, чтобъ это было сдѣлано по повелѣнію царя Бориса. Правда, до насъ не дошло распоряженій, отданныхъ Годуновымъ относительно Александра и Михаила Никитичей. Но изъ «Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ» узнаемъ, какъ было предписано содержать остальныхъ Никитичей и все ли выполнялось приставами въ точности. Такъ сохранилась «память» отъ 1-го іюня 1601 г. стрѣлецкому сотнику Ивану Некрасову, назначенному надзирать за ссыльнымъ Василіемъ Никитичемъ. Благодаря этой «памяти» намъ становится извѣстно, что «Василію» было позволено взять съ собой своего «дѣтину». Въ дорогѣ Некрасовъ долженъ былъ тщательно наблюдать, чтобъ его поднадзорный «съ дороги не утекъ и лиха никотораго надъ собою не учинилъ». Приставу вмѣнялось въ обязанность уже извѣстное намъ наблюденіе надъ тѣмъ, чтобъ не допускать сношеній Василія Никитича ни съ кѣмъ; еслибъ при этомъ оказалось нужнымъ подвергнуть пыткѣ того, кого заподозрятъ въ подобныхъ сношеніяхъ, то и передъ этимъ Некрасовъ не долженъ былъ останавливаться. По пріѣздѣ въ Яранскъ поселиться надо было, какъ мы это знаемъ, по возможности далеко отъ центра городской жизни. Это слѣдовало сдѣлать для облегченія надзора, который долженъ былъ оставаться неослабнымъ. Въ «памяти» опредѣлено было и количество пищи, которое надлежало ежедневно отпускать Василію Никитичу «съ человѣкомъ»: «по колачу, да по два хлѣба денежнымъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части боранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ случится, да квасъ житной». На покупку «корма» была выдана въ распоряженіе Некрасова извѣстная сумма, по тому времени значительная: «сто рублевъ денегъ». Приставу вмѣнялось въ обязанность, какъ это уже и было отмѣчено выше, доносить въ Москву все то, что «Василій учнетъ съ нимъ разговаривать» [64]).

Вскорѣ, уже 9-го августа того же 1601 года, было приказано перевести Василія Никитича въ Пелымь. Здѣсь ему предстояло поселиться

вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ подъ наблюденіемъ стрѣлецкаго головы Смирного Маматова. Такъ звали пристава младшаго изъ братьевъ Романовыхъ. Некрасовъ долженъ былъ сдать своего поднадзорнаго человѣка и кормовыя его деньги Маматову, а также взявъ у него отписку на имя царя, ѣхать въ Москву и явиться въ приказъ [65]), куда онъ уже отправилъ донесеніе о прибытіи въ Яранскъ. Изъ этого донесенія мы узнаемъ, что Василій Никитичъ поѣхалъ въ ссылку одинъ, такъ какъ приставъ «у него во дворѣ никакого дѣтины не засталъ». Дорогой «Государевъ злодѣй и измѣнникъ» «ничего не розговаривалъ» съ Некрасовымъ; «толко ѣдучи, укралъ онъ» у своего пристава «на Волгѣ чепной ключь да и въ воду кинулъ, чтобы» тотъ «его не ковалъ»; «и хотѣлъ у меня утечь», «и я, холопъ твой»,—пишетъ царю Некрасовъ,—«и другой ключь прибралъ, и на него чѣпь и желѣза, за его воровство положилъ».

Въ Пелымь Василій Никитичъ былъ привезенъ 20 ноября 1601 года. Некрасовъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидалъ его строгій допросъ [66]). Дѣло въ томъ, что въ отпискѣ Маматова находились свѣдѣнія о крайне бѣдственномъ состояніи Василія Никитича. «И я холопъ твой, у Ивана у Некрасова»,—доносилъ Борису Годунову стрѣлецкій голова,—«взялъ твоего государева измѣнника Василія Романова больна, только чуть жива, на чѣпи и кормовыя денги девяносто рублевъ десять алтынъ двѣ деньги [67]), и посадилъ его съ братомъ съ его, съ Иваномъ Романовымъ въ одну избу». Отписку эту Некрасовъ подалъ въ приказѣ 1 января 1602 года, а 10-го ему былъ учиненъ допросъ Семеномъ Ник. Годуновымъ и дьякомъ Вылузгинымъ: по государеву наказу велѣно ему вести Василія Романова, а ковати его не велѣно, и онъ, Иванъ, почему такъ воровалъ, мимо Государева наказу велъ его скована и на чѣпи, и отдалъ его толко чѣмъ жива Смирному Маматову?» Некрасовъ на допросѣ старался всячески выгородить себя. Онъ сослался на то, что и Маматовъ повезъ Ивана Никитича скованнымъ; потому то и Некрасовъ Василія Никитича «посадя въ телѣгу повезъ съ Москвы сковавъ для того, чтобъ онъ съ дороги не утекъ». Когда затѣмъ они съ своимъ поднадзорнымъ проѣхали Чебоксары, тогда приставъ попробовалъ расковать Василія Никитича. Тотъ, воспользовавшись этимъ, «укралъ ключь замочный чтобы его не ковали» и снова былъ скованъ [68]). Такимъ образомъ они прибыли въ Яранскъ, гдѣ прожили 6 недѣль и по царскому приказу отправились въ Сибирь. На дорогѣ Некрасовъ вступилъ въ любопытный разговоръ съ Василіемъ Никитичемъ. «Кому дей Божьимъ милосердіемъ, и постомъ,

и молитвою, и милостынею Богъ далъ Царьство, а вы деи злодѣи измѣнники хотѣли достать Царьство вѣдовствомъ и кореньемъ». На такой вызовъ пристава Василій Никитичъ «учелъ говорити подсмѣхая: свята деи та милостина, что мечутъ по улицамъ; добро та деи милостина, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала».

Дорога была трудная. Пришлось идти пѣшкомъ. Василій Никитичъ шелъ «простъ»; но къ ночи «чѣпь на него» клали, боясь побѣга. Послѣ Верхотурья несчастный ссыльный разболѣлся, «и онъ Иванъ везъ его въ саняхъ простого; а какъ ему полегчѣло, и онъ на него опять чѣпь клалъ». Въ Пелыми Некрасовъ сдалъ Василія Никитича Маматову, который посадилъ Василія, не снимая съ него цѣпей въ одну избу съ Иваномъ Никитичемъ, тоже скованнымъ. Въ концѣ своихъ показаній Некрасовъ винился передъ Государемъ въ томъ, «что онъ Василія ковалъ мимо государева указу, блюдяся отъ него побѣгу».

Допросъ бывшаго пристава Василія Никитича показываетъ намъ, что онъ и его товарищи усердствовали не въ мѣру и позволяли себѣ нарушеніе царскаго указа. Не знаемъ, къ сожалѣнію, какія послѣдствія это имѣло для Некрасова. Но Маматову за такое отступленіе отъ царской инструкціи, правда мотивированное желаніемъ лучше устеречь ссыльныхъ Никитичей, было сдѣлано замѣчаніе: «и вы (т. е. Маматовъ и Некрасовъ) то сдѣлали мимо нашего указу». Имѣлъ допросъ Некрасова и реальное послѣдствіе. Наряду съ замѣчаніями, въ грамотѣ отъ 15-го января 1602 года Маматову было предписано: «И какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ, и ты бы Ивана и Василія расковалъ». Затѣмъ предписывалось имѣть за ссыльными братьями неусыпный надзоръ; «а кормъ бы еси имъ давалъ, по нашему указу, доволенъ»,—говорилось въ концѣ грамоты [69].

Царская грамота не застала уже въ живыхъ бѣднаго страдальца, Василія Никитича. Въ отпискѣ Маматова, присланной въ Москву, сказано «взялъ я, холопъ твой.... твоего Государева измѣнника Василія Романова, ноября въ 20-е число больна, толко чють жива, на чѣпи, опохъ съ ногъ; и я, холопъ твой, для болѣзни его, чѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ въ болѣзни его у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я, холопъ твой, ходилъ къ нему, и попа къ нему пущалъ, и преставился февраля 15-е число; и я, холопъ твой, похоронилъ его, и далъ по немъ тремъ попамъ, да діячку, да пономарю, двадцать рублевъ» [70]. Такъ погибъ Василій Никитичъ, не выдержавшій лишеній и суровыхъ «желѣзъ», самовольно наложенныхъ на него «простоумнымъ» приставомъ.

И младшій изъ Никитичей, Иванъ Каша, перенесъ много бѣдствій въ ссылкѣ, которую раздѣлилъ съ нимъ сообразно приказу Годунова, «человѣкъ» его Семенъ Натирка [61]). По словамъ Новаго Лѣтописца Ивана Никитича «моряху голодомъ. Богъ же видя ево правду и душу ево укрѣпи». Изъ офиціальныхъ документовъ знаемъ, что «кормъ» ему было велѣно «давать доволенъ». Но насколько исполнялся указъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что съ 1-го іюля и по конецъ ноября, если и не дольше, Ивана Никитича «мимо» царскаго «указа» держали скованнымъ или прикованнымъ къ цѣпи. Результаты сказались. Маматовъ, извѣщая о смерти Василія Никитича, прибавляетъ: «Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ на ногу маленко приступаетъ» [72]).

Неизвѣстно, долго ли бы вынесъ больной Иванъ Никитичъ суровую жизнь въ Сибири, но въ скоромъ времени, тяжесть ссылки ему была облегчена. Узнавъ о смерти Василія Никитича, и о болѣзни Ивана Никитича, царь Борисъ грамотой отъ 28-го марта 1602 года приказалъ Маматову перевести больного на житье въ Уфу. Наказъ этотъ повторялъ о необходимости «великаго береженья» и наблюденія надъ Иваномъ Никитичемъ, но въ кормѣ произошло улучшеніе: приказано было давать «по три блюда мяса» или рыбы вмѣсто прежнихъ двухъ [73]).

За первымъ облегченіемъ послѣдовало вскорѣ и другое, болѣе существенное: 28-го мая 1602 года Ивану Никитичу Романову было повелѣно вмѣстѣ съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, быть «на службѣ» въ Нижнемъ Новгородѣ. Правда, надзоръ оставался по прежнему строгимъ, но мѣнялъ свой характеръ. Улучшенъ былъ и кормъ: приказано было давать по 6 частей рыбы, а въ мясные дни, «по 3 части говядины и по 3 части баранины». Мало по малу дали разрѣшеніе и на питье напитковъ; вмѣсто прежняго «житнаго кваса» разрѣшено было давать пиво и медъ. Между тѣмъ въ маѣ Иванъ Никитичъ разболѣлся «старою своей черною болѣзнію, рукою и ногою не владѣетъ и языкъ ся отнялъ, лежитъ при концѣ». Больного уже причастили, но онъ оправился; въ болѣзни за нимъ ухаживалъ «человѣкъ» его, Семенъ Ивановъ, по прозвищу Натирка. Нѣсколько оправившись, Иванъ Никитичъ былъ отвезенъ въ Нижній, куда прибылъ 25-го іюля 1602 года, а въ сентябрѣ того же года былъ вызванъ съ княземъ Черкасскимъ въ Москву. Въ столицу прощенные опальные вернулись въ концѣ ноября 1602 года [74]). Полагаютъ, что ихъ участь была

облегчена, благодаря предстательству Ирины Никитишны Годуновой, супруги одного изъ родственниковъ царя Бориса и дочери Никиты Романовича. Думаемъ, что здѣсь сыграла роль и смерть злосчастнаго стра-

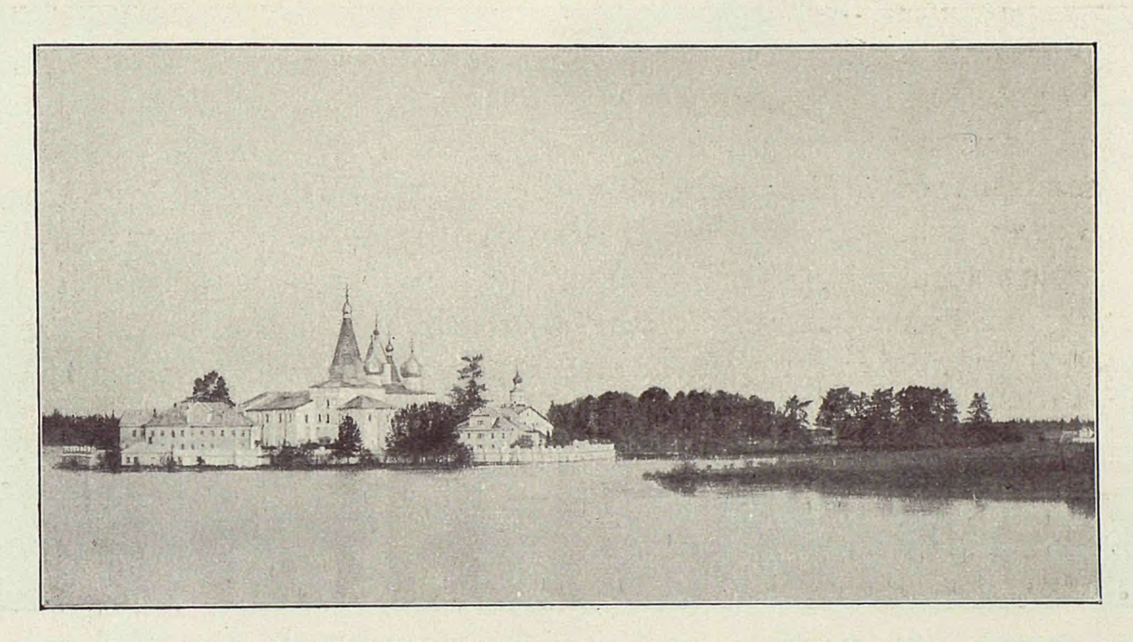
Паркъ въ селѣ Клинахъ.

дальца Василія Никитича, а, быть можетъ, и его не менѣе несчастныхъ старшихъ братьевъ [75]).

Около этого же времени была облегчена участь и княгини Черкасской, сестры Ивана Никитича и ея «товарищей», въ числѣ которыхъ были и дѣти Ѳеодора Никитича. Всѣмъ имъ 5 сентября 1602 года дозволено было ѣхать въ родовую вотчину Романовыхъ, село Клины [76]). Изъ документовъ выясняется, что не всегда потребности сосланныхъ удовлетворялись приставленнымъ къ нимъ Давидомъ Жеребцовымъ, небезызвѣстнымъ воеводой Смутнаго времени. Такъ молока и яицъ этотъ приставъ выдавалъ «не отъ велика»; такимъ образомъ, быть

можетъ, и будущій царь всея Руси испытывалъ въ нѣжномъ дѣтствѣ большія лишенія. Борисъ Годуновъ, получивъ подобнаго рода донесеніе, разгнѣвался на Жеребцова и, такъ какъ тотъ оправдывался недостаткомъ кормовыхъ денегъ, приказалъ выдать ему немедленно 50 рублей [77]).

Итакъ однихъ изъ Никитичей и ихъ родственниковъ постигла смерть, прекратившая ихъ бѣдствія [78]). Другіе получили облегченіе своей участи или даже возвращены въ столицу. Лишь жизнь Θеодора Никитича, его жены и тещи осталась безотрадной и безпросвѣтной. Ничего не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ въ Годуновское время матери и бабки будущаго царя. За то имѣемъ интересныя свѣдѣнія о бывшемъ «великомъ бояринѣ» Θеодорѣ Никитичѣ, отнынѣ старцѣ Филаретѣ. Въ

Видъ Антоніево-Сійскаго монастыря съ юго-восточной стороны.

Новомъ Лѣтописцѣ про постриженіе Θеодора Никитича сказано кратко, но сильно: «онъ же государь, неволею бысть постриженъ, да волею и съ радостію веліею и чистымъ сердцемъ ангельскій образъ воспрія и живяше въ монастырѣ въ постѣ и въ молитвѣ». Не сомнѣваемся, что искренняя вѣра, которой были крѣпки наши предки, поддерживала невольнаго постриженника. Однако, какъ много долженъ онъ былъ перестрадать въ ссылкѣ въ отдаленномъ монастырѣ, подъ строгимъ мелочнымъ надзоромъ. Первый красавецъ и щеголь въ Москвѣ, лихой наѣздникъ, ловкій и энергичный человѣкъ, очень напоминающій намъ своего великаго правнука, разомъ лишился семьи, счастья, исключительнаго положенія въ странѣ

и очутился въ четырехъ стѣнахъ мрачной монастырской кельи. Кругомъ почти ни одного дружескаго лица; только преданный малый, съ которымъ Филаретъ жилъ «душа въ душу». Да и того скоро отняли у бывшаго боярина. Самъ Филаретъ сталъ говорить, что бѣльцу неприлично жить въ одной кельѣ съ чернцомъ, а надо жить старцу со старцемъ; приставъ догадался, что это была уловка со стороны невольнаго инока, боявшагося потерять единственнаго друга, и донесъ въ такомъ смыслѣ въ Москву, прибавивъ, что изъ-за малаго ничего отъ Филарета и про Филарета нельзя вывѣдать. Малый на всѣ распросы отвѣчалъ лишь, что его господинъ скорбитъ о семьѣ: о женѣ и дѣтяхъ. Мы приводили уже въ своемъ мѣстѣ

Видъ Антоніево-Сійскаго монастыря съ сѣверо-восточной стороны.

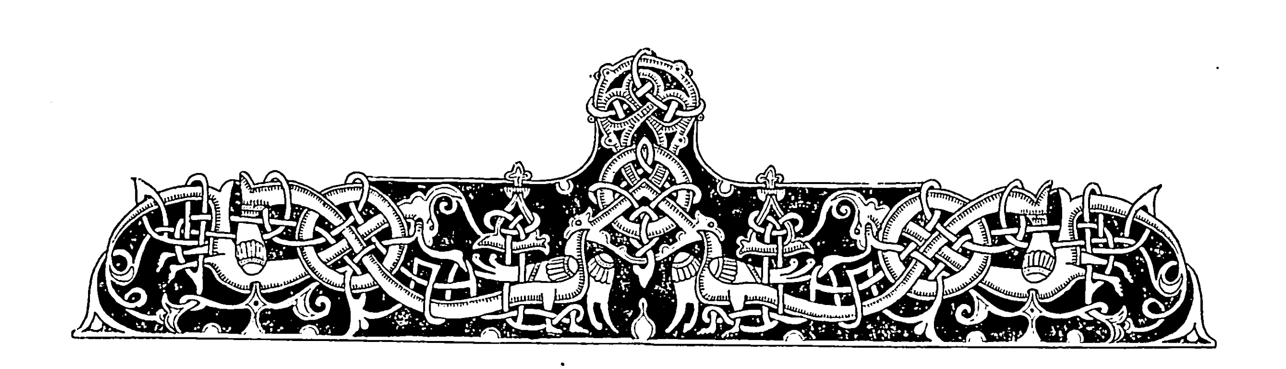
часть этихъ скорбныхъ жалобъ. Въ нихъ слышится глубина сильнаго и нѣжнаго чувства. «А жена де моя бѣдная»,—горевалъ Филаретъ,—«наудачу уже жива ли? чаетъ де, она гдѣ ближе таково жъ де спрячена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужъ что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ; много де иное они мнѣ мѣшаютъ; дай Господи слышать, чтобъ де ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де ужъ не мѣшали; я бы де сталъ промышляти одною своею душею; а братья де ужъ всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ».

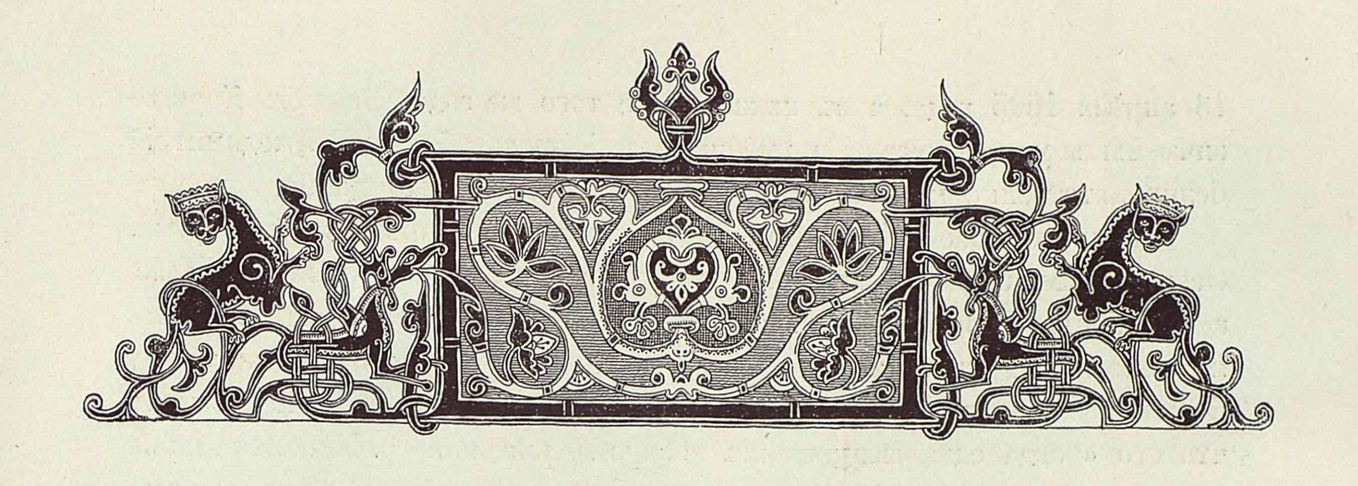
Приставъ, Богданъ Воейковъ, безстрастно излагалъ эти, полныя сдержанныхъ рыданій, думы «старца» Филарета и переходилъ къ интересующимъ его вопросамъ надзора: можно ли пускать въ монастырь захожихъ богомольцевъ и мѣстныхъ жителей. Въ виду того, что въ ноябрѣ 1602 года невольному иноку дали «повольность», и онъ захотѣлъ «стоять на крылосѣ», запросы Воейкова имѣли свое основаніе. Такъ взглянули и въ Москвѣ, разрѣшивъ въ отвѣтѣ Воейкову всѣ его недоумѣнія и вопросы. Наряду съ подтвержденіемъ, чтобъ Филарету ни въ чемъ не было «нужи», были даны слѣдующія приказанія: на крылосѣ «старцу» стоять позволили, но съ тѣмъ, чтобъ съ нимъ никто не разговаривалъ; прохожимъ людямъ и мѣстнымъ жителямъ въ церковь впускъ былъ разрѣшенъ, но опять таки подъ присмотромъ Воейкова: наконецъ, какъ бы удовлетворяя желаніе невольнаго инока, приказано было «малого» удалить, а съ Филаретомъ «жить старцу у того монастыря, въ которомъ воровства бы не чаять» [79]). Послѣднее распоряженіе было очень жестокимъ ударомъ для опальнаго «старца». Шли годы, престолъ Бориса колебался, на порогѣ этого государя стояла уже близкая смерть, а положеніе инока Филарета оставалось прежнимъ. Но поведеніе его рѣзко измѣнилось. Ссылка, лишеніе свободы и радостей семейной жизни не сломили властной и мощной натуры Филарета, но наложили суровый отпечатокъ на его характеръ. Онъ сталъ чрезвычайно вспыльчивъ и раздражителенъ. Кромѣ того, какъ ни былъ тщателенъ надзоръ, а все до Филарета доходили вѣсти изъ внѣшняго міра. Онъ слыхалъ про успѣхи Самозванца, надѣялся, что Бориса скоро свергнутъ съ престола, надѣялся, быть можетъ, и на облегченіе своей участи при перемѣнѣ режима. И вотъ въ мартѣ 1605 года Воейковъ вынужденъ былъ донести, что «живетъ де старецъ не по монастырскому чину; всегда смѣется невѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье... и къ старцамъ жестокъ». Доносилъ Воейковъ, что въ ночь на 3 февраля Филаретъ «старца Иринарха лаялъ, и съ посохомъ къ нему прискакивалъ, и изъ кельи его выслалъ вонъ». Старцы вообще жаловались Московскому приставу, что Филаретъ «лаетъ ихъ и бить хочетъ», говоря при томъ: «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ». Сталъ отказываться «старецъ» и отъ исповѣди: быть можетъ, онъ подозрѣвалъ духовника въ несоблюденіи требуемой при этомъ тайны.

Воейковъ винилъ во всѣхъ этихъ нестроеніяхъ монастырскіе порядки, отсутствіе городьбы около монастыря, свободный пріемъ всякихъ прохожихъ людей и т. д. и добился грозной царской грамоты на имя

игумена Антоніево-Сійской обители [80]. Однако вскорѣ царя Бориса не стало, а при Самозванцѣ Филаретъ получилъ и свободу и почести.

Ссылка Никитичей, тяжкая и незаслуженная, унесла у нихъ много силъ, и жизней. Но она дала въ свою очередь и новую популярность этому древнему роду. Онъ былъ знаменитъ своими государственными заслугами, сталъ близокъ къ царской династіи при Анастасіи Романовнѣ. Онъ сдѣлался еще болѣе дорогъ народу своими бѣдствіями и гоненіемъ, претерпѣнными отъ царя Бориса. Между тѣмъ безспорно, что народная любовь къ Никитичамъ ярко сказалась и 21 февраля 1613 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Филаретъ Никитичъ во время Смуты 1605—1610 гг.

I.

Годуновъ, согласившись стать царемъ всея Руси, взялъ на себя исключительную по трудности задачу. Его громаднаго ума и великихъ дарованій не хватило все же на ея выполненіе, и гибель новой династіи стала мало по малу неотвратимой [1]). Бориса поддерживалъ центръ Московскаго общества. Когда противъ него вооружились верхи и низы народной массы, опора Годунова оказалась неустойчивой, такъ какъ средніе слои населенія Руси не имѣли еще къ тому времени надлежащей сорганизованности. Поэтому то Самозванецъ и успѣлъ въ своемъ безумно дерзкомъ на первый взглядъ предпріятіи. Поддержанный народнымъ неудовольствіемъ, обострившимся подъ вліяніемъ страшнаго голода начала 1600-ыхъ годовъ, и умѣло пущенной въ ходѣ легендой о чудесномъ спасеніи царевича Дмитрія, Лжедимитрій очень удачно повелъ борьбу съ правительственными войсками. Однако при жизни царя Бориса Самозванецъ не имѣлъ полнаго успѣха. Но когда Борисъ умеръ и престолъ занялъ его сынъ Ѳеодоръ, очень богатоодаренный, однако совершенно неопытный юноша, картина рѣзко измѣнилась. Смерть стараго Годунова послѣдовала

13 апрѣля 1605 года, а въ началѣ іюня того же года Өеодоръ Борисовичъ былъ уже сверженъ и умерщвленъ. Такимъ образомъ Лжедимитрій безпрепятственно могъ вступить на тронъ московскихъ царей.

Щедрыя милости ожидали всѣхъ опальныхъ царствованія Бориса. Осыпаны ими были и Никитичи. Ивану Никитичу было сказано боярство, а Филаретъ Никитичъ возвращенъ въ Москву и возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Есть извѣстіе, по которому Филаретъ сначала отказывался отъ этого высокаго назначенія, такъ что его «тогда едва священнымъ соборомъ умолиша» [2]). Инокиня Марөа тоже вернулась изъ ссылки и поселилась вмѣстѣ съ девятилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ въ Ростовѣ, гдѣ они и прожили до 1608 года [3]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Самозванецъ, желая показать себя «прямымъ царскимъ сыномъ», жаловалъ Романовыхъ. Но почему они не обличили Лжедимитрія? Деликатность этого обстоятельства понималась впослѣдствіи Филаретомъ Никитичемъ и другими людьми XVII вѣка, и они старались обойти молчаніемъ исторію Романовыхъ при Самозванцѣ [4]). Немногіе памятники Смуты позволили себѣ заговорить прямо объ интересующихъ насъ фактахъ. Зато они вполнѣ удовлетворительно выяснили намъ, какъ источникъ милостей «Ростриги», такъ и причину молчанія Никитичей. О первомъ мы уже говорили выше. О молчаніи Никитичей, не обличившихъ Самозванца, хотя и не называя ихъ прямо, повѣствуетъ позднее «Сказаніе о царствѣ Өеодора Іоанновича». Оно отмѣчаетъ, что «иные страха ради и великія нужды и умолчали до времени» [5]). И дѣйствительно, выступить въ первое время царствованія Самозванца со словами обличенія, значило обнаружить исключительное геройство и притомъ почти безъ всякой надежды на успѣхъ. Тѣмъ болѣе трудно было ожидать подобнаго выступленія отъ опальныхъ Никитичей, старшій изъ которыхъ до послѣднихъ дней царствованія Годунова томился въ невольномъ монастырскомъ уединеніи. Правда, Филаретъ показалъ себя впослѣдствіи способнымъ на патріотическій подвигъ, но это было при другихъ обстоятельствахъ, когда опасность грозила самому дорогому достоянію древнерусскихъ людей, православной вѣрѣ. А первое время царствованія Лжедимитрія о подобной опасности никто и не помышлялъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и настроеніе москвичей рѣзко измѣнилось. Двусмысленное поведеніе новаго царя, не уважавшаго русскихъ обычаевъ и рѣшившагося жениться на иновѣркѣ, Маринѣ Мнишекъ,

Портретъ патріарха Филарета Никитича.

(Изъ рукописи „Корень Россійскихъ государей“).

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

патріархъ Филаретъ
сїи и всеа Русии

безчинства польскихъ и литовскихъ его приверженцевъ мало по малу открыли глаза жителямъ столицы на то, къ чему стремился Самозванецъ, тайный католикъ, и возбудили народное негодованіе. Этимъ воспользовался искушенный въ политическихъ интригахъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ уже въ первые дни царствованія Лжедимитрія пытался поднять противъ него русскихъ людей, былъ вмѣстѣ съ ближайшими родственниками присужденъ къ казни, прощенъ на плахѣ и послѣ ссылки возвращенъ въ Москву, гдѣ и занялъ прежнее положеніе. Шуйскій воспользовался своимъ возвращеніемъ для организаціи движенія противъ Самозванца. Дѣло пошло удачно, и 17-го мая 1606 года Лжедимитрій былъ свергнутъ и убитъ черезъ 9-ть дней послѣ своей жинитьбы. Его молодая жена, ея отецъ и многіе знатные поляки были взяты въ плѣнъ, менѣе знатные перебиты расходившейся московской черныо. Руководитель переворота, князь Василій Шуйскій, при помощи своихъ приверженцевъ былъ провозглашенъ царемъ, не устроивъ созыва общеземскаго собора для санкціи своего вступленія на престолъ.

Неизвѣстно въ точности, какую роль игралъ Филаретъ Никитичъ въ сверженіи перваго Самозванца. Однако можно думать, что онъ стоялъ въ данномъ случаѣ на сторонѣ народнаго движенія. Въ этой мысли насъ утверждаютъ слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, Филаретъ Никитичъ, какъ это мы еще увидимъ, былъ, несомнѣнно, твердымъ въ православіи человѣкомъ. Поэтому онъ не могъ держаться «Ростриги», который явно пренебрегалъ вѣрованіями русскихъ людей. Во-вторыхъ, по сверженіи Лжедимитрія Филарету Никитичу Шуйскимъ былъ предназначенъ, какъ выяснено С. Ѳ. Платоновымъ, высшій церковный санъ на Руси, патріаршескій [6]). Это должно было явиться, представляется намъ, помимо желанія Шуйскаго привлечь на свою сторону Романовыхъ, результатомъ той помощи, какую Никитичи и ихъ приверженцы оказали въ переворотѣ 17-го мая [7]).

Исторія кандидатуры Филарета на патріаршескій санъ при Шуйскомъ очень любопытна и выясняетъ намъ, почему Романовы были впослѣдствіи далеки отъ Шуйскаго и даже враждебны ему. Самая мысль о необходимости назначенія кого-нибудь на патріаршую каѳедру при наличности двухъ живыхъ патріарховъ: Іова, сведеннаго Лжедимитріемъ, и Игнатія, ставленника этого послѣдняго, не представится намъ странной, если мы вдумаемся въ обстоятельства дѣла. Патріархъ Іовъ былъ ко

времени воцаренія Шуйскаго больнымъ и полу-слѣпымъ старцемъ. Онъ не могъ стать во главѣ церкви въ такую исключительную эпоху, когда отъ архипастыря требовалось напряженіе силъ и энергіи. Игнатій, державшійся милостью Самозванца, не пользовался необходимымъ для патріарха авторитетомъ среди русскаго духовенства и довѣріемъ новаго правительства.

Приходилось поэтому избрать новаго патріарха. По вполнѣ понятнымъ основаніямъ Шуйскій остановилъ свой выборъ на Филаретѣ Никитичѣ, умномъ и энергичномъ, популярномъ и вліятельномъ человѣкѣ. Нареченный патріархъ отправленъ былъ открывать мощи св. царевича Димитрія въ Угличъ, а въ то время, 25-го мая 1606 года, въ Москвѣ произошло уличное движеніе, вдохновителемъ котораго оказался П. Н. Шереметевъ, бояринъ круга Романовыхъ. Мятежъ былъ подавленъ, однако Шуйскій сильно встревожился. Онъ далъ вѣру неосновательнымъ толкамъ о причастности Филарета къ этому движенію и перемѣнилъ свое рѣшеніе [8]). Филаретъ Никитичъ остался митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, а патріархомъ былъ назначенъ Казанскій митрополитъ Гермогенъ, поставленный 3-го іюля 1606 года.

Выборъ Гермогена былъ вполнѣ удаченъ. Обязанный своимъ возвышеніемъ исключительно присущимъ ему дарованіямъ, патріархъ Гермогенъ соединялъ съ кипучей энергіей и пламеннымъ краснорѣчіемъ ревность къ православію и любовь къ родинѣ. Русскій по духу человѣкъ онъ былъ стойкимъ борцомъ за нашу политическую и религіозную самобытность. Еще при Шуйскомъ онъ прекрасно уразумѣлъ, въ чемъ спасеніе родины, но не былъ въ силахъ благодаря своему одиночеству побѣдить стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Однако настало время, когда Гермогену удалось открыть глаза своимъ соотечественникамъ на грозящую опасность, и подвигу великаго и проницательнаго патріота Русь была обязана своимъ спасеніемъ [9]).

Признавая такимъ образомъ незабвенныя заслуги патріарха Гермогена передъ родиной, нельзя не видѣть, что Шуйскій отмѣной своего первоначальнаго рѣшенія оскорбилъ Филарета Никитича и его родныхъ, обострилъ старыя враждебныя отношенія «княжатъ» и рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ и этимъ еще болѣе осложнилъ свое трудное и колеблющееся положеніе. А надо признать, что ни одному русскому царю не приходилось царствовать при такихъ тяжкихъ условіяхъ. Соціальная разруха все сильнѣе и сильнѣе разъѣдала государственный

организмъ, и вмѣшательство въ Смуту иноземцевъ становилось все неотвратимѣе.

Уже въ первое время царствованія Василію Шуйскому пришлось имѣть дѣло съ грознымъ движеніемъ Ивана Болотникова, въ которомъ приняли участіе главнымъ образомъ низы Московскаго общества, подкрѣпленные мелкопомѣстнымъ и даже крупнымъ провинціальнымъ («городовымъ») дворянствомъ. Правда, пестрота состава возставшихъ противъ царя Василія облегчила Шуйскому борьбу съ ними. Болотниковъ и соединившійся съ ними самозванецъ Лжепетръ были побѣждены. Но худшее бѣдствіе ожидало злосчастнаго царя и многострадальную Россію: появленіе второго Лжедимитрія, извѣстнаго въ русской исторіи подъ мѣткимъ названіемъ Вора. Задолго до его появленія въ народѣ распространились слухи, что «царь Дмитрій Ивановичъ» чудеснымъ образомъ спасся 17-го мая отъ грозившей ему гибели и скоро появится во главѣ вѣрныхъ своихъ приверженцевъ. Недовольные Шуйскимъ охотно вѣрили этимъ слухамъ и, когда въ Сѣверской области появился второй Лжедимитрій, толпами стали подъ его знамя. Одни простодушно вѣрили подлинности новаго «Дмитрія Ивановича», другіе пользовались имъ какъ удобнымъ предлогомъ для мятежа и грабежа. Третіе видѣли въ немъ способъ личнаго возвышенія. Благодаря этому новый Лжедимитрій быстро собралъ вокругъ себя грозную силу изъ польскихъ и русскихъ отрядовъ, въ руки которой, впрочемъ, попалъ и самъ, не отличаясь умомъ и ловкостью своего предшественника. Однако онъ пользовался сперва знаками внѣшняго уваженія, разсылалъ всюду грамоты отъ своего имени, привлекъ на свою сторону рядъ городовъ и утвердился, наконецъ, въ селѣ Тушинѣ, откуда гетманъ Ружинскій, предводитель его войскъ, руководилъ блокадой Москвы. Станъ новаго Самозванца сталъ мало по малу почти такой же столицей, какой была и Первопрестольная. Марина Мнишекъ, захваченная шайками Вора, признала его своимъ мужемъ. Около Вора образовалось постепенно настоящее правительство. Цѣлый рядъ талантливыхъ людей находился въ немъ. Среди нихъ было много знатныхъ и родовитыхъ людей, были и московскіе приказные дѣльцы. Притомъ между Москвой и Тушинымъ образовался своеобразный обмѣнъ. Недовольные Шуйскимъ ѣхали къ Вору и, наоборотъ, не поладившіе въ Тушинѣ отправлялись въ Москву. Такимъ образомъ деморализація все болѣе глубоко проникала въ нравы московскаго общества.

Нельзя отказать Тушинскому Вору или вѣрнѣе его руководителямъ въ энергіи и широтѣ ихъ замысловъ. Они устроили блокаду Москвы, осадили Троицкій монастырь и неустанно агитировали въ пользу «царя Дмитрія Ивановича» Ихъ старанія имѣли сначала большой успѣхъ въ уѣздахъ Московскаго государства. Однако разбойничьи инстинкты, которыми руководилось большинство тушинцевъ, скоро образумили многіе изъ увлеченныхъ Воромъ городовъ. И царь Василій не терялъ времени. Онъ отправилъ своего родственника, молодого даровитаго князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ искать помощи у Швеціи, а боярина Θеодора Ивановича Шереметева въ Понизовые города для усмиренія Поволжья. И Скопинъ-Шуйскій, и Шереметевъ успѣли въ своемъ предпріятіи и двинулись съ разныхъ сторонъ противъ Тушинскаго Вора. Сигизмундъ III, король польскій, воспользовался приглашеніемъ враждебныхъ ему шведовъ на русскую службу, какъ предлогомъ начать войну съ Московскимъ государствомъ, вторгся въ предѣлы Руси и осадилъ важную крѣпость Смоленскъ. Польскіе приверженцы Тушинскаго Вора покинули его и явились на службу къ своему королю. Тушинцы принуждены были снять осаду съ Троице-Сергіевой обители и, угрожаемые войсками Скопина и Шереметева, покинуть свой станъ. Воръ бѣжалъ на Югъ и изъ Тушинскаго Вора обратился въ Калужскаго. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Москву, и царь Василій, казалось, избавился отъ грозившихъ ему бѣдъ. Но внезапная смерть Скопина и позорное пораженіе князя Дмитрія Шуйскаго подъ Клушинымъ гибельно отозвались на положеніи Шуйскаго, и дни его царствованія были сочтены.

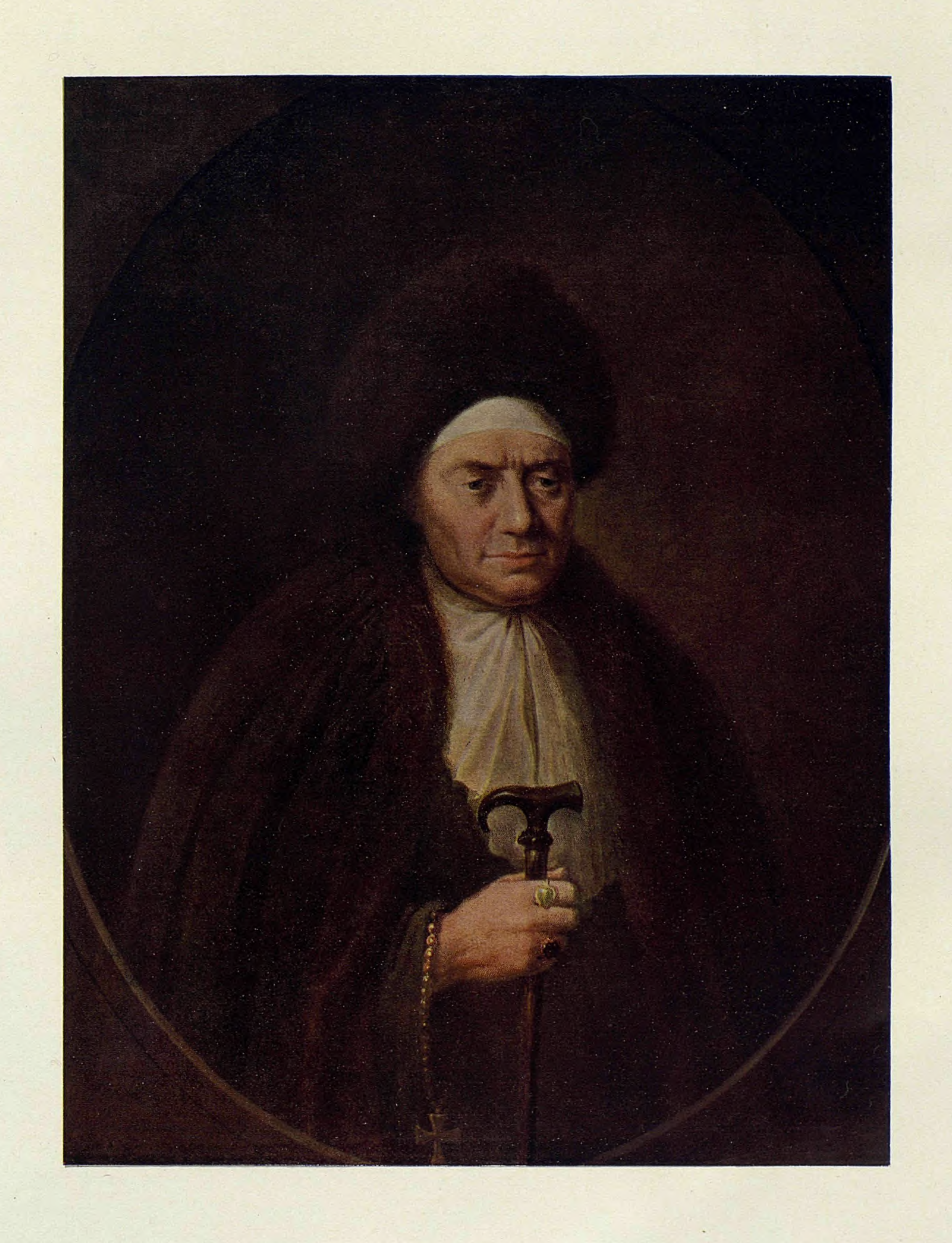
II.

Такъ быстро и неудержимо развертывались событія 1606—1610 годовъ. Филаретъ Никитичъ, готовившійся послѣ 17-го мая 1606 года занять паріаршескій престолъ, долженъ былъ вслѣдствіе того, что царь Василій отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія, удовольствоваться болѣе скромнымъ, хотя и очень почетнымъ положеніемъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Здѣсь жили также инокиня Марθа, къ которой Филаретъ сохранялъ неизмѣнно теплое чувство сердечной симпатіи, и нѣжно любимый имъ сынъ Михаилъ Θеодоровичъ. Во время управленія епархіей Филаретъ проявилъ себя, какъ выдающійся архи-

Портретъ инокини Мареы Ивановны, матери царя Михаила Θеодоровича.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

пастырь. По словамъ современника онъ, былъ «разуменъ въ дѣлѣхъ и словесѣхъ и твердъ въ вѣрѣ христіанстей и знаменитъ во всякомъ добросмысльствѣ». Но мирное теченіе жизни въ Ростовѣ было нарушено [10]). Въ октябрѣ 1608 года воровскія шайки, соединившись съ переяславцами, примкнувшими къ Тушинскому Вору, ворвались въ древній Ростовъ. Митрополитъ Филаретъ въ данныхъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству офиціознаго Новаго Лѣтописца, показалъ большую твердость духа. Онъ увѣщевалъ ростовцевъ, посадскихъ и воинскихъ людей, не покидать города и сохранить вѣрность царю Василію. Затѣмъ съ сравнительно немногими мужественными людьми остался въ Ростовѣ, причастился св. Таинъ и приготовилъ свою паству встрѣтить смерть. Воры ворвались въ городъ, разграбили его, бросились къ церкви, въ которой заперся митрополитъ, и выломали церковныя двери. Филаретъ обратился къ мятежникамъ со словами увѣщанія. Но разсвирѣпѣвшіе разбойники не вняли рѣчамъ архипастыря. Они не постыдились ни святости мѣста, ни святости сана. «Митрополита же взяша съ мѣста»,—читаемъ въ Новомъ Лѣтописцѣ,—«и святительскія ризы на немъ ободраша и одѣша его въ худыя ризы и даша его за пристава». Затѣмъ Филарета Никитича «отослаша къ Вору въ Тушино» [11]).

На разсказѣ объ отсылкѣ плѣннаго Филарета въ Тушино обрывается повѣствованіе о немъ Новаго Лѣтописца. Послѣдній возвращается къ ростовскому митрополиту только въ разсказѣ великаго посольства подъ Смоленскъ, гдѣ старшій изъ Никитичей обнаружилъ большой подъемъ патріотическаго чувства. И офиціальное жизнеописаніе патріарха Филарета ни слова не говоритъ, какъ это уже отмѣчено профессоромъ Платоновымъ, о Тушинскомъ періодѣ его жизни [12]). Причина такого умолчанія кроется въ томъ, что о поведеніи своемъ въ Тушинѣ врядъ ли охотно вспоминалъ впослѣдствіи Филаретъ Никитичъ. Онъ не оказался тамъ на высотѣ положенія. По показанію Палицына съ митрополитомъ Ростовскимъ захватившіе его въ плѣнъ обращались очень дурно: «ведуще путемъ боса токмо во единой свитѣ и ругающе облекоша въ ризы язычески и покрыша главу татарскою шапкою и нозѣ обувше во своя сандаліи». Въ такомъ жалкомъ одѣяніи Филаретъ Никитичъ приведенъ былъ къ Вору и окружающимъ его полякамъ. Здѣсь отношеніе къ плѣннику сразу измѣнилось. Второй Лжедимитрій и его совѣтники поняли, какъ важно для нихъ примириться съ такимъ знатнымъ и популярнымъ человѣкомъ. «Хотяще къ своей прелести того притягнути», «да тѣмъ инѣхъ

*

прельстятъ»,—догадывается умный келарь Троице-Сергіевой обители,— «нарицаютъ его патріарха и облагаютъ его всѣми священными ризами, и златымъ посохомъ почествуютъ, и служити тому рабовъ, яко же и прочимъ святителемъ даруютъ». Однако «Филоретъ, разуменъ сый и не преклонися ни на десно ни на шуее, но пребысть въ правой вѣрѣ» [13]).

Палицынъ представляетъ пребываніе Филарета въ Тушино плѣномъ и говоритъ, что нареченный патріархъ жилъ тамъ подъ строжайшимъ присмотромъ сторонниковъ второго Самозванца [14]). Плѣнникомъ Тушинцевъ рисовалъ себѣ его и патріархъ Гермогенъ. «А которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіе»,—писалъ въ 1609 году патріархъ,—«не своею волею, но нужею и на христіанскій законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, на таковыхъ мы не порицаемъ, но и молимъ о нихъ Бога» [15]). Позднѣйшія отношенія Гермогена къ Филарету, о чемъ рѣчь пойдетъ ниже, не даютъ намъ возможности предполагать, что словами великаго архипастыря руководилъ только политическій разсчетъ не поселять соблазна и смущенія въ умахъ русскихъ людей [16]). Думаемъ, что Филаретъ воздерживался отъ выступленій въ пользу Вора, а, быть можетъ, нашелъ и способъ войти въ тайныя сношенія съ Гермогеномъ.

Но въ то же время нельзя не признать, что, какъ выяснилъ С. Ѳ. Платоновъ, поведеніе Филарета въ Тушинѣ «скорѣе всего заслуживаетъ названіе оппортунизма и политики результатовъ» [17]). Передъ плѣннымъ Ростовскимъ митрополитомъ было три выхода: открыто обличить Самозванца, искренне предаться на его сторону, или попробовать лавировать между этими двумя путями; и Филаретъ, недоброжелатель Шуйскаго, и въ то же время отрицательно относившійся къ Тушину, избралъ послѣдній, наиболѣе благоразумный, но очень непривлекательный способъ [18]). Онъ примирился по виду съ своимъ положеніемъ, поднесъ Вору принятый Московскими обычаями подарокъ, не уклонялся отъ визитовъ тушинской знати и не протестовалъ противъ разсылки его именемъ грамотъ [19]).

Однако Филаретъ Никитичъ при своемъ большомъ умѣ не могъ не понимать, что Тушинскій Воръ не въ состояніи водворить порядокъ на Руси, которую ростовскій митрополитъ несомнѣнно горячо любилъ. Поэтому, не желая въ то же время и торжества Шуйскаго, къ которому у него не было расположенія и въ силу котораго онъ не вѣрилъ, Фила-

Келлія митрополита Филарета Никитича въ Ростовѣ.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

ретъ склонился мало по малу къ мысли о необходимости избранія новаго государя. Толчкомъ къ этому послужило вторженіе польскаго короля Сигизмунда III въ предѣлы Руси и начавшійся вслѣдъ за этимъ распадъ Тушина. Невольно у людей способныхъ къ работѣ мысли долженъ былъ встать вопросъ: какъ вывести родину изъ все болѣе запутывающагося и угрожающаго положенія? Кромѣ внутреннихъ раздоровъ сторонниковъ Шуйскаго и Вора Руси грозило теперь завоеваніе иноземцами. Еслибъ удалось устранить царя Василія и «царя Дмитрія Ивановича», а на мѣсто ихъ выбрать государемъ кого-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, то нельзя было поручиться за водвореніе внутренняго спокойствія въ странѣ. Страсти разгорѣлись, и нужны были суровые уроки междуцарствія и разрухи для того, чтобы русскіе люди «понаказались» и поняли необходимость единенія. Кромѣ того при наличіи въ странѣ сильнаго вражескаго войска, казалось, невозможно было наладить необходимый порядокъ. Естественно напрашивался выводъ: изъ враговъ можно было сдѣлать друзей и при помощи ихъ придти къ желательному результату. Такимъ образомъ неминуемо было остановиться на мысли о династической уніи съ Польско-Литовскимъ государствомъ и о выборѣ въ государи королевича Владислава. Эта мысль не была къ тому же полной новостью. Вспомнимъ хотя бы времена Грознаго и Өеодора Іоанновича, претендентовъ на польсколитовскій престолъ. Была, конечно, разница между вступленіемъ польскаго королевича на тронъ русскихъ царей и полученіемъ московскимъ государемъ польской короны. Въ послѣднемъ случаѣ выгода уніи была бы на сторонѣ Руси. Теперь же, несомнѣнно, выигрывали поляки. Но положеніе нашей родины было тяжело, и приходилось идти на уступки.

При такихъ условіяхъ въ Тушинѣ въ самомъ началѣ 1610 года былъ составленъ, надо думать, при ближайшемъ участіи Филарета Никитича проектъ договора съ Польско-Литовскимъ государствомъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ договора 4-го февраля 1610 года. Подлинныя статьи этого договора, привезенныя 21-го января 1610 года въ королевскій станъ тушинскими послами, изъ которыхъ первыя мѣста занимали М. Г. Салтыковъ и сынъ его Иванъ, до насъ не дошли. Намъ приходится довольствоваться только текстомъ «отказа», т. е. отвѣта Сигизмунда на эти статьи, полученнаго 4 февраля. Впрочемъ, онъ повидимому достаточно подробно передаетъ содержаніе упомянутыхъ статей, проникнутыхъ опредѣленными тенденціями. Надо отмѣтить, что интересующій насъ договоръ очень любопытенъ. Покойный Ключевскій,

анализируя его, находитъ, что «ни въ одномъ актѣ Смутнаго времени русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ М. Салтыкова и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ [21]).

И дѣйствительно, мы должны признать, что авторы договора, не забывая своихъ групповыхъ и классовыхъ выгодъ, подумали о достоинствѣ и благоденствіи своей родины. Соглашаясь вступить съ Рѣчью Посполитой «въ тѣсный военный союзъ», они тѣмъ не менѣе въ основаніе этого союза положили «сохраненіе полной автономіи Московскаго государства». Только на такомъ условіи просили виднѣйшіе изъ Тушинцевъ, вольныхъ и невольныхъ, королевича Владислава стать московскимъ государемъ. Опредѣляя положеніе Руси при новомъ царѣ, авторы разбираемаго договора постарались выговорить рядъ условій признанія Владислава своимъ государемъ. Владиславъ долженъ былъ сохранить неприкосновенность православія, совѣтоваться о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ «съ патріархомъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ и з бояры и со всею землею» «з Московскаго звычаю». Какъ правильно отмѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ, такое «ограниченіе единоличной власти Владислава» «вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на Московскій престолъ иноземнаго и иновѣрнаго государя. Это ограниченіе имѣло цѣлью не перестройку прежняго государственнаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе» его. При этомъ ясна та среда, въ которой составился договоръ: это дворцовая знать эпохи Грознаго. Авторы договора, требуя справедливаго суда, отмѣны групповой отвѣтственности родственниковъ обвиненнаго, въ то же время выдвигаютъ на первый планъ принципъ выслуги. Они желаютъ также свободнаго выѣзда за границу для науки и торговли. Эти «новшества» носятъ на себѣ отпечатокъ временъ Грознаго, любившаго и цѣнившаго иноземцевъ, и ученика его въ политикѣ, Бориса Годунова [22]). Въ то же время договоръ стоитъ за сохраненіе крѣпостныхъ порядковъ на Руси и ставитъ вопросъ о томъ: «на Волгѣ, на Дону, на Яикѣ и на Терекѣ казаковъ есть ли надобе, албо не надобе» [23]). Такимъ образомъ авторы договора, какъ бы высказывались за возможность уничтоженія казачества, а не забудемъ, что оно пополнялось главнымъ образомъ бѣглыми крѣпостными, какъ это указано новѣйшимъ изслѣдованіемъ Смуты [24]).

Итакъ составленный въ Тушинѣ договоръ отнюдь не былъ выраженіемъ желаній рядовыхъ тушинцевъ. Послѣдніе были проникнуты

стремленіемъ къ грабежу и насиліямъ. Договоръ стремился возстановить порядокъ въ Русской землѣ. При этомъ авторы договора скорѣе всего могутъ быть опредѣлены какъ консерваторы и націоналисты. Они далеки были отъ реакціонеровъ княжатъ, къ какимъ принадлежалъ царь Василій Шуйскій, но всѣ ихъ либеральныя новшества были проводимы въ жизнь выдающимися государями XVI вѣка, а конституціонныя на первый взглядъ стремленія были продиктованы желаніемъ, какъ мы видѣли, сохранить свой стародавній укладъ отъ возможныхъ посягательствъ со стороны поляковъ.

Недовѣріе авторовъ договора 4 февраля 1610 года къ полякамъ имѣло, какъ увидимъ, серьезнѣйшія основанія. Но это самое обстоятельство не сулило соглашенію прочности. Однако, первое время обѣ стороны очень дорожили этимъ договоромъ. Сигизмундъ постарался объ его распространеніи въ Московскомъ государствѣ, а вліятельнѣйшіе изъ тушинцевъ собрались переѣхать въ станъ къ королю; многіе даже и успѣли сдѣлать это. Неизвѣстно въ точности, что намѣревался предпринять старшій изъ Никитичей. Знаемъ только, что въ маѣ мѣсяцѣ ростовскій митрополитъ Филаретъ, отбитый у Іосифова монастыря русскими войсками отъ польскихъ отрядовъ, направлявшихся въ Смоленскъ, прибылъ въ Москву, за два мѣсяца до наступленія междуцарствія [25]).

III.

Ко времени пріѣзда Филарета Никитича въ Москву царь Василій лишился своей опоры, Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Новый главный воевода Московскихъ силъ князь Дмитрій Шуйскій былъ трусливъ, бездаренъ, изнѣженъ и корыстолюбивъ. Онъ возбудилъ противъ себя недовольствіе шведскихъ наемныхъ войскъ, расположеніе которыхъ сумѣлъ завоевать даровитый Скопинъ, не пріобрѣлъ довѣрія русскихъ ополченій и проигралъ, какъ мы уже упоминали, рѣшительный бой подъ селомъ Клушинымъ, данный нашему полководцу талантливымъ польскимъ вождемъ, гетманомъ Жолкевскимъ. Это пораженіе было пагубно для царя Василія. Онъ никогда не пользовался народнымъ расположеніемъ, а къ 1610 году вооружилъ противъ себя два вліятельныхъ круга Московскихъ людей. Одинъ изъ нихъ имѣлъ своимъ вождемъ князя Василія Васильевича Голицина—знакъ того, что среди представителей реакціоннаго княжья не было тогда единодушія. Полнился этотъ кругъ дворянствомъ средней руки, среди котораго выдающуюся роль играла рязанская фамилія Ляпуновыхъ.

Ядро другой партіи, враждебной Шуйскимъ, составляли представители дворцовой знати времени царей Грознаго и Феодора. По вѣроятной догадкѣ профессора Платонова вождемъ, вѣрнѣе, вдохновителемъ этой группы, склонной къ выбору Владислава на русскій престолъ, былъ самъ Филаретъ Никитичъ, наиболѣе вліятельный и видный ея членъ [26]). Оба отмѣченные круга сходились на непріязни къ Шуйскому. Но первый стремился къ перемѣнѣ лица, а второй думалъ о смѣнѣ правительственной системы. Клушинское пораженіе развязывало обѣимъ группамъ руки, такъ какъ власть, видимо, ускользала отъ царя Василія. По извѣстію, сообщаемому Палицынымъ, сторонники Калужскаго—прежняго Тушинскаго—Вора ускорили развязку, предложивъ обманнымъ образомъ сдѣлку жителямъ столицы. «Вы убо оставте своего царя,—глаголюще Василія,—и мы также отставимъ своего и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Передъ москвичами, которые опасались тогда угрожающихъ Москвѣ двухъ враговъ: поляковъ и тушинцевъ, мелькнулъ призракъ надежды на объединеніе всѣхъ русскихъ людей и прекращеніе внутренней Смуты. Они повѣрили словамъ и клятвамъ сторонниковъ «царя Дмитрія Ивановича» и свели съ престола Шуйскаго. Тогда бывшіе тушинцы съ насмѣшкой заявили имъ, что они остаются вѣрными своему «истинному прямому» царю и предложили москвичамъ присоединиться къ нимъ и признать ихъ государя [27]). Зная хорошо Вора и замашки его дружинъ, жители столицы вовсе не хотѣли подчиниться Калужскому царику и растерялись. Патріархъ Гермогенъ посовѣтовалъ вернуть престолъ Шуйскому. Чтобы избѣгнуть этого, заводчики мятежа противъ царя Василія, т. е. Захаръ Ляпуновъ и другіе, поспѣшили постричь его, несмотря на энергичные протесты постригаемаго.

Послѣ этого передъ москвичами, которыми стало править временное правительство, знаменитая «семибоярщина», возникъ вопросъ, кто будетъ царемъ. Приверженцы Голицына думали возвести на престолъ этого боярина, но кандидатура его не встрѣтила поддержки въ другой вліятельной группѣ, принимавшей участіе въ сверженіи царя Василія. Тогда патріархъ Гермогенъ, ревностный патріотъ, націоналистъ и сторонникъ порядка, выступилъ съ своимъ предложеніемъ. О немъ сообщилъ намъ очень наблюдательный и хорошо освѣдомленный гетманъ Жолкевскій. «Патріархъ побуждалъ,»—разсказываетъ гетманъ,—«чтобы (и представлялъ одного и двухъ) избрали или князя Василія Голицына, или Никитича Романова, сына Ростовскаго митрополита, это былъ юноша,

можетъ быть, пятнадцати лѣтъ. Представлялъ же онъ его потому, что митрополитъ Ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ (по матери) царя Θеодора: потому что царь Θеодоръ родился отъ царя Іоанна тирана и отъ родной сестры Никиты Романовича, Ростовскій же митрополитъ—сынъ сего послѣдняго; однакожъ, къ патріаршему мнѣнію болѣе склонялся народъ, а все почти духовенство было на сторонѣ Голицына» [28]).

Извѣстіе, приводимое Жолкевскимъ, очень любопытно. Оно указываетъ намъ, что мысль объ избраніи Михаила Θеодоровича возникла уже въ 1610 году и что сторонникомъ ея былъ такой уважаемый и вліятельный человѣкъ, какъ Гермогенъ [29]). Затѣмъ польскимъ гетманомъ обстоятельно отмѣчена и причина кандидатуры, т. е. родство Романовыхъ съ угасшей династіей, и извѣстное сочувствіе къ этой кандидатурѣ со стороны народа. Интересно также, что московское духовенство предпочитало Голицына. Любовь ли къ этому боярину или опасеніе видѣть «владительнаго» Филарета у власти побуждало духовенство къ этому предпочтенію? Не умѣемъ рѣшить.

Во всякомъ случаѣ мотивы предложенія патріарха для насъ представляются вполнѣ ясными. Гермогенъ хотѣлъ видѣть русскаго человѣка государемъ на московскомъ престолѣ и не желалъ Вора. Онъ предложилъ поэтому кандидата изъ 2-хъ наиболѣе вліятельныхъ группъ, причемъ личныя симпатіи патріарха склонялись на сторону Никитичей. Однако, предложеніе Гермогена не имѣло полнаго успѣха. Жолкевскій приписываетъ это своей ловкой политикѣ. Признавая за гетманомъ большіе таланты дипломата, думаемъ, что обстоятельства благопріятствовали ему. Руководящая роль въ столицѣ принадлежала, какъ мы уже указали, семибоярщинѣ, составъ которой опредѣленъ, какъ представляется намъ, очень удачно профессоромъ Платоновымъ. Въ нее вошли «5-ть княжатъ отборныхъ фамилій и два боярина изъ стариннаго боярскаго рода Θеодора Кошки» [30]). Эти бояре съ одной стороны являлись выразителями и носителями взглядовъ реакціонно настроенныхъ княжатъ съ другой—представляли собой интересы Никитичей и ихъ сторонниковъ. Они не желали государя изъ среды русскихъ людей, опасаясь и Вора, и борьбы партій. Зато они охотно готовы были примириться съ одинаково для всѣхъ чуждымъ Владиславомъ. Предварительный договоръ съ королемъ Сигизмундомъ имъ былъ извѣстенъ и казался удобопріемлемымъ. Не забудемъ угрожающаго положенія, принятаго поляками послѣ Клушинскаго пораженія, и беззащитности Москвы. Видя невозможность борьбы съ двумя

врагами, семибоярщина и руководимые ею круги рѣшили выбрать меньшее изъ золъ [31]). Вотъ благодаря чему и было рѣшено избраніе королевича Владислава. При этомъ надѣялись, что поляки въ виду собственныхъ интересовъ уничтожатъ Вора и его шайку.

Обстоятельства были грозны. Приходилось спѣшить. Созвать въ Москву земскій соборъ было трудно, такъ какъ сама столица была подъ страхомъ новой блокады. Рѣшили обойтись наличными средствами и составили соборъ, пользуясь находившимися въ Москвѣ жителями уѣздовъ. На этомъ соборѣ постановили избрать Владислава на основаніи главнымъ образомъ условій, подписанныхъ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 года. Но на этихъ условіяхъ отразилось вліяніе новыхъ элементовъ, принявшихъ участіе въ ихъ пересмотрѣ: княжатъ и патріарха. Первые позаботились о внесеніи въ договоръ упоминанія о ненарушимости положенія при новомъ государѣ «княженецкихъ родовъ» и объ уничтоженіи въ немъ статей, отзывающихся либеральными новшествами. Гермогенъ настоялъ на принятіи королевичемъ православія.

Выработанныя такимъ образомъ условія, такъ называемый договоръ 17 августа 1610 года, были подписаны гетманомъ Жолкевскимъ, причемъ наиболѣе щекотливые и спорные пункты, въ особенности вопросъ о крещеніи Владислава по обрядамъ православной вѣры предусмотрительно были имъ оставлены въ сторонѣ съ оговоркой, что по нимъ постановитъ рѣшеніе король Сигизмундъ по уговору съ русскими людьми [32]). Тотъ же Жолкевскій постарался, какъ онъ самъ разсказываетъ, повліять и на составъ великаго посольства, которое должно было ѣхать къ королю Сигизмунду съ предложеніемъ русской короны его сыну или, говоря тогдашнимъ языкомъ, «прошати у короля на царство королевича». Гетманъ понялъ важность удаленія изъ Москвы наиболѣе вліятельныхъ лицъ, называемыхъ кандидатами на престолъ. Михаилъ Өеодоровичъ былъ слишкомъ молодъ, но можно было удалить его отца и фактическаго руководителя его приверженцевъ, митрополита Филарета. О томъ, чтобы онъ поѣхалъ отъ имени освященнаго собора, и позаботился Жолкевскій. Онъ же добивался, не останавливаясь передъ самой отчаянной лестью, чтобы въ главѣ великаго посольства сталъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ [33]).

Усилія умнаго и хитраго польскаго вельможи увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, выборъ Филарета и Голицына былъ и самъ по себѣ вполнѣ естественнымъ въ виду важности посольства и той цѣли, для которой оно отправлялось: простая вѣжливость требовала, чтобы «прошать королевича»

Воздухи работы инокини Марѳы Ивановны.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

ѣхали знатнѣйшія въ государствѣ лица. Вмѣстѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ были отправлены многіе другіе «власти», «сановники» и «чины» Московскаго государства. Это посольство, являясь частью того земскаго собора, отъ имени котораго оно отправлялось, было чрезвычайно велико. Считая со свитой, оно простиралось до 1.000 слишкомъ человѣкъ [34]).

Великому посольству данъ былъ въ высшей степени любопытный наказъ, напечатанный въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Указавъ во вступленіи на цѣль и составъ посольства наказъ предписывалъ великимъ посламъ: митрополиту Филарету и князю Василію Голицыну ѣхать «къ Жигимонту королю, гдѣ король будетъ, не мешкая нигдѣ». Явившись къ Сигизмунду, послы должны были вручить ему вѣрющія грамоты съ произнесеніемъ подобающихъ случаю рѣчей. Первую рѣчь, состоящую почти цѣликомъ изъ перечня королевскихъ титуловъ, долженъ былъ произнести Филаретъ, и только затѣмъ надлежало говорить остальнымъ посламъ. Послѣ привѣтствій имъ слѣдовало испросить позволенія совѣщаться съ польскими панами. На этихъ совѣщаніяхъ надо было выяснить рядъ условій и заявить цѣлый рядъ пожеланій. Такихъ условій или «статей« было въ наказѣ отмѣчено 10-ть: 1) крещеніе Владислава по православному обряду и притомъ возможно скорѣе; предложить надо было, чтобъ королевичъ крестился въ Смоленскѣ; 2) разрывъ сношеній о вѣрѣ Владислава съ папой; 3) установленіе смертной казни тѣмъ русскимъ людямъ, которые «похотятъ своимъ малоуміемъ отъ Греческие вѣры отступити къ Римской вѣрѣ»; 4) немногочисленность свиты королевича при приходѣ его въ Москву; 5) сохраненіе Владиславомъ полнаго царскаго титула; 6) женитьба Владислава на русской и православной; 7) очищеніе Московскихъ городовъ, занятыхъ польскими отрядами и воровскими шайками; 8) надѣленіе польскихъ и литовскихъ слугъ Владислава не съ порубежныхъ городовъ; послѣднее считалось неудобнымъ: «чтобъ въ порубежныхъ мѣстахъ въ земленныхъ дѣлахъ отъ того межъ Государствъ ссоры не было»; 9) безвозмездный отпускъ на свободу русскихъ плѣнниковъ, и 10) отступленіе Сигизмунда отъ Смоленска [35]).

Выработавъ такія «статьи», наказъ предвидѣлъ всевозможныя возраженія на нихъ со стороны поляковъ и даже разрѣшалъ въ крайности идти на уступки. Такъ можно было не настаивать на немедленномъ принятіи Владиславомъ православія и рѣшеніи вопроса о его будущей женитьбѣ. Но въ то же время послы не могли сдѣлать по этимъ вопросамъ рѣши-

тельныхъ уступокъ, и всѣ онѣ сводились главнымъ образомъ къ отсрочиванью обсужденія того или иного изъ боевыхъ вопросовъ. Самая же важная задача великаго посольства состояла въ томъ, чтобъ убѣдить королевича, какъ можно скорѣе прибыть въ Москву [36]).

Зная приверженность Сигизмунда къ католицизму и желаніе самому стать царемъ на Руси, не трудно было бы предвидѣть, что посольство не достигнетъ своей цѣли. Но если Жолкевскій, удаливъ Филарета и Голицына, видѣлъ въ томъ счастливый результатъ своей политической ловкости, то и москвичи могли бы сказать, что ихъ великіе послы «не посрамили земли русской». О твердости, проявленной Филаретомъ, Голицынымъ и нѣкоторыми ихъ «товарищами», объ ихъ патріотическомъ подвигѣ намъ и предстоитъ теперь повѣствовать.

IV.

Великое посольство двинулось въ свой трудный и опасный путь 11-го сентября 1610 года. Передъ ихъ отбытіемъ въ Успенскомъ соборѣ было отслужено напутственное молебствіе. Послѣ этого патріархъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ держалъ рѣчь къ посламъ, указывая имъ на необходимость стойкости въ такую важную и тяжкую для родины годину. Филаретъ Никитичъ и князь Голицынъ отвѣчали на увѣщанія Гермогена, что «они прежде согласятся мучительную смерть принять, нежели что противно учинить» [37]).

И дѣйствительно, какъ Филаретъ, такъ и Голицынъ проявили во время великаго посольства величайшее нравственное мужество и горячую любовь къ родинѣ, стойко перенеся всѣ невзгоды, выпавшія имъ на долю. Невзгоды же и непріятности всякаго рода встрѣтили и претерпѣвали послы чуть ли не со дня ихъ выѣзда изъ Москвы. Ѣхать приходилось по разореннымъ многочисленными врагами Руси мѣстностямъ, получая при этомъ неутѣшительныя свѣдѣнія о коварствѣ Сигизмунда, расширявшаго раіонъ враждебныхъ дѣйствій и добивавшагося, зачастую успѣшно, присяги на свое имя. Имѣли послы неутѣшительныя извѣстія и о томъ, что поляки, несмотря на договоръ, не посылаютъ своихъ войскъ противъ Вора [38]).

Въ мрачномъ настроеніи пріѣхали послы 7-го октября 1610 года въ королевскій станъ подъ Смоленскъ. Здѣсь ихъ ожидалъ далеко негостепріимный пріемъ. Два дня имъ не отпускали, въ противность тогдашнему обыкновенію, «кормовыхъ запасовъ», отговариваясь тѣмъ, что Сигизмундъ находится не въ своей землѣ; между тѣмъ припасовъ негдѣ было достать

ни за какія деньги. Наконецъ, настоятельныя просьбы пословъ были услышаны, при чемъ запасы стали имъ давать весьма скудные. Вскорѣ затѣмъ состоялась и аудіенція великаго посольства у Сигизмунда. Послѣ рѣчей главныхъ русскихъ пословъ всему посольству пришлось выслушать высокомѣрную рѣчь канцлера Льва Сапеги, сказанную имъ отъ имени короля. Въ ней говорилось, что Богъ наказываетъ людей, не по достоинству занимающихъ царскій престолъ, и что Сигизмундъ, «сжаляся о разлитіи крови Христіянской», хочетъ «Московскому государству успокоенья и въ христіанствѣ учинити добрую згоду, и кровь христіанскую уняти, чтобы нашимъ государскимъ жалованьемъ кровь христіанская литися перестала». Послѣ аудіенціи русскіе люди поднесли королю подарки и были имъ отпущены [39]).

Съ 15-го октября начались съѣзды нашихъ пословъ съ панами радными [40]). Сразу же обнаружилось то глубокое противорѣчіе, какое раздѣляло двѣ націи и ихъ интересы. Въ нашу задачу не входитъ подробное описаніе всѣхъ совѣщаній членовъ посольства съ поляками. Отмѣтимъ только случаи, гдѣ Филаретомъ была проявлена особенная твердость или проницательность. Теперь же укажемъ, чего добивалась та и другая сторона. Не трудно увидѣть, что и русскіе и поляки проявили величайшее упорство въ отстаиваньи выгодъ и пользы своихъ государствъ, обнаруживъ при томъ большое дипломатическое искусство: поляки для достиженія своихъ цѣлей, русскіе—для обличенія своихъ противниковъ въ хитрости и притворствѣ.

Не можемъ не признать что и поляки, и русскіе были по своему правы. Полякамъ казалось, что Русь, извѣчный врагъ Рѣчи Посполитой, на краю гибели. Нельзя было бы требовать отъ нихъ особаго великодушія и странно было бы, еслибъ они не использовали своего исключительно выгоднаго положенія. Въ свою очередь наши послы отстаивали самобытность своей родины. Искренняя, пламенная любовь къ ней давала имъ силы возвыситься до самоотверженія, до героизма. Наше сочувствіе невольно на сторонѣ Филарета и Голицына и не только потому, что они защищали русскую землю отъ иноземныхъ посягательствъ: ихъ дѣло было правымъ дѣломъ. Но справедливость заставляетъ насъ отнестись съ безпристрастіемъ и къ полякамъ. Прежде всего они не обязаны были давать непремѣнно утвердительный отвѣтъ на условія, поставленныя русскими. Жолкевскій не безъ тонкаго расчета не внесъ въ свой договоръ полнаго согласія на нихъ, оставивъ дѣло до переговоровъ съ Сигиз-

мундомъ. Ловкій и вкрадчивый гетманъ, несомнѣнно искренній польскій патріотъ, подъ рукой, быть можетъ, и обнадеживалъ москвичей; но отъ уклончивыхъ намековъ до закрѣпленнаго подписью условія очень далеко. И польскіе паны въ ной мѣрѣ воспользовались преимуществами своего положенія. Посмотримъ, чего они стали добиваться, чего потребовали отъ великихъ пословъ.

Надобно помнить, что къ моменту прибытія великаго посольства подъ Смоленскъ эта весьма важная крѣпость испытывала долговременную осаду ея войсками Сигизмунда, но стойко держалась благодаря мужественному сопротивленію осажденныхъ, выгодамъ своего мѣстоположенія и отличнымъ укрѣпленіямъ. Польшѣ очень хотѣлось овладѣть этимъ городомъ, представлявшимъ собой въ то время ключъ къ обладанью областью верхняго Днѣпра и оберегавшимъ или открывавшимъ подступы къ Москвѣ. Поэтому польскіе паны всѣми мѣрами добивались въ переговорахъ съ нашими великими послами передачи Смоленска Сигизмунду. Но и Филаретъ и Голицынъ, и другіе члены великаго посольства прекрасно знали цѣну этой крѣпости и никакъ не могли согласиться на отдачу ея королю.

Другимъ непримиримымъ разногласіемъ былъ вопросъ о присягѣ на имя Сигизмунда. Какъ самому королю, такъ и остальнымъ полякамъ представлялось вполнѣ достижимымъ полное господство надъ Московскимъ государствомъ. Для этого надо было стать на Руси царемъ не молодому, неопытному и потому доступному русскому вліянію Владиславу, а его искушенному жизненнымъ опытомъ и преданному католической идеѣ отцу. Поэтому паны начали требовать отъ пословъ, чтобы тѣ приказали смольнянамъ присягнуть королю, да кромѣ того вообще старались повернуть все дѣло такъ, какъ будто присяга, данная русскими Владиславу, обязывала ихъ присягнуть и Сигизмунду. Великіе послы прекрасно поняли, въ чемъ дѣло, и рѣшительно, хотя и очень вѣжливо, отказали имъ въ этомъ. Тщетно паны заявляли, что король пришелъ для успокоенія Московскаго государства, что смольняне, отказывая ему въ покорности, безчестятъ тѣмъ королевское имя, и что нельзя раздѣлять отца съ сыномъ, какъ это дѣлаютъ московскіе люди. Послы на такіе доводы отвѣчали, что успокоенія король лучше всего достигнетъ, выведя сообразно договору съ Жолкевскимъ войска изъ предѣловъ Руси и отпустивъ королевича Владислава на царскій престолъ. Отвѣчали также, что никакого безчестія королю въ отказѣ смольнянъ присягать на его имя нѣтъ и

что смольняне съ радостію присягнутъ Владиславу, какъ только поляки отступятъ отъ города. Возражая на послѣдній аргументъ польскихъ пановъ о томъ, что сына нельзя раздѣлять съ отцомъ, Филаретъ и Голицынъ съ товарищами привели историческую справку объ обстоятельствахъ вступленія самого Сигизмунда на польскій престолъ при жизни его отца, шведскаго короля Ягана, и при сохраненіи полной независимости Рѣчи Посполитой отъ Швеціи.

Во время веденія переговоровъ великіе послы заявили польскимъ панамъ, что тѣ предлагаютъ совершенно новыя условія, о которыхъ они не имѣютъ полномочій договариваться. Въ то же время они твердо стояли на томъ, что присланы отъ всей земли и не могутъ ничего сдѣлать, не получивъ новыхъ приказаній отъ нея. Ни патріарховы грамоты безъ боярскихъ, ни боярскія безъ патріарховыхъ, и никакія другія не могутъ быть приняты послами къ руководству, если онѣ не будутъ посланы отъ всей земли.

Въ такого рода доводахъ была для польскихъ притязаній та опасность, что великое посольство представляло собой часть того самаго собора, къ авторитету котораго прибѣгали Филаретъ и Голицынъ съ другими послами. Такимъ образомъ для рѣшенія новыхъ вопросовъ надобно было вернуться великимъ посламъ въ Москву и тамъ принять участіе въ новомъ земскомъ соборѣ, или собрать такой соборъ подъ Смоленскомъ. За невозможностью сдѣлать послѣднее, поляки рѣшили прибѣгнуть къ первому. При этомъ, не предлагая уѣзжать главнымъ посламъ, которыхъ выгоднѣе всего было попридержать при себѣ и попытаться сломить ихъ твердость, стали воздѣйствовать на второстепенныхъ членовъ посольства и успѣли въ своемъ намѣреніи. Многіе русскіе люди смалодушествовали и, получивъ отъ короля разнаго рода пожалованія на русскій же счетъ, поѣхали обратно. Имъ казалось, что русское дѣло потеряно тѣмъ болѣе послѣ того, какъ узнало великое посольство о впускѣ польскаго гарнизона въ Кремль [41]). Поэтому было выгодно скорѣе войти въ милость у новыхъ господъ.

Наиболѣе даровитый изъ такихъ малодушныхъ членовъ посольства, знаменитый келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ такъ оправдываетъ себя и своихъ товарищей по самовольному оставленію посольства: «И того ради посольство къ королю Польскому бездѣльно бысть, и въ безчестіи быша посланіи отъ Московскаго государства; ихъ же начяша до конца оскорбляти и гладомъ томити. Самъ же король без-

престанно промышляя, како бы градъ Смоленскъ взяти. Посломъ же повелѣ отказати, что не будетъ королевичъ на государство Московское. Сенаторы же и гетманы рекоша посломъ: «Вы однѣ, послы, токмо бездѣльничаете, а Московское государство все королю хочетъ служити и прямити во всемъ». И показываху челобитные за руками, кто что у короля проситъ. И того ради послы до конца отчаяшися и не вѣдуше, что сотворити. Нѣцiи же отъ нихъ и къ царьствующему граду возратишяся» [42]).

Но мужественные митрополитъ Филаретъ и бояринъ князь Голицынъ не разсуждали такимъ образомъ. Для нихъ дороги были честь и достоинство Россiи, ея самобытность и благоденствiе. Поэтому они терпѣли и матерiальныя лишенiя и нравственную пытку. Они не встрѣчали нигдѣ поддержки: въ декабрѣ ихъ покинули собственные ихъ товарищи [43]), явившiйся въ польскiй станъ Иванъ М. Салтыковъ позволилъ себѣ кричать на великихъ пословъ и осыпать ихъ бранью [44]), поляки стращали ихъ плѣномъ, московскiе бояре, ставшiе узниками въ Москвѣ, занятой вражескимъ войскомъ, приказывали имъ во всемъ положиться на волю короля и сдать ему Смоленскъ. Отвсюду приходили самыя тревожныя извѣстiя о занятiи непрiятелями многихъ русскихъ областей. Стойкiй и честный Гермогенъ поддержалъ бы, конечно, великихъ пословъ, но не имѣлъ случая переслать къ нимъ вѣстей, и его молчанiе удручало Филарета, а за нимъ и его товарищей [45]). Послы были предоставлены самимъ себѣ. Въ своей душѣ нашли они тѣ силы, которыя поддержали ихъ въ столь трудную и тяжкую пору. Здѣсь сказалась и пламенная любовь къ родинѣ и, несмотря на все происходившее, глубокая вѣра въ нее [46]). И Филаретъ, и Голицынъ въ первые перiоды Смуты не всегда были чистыми и прямыми людьми. Были у нихъ моменты слабости и нравственнаго малодушiя: не прочь были они и отъ политической интриги. Но пребыванiе ихъ подъ Смоленскомъ, ихъ непоколебимая душевная твердость и искреннiй горячiй патрiотизмъ, обнаруженный во время бѣдствiй великаго посольства, искупили ихъ прежнiя прегрѣшенiя передъ родиной, которую, впрочемъ, они никогда не желали предавать, и вознесли Филарета и Голицына на громадную высоту.

Поведенiе великихъ пословъ, митрополита Филарета и князя Голицына, уже въ то время сослужило родинѣ большую услугу. Оно, во-первыхъ, показало полякамъ, что не перевелись на Руси стойкiе люди, не

продающіе и не предающіе своего отечества и не боящіеся Польши. Во-вторыхъ, оно служило добрымъ примѣромъ для остальныхъ русскихъ людей, внушая имъ бодрость духа въ такую безотрадную минуту. Яркимъ подтвержденіемъ этого факта является одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній Смутной эпохи, такъ называемая «Новая повѣсть...» Написанная въ декабрѣ 1610 или началѣ января 1611 года [47]), «Повѣсть» имѣетъ цѣлью возбудить московичей къ возстанію противъ поляковъ, утѣснявшихъ въ то время нашу родину [48]). Немногіе, по мнѣнію автора ея, являютъ собой примѣръ высокой доблести. Это смольняне («городъ Смоленскъ» по выраженію писателя), патріархъ Гермогенъ и два «вящихъ самыхъ» посла къ Сигизмунду. Выдвигая на первый планъ смоленскихъ «сидѣльцевъ», съ оружіемъ въ рукахъ борющихся съ врагами, и «исполина мужа безо оружія и безъ ополченія воинскаго» противоставшаго врагамъ и «токмо ученіе яко палицу въ руку свою держа противъ великихъ агарянскихъ полковъ», Новая повѣсть осыпаетъ искренними похвалами великихъ пословъ, считая ихъ въ числѣ немногихъ «спасителей» родины и «крѣпко стоятелей» за нее. «Подобаетъ же намъ ревновати и дивитися и посланнымъ нашимъ отъ всея великія Росіи... подъ онный градъ Смоленскъ къ тому сопостату нашему и врагу королю на добрѣйшее дѣло—разсказываетъ авторъ повѣсти, т. е., на приглашеніе королевича Владислава на русскій престолъ подъ непремѣннымъ условіемъ принятія сыномъ Сигизмунда православія»... «Король же, желая овладѣть Русью, «тѣхъ посланныхъ нашихъ держитъ и всякою нужею, гладомъ и жаждою конечно моритъ и плѣномъ претитъ. И пошли отъ насъ со многими людми въ велицѣ числѣ, а нынѣ де и въ малѣ дружинѣ осталися вящихъ самыхъ два, а то де и всѣ для великіе скорби и тѣсноты не могли терпѣти, тому сопостату, врагу королю поклонилися и на ево волю вѣрилися [49]). И тѣ де наши оставшіи сами ваши (такъ въ рукописи, вѣроятно, вящіи, какъ догадывается С. Ѳ. Платоновъ) стоятъ крѣпко и непреклонно умомъ своимъ за святую непорочную вѣру и за свою правду... Подобаетъ же имъ велми дивитися и хвалити ихъ: что есть того похвальнѣе и дивнѣе и безстрастнѣе: въ рукахъ будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лицъ своихъ противу его сопостата, не стыдятъ и въ очи ему говорятъ, что отнюдь ево воли не бывати и самому ему у насъ не живати, да не токмо ему, но и рожденному отъ него, аще не освятятся тако, яко же мы, Божіею

благодатію». Такая стойкость пословъ, думается составителю «Повѣсти», имѣетъ большое значеніе, поддерживая бодрость духа у осажденныхъ смольнянъ: «аще и не во оградѣ со гражаны сидятъ и усты своими съ ними совѣту не чинятъ, и Божіимъ промысломъ сердцы своими вкупѣ со гражаны горятъ» [50]).

Въ такихъ свѣтлыхъ краскахъ рисовалъ себѣ современникъ дѣятельность пословъ. А имъ приходилось переживать все болѣе и болѣе тяжкія времена. Послѣ отъѣзда значительной части пословъ, при чемъ большинство изъ отъѣхавшихъ принадлежало по терминологіи профессора Платонова къ числу «сословныхъ представителей», посольство теряло значеніе части земскаго собора и превращалось въ случайную группу политическихъ упрямцевъ, съ которыми можно было болѣе не церемониться [51]). И поляки не церемонились съ оставшимися послами, все болѣе и болѣе оскорбляя ихъ. Дѣло шло такимъ образомъ къ развязкѣ.

Однако великіе послы сохраняли духовныя силы и твердо держались усвоенной ими точки зрѣнія на событія. Особенно выдѣлились при этомъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ, князь Вас. Вас. Голицынъ и думный дьякъ Томило Луговской. Оставя въ сторонѣ двухъ послѣднихъ [52]), обратимся къ митрополиту Филарету. И по своему положенію, какъ духовный іерархъ, и по уму, и по энергіи Филаретъ Никитичъ занялъ въ великомъ посольствѣ высокое мѣсто и пользовался большимъ значеніемъ. Находя силы бесѣдовать съ польскими панами о богословскихъ вопросахъ, обнаруживая при этомъ нѣкоторую начитанность въ Св. Писаніи и святоотческой литературѣ [53]), ростовскій митрополитъ принималъ самое горячее участіе въ дѣлахъ посольства, дѣйствуя рука объ руку съ княземъ Голицынымъ. Съ нимъ совѣтуются по всѣмъ сколько-нибудь важнымъ вопросамъ, да и самъ онъ держитъ рѣчи во время съѣздовъ съ панами [54]). Изъ такихъ рѣчей особенно замѣчательна сказанная 30 генваря 1611 года и вызванная словами пановъ, назвавшихъ пословъ «клеветниками». Въ отвѣтъ на такое оскорбленіе Филаретъ сказалъ: «Буде вамъ въ насъ показалася неправда и вамъ бы пожаловати бити челомъ объ насъ Королевскому Величеству, чтобъ насъ пожаловалъ велѣлъ отпустить къ Москвѣ, а въ наше бъ мѣсто иныхъ пословъ велѣлъ выбравъ прислати. А мы николи и ни въ чемъ не лыгали; а что говоримъ, и что отъ васъ слышимъ, то все помнимъ, а посольское дѣло изначала, что говорятъ, то послѣ не переговариваютъ, и бываютъ ихъ слова крѣпки; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чемужъ впредь вѣрити,

и намъ ничего впредь нельзя уже дѣлати, коли въ насъ неправда показалась»[55]).

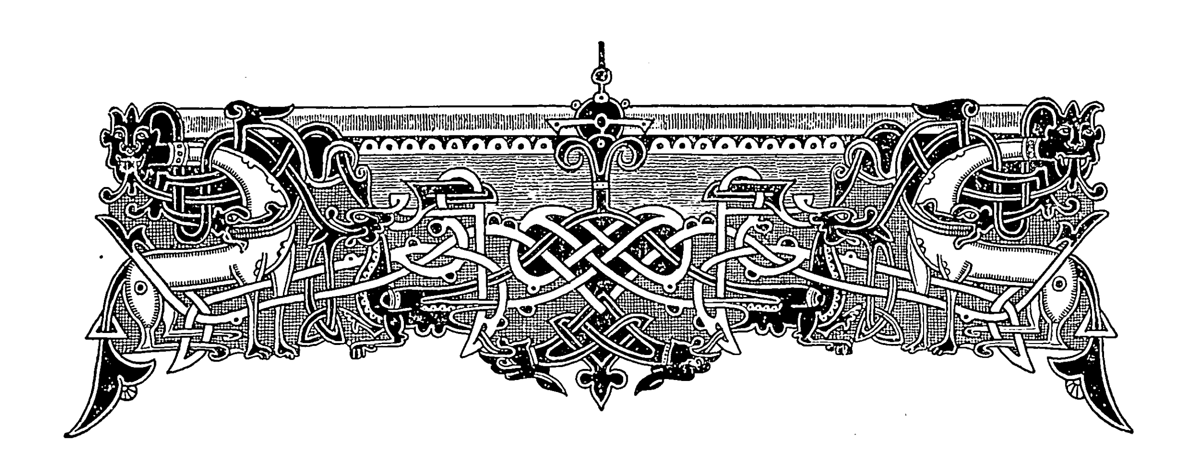
Видя, что прямымъ путемъ трудно добиться отъ великихъ пословъ уступокъ, поляки попробовали дѣйствовать обходомъ. Они потребовали разрѣшенія на впускъ въ Смоленскъ нѣкотораго числа поляковъ, чтобы, какъ они говорили, не было безчестья королю, а сами хотѣли, конечно, такимъ образомъ овладѣть крѣпостью. Послѣ долгихъ колебаній послы согласились на впускъ до 200 человѣкъ, при чемъ Филаретъ особенно настойчиво противился такой уступкѣ. Впрочемъ впускъ былъ обставленъ такими условіями, что поляки сами отказались отъ своей мысли.

Долго жили послы подъ Смоленскомъ, терпя всякія невзгоды, застращиванія и обиды. Наконецъ, съ 26 марта 1611 года ихъ взяли подъ стражу, заявивъ, что они должны безотговорочно ѣхать въ Вильну. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что послы отправятся въ Вильну лишь неволею. Вообще твердость духа не покинула нашихъ пословъ. Тогда испытавъ всѣ средства и получивъ извѣстіе о начавшемся въ Московскомъ государствѣ движеніи противъ иноземцевъ, поляки привели въ исполненіе свою давнюю угрозу.

12-го апрѣля 1611 года приказано было великимъ посламъ на другой день отправляться въ Польшу «на одномъ суднѣ». На всѣ представленія пословъ поляки отвѣтили отказомъ. Въ довершеніе всего при отправленіи ихъ въ плѣнъ посольскіе приставы ограбили ихъ и перебили ихъ людей. Такъ поѣхали «крѣпкіе стояльцы» за родную землю въ далекую и тяжкую неволю, всюду терпя «крайнія» «утѣсненія». «Въ одномъ только владѣніи гетмана Желковскаго показана была имъ нѣкая учтивость, и гетманъ сей прислалъ къ нимъ спросить о здоровьѣ». На эту насмѣшливую «учтивость» послы съ достоинствомъ отвѣтили гетману «чтобъ онъ душу свою и крестное цѣлованіе попомнилъ, какъ онъ всѣмъ людямъ Московскаго государства Королевское жалованье сказывалъ, и душу свою на чемъ далъ, а только что за его крестнымъ цѣлованіемъ, учинится, и того всего Богъ взыщетъ на немъ, на Гетманѣ[56]).

Митрополитъ Филаретъ Никитичъ попалъ въ польскій плѣнъ, когда родина его переживала безотрадныя времена «лихолѣтья и разрухи». Онъ ѣхалъ въ Польшу подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ отъ извѣстія о Московскомъ разореніи 19-го марта 1611 года. Но близко было для Россіи освобожденіе отъ враговъ и установленіе порядка, а для рода Рома-

новыхъ—моментъ величайшаго торжества: избраніе юнаго Михаила Θеодоровича на престолъ. И кто знаетъ, какую роль сыграло въ этомъ актѣ глубокаго народнаго довѣрія къ семьѣ Никитичей доблестное поведеніе старшаго ея представителя подъ Смоленскомъ, его благородная твердость и тяжкая неволя!

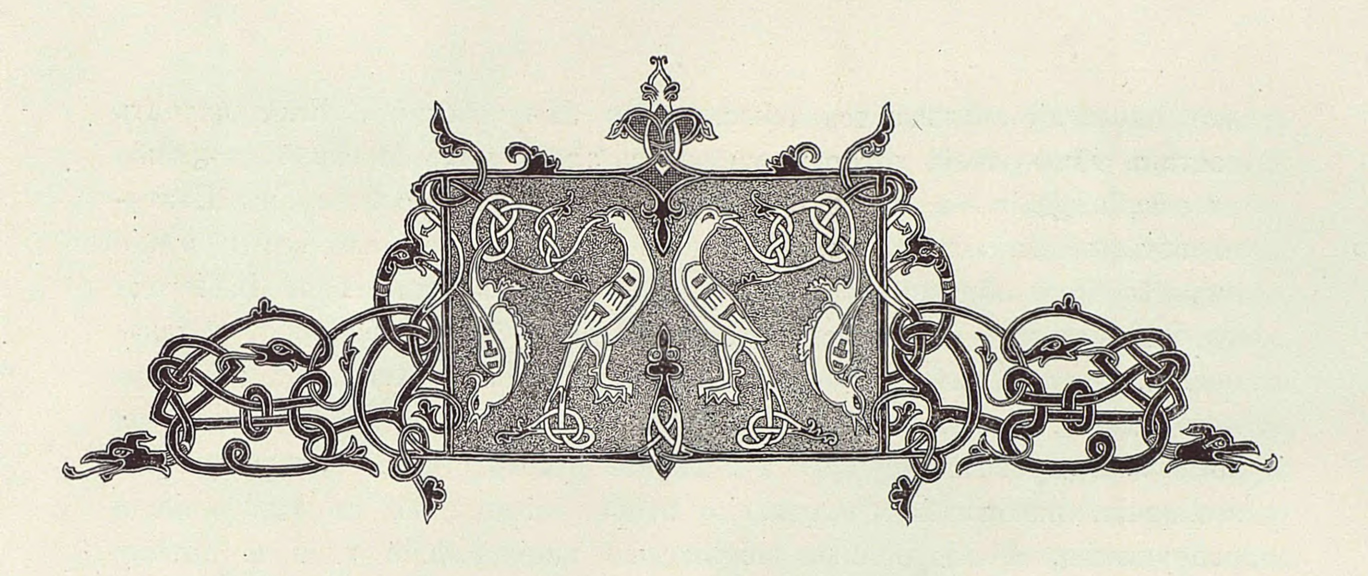
Портретъ царя Михаила Θеодоровича.

(Изъ рукописи „Корень Россійскихъ государей").

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

михаилъ феодоро

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Земскій соборъ 1613 года и избраніе Михаила Θеодоровича на царскій престолъ.

I.

ИСТОРІЯ великаго посольства показала намъ, какъ были правы тѣ, кто не довѣрялъ искренности поляковъ и ихъ завѣреній. Попытка возстановить государственный порядокъ путемъ уніи съ Рѣчью Посполитой оказалась безплодной. Но не отчаялись русскіе люди въ судьбѣ своей родины. Собрались они съ силами, дружно двинулись на врага и спасли самобытность нашей великой Руси. Заслуга почина въ этихъ новыхъ попыткахъ, послѣдняя изъ которыхъ увѣнчалась вожделѣннымъ успѣхомъ, всецѣло должна быть признана за незабвеннымъ патріархомъ Гермогеномъ. Онъ не только безоружный, но и подозрѣваемый, тѣснимый и гонимый поляками и ихъ русскими приспѣшниками, сумѣлъ найти себѣ вѣрныхъ помощниковъ и приверженцевъ. Съ ихъ помощью патріархъ распространилъ по Руси свои замѣчательныя воззванія и призывы къ очищенію Москвы отъ враговъ-насильниковъ.

На зовъ Гермогена явилось подъ Москву первое ополченіе для очищенія столицы отъ иноземцевъ. По имени наиболѣе виднаго своего воеводы

это ополченіе называется обыкновенно Ляпуновскимъ. Если изучить составъ тѣхъ ратей, которыя собрались тогда подъ Москвой съ цѣлью ея освобожденія,—а такое изученіе произведено профессоромъ Платоновымъ въ его «Очеркахъ»,—то легко можно понять, что все движеніе заранѣе было обречено на неудачу. Дѣло въ томъ, что весной 1611 года въ союзъ между собой вступили «соціальные враги»: земщина и казачество. Первая шла для установленія разрушеннаго Смутой государственнаго уклада, второе было полно безсознательной вражды къ какому-бы то ни было правильному порядку. Первая руководствовалась инстинктами созиданія, накопленія и охраненія, второе стремилось къ разоренію и разрушенію. Объединенныя общностью національной идеи и потому враждой къ иноземцамъ, захватившимъ святыню народа—Кремль, во всемъ остальномъ русскія рати, дѣйствовавшія въ 1611 году подъ Москвою, были глубоко чужды и недружелюбны другъ къ другу. «Земля», соединившаяся впервые, не сумѣла на этотъ разъ выработать правильнаго соотношенія силъ. Въ выборѣ главныхъ начальниковъ сказалось, какъ будто, преобладаніе казачьихъ дружинъ. Изъ «троеначальниковъ» двое были тушинскими боярами: князь Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкій, а «думный дворянинъ» Пр. П. Ляпуновъ, вождь земщины, занялъ лишь третье мѣсто [1]), хотя фактически первенствовалъ. За то на собравшемся при ратяхъ «совѣтѣ всей земли» были проведены 30-го іюня 1611 года постановленія, очень неблагопріятныя для вольнаго казачества. Послѣднее было недовольно этимъ, заволновалось и вызвало заподозрѣннаго имъ въ измѣнѣ Ляпунова къ себѣ «въ кругъ» для объясненій. Во время ихъ заносчивый Ляпуновъ тономъ своихъ рѣчей еще болѣе возбудилъ страсти и былъ убитъ 22-го іюня 1611 года. Смерть вождя земскихъ ратей гибельно отозвалась на судьбѣ ополченія 1611 года. Земщина, испуганная убійствомъ своего руководителя, разбѣжалась изъ-подъ столицы, а предоставленныя самимъ себѣ казачьи дружины оказались безсильными освободить Москву отъ поляковъ. Такимъ образомъ, наступило для нашей родины безотрадное время. Не было просвѣта, и гибель Руси представлялась неизбѣжной. Тогда Гермогенъ снова возвысилъ свой мужественный голосъ. Онъ снова обратился къ русскимъ людямъ съ горячимъ призывомъ помочь изстрадавшейся родинѣ. При этомъ, понявъ, что казаки, готовые склониться на признаніе Воренка, сына убитаго второго Лжедимитрія и Марины Мнишекъ, не менѣе опасны, чѣмъ поляки, патріархъ заклиналъ земщину беречься ихъ также, какъ и иноземцевъ-враговъ [2]).

И на этотъ разъ призывъ самоотверженнаго патріота былъ услышанъ. Въ Нижнемъ составилось знаменитое ополченіе. Составилось оно благодаря дѣятельности геніальнаго русскаго самородка, «говядаря», т. е. мясоторговца, Кузьмы Минина Сухорука, земскаго старосты въ Нижнемъ, и протопопа Саввы Ефимьева, главы нижегородскаго духовенства. А полководцемъ своимъ нижегородцы выбрали способнаго и честнаго воеводу, стольника князя Дм. Мих. Пожарскаго. Затѣмъ нижегородская рать направилась къ Ярославлю, гдѣ движеніе мало по малу стало общеземскимъ. Устроивъ войско и организовавъ правильное его обезпеченіе, вожди ополченія сумѣли добиться того, что казачество, хотя и неохотно, подчинилось земщинѣ. Москва была окружена, и послѣ упорнаго сопротивленія измученные голодомъ поляки сдались. Это произошло 22 октября 1612 года. Русскіе люди могли вздохнуть съ чувствомъ радости и облегченія. Патріархъ Гермогенъ не дожилъ до этой радостной минуты. Онъ погибъ въ февралѣ 1612 года, по преданію удавленный врагами или умореный ими голодомъ, но дѣло его увѣнчалось успѣхомъ, горячо любимая имъ Русь была спасена, и дорогому для сердца русскихъ людей православію не грозила опасность.

II.

Съ очищеніемъ Москвы отъ поляковъ передъ русскимъ народомъ возникала новая неотложная задача: возстановить разрушенный Смутой и «лихолѣтьемъ» порядокъ. Для этого надо было прежде всего озаботиться избраніемъ государя. На этомъ сходились всѣ русскіе: и земщина и казаки не могли представить себѣ Русь «безгосударной». «Не однимъ Боярамъ, всѣмъ государь надобенъ», говорятъ великіе послы на съѣздахъ подъ Смоленскомъ, и эта мысль точно передаетъ взгляды русскихъ людей того времени [3]). Есть извѣстіе, что народъ требовалъ отъ Пожарскаго избранія царя, когда ополченіе еще двигалось къ Москвѣ. Такое же желаніе выражали уже въ апрѣлѣ 1612 года Троицкія власти [4]). И созывая земскій соборъ въ Ярославль, вожди ополченія ставили на очередь вопросъ о томъ, «какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ; чтобы намъ, по совѣту всего государства, выбрати общимъ совѣтомъ государя, кого намъ милосердный Богъ, по праведному своему человѣколюбію, дастъ; чтобъ во многое время, отъ такихъ находящихъ бѣдъ, безъ государя Московское государство до конца не разорилося. Сами, господа, все вѣдаете: какъ намъ нынѣ

безъ Государя противъ общихъ враговъ, Полскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и Русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ всчинаютъ, стояти? И какъ намъ, безъ государя, о великихъ о государственныхъ о земскихъ дѣлахъ со окрестными государи ссылатись? и какъ государству нашему впредь стояти крѣпко и неподвижно?» [5]).

Однако «совѣту всей земли», собравшемуся въ Ярославлѣ, не удалось разрѣшить вопроса о царскомъ избраніи. По мнѣнію покойнаго А. И. Маркевича этому помѣшала кандидатура шведскаго королевича Карла-Филиппа, которой названный изслѣдователь склоненъ былъ приписать серьезное значеніе [6]). Основываясь на рядѣ грамотъ Пожарскаго и другихъ вождей ополченія, Маркевичъ приходитъ къ заключенію, что русскіе люди готовы были избрать шведскаго принца на русскій престолъ, правда, при непремѣнномъ условіи принятія имъ православія. Словамъ же Новаго Лѣтописца «а тово у нихъ и въ думѣ не было, что взяти на Московское государство иноземца», изслѣдователь не довѣряетъ, считая ихъ позднѣйшимъ выводомъ изъ факта избранія на престолъ русскаго человѣка. Между тѣмъ, Маркевичъ знаетъ, что Новый Лѣтописецъ очень обстоятельно выяснилъ намъ и мотивы переговоровъ со шведами, относительно Карла-Филиппа. Дѣло въ томъ, что шведы овладѣли тогда Новгородомъ. По этому русскіе опасались того, что, «какъ поидутъ подъ Москву на очищенье Московскаго государства», «Нѣмцы поидутъ воевати въ Поморскія страны» [7]). Очень соблазнительна мысль, что Новый Лѣтописецъ правъ. Во-первыхъ, даже въ тѣхъ грамотахъ, на которыя ссылается Маркевичъ, нѣтъ прямого совѣта выбирать именно Карла-Филиппа; правда, въ нихъ говорится, что «королевичъ дается на волю» русскимъ людямъ и согласенъ принять православіе, но затѣмъ идетъ рѣчь объ избраніи государемъ того, «кого на Московское государство милосердный Богъ дастъ» [8]). Во-вторыхъ, примѣръ избранія королевича Владислава и судьба великихъ пословъ должны были отпугивать, да, и дѣйствительно, отпугивали русскихъ людей отъ иноземныхъ кандидатовъ [9]). Впрочемъ, вполнѣ возможно и другое предположеніе, которое могло бы удовлетворительно объяснить намъ и выраженія грамотъ, смущавшія А. И. Маркевича, и ходъ политической мысли русскихъ людей. На земскомъ соборѣ въ Ярославлѣ, дѣйствительно, готовы были избрать Карла-Филиппа, но не прежде, чѣмъ онъ появится въ Великомъ Новгородѣ и приметъ тамъ православіе. Когда же это не состоялось, и

королевичъ медлилъ съ принятіемъ православія, русскіе окончательно разочаровались въ иноземной кандидатурѣ, противъ которой было большинство націи.

Во всякомъ случаѣ во время пребыванія ополченія и земскаго собора въ Ярославлѣ выборъ государя не состоялся, а затѣмъ начались военныя дѣйствія противъ поляковъ, когда пришлось отложить вопросъ «о царскомъ обираньи» до болѣе благопріятнаго времени. Оно настало съ очищеніемъ Москвы, и рѣшено было болѣе не медлить съ столь важнымъ дѣломъ. Отъ имени князей Трубецкаго и Пожарскаго, какъ главныхъ вождей ополченія и «земли», разосланы были по разнымъ городамъ грамоты съ предложеніемъ прислать къ 6-му декабря 1612 года въ Москву «по 10-ти человѣкъ изъ городовъ» «изо всякихъ чиновъ люди», «для государственныхъ и земскихъ дѣлъ» [10]). Приглашенія эти разосланы были не позже, а вѣрнѣе и раньше 15-го ноября, а въ январѣ 1613 года начались, думается намъ, засѣданія избирательнаго собора.

Любопытно выяснить себѣ то настроеніе, которое господствовало въ Москвѣ незадолго до созванія собора. Новый Лѣтописецъ сообщаетъ намъ по этому поводу извѣстіе, что захваченный въ одномъ изъ подмосковныхъ боевъ «смольянинъ Иванъ Философовъ» былъ подвергнутъ допросу: «хотятъ ли взять королевича на царство, и Москва нынѣ людна ли, и запасы въ ней есть ли»? «Ему же»,—продолжаетъ лѣтописецъ,— «даде Богъ слово, что глаголати, и рече имъ: «Москва людна и хлѣбна, и на то всѣ обѣщахомся, что всѣмъ помереть за православную вѣру, а королевича на царство не имати». Когда же польскій отрядъ, напуганный словами Философова, поспѣшно отступилъ отъ Москвы, плѣнникъ былъ допрошенъ самимъ королемъ и панами радными. «Онъ же не убоялся ничего, тожъ повѣдаша королю и паномъ раднымъ» [11]). Въ разсказѣ Новаго Лѣтописца о Философовѣ нельзя видѣть, какъ это сдѣлалъ С. Ѳ. Платоновъ въ своей интереснѣйшей статьѣ «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», «эпической редакціи» показаній смоленскаго сына боярскаго [12]). Въ настоящее время мы знаемъ, что еще въ самомъ 1612 году князьямъ Трубецкому и Пожарскому слова Философова извѣстны были приблизительно въ томъ же освященіи. «Они взяли»,—пишутъ про поляковъ Трубецкой и Пожарскій въ Осташковъ въ декабрѣ 1612 года,—«также нѣсколько плѣнныхъ изъ нашихъ, между ними одного смоленскаго боярина [13]), Ивана Философова по имени, который разсказалъ врагу о томъ, какъ мы окдялись между собой,

что мы будемъ считать всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей за нашихъ отъявленныхъ, вѣчныхъ враговъ, а также отказались отъ его сына со всѣми прочими. И когда король узналъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать ни хитростью, ни силой, снова онъ долженъ былъ уйти назадъ со всѣмъ своимъ войскомъ»[14]). Такимъ образомъ, сообщенія Новаго Лѣтописца совпадаютъ въ общемъ съ офиціальными .свѣдѣніями 1612 года и, вѣроятно, на нихъ основываются. На чемъ же были основаны свѣдѣнія московскихъ военачальниковъ? Не знаемъ въ точности, на чемъ; но лично убѣждены, что на показаніяхъ самого Философова. Онъ, повидимому, былъ отпущенъ или бѣжалъ изъ плѣна и, явившись въ Москву, подалъ «сказку» о своемъ невольномъ пребываніи у враговъ и о своихъ рѣчахъ полякамъ, при чемъ придалъ имъ благопріятный для себя смыслъ.

Однако, въ настоящее время мы имѣемъ другую версію показаній Философова и, думаемъ, гораздо болѣе близкую къ тому, что, дѣйствительно, говорилъ этотъ смольянинъ, сынъ боярскій, очутившись въ польскомъ плѣну. Какъ свидѣтельствуетъ донесеніе князя Даніила Мезецкого и дьяка Ивана Грамотина, служившихъ въ то время Рѣчи Посполитой, королю Сигизмунду и сыну его Владиславу, русскіе люди затѣяли съ посланными польскаго короля «задоръ и бой»[15]). «И на томъ бою»,—доносили Мезецкій и Грамотинъ,—«взяли смольянина, сына боярскаго Ивана Философова, а въ роспросѣ, Господари, намъ и полковникомъ сынъ боярскій сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ Великимъ Господарямъ служили и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобъ просити на государство васъ, Великаго Господаря Королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о томъ говорить не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на Господарство чужеземца, а казаки де, Господари, говорятъ, чтобы обрать кого изъ русскихъ людей, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго. И во всемъ де казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ. А дворяне де и дѣти боярскіе разъѣхалися по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпяты тысячи человѣкъ, да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики, чернь. А бояръ де, господари, князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ городы, ко всякимъ людямъ, пускать ихъ въ думу, или нѣтъ? А дѣлаютъ всякіе дѣла князь Дмитрій Трубецкой, да князь Дмитрій

Пожарскій, да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на Государствѣ того еще не постановили на мѣрѣ» [16]).

Приведенное показаніе Философова очень интересно. Въ немъ много фактическаго матеріала и цѣнныхъ указаній. Правда, можно не вполнѣ вѣрить тому, чтобъ «у лучшихъ людей» было «хотѣніе» избрать Владислава [17]). По крайней мѣрѣ другой современникъ описываемыхъ событій, Богданъ Дубровскій, посылавшійся новгородцами въ Москву для переговоровъ относительно избранія Карла Филиппа, утверждалъ нѣчто иное. Онъ разсказалъ въ отвѣтъ на разспросы шведскаго вождя Делагарди, что «они (бояре) также предписали въ это время созывъ собора въ Москвѣ для выбора Великаго Князя, и всѣ они будутъ желать его Княжескую Милость герцога Карла Филиппа и потому хотятъ обсудить, кого отправить послами на встрѣчу Его Княжеской Милости, если Его Княжеская Милость сюда затѣмъ пріѣдетъ. Потому что они откровенно сказали, что должны добиться мира и помощи съ этой стороны, такъ какъ не могутъ держаться противъ войскъ и Швеціи и Польши сразу» [18]). Нельзя, разумѣется, отрицать существованія среди русскихъ людей того времени и въ особенности въ высшихъ слояхъ народа нѣкоторыхъ и, быть можетъ, даже очень вліятельныхъ лицъ, склонныхъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, къ избранію польскаго или шведскаго королевича. Но несомнѣнно такіе люди были въ меньшинствѣ, и показанія Философова и Дубровскаго продиктованы скорѣе всего желаніемъ сказать что-нибудь пріятное полякамъ и шведамъ, уклониться отъ истины, тѣмъ болѣе, что въ сношеніяхъ съ иноземцами московскіе люди позволяли себѣ всякія хитрости и притворство.

За то другія показанія Философова могутъ быть вполнѣ приняты. Дѣйствительно, всѣ дѣла въ Москвѣ «дѣлали» указанные Философовымъ руководители и вожди ополченія и земли. А Мстиславскаго «съ товарищи» «въ думу» припустили лишь тогда, когда избраніе Михаила Ѳеодоровича было предрѣшено на соборѣ [19]). Относительно числа казаковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ въ концѣ ноября въ Москвѣ любопытно сопоставить показанія Философова съ свѣдѣніями Дубровскаго. Послѣдній говоритъ, что изъ 4.000 бояръ (т. е. служилыхъ людей) «большая часть была отпущена на нѣкоторое время по своимъ помѣстьямъ и въ города, гдѣ можно дешево покупать себѣ пропитаніе», а число «лучшихъ и старшихъ» казаковъ опредѣляетъ въ 11.000 человѣкъ [20]). Если принять во вниманіе, что многіе казаки сейчасъ же по очищеніи Москвы должны были стать по разнымъ городамъ для обереганья земли отъ

враговъ, то можно примирить оба показанія; впрочемъ, мы поступимъ осторожнѣе, принявъ первое [21]).

Но самымъ важнымъ для насъ является показаніе Философова объ отношеніи казачьей массы къ вопросу о царскомъ избраніи. Надо сказать, что эта масса особенно націоналистична. Она желаетъ выбрать въ цари русскаго человѣка. При этомъ казаки намѣчаютъ или, говоря языкомъ того времени, «примѣриваютъ» двухъ кандидатовъ: Филаретова сына и Воровского Калужскаго. Такое сочетаніе на первый взглядъ является неожиданнымъ. Попытаемся его понять. «Воренка» могли намѣчать казаки потому, что служили его отцу, Вору. Но былъ ли для нихъ Тушинскій Воръ тѣмъ, чѣмъ онъ является въ нашихъ глазахъ и былъ въ глазахъ его противниковъ? Конечно, ближайшіе сторонники второго самозванца знали настоящую цѣну «царю Дмитрію Ивановичу» [22]). Но въ глазахъ рядовой массы его приверженцевъ Воръ былъ подлиннымъ сыномъ Грознаго. Неудивительно, что и въ 1612 году среди его бывшихъ сторонниковъ было еще много лицъ, вѣрившихъ въ его царственное происхожденіе. Потому-то, естественно, что нашлись казаки, и, вѣроятно, большая группа, выдвигавшіе кандидатуру «Маринкина сына» не изъ одного только «казацкаго приличія» [23]). Но единеніе съ земщиной, фильтрація казачества, приведшая къ тому, что въ немъ остались лишь «старые казаки», среди которыхъ были, вѣроятно, и безпомѣстныя дѣти боярскія, вліяніе воззваній Гермогена и грамотъ вождей земскаго ополченія, обличавшихъ самозванство Вора, сдѣлали свое дѣло [24]). Кто же тогда могъ быть выдвинутъ народной массой, выразителями мыслей и идей которой являлись въ значительной мѣрѣ казаки? Родство Романовыхъ съ прежней династіей, мысль о которомъ и была и поддерживалась въ народѣ, сыграла, думается намъ, рѣшающую роль при этомъ [25]). Такимъ образомъ и возникла среди казаковъ мысль о двухъ кандидатахъ. Мы увѣрены въ томъ, что казачество раскололось по этому вопросу на двѣ группы, причемъ партія сторонниковъ Михаила Ѳеодоровича была, вѣроятно, многочисленнѣе. По крайней мѣрѣ онъ названъ первымъ въ показаніи Философова. При томъ же наиболѣе рьяные сторонники Вора ушли изъ подъ Москвы съ Заруцкимъ и перекинулись затѣмъ на юго-востокъ, гдѣ и утвердились на нѣкоторое время [26]).

Итакъ въ Москвѣ въ ноябрѣ—декабрѣ мѣсяцѣ 1612 г. преобладали демократическіе элементы общества, настроенные очень націоналистично. А правительство было въ рукахъ вождей второго подмосковнаго ополченія.

III.

Несмотря на важность избирательнаго собора 1613 года мы имѣемъ сравнительно мало свѣдѣній объ его дѣятельности и ходѣ на немъ избирательной мысли. Единственный источникъ, излагающій намъ, якобы послѣдовательно, дѣятельность собора, дѣлаетъ это слишкомъ односторонне, съ умысломъ рисуя картину полнаго единодушія при выборѣ Михаила Ѳеодоровича. Мы разумѣемъ офиціальную грамоту объ избраніи царя Михаила. Правда, и въ ней находятся указанія на нѣкоторое разногласіе, бывшее по этому поводу въ первыхъ засѣданіяхъ собора, однако указанія эти становятся ясными лишь при привлеченіи къ дѣлу другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ можно попытаться, при помощи своихъ предшественниковъ, въ особенности проф. Платонова и А. И. Маркевича, и новаго, сравнительно недавно опубликованнаго, матеріала представить себѣ, какъ происходило дѣло.

Прежде всего можно сказать, что соборъ 1613 года былъ однимъ изъ наиболѣе полныхъ «совѣтовъ всей земли», какъ по числу, такъ и по соціальному положенію участвовавшихъ на немъ. Въ декабрѣ 1612 года собрались въ Москву представители многихъ городовъ. Судя по подписямъ на избирательной грамотѣ, болѣе 40 городовъ прислали своихъ выборныхъ [27]). Къ тому же подписи собирались значительно позже, чѣмъ происходили выборы, какъ это видно изъ помѣты на грамотѣ, что она «писана 1613 года въ маѣ мѣсяцѣ» [28]). Поэтому на ней не находимъ подписей представителей нѣкоторыхъ городовъ, жители которыхъ принимали участіе въ царскомъ обиранья. Такъ на грамотѣ нѣтъ подписи торопчанъ, а они были на соборѣ [29]). Нѣтъ подписи и выборныхъ отъ Галича, а одинъ изъ нихъ по преданію сыгралъ извѣстную роль въ дѣлѣ выборовъ [30]). Опредѣляя раіонъ, который охватывался городами, принявшими участіе въ выборахъ, профессоръ Платоновъ отмѣчаетъ, что онъ простирался отъ сѣвернаго Подвинья до Оскола [31]) и Рыльска и отъ Осташкова до Казани и Вятки [32]). По вполнѣ понятнымъ причинамъ окраины: западная, восточная и юго восточная не были или почти не были представлены: Сибирь—за отдаленностью, юго-востокъ былъ въ рукахъ Заруцкаго, на западѣ и сѣверо-западѣ хозяйничали поляки и шведы.

Не зная вполнѣ точно, сколько городовъ и какіе именно принимали участіе въ избраніи царя Михаила, не можемъ опредѣлить и числа при-

нявшихъ въ немъ участіе. Подъ грамотой насчитывается до 277 подписей, при чемъ часть ихъ принадлежитъ властямъ, т. е. высшимъ духовнымъ лицамъ, и свѣтскимъ сановникамъ, а между тѣмъ однихъ представителей изъ городовъ было свыше 400, считая по 10-ти человѣкъ изъ каждаго города и уѣзда. А нѣкоторые города прислали, несомнѣнно, большее число выборныхъ. Такъ, Нижній Новгородъ на соборъ 1612—1613 года отправилъ не менѣе 19 человѣкъ своихъ представителей не считая дворянъ и дѣтей боярскихъ [33]). Дѣло въ томъ, что «при подписаніи допускалось замѣстительство: одно лицо подписывалось за нѣсколькихъ, не перечисляя ихъ поименно...» [34]). Мало того иногда представитель или житель одного города подписывался за выборныхъ другого города [35]). Почти не находимъ или, какъ мы лично убѣждены, вовсе не находимъ подписей отъ группы «атамановъ и казаковъ»; между тѣмъ группа эта, несомнѣнно, была очень значительной и вліятельной на изучаемомъ соборѣ [36]).

Изъ отмѣченнаго факта можно заключить, что и составъ собора, въ смыслѣ положенія его членовъ въ государствѣ, не вполнѣ опредѣляется по подписямъ на избирательной грамотѣ. Впрочемъ, сопоставляя данныя подписей на грамотѣ и текста ея, приходимъ къ заключенію, что всѣ «чины» или классы Московскаго общества за исключеніемъ боярскихъ людей, т. е. холоповъ и крѣпостныхъ крестьянъ, были представлены на соборѣ. Такимъ образомъ «не одни казаки, какъ говорили въ Литвѣ, а всѣ слои свободнаго населенія участвовали въ великомъ государственномъ и земскомъ дѣлѣ царского «обиранья»,—справедливо замѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ [37]).

Возстановляя, хотя бы въ общихъ чертахъ, составъ собора и изучивъ, какіе города имъ представлены, ничего не можемъ сказать, какъ шли его засѣданія. Но они не были такими тихими и безмятежными, какъ это можно было бы подумать, читая избирательную грамоту, Сказаніе Палицына или Хронографъ редакціи 1617 года [38]). Впрочемъ и нѣкоторыя произведенія XVII вѣка даютъ намъ понять, что дѣло на соборѣ не обошлось безъ треній. Такъ зять Филарета Никитича и шуринъ царя Михаила, умный и осторожный писатель, князь Иванъ Михаиловичъ Катыревъ-Ростовскій, въ очень краткомъ разсказѣ объ избирательномъ соборѣ позволилъ себѣ такой намекъ: «и тако бысть по многіе дни собраніе людямъ, дѣла же толикія вещи утвердити не возмогутъ» [39]). Еще болѣе опредѣленно высказывается Новый Лѣтописецъ, про офиціозный характеръ котораго мы имѣли уже случай упомянуть выше. «Пріидоша

къ Москвѣ... изо всякихъ чиновъ всякіе люди»,—повѣствуетъ Новый Лѣтописецъ объ избраніи царя Михаила,—«начаша избирати государя. И многое было волненіе всякимъ людемъ: коійждо хотяше по своей мысли дѣяти, коийждо про коего говоряше: не воспомянуша бо писанія, яко «Богъ не токмо царство, но и власть, кому хощетъ, тому даетъ; и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ». Бывшу же волненію велію, и никто же смѣяше проглаголати, еже кто и хотяше здѣлати, когда Богу ему не повелѣвшу и не угодно ему бысть... И кто можетъ судьбы Божія испытати: иные убо подкупахусь и засылаху, хотяше не въ свою степень, Богу же того неизволившу» [40]). Одинъ изъ источниковъ «многого волненія» указываетъ намъ извѣстіе Псковскаго Лѣтописца о томъ, что «восхотѣша начальницы паки себя царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти». Это сообщеніе о розни «ратныхъ людей и народовъ» съ «начальниками» имѣетъ большое основаніе. Въ Псковскомъ Лѣтописцѣ оно поставлено въ связь съ переговорами «начальниковъ» и новгородцевъ относительно избранія королевича Карла Филиппа на русскій царскій престолъ [41]). Если мы вспомнимъ показаніе Богдана Дубровскаго, приведенное нами выше, о желаніи выбрать «Его Княжескую Милость Герцога Карла Филиппа», то не удивимся повѣствованію Псковской Лѣтописи [42]).

Если гадать о ходѣ совѣщаній на избирательномъ соборѣ, то вѣрнѣе всего думать, что немедленно по открытіи засѣданій кѣмъ-нибудь изъ руководителей его, т. е. княземъ Трубецкимъ или Пожарскимъ [43]), былъ поставленъ вопросъ о кандидатурѣ Карла-Филиппа. При этомъ могли раздаться и голоса сторонниковъ кандидатуры Владислава. Но такія предложенія не могли имѣть никакого успѣха у громаднаго большинства членовъ собора. Русскіе люди XVI—XVII вѣка были преданы національной идеѣ. Кромѣ того неудачный выборъ Владислава и послѣдовавшія за нимъ бѣдствія еще болѣе отшатнули Русь отъ мысли о государѣ иноземцѣ. Въ любопытнѣйшей грамотѣ игумена Соловецкаго Антонія къ шведскому королю Карлу IX, написанной 12 марта 1611 года, говорится о желаніи русскихъ людей «выбрать на Московское государство Царя и Великаго Князя изъ своихъ прироженныхъ бояръ, кого всесильный вседержатель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ. А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышлено»,—сообщаетъ далѣе игуменъ,—«не хотимъ никого

иновѣрцевъ на Московское государство Царемъ и Великимъ Княземъ, опрочѣ своихъ прироженныхъ бояръ Московскаго государства». Писана была эта грамота подъ вліяніемъ первыхъ воззваній Гермогена объ очищеніи Москвы отъ польскихъ и литовскихъ людей. Впослѣдствіи къ этимъ врагамъ явно присоединились шведы, занявшіе Новгородъ, и мы видѣли, какъ грамота, призывавшая выборныхъ на «совѣтъ всей земли» въ Ярославль, помѣстила «Нѣмецкихъ» людей (т. е. шведовъ) въ число враговъ Руси [44]).

Такимъ образомъ и безъ того націоналистическая масса настраивалась подъ вліяніемъ событій и всякаго рода патріотическихъ воззваній еще болѣе непримиримо къ иноземцамъ. Поэтому поднятый на соборѣ вопросъ объ иноземной кандидатурѣ былъ, конечно, рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Рѣшено было также не выбирать государемъ никого изъ татарскихъ царевичей, служившихъ тогда на Руси [45]). Отвергнута была и кандидатура «Маринкина сына». Мы видѣли, что за нее стояли далеко не всѣ казаки; земщина же, разумѣется, не могла согласиться на выборъ «Воренка», ненавистнаго ей по воспоминаніямъ о Ворѣ. Къ тому же онъ происходилъ отъ «еретички» Марины.

Когда пали кандидатуры указанныхъ лицъ, могъ стать вопросъ и «о Московскихъ великихъ родахъ». Какъ превосходно показалъ С. Ѳ. Платоновъ, сторона княжатъ была разбита и не могла выставить изъ своей среды достаточно сильнаго кандидата [46]). У стороны прежней дворцовой знати и нетитулованнаго боярства тоже не было руководителя. За то жизнь выдвинула новые авторитеты, какъ замѣчаетъ названный изслѣдователь. Это были князья Трубецкой и Пожарскій [47]). И мы, дѣйствительно, имѣемъ указанія на то, что ихъ кандидатуры выставлялись на соборѣ [48]). Про Пожарскаго говорили даже, что онъ пытался дѣйствовать въ свою пользу подкупами. Сомнѣваемся въ правдивости такого обвиненія. Честность и скромность князя Дмитрія Михайловича не позволяютъ вѣрить ничему подобному [49]). Но, несомнѣнно, оба военачальника имѣли своихъ сторонниковъ. Однако, настроенные аристократически [50]), они возстановили противъ себя очень многихъ русскихъ людей и, быть можетъ, именно тѣмъ, что поставили вопросъ объ иноземцѣ—царѣ. При томъ, Пожарскаго не любили казаки, а Трубецкой былъ непріятенъ земщинѣ.

Наконецъ, послѣ многихъ несогласій, восторжествовалъ кандидатъ, уже ранѣе «примѣренный» значительной частью казачества, и кандидатъ, къ которому давно склонялся народъ, т. е. земщина. Это былъ молодой

Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. По преданію, которому, кажется намъ, можно повѣрить, о Михаилѣ Θеодоровичѣ заговорилъ одинъ изъ уѣздныхъ представителей, какой-то Галицкій сынъ боярскій. Припомнивъ давнія связи Романовыхъ съ Костромскимъ краемъ, поймемъ, почему именно выборный изъ Галича назвалъ такого кандидата и при томъ принесъ, выпись о родствѣ Романовыхъ съ угасшей династіей и о томъ, какъ «царь Θеодоръ Іоанновичъ, отходя сего свѣта, вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ братану своему, боярину Θеодору Никитичу» [51]). Эта легенда, возникшая уже къ порѣ избирательной борьбы по смерти царя Θеодора, конечно, была распространеннѣе всего въ родовыхъ гнѣздахъ Романовыхъ. Во всякомъ случаѣ выступленіе галицкаго сына боярскаго было поддержано многими лицами, какъ изъ казаковъ, такъ и изъ земщины, и выборъ царя Михаила былъ предрѣшенъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ сразу приняли кандидатуру Михаила Θеодоровича. Ей оказали извѣстное противодѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, противъ нея протестовали нѣкоторые знатные вельможи: такъ, Новгородскій дворянинъ Никита Калитинъ разсказывалъ 12-го февраля 1614 года шведамъ, что изъ знати только «князь Иванъ Никитичъ Юрьевъ, дядя выбраннаго теперь Великаго Князя, князь Иванъ Голицынъ, князь Борисъ Лыковъ и Борисъ Салтыковъ, сынъ Михаила Салтыкова, подали свои голоса за Феодорова сына.....но князь Димитрій Пожарскій, князь Димитрій Трубецкой, князь Иванъ Куракинъ, князь Федоръ Мстиславскій, какъ и князь Василій Борисовичъ Черкасскій твердо стояли противъ. Особенно князь Димитрій Пожарскій открыто говорилъ въ Москвѣ боярамъ, казакамъ и земскимъ чинамъ...» Пожарскій за это, какъ слышалъ Калитинъ, былъ посаженъ «за пристава», а «Трубецкого (бывшаго въ Торжкѣ, сторонника Пожарскаго, при чемъ оба они были во всемъ одно, словомъ и дѣломъ») «самъ Великій Князь приказалъ привести въ Москву», «чтобы онъ ему присягнулъ». Въ этомъ извѣстіи много преувеличеній: и Пожарскій и Трубецкой очень быстро присягнули Михаилу Θеодоровичу и стали ему служить, а Мстиславскаго даже не было на соборѣ, пока вопросъ о государѣ не былъ предрѣшенъ [52]). Вообще слухамъ, которые сообщали въ Швецію, надо довѣрять съ извѣстной осторожностью. Такъ въ письмѣ нѣкоего Федора Бобарыкина, какъ доносилъ въ Стокгольмъ Делагарди 3 августа 1613 года, писанномъ въ концѣ іюня этого же года, сообщалось, что противъ Михаила Θеодоровича въ пользу Владислава интриговали уже послѣ выборовъ князь Дмитрій Тру-

бецкой, Федоръ Шереметевъ и Иванъ Никитичъ Романовъ [53]). Трудно, разумѣется, повѣрить подобному извѣстію.

Такъ же не вѣримъ мы и тому сообщенію, которое повѣствуетъ, будто «казаки и чернь сбѣжались и съ большимъ шумомъ ворвались въ Кремль къ боярамъ и думцамъ» и добились избранія на престолъ Михаила Θеодоровича. Мы знаемъ, какъ русскіе люди вели себя при выборѣ Михаила Θеодоровича и какъ они провѣряли мнѣніе, высказанное на Соборѣ, путемъ опроса уѣздныхъ людей. Врядъ ли это имѣло бы мѣсто при правильности приведеннаго сообщенія, т. е. еслибъ Михаилъ Θеодоровичъ былъ выкрикнутъ чернью. Но въ разбираемомъ извѣстіи есть любопытныя черты. Какъ основанія выбора именно Михаила Θеодоровича казаки и чернь привели будто бы родство Михаила Θеодоровича съ угасшей династіей («Михаилъ Романовъ прежнему Великому Князю Царю Θедору Ивановичу ближе всѣхъ съ родни») и то, что «царь Федоръ Ивановичъ умирая, поручилъ и приказалъ Царство отцу этого Михаила Филарету, который теперь въ плѣну въ Польшѣ, и его потомкамъ». Поэтому скорѣе всего въ распросныхъ рѣчахъ Чепчугова, Никиты Пушкина и Дурова надо видѣть тенденціозное искаженіе и преувеличеніе происходившихъ на соборѣ и во время собора бурныхъ сценъ [54]).

Засѣданія собора были, повидимому, шумными. На нихъ много спорили и горячились. Но когда рядовая земщина и казаки дружно выдвинули своего кандидата, споры и ссоры прекратились. Почувствовали русскіе люди, что единодушіе достигнуто, что Смутѣ настаетъ конецъ и воспрянули духомъ. Однако, рѣшили въ такомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе [55]). Предизбраніе царя Михаила Θеодоровича состоялось 7-го февраля 1613 года, но окончательное рѣшеніе вопроса отложили на 2 недѣли. Въ это время вызвали въ Москву бояръ князей: Θеодора Мстиславскаго «съ товарищи», чтобы они тоже приняли участіе въ такомъ «большомъ государственномъ дѣлѣ». Затѣмъ разослали по разнымъ городамъ Руси вѣрныхъ людей, тайно провѣдывать «кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство». 21-го февраля посланные собрались въ Москву. Пріѣхали туда и бояре. Всѣ они прибыли съ единодушнымъ отвѣтомъ о согласіи съ соборнымъ избраніемъ. Тогда «въ большомъ Московскомъ дворцѣ, въ присутствіи, внутри и внѣ, всего народа изъ всѣхъ городовъ Россіи» [56]) Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ былъ торжественно провозглашенъ царемъ русской земли. Радостная минута наступила. Русь перестала быть безгосударной, и

Одинъ изъ моментовъ царскаго избранія. Сцена на Красной площади.

(Изъ „Книги о царскомъ избраніи". Правая верхняя часть срѣзана въ подлинникѣ).

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

Тіиже
сто народо
въ Московского
государства стояхоу
около лобнаго мѣ
ста и на Красно
площади

Такимъ образомъ съ 14-го марта 1613 года верховная власть перешла къ нынѣ Царствующему Дому. Это событіе предрѣшено было 7 февраля 1613 года, съ 21 февраля этого года, со дня торжественнаго провозглашенія Михаила Θеодоровича, государя этого титулуютъ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руси. Съ 14 же марта начинается правленіе перваго царя изъ Дома Романовыхъ.

IV.

Въ связи съ избраніемъ Михаила Θеодоровича ставится нерѣдко одинъ интересный вопросъ. Мы разумѣемъ извѣстія объ ограниченіяхъ царской власти, подъ условіемъ принятія которыхъ былъ избранъ будто-бы на престолъ первый изъ Дома Романовыхъ. Этимъ извѣстіемъ принято было довѣрять безъ особой провѣрки ихъ до изслѣдованія А. И. Маркевича. Послѣдній попытался критически разобраться въ нихъ, многія изъ нихъ заподозрилъ и въ конечномъ итогѣ пришелъ къ такимъ заключеніямъ: 1) «во время выбора Михаила Θеодоровича Романова тоже составлены были условія, которыя были ему сообщены, по всей вѣроятности, въ видѣ записи, имѣвшей исключительно канцелярское значеніе», 2) «нѣкоторые пункты этой записи, и въ томъ числѣ относящійся къ суду, представляютъ повтореніе обѣщаній, данныхъ царемъ Василіемъ, иные же объясняются тогдашнимъ положеніемъ фамиліи Романовыхъ, но условія не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, чего бы не было въ прежнихъ обычаяхъ, и никоимъ образомъ не могутъ быть поняты, какъ желаніе ограничить власть царя. Царь Михаилъ, вѣроятно, обѣщалъ исполнить то, о чемъ его просили, но записи не подписывалъ и креста на соблюденіе записи не цѣловалъ; это было въ то время не за обычай, и у него этого и не требовали», 3) «исполненіе обѣщаннаго было вполнѣ дѣломъ доброй воли царя, что понимали и бояре, составляя условія», 4) «хотя и есть основаніе полагать, что царь Михаилъ вообще исполнялъ обѣщанное, но въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ могъ считать это почему-либо неудобнымъ и отступалъ отъ него. Поэтому нѣтъ причины искать опредѣленнаго момента прекращенія дѣйствія его обѣщаній: такого момента никогда и не было» [16]).

Мы видимъ, что въ результатѣ изысканій А. И. Маркевича «ограничительная запись вовсе не являлась ограниченіемъ царской власти». Еще далѣе, чѣмъ его предшественникъ, пошелъ С. Θ. Платоновъ въ

моментъ желаннаго успокоенія и устроенія земли сталъ близокъ для измученнаго «разрухой» и «лихолѣтьемъ» народа.

IV.

Избраніе Михаила Θеодоровича Романова, вѣрнѣе причины его,— останавливало на себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей и было предметомъ ихъ обсужденій. Такъ А. И. Маркевичъ пришелъ къ заключенію, что «избраніе царя Михаила Θеодоровича Романова было дѣломъ извѣстныхъ боярскихъ соображеній, основанныхъ съ одной стороны на желаніи имѣть государя, удобнаго для бояръ, съ другой—на увѣренности, что выборъ этотъ будетъ пріятенъ всему народу» [57]). В. О. Ключевскій, утверждая, что «избраніе Михаила было подготовлено и поддержано на соборѣ и въ народѣ цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ средствъ: предвыборной агитаціей, съ участіемъ многочисленной родни Романовыхъ, давленіемъ казацкой силы, негласнымъ дознаніемъ въ народѣ, выкрикомъ столичной толпы на Красной площади» [58]), признаетъ главной причиной избранія «родственную связь Романовыхъ съ прежней династіей», «фамильную популярность» царя Михаила, «связи съ Тушиномъ» его отца. Затѣмъ Ключевскій думаетъ, что у «бояръ, руководившихъ выборами», была мысль избрать «удобнѣйшаго», а такимъ представлялся имъ молодой и неопытный Михаилъ [59]). Наконецъ, С. Θ. Платоновъ видитъ въ выборѣ царя Михаила результатъ соглашенія земщины съ казачествомъ и считаетъ возможнымъ совершенно игнорировать вопросъ о роли въ выборахъ боярства, которое было разгромлено въ Смуту [60]).

И дѣйствительно, нѣтъ никакихъ основаній думать, что боярство сыграло какую-бы то ни было положительную роль въ дѣлѣ избранія царя Михаила Θеодоровича. Высшее боярство, бывшее въ полной зависимости отъ поляковъ, и не присутствовало, какъ это мы видѣли, на первыхъ, самыхъ важныхъ, совѣщаніяхъ собора, происходившихъ до 7-го февраля включительно. Стало быть оно не могло повліять на исходъ выборовъ и во всякомъ случаѣ не руководило ими. Тѣ же лица, которыя были руководителями собора, т. е. князья Трубецкой и Пожарскій, были скорѣе противниками кандидатуры царя Михаила, чѣмъ сторонниками ея. Что же касается дѣятельнаго участія родни Михаила Θеодоровича въ дѣлѣ его избранія, то оно не подтверждается показаніями ближайшихъ къ событію источниковъ. И, конечно, мы не разумѣемъ здѣсь источниковъ офиціальныхъ, очень односторонне освѣщающихъ дѣло, и конечно, не считавшихъ

возможнымъ говорить объ агитаціи, если бъ такая и имѣла мѣсто. Нѣтъ, мы разумѣемъ показанія, данныя русскими людьми шведамъ. Выдвигая всячески роль казаковъ, они молчатъ о томъ, кого, благодаря баснословнымъ показаніямъ Страленберга [61]), привыкли считать душой агитаціи въ пользу Михаила Өеодоровича, т. е. о бояринѣ Ө. И. Шереметевѣ. При томъ не знаемъ даже, былъ ли онъ на соборѣ до 21-го февраля 1613 года или раздѣлялъ участь князя Ө. И. Мстиславскаго «съ товарищи»: вѣдь онъ, равно какъ и Иванъ Никитичъ Юрьевъ, дядя царя Михаила, и князь Борисъ Лыковъ были въ числѣ «семичисленныхъ» бояръ. Такимъ образомъ даже присутствіе этихъ вліятельныхъ лицъ Романовскаго круга на предварительныхъ засѣданіяхъ собора представляется намъ не вполнѣ установленнымъ фактомъ [62]). Въ то же время мы имѣемъ извѣстіе, по которому «бояре и думцы, родственники упомянутаго Михаила, высказали» казакамъ и черни, требовавшимъ избранія Михаила Өеодоровича, «нѣкоторыя затрудненія и указывали на его молодость» [63]). Поэтому не видимъ возможности говорить объ агитаціи многочисленной родни Романовыхъ, хотя не сомнѣваемся, что многіе ея члены съ радостью восприняли мысль о кандидатурѣ Михаила Өеодоровича и ее поддержали. Вообще же для того, чтобы выяснить причины избранія государемъ одного изъ представителей рода Романовыхъ и при томъ именно Михаила Өеодоровича, а не его дядю, Ивана Никитича, намъ предстоитъ припомнить нѣкоторые факты, установленные предыдущимъ изложеніемъ.

Романовы происходили изъ старинной, очень вліятельной и родовитой, московской боярской фамиліи Кошкиныхъ-Кобылиныхъ. Въ XVI вѣкѣ они породнились съ царствовавшей тогда династіей, при чемъ, царица Анастасія оставила по себѣ благодарную память въ народѣ своей кротостью и добротой [64]). Не менѣе любимъ народомъ былъ родной братъ первой русской царицы Никита Романовичъ, о которомъ сохранились въ народной, а въ частности въ народно-казачьей средѣ, цѣлыя былины и пѣсни. Никита Романовичъ имѣлъ во многихъ уѣздахъ Руси богатыя вотчины и помѣстья. Особенно много было у него связей и отношеній съ костромскимъ краемъ, гдѣ были цѣлыя гнѣзда его земельныхъ владѣній, и съ тогдашнимъ «Югомъ» государства. Шуринъ Грознаго царя долго завѣдывалъ обороной этого края и обосновался тамъ, какъ богатый вотчинникъ и помѣщикъ. Онъ заслужилъ любовь воинственныхъ служилыхъ людей «Юга», изъ которыхъ пополнялись отчасти и кадры вольнаго казачества, своей справедливостью, добрымъ отношеніемъ и вниманіемъ къ ихъ интересамъ.

Церковь въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ, построенная на мѣстѣ келліи, въ которой по преданію жилъ царь Михаилъ Θеодоровичъ въ 1612 году.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

Семья Никитичей, двоюродныхъ братьевъ царя Θеодора Ивановича, была очень популярна въ народѣ. Особенно выдавался ласковый, обходительный, красивый, ловкій, умный и энергичный бояринъ Θеодоръ Никитичъ, старшій изъ сыновей Никиты Романовича. По смерти бездѣтнаго царя Θеодоръ Никитичъ былъ однимъ изъ претендентовъ на престолъ. Въ его пользу сложилась даже и распространилась затѣмъ въ народѣ легенда о томъ, какъ царь Θеодоръ, умирая, передалъ скипетръ и вѣнецъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Однако кандидатура Θеодора Никитича не имѣла въ 1598 году успѣха. Другой претендентъ, геніальный Борисъ Годуновъ, братъ вдовы-царицы, которой умирающимъ супругомъ передана была власть надъ царствомъ, и давній правитель государства, оказался избраннымъ въ цари русской земли.

Въ царствованіе Бориса, Романовы подверглись гоненію, опалѣ и суровой ссылкѣ, при чемъ старшій изъ Никитичей былъ противъ своей воли постриженъ въ монахи и заточенъ въ далекомъ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ. Когда Борисъ былъ сверженъ съ престола и слухамъ о томъ, что онъ—причина насильственной смерти св. царевича Димитрія, была дана полная вѣра, то пострадавшіе при «рабоцарѣ» Романовы стали еще болѣе популярны.

Такъ уже сейчасъ же послѣ переворота 17-го мая 1606 года, погубившаго Самозванца, въ народѣ были толки о необходимости воцаренія когонибудь изъ Романовыхъ. Но глава рода, Филаретъ Никитичъ былъ тогда уже духовнымъ лицомъ: ростовскимъ митрополитомъ, а сынъ его имѣлъ отъ роду всего лишь 9-ть, 10-ть лѣтъ. Поэтому Романовы признали власть Шуйскаго, который вслѣдствіе подозрѣній оскорбилъ и отдалилъ отъ себя старшаго члена этой семьи, а за нимъ и весь вліятельный романовскій кругъ.

Митрополитъ Филаретъ удалился въ Ростовъ, гдѣ былъ въ 1608 году захваченъ шайками Вора и привезенъ въ Тушино. Тамъ его нарекли патріархомъ. Враждебный въ душѣ Шуйскому, Филаретъ по виду примирился съ своимъ положеніемъ, но постарался при этомъ не скомпрометировать себя передъ московскимъ правительствомъ и патріархомъ. При первой возможности онъ порвалъ съ Воромъ, бѣжавшимъ въ Калугу, и сталъ сторонникомъ, а вѣрнѣе былъ и однимъ изъ иниціаторовъ русско-польскаго сближенія. Но при этомъ Филаретъ остался вѣренъ православію и народной самобытности.

Воротившись, быть можетъ и недобровольно, въ Москву не задолго до сверженія Шуйскаго, ростовскій митрополитъ сталъ во главѣ большого

круга своихъ приверженцевъ и былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ русскомъ обществѣ. Поэтому, когда «царю Василію былъ обрядъ» и на Руси настало «безгосударное» время, патріархъ Гермогенъ предложилъ народу 2-хъ кандидатовъ на престолъ: сына Филарета, 14—15-лѣтняго юношу Михаила Θеодоровича и князя Вас. Вас. Голицына. При этомъ самъ Гермогенъ стоялъ на сторонѣ Михаила Θеодоровича по причинѣ близкаго родства его съ угасшей династіей. Извѣстно, что къ мнѣнію патріарха склонялся народъ. Но единодушія не было, Филаретъ, повидимому не стремился къ борьбѣ за власть для своего сына, и на престолъ русскій былъ избранъ, главнымъ образомъ правящими кругами русской земли, Владиславъ. Митрополитъ Филаретъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Вас. Вас. подъ Смоленскъ во главѣ великаго посольства «прошати у короля королевича на царство». Твердость и патріотизмъ Филарета, проявленные имъ въ этомъ посольствѣ, и плѣнъ его въ далекой и враждебной Польшѣ, доставили ростовскому митрополиту новую и еще болѣе широкую популярность.

Когда неудача попытки уніи съ Польшей и насилія поляковъ въ занятой ими Москвѣ заставили подняться народныя массы и идти на очищеніе столицы, всякая мысль о кандидатурѣ иноземнаго королевича заранѣе была бы обречена на неуспѣхъ. Народныя массы, какъ и всегда, были настроены націоналистично. Казаки въ данномъ отношеніи отражали настроеніе этихъ массъ, изъ рядовъ, которыхъ по преимуществу выходили.

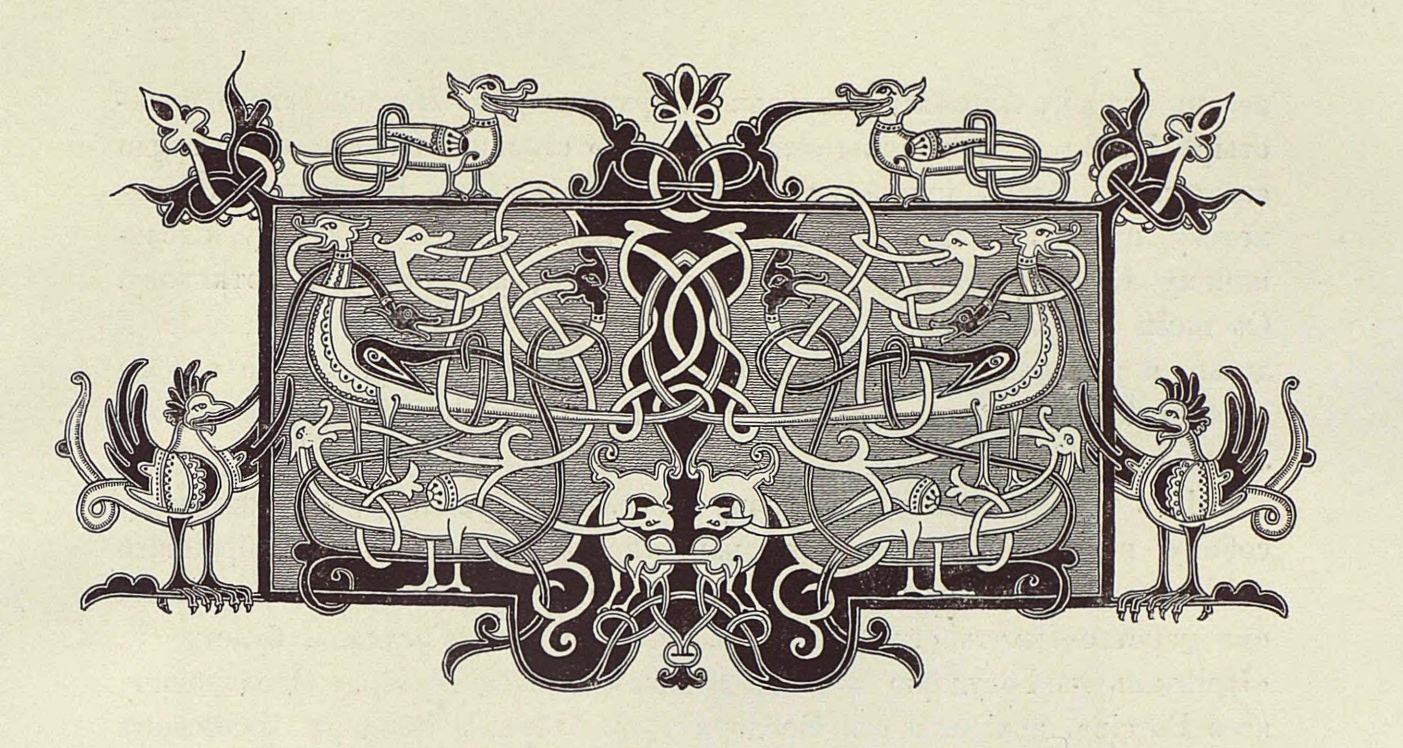
Поэтому они обратились къ мыслѣ о кандидатурѣ кого-нибудь изъ русскихъ людей, стали искать царя среди представителей своихъ «знатныхъ родовъ». Преданность къ угасшей династіи, желаніе найти отпрыскъ «отъ царского корени», долго были одной изъ причинъ успѣха самозванщины. Теперь это же обстоятельство повернуло мысли казаковъ къ кандидатурѣ ближайшаго родственника дома Калиты, братанича царя Θеодора Ивановича. Вотъ почему обратились они къ Михаилу Θеодоровичу. И не столько пребываніе Филарета въ Тушинѣ сыграло тутъ роль [65]). Популярность семьи Никитичей въ народѣ и въ казачьей средѣ сложилась задолго до Тушина и независимо отъ него; она коренилась главнымъ образомъ въ народной любви къ ихъ отцу, въ ихъ личныхъ привлекательныхъ свойствахъ и земельныхъ связяхъ и отношеніяхъ. Поэтому за избраніе Михаила Θеодоровича высказался патріархъ Гермогенъ, самъ близкій къ простонародной средѣ по своему происхожденію человѣкъ.

Вспомнимъ, что народъ готовъ былъ послѣдовать примѣру своего архипастыря. Вотъ почему и въ 1613 году рядовая земщина сошлась съ казаками въ выборѣ царемъ Михаила Θеодоровича.

Но почему молодой и неопытный Михаилъ Θеодоровичъ, а не дядя его, бояринъ Иванъ Никитичъ, былъ выдвинутъ народомъ и избранъ имъ? На это недоумѣніе, высказанное покойнымъ Маркевичемъ, легко отвѣтить двумя соображеніями. Во первыхъ, царская власть и права на нее по издавна внѣдренному въ народъ представленію должны были переходить по нисходящей линіи. А въ этомъ смыслѣ Михаилъ Θеодоровичъ имѣлъ преимущество передъ Иваномъ Никитичемъ. Затѣмъ самая молодость народнаго избранника, который притомъ по тогдашнимъ понятіямъ былъ совершенно правоспособнымъ [66]), дѣлала его непричастнымъ къ раздорамъ и смутамъ той злосчастной поры. Между тѣмъ Иванъ Никитичъ былъ сторонникомъ Владислава и поляковъ; поэтому на немъ никакъ не могъ остановиться народный выборъ [67]).

Изъ нашего изложенія выясняются главныя причины великаго событія нашей исторіи—избранія Михаила Θеодоровича Романова на престолъ русскихъ царей: родство его съ угасшей династіей, любовь народа къ семьѣ Никитичей, личная непричастность юнаго народнаго избранника къ раздорамъ Смутной эпохи. И въ этой чистой юности царя Михаила Θеодоровича невольно хочется видѣть символъ предстоявшаго въ 1613 году обновленія и укрѣпленія изстрадавшейся во времена Смуты Русской земли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Прошеніе царя Михаила Θеодоровича на царство.

I.

ПОСЛѢ выбора Михаила Θеодоровича, когда русскіе люди пришли къ радостному и спасительному для нихъ единодушію, соборъ незамедлительно предпринялъ рядъ мѣръ для утвержденія этого важнаго акта государственнаго бытія. Были приведены къ присягѣ Москва, а затѣмъ и иные города, и всюду населеніе присягало съ величайшей готовностью и восторгомъ [1]). Распорядился соборъ и другимъ неотложнымъ дѣломъ величайшей важности. Онъ снарядилъ торжественное посольство къ народному избраннику, царю Михаилу Θеодоровичу, жившему тогда въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, и по обычаю озаботился составленіемъ подробнаго наказа своимъ великимъ посламъ.

Посольство было многолюдно, и въ составъ его вошли, вѣроятно, многіе изъ членовъ избирательнаго собора. Во главѣ же его поставлены были изъ властей архіепископъ Рязанскій и Муромскій Θеодоритъ, архимандритъ Чудовскаго монастыря Авраамій, Троице-Сергіева монастыря

келарь старецъ Авраамій (Палицынъ), архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ и протопопы «изъ соборовъ» столицы. Первое мѣсто среди свѣтскихъ пословъ принадлежало боярамъ: Ѳеодору Ивановичу Шереметеву и князю Владиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Ѳеодору Васильевичу Головину и дьяку Ивану Болотникову. Съ ними отправились «стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне, и дѣти боярскія изъ городовъ, и головы стрѣлецкіе, и гости, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы и всякихъ чиновъ люди, по спискамъ»[2]).

Изъ наказа, даннаго великому посольству, узнаемъ, что земскому собору не было въ точности извѣстно мѣстопребываніе избраннаго имъ царя. Послы должны были для «прошенія» Михаила Ѳеодоровича «на царство» ѣхать «въ Ярославль, или гдѣ онъ, Государь, будетъ»[3]). «Пріѣхавъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи», архіепископъ Ѳеодоритъ и бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ «съ товарищами» немедленно обязаны были «бити челомъ Государю» и просить его принять общенародное избраніе. Наказъ со свойственной московскимъ приказнымъ документамъ обстоятельностью приводитъ и рѣчи, съ которыми великіе послы должны были обратиться къ юному избраннику русскаго народа и его матери «великой инокинѣ Марѳѣ». Въ этихъ рѣчахъ Ѳеодоритъ и Шереметевъ, отъ лица собора, своихъ «товарищей» и всей земли обязаны были умолять Михаила Ѳеодоровича вступить на царскій престолъ, такъ какъ «безъ Государя ни на малое время быть не мочно». Къ матери Государя посламъ предстояло обратиться съ просьбой благословить сына на царство и побудить его скорѣе ѣхать въ Москву, такъ какъ, «послыша про его царскій приходъ къ Москвѣ», «всѣ его Государевы недруги будутъ въ страхованіи, а Московскаго Государства всякіе люди Государевымъ приходомъ обрадуются» и получатъ «избаву отъ всякихъ находящихъ бѣдъ и скорбей».

«А какъ Государь Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи Московскаго Государства всякихъ людей пожалуетъ»,—говорилось далѣе въ наказѣ посламъ,—«и какъ его Государской подвигъ къ Москвѣ будетъ, въ которомъ числѣ и о томъ отписать къ боярамъ къ Москвѣ, и бояре и всякіе люди Государя встрѣтятъ».

Однако земскій соборъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ безъ колебаній приметъ царскій вѣнецъ. Они предвидѣли, что царь пословъ «не пожалуетъ, учнетъ отказывать, или за

Чудотворная Θеодоровская икона Божіей Матери.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

чѣмъ учнетъ Государь размышлять». Тогда Ѳеодоритъ и Шереметевъ съ товарищи должны были «Государю бити челомъ и умолять его, Государя, всякими обычаи, чтобъ онъ, Государь, милость показалъ, челобитья ихъ не презрилъ, былъ на Владимирскомъ и на Московскомъ Государствѣ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи и пожаловалъ ѣхалъ къ Москвѣ вскорѣ». Послы обязаны были прибавить, что «такое великое Божье дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его Государскимъ хотѣньемъ, по избранью, Богъ учинилъ его, Государя, Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи и въ сердца вложилъ всякимъ людямъ и до ссущихъ и беззлобивыхъ младенцевъ, что быть.... на всѣхъ великихъ Государствахъ Россійскаго Царствія ему, Государю, Михаилу Ѳеодоровичу».

Опасаясь, что народный избранникъ станетъ отказываться отъ принятія царской власти, соборъ имѣлъ въ виду и причину, по которой это будетъ сдѣлано. Это плѣнъ отца Государева, митрополита Филарета. «А будетъ Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи учнетъ разсуждать»,—читаемъ въ наказѣ,—«о отцѣ своемъ Государѣ нашемъ, о митрополитѣ Филаретѣ, что онъ, Государь, нынѣ въ Литвѣ, и ему на Московскомъ Государствѣ быти нельзя, для того, чтобъ отцу его за то какого зла не учинили. И архіепископу, и архимандритамъ, и боярамъ, и окольничему Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи бити челомъ и говорити, чтобъ онъ, Государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ Литовскому Королю, а отцу твоему, Государю нашему, даютъ на обмѣну Литовскихъ многихъ лучшихъ людей».

Въ заключеніе наказъ снова предписывалъ «всякими обычаи Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россія бити челомъ и его, Государя, умолять, чтобъ онъ шелъ на свой царскій престолъ къ Москвѣ не мѣшкая».

2 марта 1613 года, отслушавъ торжественное молебствіе, послы тронулись въ путь, сопровождаемые напутствіями собора и многочисленныхъ толпъ народа, провожавшихъ ихъ. Посольству сопутствовали московскія святыни: весьма чтимый образъ Пресвятой Богородицы, написанія св. Петра митрополита, и святыя иконы великихъ чудотворцовъ Петра, Алексія и Іоны, митрополитовъ и святителей московскихъ. 13 марта «въ вечерню» посольство достигло Костромы, въ которой пребывалъ тогда юный царь, и остановилось въ пригородномъ селѣ, «Новоселки именуемо», откуда послало къ Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой указать срокъ пріема

его Государемъ. «И Государь Царь и Великій Князь Михайло Θеодоровичъ всея Россіи насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ быти у себя, Государя, марта въ 14 день»,—доносили послы въ Москву земскому собору.

Въ Новоселкахъ послы провели ночь, условившись съ воеводами, архимандритами и прочими представителями Костромы о томъ, какъ организовать на другой день торжественное шествіе въ Ипатьевскій монастырь для предстоящаго «прошенія на царство» Михаила Θеодоровича [4]).

II.

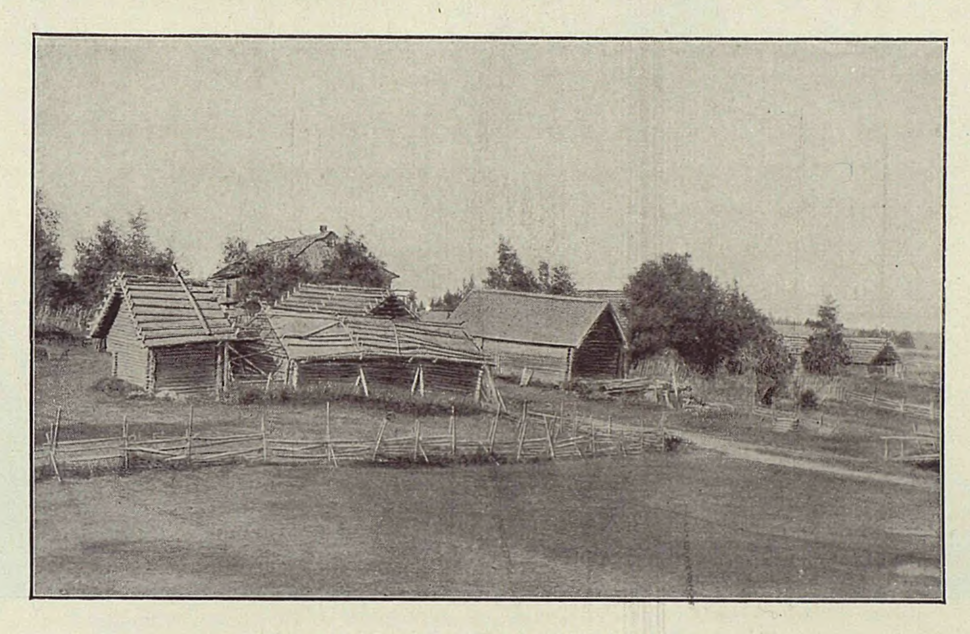
Юному народному избраннику не было тогда еще полныхъ 17-ти лѣтъ. Добрый и мягкій, ласковый и привѣтливый, царь Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, излюбленный всей Русской землей, постоянно сохранялъ на своемъ привлекательномъ лицѣ отпечатокъ какой-то меланхоліи, печали. Это выраженіе явилось слѣдствіемъ многихъ невзгодъ и испытаній, выпавшихъ на долю Государя всея Руси въ его нѣжномъ дѣтствѣ и ранней молодости. Маленькимъ, четырехъ-пятилѣтнимъ ребенкомъ, Михаилъ Θеодоровичъ былъ лишенъ ласкъ и заботъ горячо любившихъ его отца и матери. Мало того, онъ былъ сосланъ подъ строгій присмотръ въ Бѣлоозеро и лишь черезъ годъ былъ переведенъ въ вотчину отца, село Клины, Юрьево-Польскаго уѣзда, гдѣ, опять такъ подъ надзоромъ, прожилъ до самой смерти Бориса Годунова. Лишь въ 1605 году отецъ, отнынѣ митрополитъ Филаретъ, мать, инокиня Марθа и 9-ти—10-ти лѣтній сынъ свидѣлись другъ съ другомъ. Съ тѣхъ поръ Михаилъ Θеодоровичъ не разлучался съ своей матерью. Но отецъ былъ захваченъ въ Тушинскій плѣнъ въ 1608 году и попалъ въ Москву, гдѣ въ то время находились его бывшая жена и сынъ, лишь въ маѣ 1610 года. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ этого года ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ отправился во главѣ великаго посольства подъ Смоленскъ, былъ тамъ плѣненъ въ противность международнымъ правамъ и обычаямъ и томился въ далекой польской неволѣ.

Самъ юный Михаилъ и мать его, инокиня Марθа, прожили 2 года въ Москвѣ и испытали тамъ ужасы польской оккупаціи и кремлевской осады. Поляки, вѣроятно, зорко слѣдили за сыномъ митрополита Филарета и бывшей женой послѣдняго, старицей Марθой: Жолкевскій, конечно, выяснилъ своимъ соотечественникамъ, какъ они должны наблюдать за юношей, уже намѣчавшимся къ избранію въ цари русскаго народа [5]). Съ очищеніемъ Москвы отъ поляковъ наступила для многихъ

знатнѣйшихъ боярскихъ женъ и дѣтей радостная минута ихъ освобожденія. Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью тоже получили свободу и отправились въ свои Костромскія вотчины [6]).

При этомъ они посѣтили нѣкоторыя, чтимыя ими, мѣстныя обители. Не преминула инокиня Марѳа съ своимъ любимымъ, единственнымъ оставшимся къ тому времени въ живыхъ, сыномъ посѣтить монастырь св. Макарія на Унжѣ, гдѣ на мѣстѣ келліи, въ которой по преданью пребывалъ тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ, впослѣдствіи воздвигнута была церковь [7]).

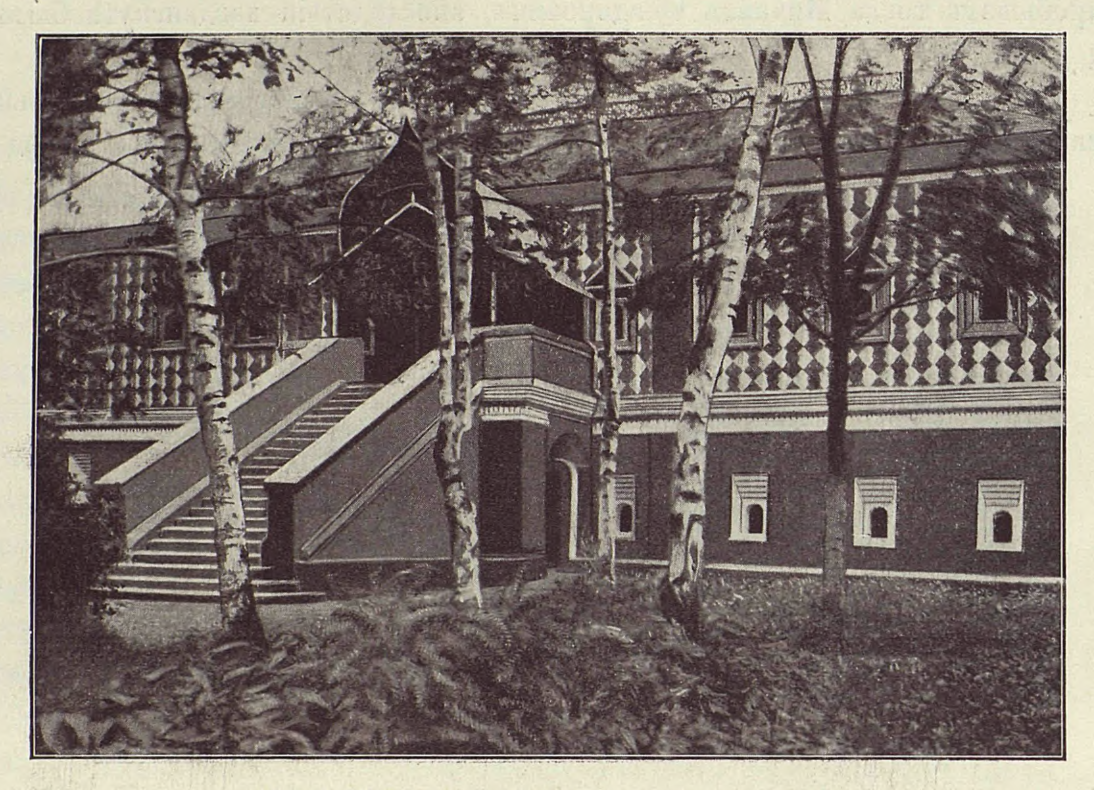
Затѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ поселился въ родовой вотчинѣ своей матери, селѣ Домнинѣ. Тамъ въ началѣ 1613 года избранникъ народ-

Дер. Деревеньки, родина Ив. Сусанина.

ный чуть было не погибъ отъ рукъ враговъ Руси, польскихъ и литовскихъ людей. Его спасла преданность и вѣрность любимымъ боярамъ крестьянина села Домнина, незабвеннаго Ивана Сусанина. По преданіямъ, во многомъ подкрѣпляемымъ жалованной грамотой, данной въ 1619 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ «по совѣту и прошенью матери» его «государыни великія старицы иноки Марѳы Ивановны», поляки стали допытываться у Сусанина, гдѣ его бояринъ. Сусанинъ послалъ къ Михаилу Ѳеодоровичу предупредить о грозящей опасности, а самъ вызвался проводить враговъ къ дому, гдѣ жилъ молодой его «государь». Вмѣсто этого онъ завелъ «польскихъ и литовскихъ» людей въ непроходимое,

покрытое лѣсомъ, болото. Когда враги увидѣли обманъ, они подвергли Ивана Сусанина «великимъ немѣрнымъ пыткамъ». Самоотверженный крестьянинъ остался непреклоннымъ, и обозленные поляки «замучили его до смерти», а сами погибли отъ холода и голода. Подвигъ Сусанина и его беззавѣтная преданность спасли Михаила Өеодоровича и сослужили русскому государству великую службу. За нее впослѣдствіи царь наградилъ землей Богдана Сабинина, зятя скромнаго, но великаго душой героя,

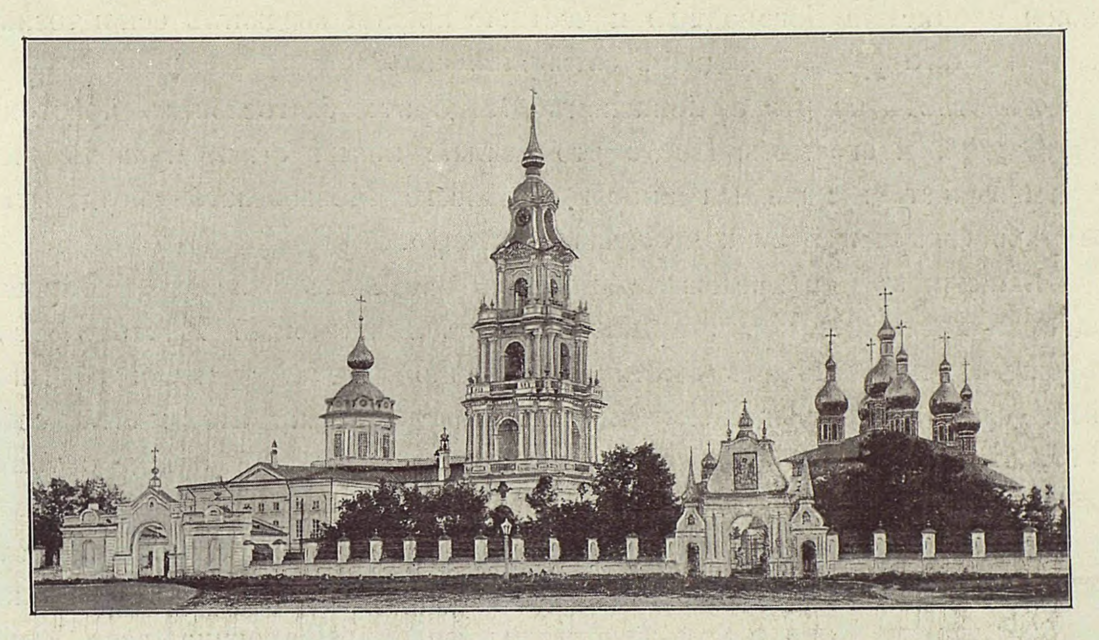
Палаты Романовыхъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

и освободилъ его и его потомство отъ платежа какихъ-бы то ни было податей и несенія всякихъ государственныхъ повинностей [8]). Царь Михаилъ Өеодоровичъ, получивъ извѣстіе объ угрожающей ему опасности, поспѣшилъ уѣхать въ Кострому, гдѣ и поселился съ своей матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Тамъ и застало его великое посольство.

III.

Настало утро 14-го марта, знаменательнаго дня нашей исторіи. Устроили, какъ подобало важности момента, торжественную процессію. Духовенство облеклось въ ризы, бояре «и вси пришедшіе» съ ними

«учредивше чины по достоянію и вземше честный крестъ», и святыя иконы, принесенныя изъ Москвы, «поидоша ко обители святыя Живоначальныя Троицы въ Ипацкой монастырь». Близь монастыря на устьи рѣки Костромы къ посольству присоединились вышедшіе крестнымъ ходомъ костромичи «съ женами и з дѣтьми и поидоша вкупѣ въ той же Ипацкой монастырь» [9]). Въ святой обители тогда «быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ» [10]). На срѣтеніе крестному ходу вышли къ вратамъ монастыря «Государь Царь и Великій Князь Михайло Өеодоровичъ всеа Русіи, и съ матерью своею, съ великою старицею инокою Марөою Ивановною».

Успенскій соборъ въ г. Костромѣ, въ коемъ хранится Өеодоровская икона.

Великая старица была взволнована и растрогана. Ей припоминались давнія, жестоко разбитыя мечты о царствованіи ея возлюбленнаго супруга, томившагося теперь въ далекомъ и тяжкомъ плѣну; она страшилась за судьбу нѣжно любимаго и заботливо оберегаемаго юноши сына. Разореніе государства, грозные враги, опустошавшіе русскую землю, участь послѣднихъ государей и претендентовъ на престолъ— все это пугало и тревожило много пострадавшую на своемъ вѣку инокиню Марөу. Однако торжественность обстановки, толпа, охваченная однимъ порывомъ, принесеніе святыхъ и чудотворныхъ иконъ не могли не умилять и не трогать престарѣлую мать народнаго избранника. Чувства матери раздѣлялъ и юный Михаилъ Өеодоровичъ. Онъ также встрево-

женъ былъ участью отца и не рѣшался вступить на престолъ въ такихъ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Но его молодую и чуткую душу до слезъ волновалъ и потрясалъ видъ всенароднаго множества готовыхъ склониться предъ нимъ русскихъ людей и величественный крестный ходъ, направляющiйся къ Ипатьевской обители.

Со слезами на глазахъ встрѣтилъ избранный русскимъ народомъ государь чудотворныя иконы и обратился съ жаркой молитвой къ Пресвятой Богородицѣ. Благоговѣйно приложившись затѣмъ къ святымъ образамъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ взволнованно спросилъ архiепископа Ѳеодорита: «О святѣйшiй Архиепископъ! Почто чюдные и чюдотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ великiй многотрудный подвигъ сотворилъ еси»?

Въ отвѣтъ на это архiепископъ Ѳеодоритъ благословилъ крестомъ юнаго царя и его мать. Послѣ это великiе послы стали править имъ свое посольство: подали грамоты отъ всего Московскаго государства «и рѣчь говорили и били челомъ по наказу».

Выслушавъ «непреложное моленiе» великихъ пословъ, сопровождаемое просьбами всѣхъ пришедшихъ съ ними, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ, «непреклоненъ бысть къ моленiю ихъ, отрицашеся со многими слезами и рыданiемъ и гнѣвомъ», говоря: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовати; ни въ разумъ мой прiиде о томъ, да и мысли моей на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на такову высоту Царствiя и на престолъ такихъ великихъ преславныхъ Государей Царей Росiйскихъ, и великаго Государя моего, пресвѣтлаго блаженные памяти Царя и Великаго князя Ѳеодора Ивановича, всея Русiи Самодержца, взыйти?» «И отказалъ о томъ съ великимъ гнѣвомъ и со многими слезами».

Не менѣе рѣшителенъ былъ отказъ и «великой старицы»: съ великимъ плачемъ и рыданiемъ она заявила, «что сыну еѣ Михайлу Ѳеодоровичю никако на Московскомъ государстве не бывати, и ей его никако на Московское государство благословити не мочно; того у нихъ и въ мысли нѣту и въ разумъ ихъ прiити то не можетъ, что на такомъ великомъ государстве сыну еѣ быти».

Отказавъ великому посольству въ согласiи на его «непреложное моленiе», Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа долго не соглашались идти съ послами «за кресты въ соборную церковь». Они не желали, конечно, снова выслушивать челобитье представителей всей земли. Но

Макарьевъ монастырь на Унжѣ.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

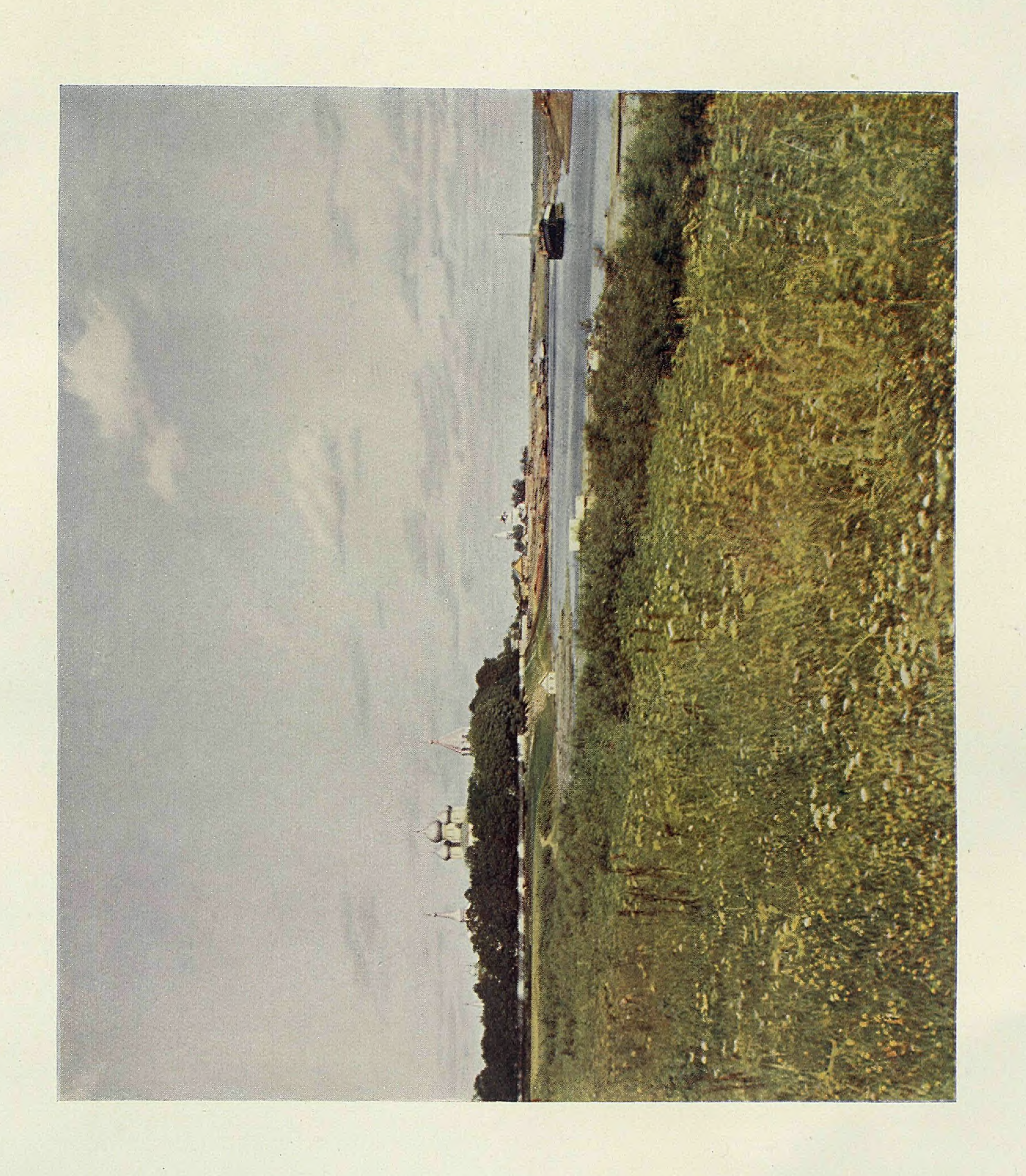
уваженіе къ св. иконамъ и къ крестному ходу превозмогло, и народный избранникъ съ своей матерію присоединились къ торжественной процессіи. И вотъ въ соборѣ Ипатьевскаго монастыря при молебномъ пѣніи духовенства «боляре, Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарыщи, и весь Царскій синклитъ и всенародное множество всѣхъ православныхъ христіянъ, съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ били челомъ Михайлу Ѳеодоровичю..., чтобъ онъ Государь Михайло Ѳеодоровичъ милость надо всѣмъ Московскимъ государствомъ показалъ, былъ на Московскомъ государствѣ благонадежнымъ государемъ». Съ жаркой мольбой обратились послы и къ «великой старице иноке Марѳе Ивановне», чтобъ она «всѣхъ пожаловала, сына своего Михайла Ѳеодоровича на Московское государство Государемъ Царемъ и Великимъ княземъ всеа Русіи благословила, и на свой царскій престолъ въ царствующій градъ Москву подвигъ свой учинили вскорѣ, чтобы ихъ государскимъ приходомъ Московскаго государства всякіе люди отъ великихъ своихъ бѣдъ и разоренья въ радость претворилися, и вмѣсто плачевныхъ пѣсней, радостныя воспѣли». И на это челобитье послѣдовалъ рѣшительный и взволнованно-гнѣвный отказъ. Инока Марѳа говорила, «что никако въ мысль ихъ то не вницетъ, что сыну еѣ, Михайлу Ѳеодоровичю на такомъ великомъ преславномъ Московскомъ государстве быти Государемъ. Какъ то можетъ сстатися? а онъ еще и не въ совершенныхъ лѣтехъ; а Московскаго государства многие люди, по грехомъ, въ крестномъ целованье стали нестоятельны, да и потому, что Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей разорилося до конца, и прежнихъ великихъ государей изъ давныхъ лѣтъ сокровища царскіе и все ихъ царское всякое достояние литовскіе люди вывезли; а дворцовые села, и черные волости, и пригородки и посады отъ литовскихъ людей и отъ воровъ запустошены, а всякие служилые люди бѣдны; и чѣмъ служилыхъ людей пожаловати, а свои государевы обиходы полнити и противъ своихъ недруговъ, Польскаго и Литовскаго и Неметцкихъ королей и иныхъ пограничныхъ государей стояти? да и для тово, что великій государь мой, а сына моего отецъ, святѣйшій Филаретъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, ныне у короля въ Литвѣ въ великомъ утесненье, а свѣдаетъ король то, что, по прошенью и по челобитью всего Московскаго государства, учинитца на Московскомъ государстве сынъ нашъ Михаіло, и король тотчас велитъ надъ государемъ нашимъ Филаретомъ митрополитомъ какое зло учинить;

и безъ благославенія отца своего, сыну моему какъ на такое великое дѣло помыслити»?

Послы обратились съ новымъ слезнымъ моленіемъ къ избраннику русскаго народа и его матери. Они не оставили безъ возраженія вѣскихъ сомнѣній и колебаній «великой старицы». «О Боголюбивая, великая государыня, старица инока Марѳа Ивановна»!—говорилъ отъ имени прочихъ пословъ Ѳ. И. Шереметевъ,—призри на насъ нашихъ богомольцевъ, и на своихъ рабъ, на Царскій синклитъ и на толикое многое человѣческое Христіанское множество, услыши всенародный вопль и рыданіе, утѣши плачь неутѣшный, воздвигни паки на царство ваше и отечество ваше возвеличи, Христіанскій рогъ возвыси, дажь Богомъ избранного Царя на Царство, всѣмъ намъ благонадежнаго Государя, сына своего единороднаго, отъ благочестиваго корени благоцветущую отрасль, великого Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца безо всякого размышленія, полагаяся на волю Создателя нашего и Творца, Господа нашего Іисуса Христа, а Московского Государства всякихъ чиновъ люди ему великому Государю учнутъ служити и прямити во всемъ, на чемъ ему Государю крестъ целовали и души свои дали. А прежніе Государи, Царь Борисъ сѣлъ на Государство изведчи Государской корень, Царевича Дмитрея. И Богъ ему мстилъ праведнаго и безпорочнаго Государя Царевича Дмитрея Ивановича убіеніе и кровь богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ. А воръ Гришка Отрепьевъ, по своимъ злымъ дѣламъ, отъ Бога месть пріялъ, злѣ животъ свой скончалъ. А какъ Царь Василей учинился на Московскомъ Государстве; и, по злодѣйству, многие городы ему служити не похотѣли и отъ Московского Государства отложилися, и то все дѣлалося волею Божьею, а всѣхъ православныхъ Христіанъ грехомъ, во всѣхъ людехъ Московскаго Государства была рознь и междусобство. А ныне, по милости всемогущего Бога, всѣ люди во всѣхъ городахъ всего Россійского Царствия учинилися межъ себя въ соединены, и въ братстве и въ любви, по прежнему, и обещалися всѣ единодушно за нашу истинную православную Християнскую вѣру и за святые Божіи церкви, и за великаго Государя нашего Царя и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, противъ ево всякихъ недуговъ и измѣнниковъ стояти крѣпко и неподвижно, и битися до смерти; а никакъ ему Государю ни въ чемъ измѣны не учинити и иного государя изъ иныхъ государствъ и изъ Московского Государства, на Московское Государство

Костромской Ипатьевскій монастырь.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

Государемъ никакъ никого не хотити, и не мыслити о томъ; и на томъ всѣ ему великому Государю всякие люди всего великого Російского Царствия крестъ цѣловали радостными душами. А что размышляете, великие Государи, о великомъ святѣйшемъ Филарете Митрополите, что онъ за нашу истинную православную Християнскую вѣру греческаго закона и за все православное Християнство въ Литвѣ страждетъ; и мы, богомольцы Ваши и Московского Государства Боляре, и Воеводы и всякихъ чиновъ люди, послали хъ королю Посланника, а даемъ за Государя святѣйшего Филарета Митрополита, на обмѣну многихъ Полскихъ и Литовскихъ людей, хто имъ надобенъ; и за тѣмъ бы вы, великие государи, не размышляли и противъ воли Божіи не стояли» [11]).

И на эту рѣчь Михаилъ Θеодоровичъ и инока Марθа «съ великимъ плачемъ и гнѣвомъ о Государстве отказали». Тогда великое посольство и «всенародное множество», «въ великомъ ужасе и смятеніи бывъ», снова обратились къ избранному народомъ Государю и его матери съ усиленными мольбами согласиться на принятіе Михаиломъ Θеодоровичемъ царского сана. На этотъ разъ съ длинною витіеватою рѣчью выступилъ архіепископъ Θеодоритъ». Онъ заклиналъ молодого царя не противиться «вышняго Бога промыслу». «Повинися святой Его воле»,— съ жаромъ говорилъ Владыка,—«никто же бо праведенъ бываетъ, вопреки глаголя судбамъ Божіимъ; и прежние убо Цари, предъизбранные Богомъ, царствоваху, и сихъ благочестивый корень ведеся до благочестиваго и праведнаго великаго Государя нашего Царя и Великого князя Θедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, на немъ же и совершися и конецъ пріятъ; въ него жъ мѣсто Богъ сию царскую честь на тебѣ возлагаетъ, яко по свойству свойственному Їарского сѣмени, Богомъ избранный цвѣтъ». Далѣе, приводя въ подтвержденіе своей мысли цитаты изъ святоотческихъ писаній, Θеодоритъ доказывалъ, что во всенародномъ избраніи Михаила Θеодоровича сказалось Божіе предопредѣленіе, такъ какъ «гласъ народа—гласъ Божій» [12]). Затѣмъ, сообщивъ рядъ примѣровъ избранія народомъ государей, Рязанскій архіепископъ убѣжденно закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Такоже и ты, великій Государь Михаило Θеодоровичъ, не ослушайся Божия повелѣнія, и утоли плачь и рыдание и вопль многонародный, восприими скиѳетродержание Російскаго Царствия».

Рѣчь архіепископа сопровождалась плачемъ и рыданіями просящаго «всенародного множества». Въ такихъ переговорахъ прошло уже 6-ть

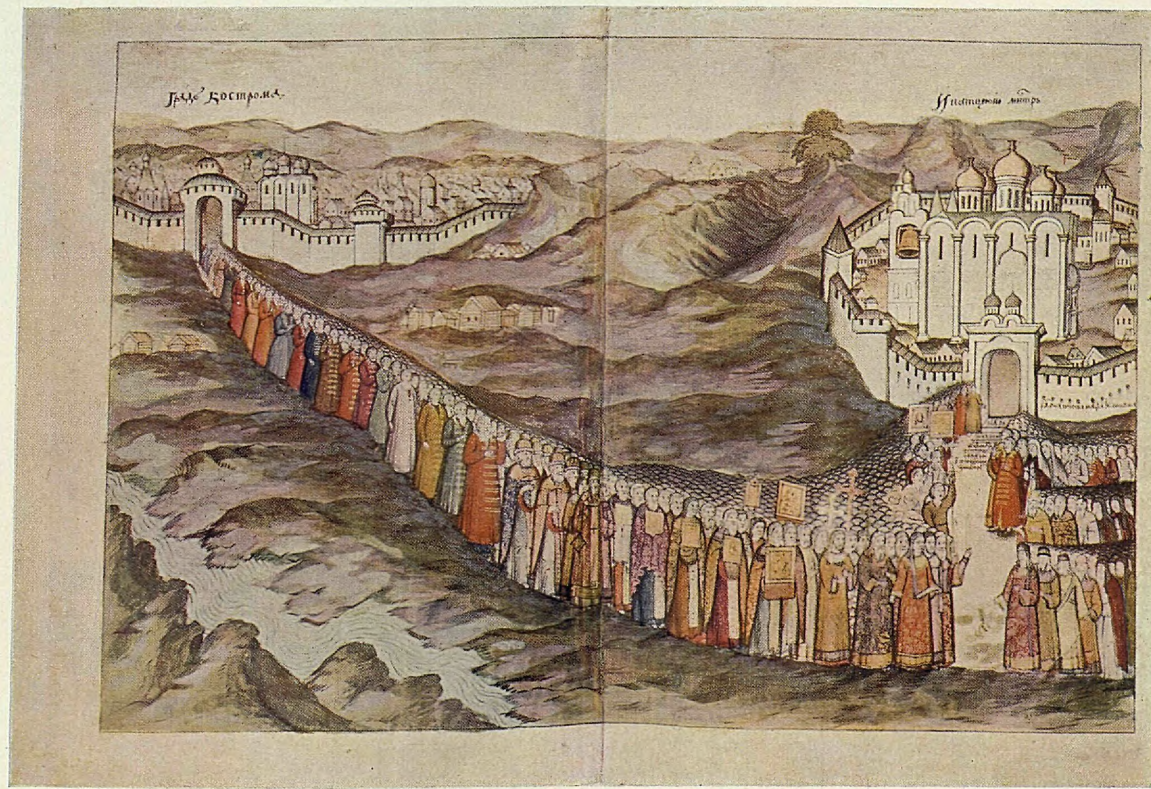
часовъ («и молиша безпрестанно, отъ третьяго часа дни и до девятого»). Но Михаилъ Θеодоровичъ остался непреклоненъ. Онъ повторилъ въ своемъ отвѣтномъ словѣ Θеодориту и другимъ посламъ доводы, приведенные уже его матерью, сказавъ кромѣ того: «и отторженые грады отъ Московского Государства, Великiй Новгородъ, и Смоленскъ и иные городы какъ и чѣмъ къ Московскому Государству привратити? И то прошенiе ваше никакъ исполнитися на мнѣ не можетъ».

Неоднократные, горячiе отказы избраннаго всенародно царя и его матери повергли пословъ «и все государство» въ уныніе. И «о семъ въ недоумѣнiи мнозе бысть и во мнозей скорби и въ плачи неутѣшимый еже прошенiя своего не получиша». «Послы недоумевахуся», какъ «у великого Государя, Царя и Великого Князя... и у матери его, у великие Государыни... милости просити и бити челомъ». Наконецъ, послы надумались «и инъ совѣтъ благъ учиниша». Они воздвигли животворящiе кресты и святыя иконы и съ ними торжественно «придоша къ мѣсту» гдѣ стояли юный царь и его мать, великая старица Марθа [13]).

Смущенный и потрясенный Михаилъ Θеодоровичъ обратился къ архiепископу и другимъ посламъ: «почто толикiй подвигъ животворящимъ крестомъ и честнымъ Божiимъ иконамъ, и себѣ многой трудъ сотворяете, и неначаемое дѣло выше моея мѣры на мя возлагаете, чего и въ разумъ мой не можетъ приитти?» На эти слова послѣдовала рѣчь Рязанскаго Владыки: «Не буди государь, одержимъ печалию, но утѣши сердце свое упованiемъ Божиимъ и пречистые Богородицы милостию и великихъ чюдотворцовъ, вся тебѣ и твоему царствiю подастъ благая, толко не буди, Государь, противенъ воли Божiи». «Отецъ же твой»,—продолжалъ Θеодоритъ,—«великiй Государь нашъ, преосвященный Филаретъ, митрополитъ Ростовскiй и Ярославскiй, по своей къ Богу великой вѣре и правде, отъ таковаго злаго пленения и скорбей и бѣдъ вскоре свобожденъ будетъ; а милость и благословение его Великого Государя на тебѣ великомъ Государе, единороднемъ сыне его, ныне и всегда есть и будетъ. А еже глаголеши, яко толикъ подвигъ мы воздвигохомъ, повѣмы же ти истинну, глаголя: не мы сей подвигъ сотворихомъ, якоже глаголеши. Но пречистая Богородица съ великими чудотворцы возлюби тебе, и святую волю Сына своего и Бога нашего, изволи исполнити на тебѣ Государе нашемъ. Тѣмъ же, Государь, устыдися пришествия честнаго Ея образа; послушай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великие чюдотворцы, и не буди противенъ воли Божiи, повинися святой

Встрѣча царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ великаго посольства у вратъ Ипатьевскаго монастыря.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

Градъ Кострома
Ипатцкий мнтрь

Преосвященный архиепископ
Феодоритъ Резанский со
освященнымъ соборомъ.
и боляринъ Федоръ Ивано
вичь Шереметевъ с това
рыщи со образы пребл҃госло
венныя цр҃цы бц҃ы и прно
двы мр҃іи. і великихъ чю
дотворцовъ Петра і Але
ξія і Іоны. і с прочи
ми. и со множествомъ
народа идоша ко обите
ли живоначалныя трцы
Ипатцкой мнтырь.

воле Его безо всякого размышления; Богъ творитъ, еликожъ хощетъ, и строитъ вся благая Своимъ святымъ хотѣніемъ и волею; якоже Пророкъ рече, аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудятся зиждущіи; надѣющейся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижетца во вѣки».

Безмолвно, въ сильномъ душевномъ бореніи, весь въ слезахъ и рыданіяхъ приблизился юный царь къ своей матери и склонился къ ней. Послы и всенародное множество пали на колѣни и, земно кланяясь, продолжали умолять Михаила Θеодоровича и Марθу Ивановну. Слышались громкія восклицанія: «О великая Государыня, старица инока Марθа Ивановна! умилися надъ остаткомъ роду Християнскаго, милосердуй о насъ, пощади, великая и христолюбивая старица, пощади!»

Все громче и громче раздавались вопли рыдающаго народа. Заклинали не презрѣть пришедшихъ въ обитель «чудотворныхъ иконъ», кричали: «положите на милость, не оставте насъ сирыхъ и безгосударныхъ».

Старица инока Марθа Ивановна поколебалась въ своей твердости, но скоро оправилась. Съ умиленнымъ сердцемъ сказала она посламъ: «прошеніе ваше выше нашие мѣры; на такову высоту Царствія, и на престолъ таковаго великого преславнаго Государства просите у меня сына моего единородного, свѣта очию моею Михаила Θеодоровича, и у меня на то мысли никакъ нѣтъ; а у сына моего Михаила потомужъ никакъ мысли и хотѣнья на то нѣтъ же; свидѣтель и сердца наши зритъ Богъ; а будетъ на то святая Его воля будетъ, якоже годе Господеви, тако и буди, воли бо Его никто же можетъ противитися; а безъ вышняго и всемогущаго Господа Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и сѣтованья, утѣшение ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно».

Народъ, собравшійся у обители вмѣстѣ съ великими послами, удвоилъ слезы и моленія. Михаилъ Θеодоровичъ былъ потрясенъ до глубины души. «Престаните отъ таковаго начинанія»,—сказалъ онъ, громко рыдая,—и возлагаете на меня такое великое бремя, Царскій превысочайшій престолъ, выше моея мѣры; имите ми вѣры, видѣвъ толикій вашъ многотрудный подвигъ, скорблю душею и болѣзную сердцемъ, а прошение ваше совершитися не можетъ». Затѣмъ сослался юный народный избранникъ на свою крайнюю молодость, на трудное положеніе государства, угрожаемаго врагами и потрясеннаго и разореннаго смутой. «А служилые и всякіе люди въ бѣдности,»—заключилъ излюбленный народомъ Государь,—«а дати имъ будетъ ничего: и то имъ всѣмъ ставить отъ насъ не въ милость».

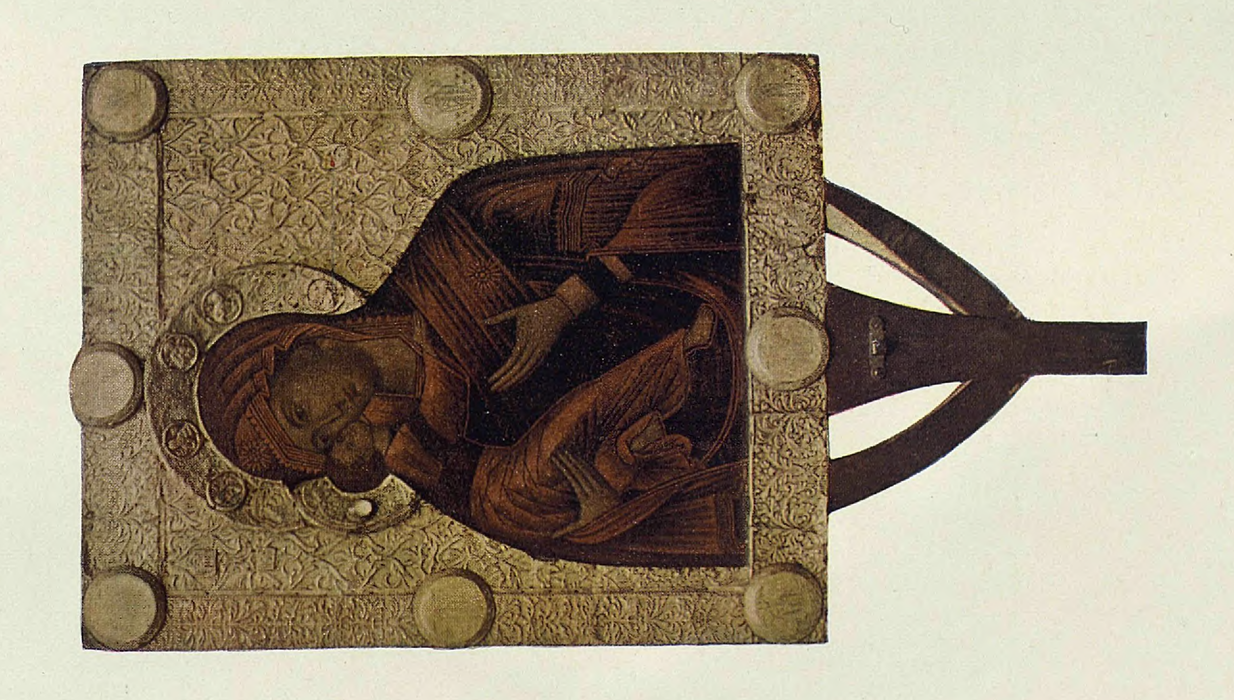
Тогда архіепископъ, бояре и всенародное множество пришли въ отчаяніе. Они прибѣгли къ послѣднему доводу. «Сия ли угодна Вамъі тебѣ великой старице иноке Марфе Ивановне, и сыну твоему, Государю нашему, Михайлу Федоровичю», — плакали неутѣшные послы, — «что насъ бѣдныхъ не пощадити и сирыхъ оставити». Послы прибавляли, что безгосударная Русь станетъ добычей внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, что опять наступитъ междоусобіе и прольется неповинная кровь. И на кого падетъ вина такой конечной гибели родной земли? На это слѣдовалъ отвѣтъ: «И того всего взыщетъ Богъ въ день страшнаго и праведнаго суда на васъ, на тебѣ великой старице иноке Марфе Ивановне и на сыне твоемъ, на тебѣ великомъ государе нашемъ Михаиле Федоровиче, а у насъ о томъ у всѣхъ всего великаго Россійского Царствія, всѣхъ городовъ, отъ мала и до велика, крѣпкой и единомышленной совѣтъ положенъ и крестнымъ целованьемъ утвержденъ: что мимо сына твоего, Государя нашего Михаила Өеодоровича, на Московское Государство Государемъ иного Государя никого не хотѣти и не мыслити о томъ».

Зная, съ какимъ трудомъ было достигнуто единодушіе на соборѣ, какъ народная масса радовалась тому, что «безгосударное» время прекратилось и что выбранъ государь изъ любимой боярской семьи, ближайшей по родству къ угасшей династіи, поймемъ отчаяніе пословъ и сопровождавшаго ихъ народа.

Такое «непреложное моленіе» сломило, наконецъ, твердость духа великой старицы. Она «царское свое сердце на милость преложи, слезныя источники со многимъ умиленіемъ испущая», изъявила свое согласіе благословить сына на царство, разъ такова воля Божія. Выразивъ потомъ свое горячее желанье, чтобъ «святая бъ наша и непорочная истинная крестьянская вѣра сияла на вселенной, якоже подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, а крестьянство бы было въ тишинѣ и въ покое», великая инока Марѳа обратилась къ посламъ, какъ представителямъ всей земли съ увѣщаніемъ, напоминая имъ, чтобъ они «своему Богомъ избранному Государю Михайлу Федоровичю служили и прямили во всемъ безо всякого позыбанья; а къ ворамъ ни хъ какимъ не приставали, и воровства никакого не заводили, и изъ иныхъ государствъ на Московское государство иныхъ Государей и Маринки съ сыномъ не обирали, и имъ не въ чемъ не доброхотали, и съ ними ни о чемъ не ссылалися, по своему вольному крестному целованью, чтобъ и досталь наша истинная православ-

Крестъ, фонарь и икона, несенные во время крестнаго хода 14-го марта 1613 года.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

ная Крестьянская вѣра отъ иновѣрцовъ въ попраніи, а Московское Государство въ конечномъ разореніи не было».

Съ грустью слушалъ юный Михаилъ Θеодоровичъ слова своей любимой матери. Онъ понималъ тяжесть великой отвѣтственности, какая на него возлагалась. «Всевидящее и серца человѣческія зритель Богъ свидѣтель на мя, да и ты моя великая Государыня»,—говорилъ глубокоопечаленный царь,—«что въ мысли моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не взыде; язъ всегда при тебѣ хощу быти, и святое и пресвѣтлое равноангельское жилище твое зрѣти.»

Тутъ глазамъ присутствующихъ представилось трогательное зрѣлище: «Великая же Государыня, старица инока Марѳа Ивановна, во многемъ душевномъ умиленіи и тихости сына своего.... со утѣшеніемъ увещевала». Долго бесѣдовала мать съ своимъ царственнымъ сыномъ и, наконецъ, убѣдила его не противиться волѣ Божіей и принять тяготы высшей власти.

Юный царь обратился къ великому посольству и прочимъ бывшимъ въ соборѣ людямъ и выразилъ свое согласіе на ихъ мольбы. Полный вѣры въ Промыслъ Божій, онъ такъ заявилъ о своемъ рѣшеніи: «Аще на то будетъ воля Божія, буди тако»!

Невыразимая радость охватила присутствующихъ: излюбленный народомъ царь, желаемый всѣми русскими людьми [14]), согласился исполнить просьбы народа и возложилъ на себя бремя царственнаго служенія. Восторженно ликовала 14 марта Кострома, а скоро и вся Русь изъ донесенія пословъ и изъ сообщеній въ разные города узнала о днѣ великаго народнаго торжества. Русскій народъ изстари былъ глубоко монархичнымъ, а бѣдствія «разрухи» и междуцарствія еще болѣе укрѣпили его въ идеѣ, что «безъ государя ни на малое время быть не мочно». И вотъ снова есть государь на Руси и государь свой, русскій, племянникъ благочестиваго, набожнѣйшаго царя Θеодора Ивановича, молодой, ласковый, набожный Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, отрасль любимѣйшаго «изъ великихъ родовъ». Радостно благословилъ на царство архіепископъ Θеодоритъ народнаго избранника и вручилъ ему «царскій посохъ» [15]). Благословилъ затѣмъ рязанскій архіепископъ великую инокиню Марѳу, и началось благодарственное богослуженіе. Послѣ него царь Михаилъ Θеодоровичъ и мать его слушали челобитье пословъ о незамедлительномъ «подвигѣ» ихъ въ Москвѣ. Съ восторгомъ вняло великое посольство милостивому отвѣту, что «походъ ихъ Государской для ихъ моленія къ Москве будетъ вскорѣ».

статьѣ «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ». Названный изслѣдователь съ обычнымъ своимъ мастерствомъ обратился къ анализу источниковъ и извѣстій «объ ограничительной записи» царя Михаила. Онъ раздѣлилъ всѣ источники на двѣ группы: иностранные источники и русскіе. Сведя первую группу къ нѣкоторому единству, профессоръ Платоновъ объяснилъ намъ всю ея ничтожность и непріемлемость. Затѣмъ изслѣдователь проанализировалъ показанія Псковской Лѣтописи и Котошихина и выяснилъ намъ заключающіяся въ нихъ противорѣчія, неясности и запутанности. Въ результатѣ С. Ѳ. Платоновъ неопровержимо показалъ, что и русскіе источники не имѣютъ въ данномъ случаѣ большей цѣнности, чѣмъ ихъ иностранные собратья.

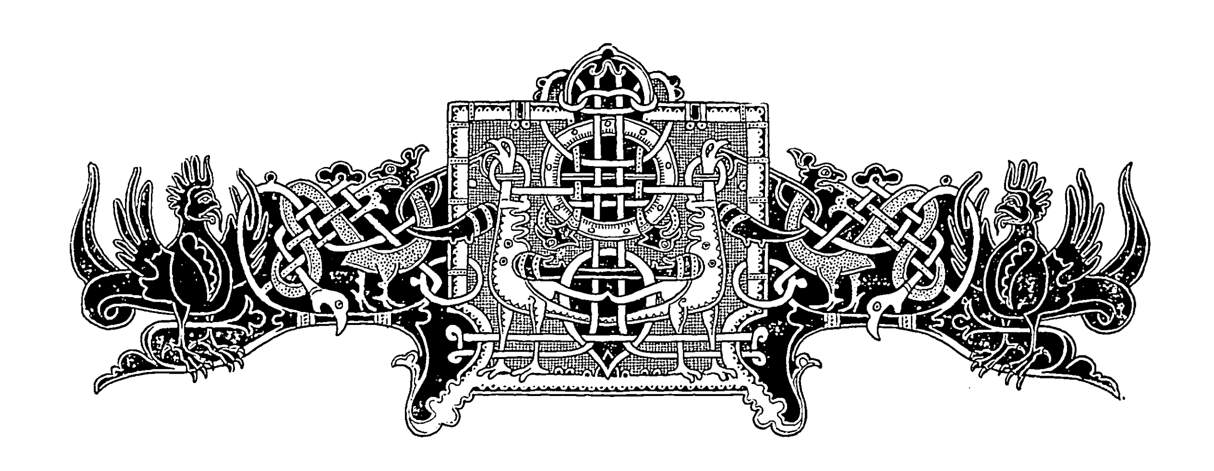
Послѣ этого авторъ интересующей насъ статьи изучилъ условія избранія и первыхъ лѣтъ правленія царя Михаила Ѳеодоровича. Приэтомъ выяснилось, что боярство, разбитое и униженное въ Смуту, не могло повліять на выборъ царя, а слѣдовательно и думать о какихъ-бы то ни было условіяхъ его избранія. Далѣе, земскій соборъ, дѣйствуя въ полномъ единеніи съ своимъ избраннымъ государемъ, также не имѣлъ надобности и желанія ограничивать его власть. И правительство первыхъ временъ царствованія Михаила Ѳеодоровича вслѣдствіе пестроты своего состава было не въ состояніи формально ограничить власть государя. Поэтому профессоръ Платоновъ не вѣритъ существованію «ограничительной записи» или обѣщаній царя Михаила Ѳеодоровича [17]). Во всякомъ случаѣ авторъ «Очерковъ по исторіи Смуты» продолжаетъ думать, что эти «обѣщанія», «вѣроятно, были столь же мало юридически обязательны, какъ и обѣщанія царя Василія».

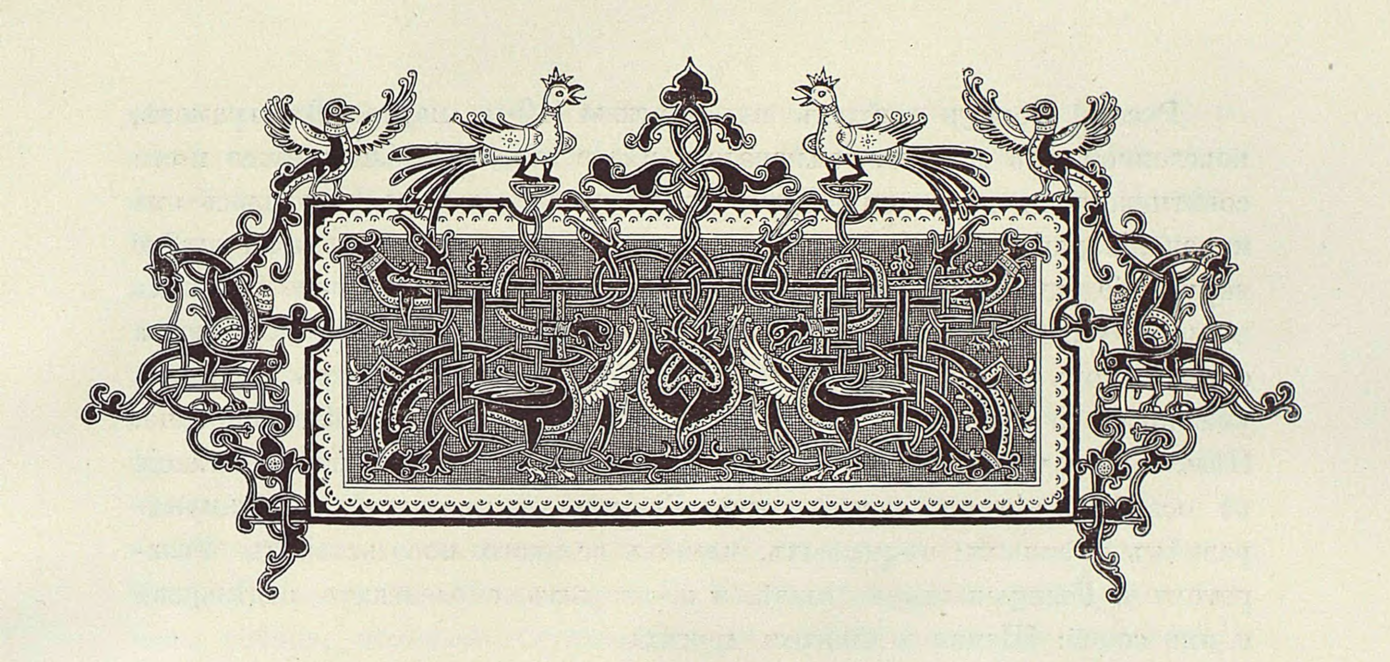
Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣніямъ и наблюденіямъ профессора Платонова. Съ своей стороны думаемъ, что и рѣчи быть не могло о какихъ бы то ни было обѣщаніяхъ царя Михаила Ѳеодоровича [18]). Мы видимъ, какъ долго и настойчиво отказывался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отъ принятія царской власти. Нельзя думать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ соблюденіемъ обычая или политической игрой. Конечно, обычай заставлялъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отказываться отъ высокаго сана и чести. Конечно, выгодно было бы укрѣпить свое положеніе путемъ настойчивыхъ отказовъ отъ власти. Но выставленныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и его матерью причины, дѣйствительно, должны были заставить призадуматься всякаго человѣка, а не только неопытнаго юношу и удрученную многими несчастіями великую старицу Марѳу. Такимъ

образомъ о какихъ бы то ни было «ограниченіяхъ» при избраніи или «прошеніи» на царство никто не могъ и помыслить. А въ позднѣйшее время дать подобныя «обѣщанія» царю Михаилу навѣрное, отсовѣтовали бы тѣ лица, которыя получили особое вліяніе при молодомъ государѣ и которымъ было бы невыгодно какое-бы то ни было ограниченіе его власти.

Говоря объ «обѣщаніяхъ» царя Михаила, всегда проводятъ аналогію между его избраніемъ и воцареніемъ Шуйскаго, или выборомъ Владислава. Но нельзя проводить такихъ аналогій. Шуйскій самъ «учинился на царство» и искалъ поддержки въ боярахъ. Но и то, какъ выяснилъ С. Ѳ. Платоновъ въ своихъ «Очеркахъ», онъ не пошелъ дальше милостиваго манифеста о справедливомъ судѣ. Владиславъ былъ чужеземцемъ. Отъ него надо было оградить Русь. И это сдѣлали въ договорахъ 4 февраля и 17-го августа 1610 года. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ своимъ, русскимъ, излюбленнымъ народной массой царемъ. Народъ ему вѣрилъ и ввѣрялъ своему избраннику власть надъ собой безъ договора и «условій».

При полномъ народномъ довѣріи и искренней радости воцарился Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ надъ Русской землей, которую много лѣтъ защищали и возвеличивали вѣрной службой ея государямъ его предки бояре Романовы-Юрьевы-Захарьины-Кошкины.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вѣнчаніе на царство перваго царя изъ Дома Романовыхъ.

I.

Торжественно провозгласивъ 21 февраля 1613 года Михаила Ѳеодоровича царемъ всея Русіи, земскій избирательный соборъ не сложилъ съ себя полномочій. Онъ продолжалъ править землей: сталъ приводить города къ присягѣ избранному государю, отправилъ къ нему великое посольство «прошати» Михаила Ѳеодоровича на царство и занимался текущими государственными дѣлами. Однимъ изъ важныхъ распоряженій собора надо счесть посылку къ королю польскому Сигизмунду гонцомъ «Коширянина» дворянина Дениса Аладьина, съ грамотой относительно размѣна плѣнныхъ. Мы знаемъ, какъ великіе послы говорили «по наказу» о томъ, что «въ Литву» уже отправлено отъ имени собора предложеніе отпустить изъ плѣна митрополита Филарета въ обмѣнъ на плѣненныхъ въ Москвѣ поляковъ, самымъ виднымъ изъ которыхъ былъ панъ Струсь. И соборъ, дѣйствительно, подумалъ объ освобожденіи государева отца. Съ этой цѣлью и былъ имъ посланъ въ Польшу Аладьинъ [1]).

Русскій гонецъ выѣхалъ изъ Москвы 10-го марта. Въ грамотѣ, повезенной имъ королю, заключалось цѣлое обличеніе Сигизмунда и его совѣтниковъ въ рядѣ неправдъ, почему русскіе люди и отказались отъ признанія царемъ королевича Владислава. Указывалъ соборъ и на грубое нарушеніе королемъ международныхъ обычаевъ и задержку великихъ пословъ. Разсказавъ затѣмъ объ очищеніи столицы русскаго государства отъ поляковъ и объ единодушіи русскихъ людей, соборъ съ умысломъ умалчивалъ о состоявшемся выборѣ на царство Михаила Ѳеодоровича. Цѣль такого умолчанія ясна—надо было добиться скорѣйшаго согласія на освобожденіе государева отца. Грамота и предлагала Сигизмунду размѣнъ плѣнныхъ: во-первыхъ, членовъ великаго посольства съ Филаретомъ и Голицынымъ во главѣ, а во-вторыхъ смоленскихъ сидѣльцевъ и ихъ семей: Шеина и многихъ другихъ.

Соборъ предлагалъ на время размѣна плѣнныхъ заключить перемиріе между Русью и Рѣчью Посполитой. Вслѣдъ за Аладьинымъ въ Варшаву было послано и письмо злосчастнаго Струся. Этотъ, несомнѣнно храбрый и способный военачальникъ, съ жаромъ умолялъ короля: «смилуйся твоя королевская милость, да выми насъ отселѣ изъ вязенья, попомни нашу вѣрную службу». Струсь оправдывался въ сдачѣ Кремля: «не нами то дѣлалось; да нынѣ не непріятели насъ звоевали, лише голодъ неслыханый да страшливой, который у насъ силу нашу отнялъ, да одва насъ живыхъ въ руки отдали непріятелевы: десять недѣль мы ровно ждали отъ Господа Бога и отъ братьи нашей смилованья, а дождаться не могли», «не будетъ милосердья твоего Королевской милости, пана нашего милостиваго, и намъ всѣмъ погибель будетъ!»,—восклицалъ несчастный русскій плѣнникъ [2]).

Аладьинъ пріѣхалъ въ Варшаву и получилъ 8-го іюля 1613 года отъ имени Сигизмунда отвѣтную грамоту для собора. Въ этой грамотѣ король высокомѣрно выговаривалъ собору за его «гордость» и непригожія рѣчи, однако, слагалъ вину въ неудачѣ посольства на самихъ пословъ, будто бы измѣнившихъ своему дѣлу, соглашался на размѣнъ плѣнныхъ [3]). Но онъ не состоялся до 1619 года. Тѣмъ не менѣе нашъ гонецъ воротился благополучно домой, гдѣ «Государь Дениса пожаловалъ, даде ему вотчину» [4]).

Посылка Аладьина была однимъ изъ послѣднихъ совершенно самостоятельныхъ распоряженій собора. Отправивъ великое посольство «прошати» на царство Михаила Ѳеодоровича и выдѣливъ въ него значительную

часть своихъ членовъ, соборъ начинаетъ посылать отписки на имя избраннаго землей государя еще до 14-го марта 1613 года. А 24-го числа этого же мѣсяца въ Москву пришла радостная вѣсть о томъ, что царь Михаилъ Θеодоровичъ «пожаловалъ, прошеніе принялъ, и государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи на Владимерскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ государствахъ Росiйскаго царствія за многимъ моленьимъ и челобитьемъ учинился въ царскомъ нареченіи» [5]). Съ этого дня соборъ все время находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ и своими великими послами, пока не уступаетъ мѣста обычному правящему кругу и учрежденію: «бояромъ», во главѣ которыхъ становится старѣйшій по отечеству бояринъ князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій [6]). Къ этому времени многіе изъ членовъ собора, особенно служилые люди, переѣзжаютъ къ государю [7]). Но соборъ остается въ Москвѣ, и къ нему иногда обращаются въ важныхъ случаяхъ [8]). Менѣе замѣтны становятся воеводы подмосковныхъ ратей, очищавшихъ Москву, но и они, повидимому, играютъ еще нѣкоторую роль въ правительственномъ механизмѣ въ это переходное время [9]).

Всѣ названные нами лица и учрежденія съ 14-го марта 1613 года являются лишь исполнителями и совѣтниками велѣній царской власти. Къ царю Михаилу Θеодоровичу обращаются теперь всѣ съ челобитьями, просьбами, жалобами—онъ дѣлаетъ распоряженія и издаетъ указы. До 23-го марта 1613 года онъ дѣйствуетъ черезъ великихъ пословъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ просьбу ихъ отъ 17-го марта, въ которой они напоминаютъ митрополиту Кириллу съ освященнымъ соборомъ и боярину князю Θедору Ивановичу Мстиславскому «съ товарищи» о скорѣйшей присылкѣ подлиннаго боярскаго списка и государевой печати. О присылкѣ какъ списка, такъ и «печати» послы писали «многижды» въ Москву, а между тѣмъ «у насъ, господа»,—напоминаетъ Θеодоритъ и Шерметевъ за себя и своихъ товарищей,—«за государевой печатью многіе государевы грамоты стали» [10]). Великое посольство, находясь при государѣ долгое время послѣ «нареченія» его, не теряетъ своего значенія. Оно является въ иныхъ случаяхъ посредствующимъ звеномъ между государемъ и соборомъ до самаго пріѣзда молодого царя въ столицу [11]). Но съ 23-го марта царь Михаилъ Θеодоровичъ, переѣхавшій 21 марта въ Ярославль, прожившій здѣсь до 16-го апрѣля [12]), а затѣмъ медленно подвигавшійся къ Москвѣ, чаще всего дѣйствуетъ путемъ непосредственныхъ указовъ и распоряженій. Въ этотъ именно день государь отправилъ

въ Москву извѣстительную грамоту о своемъ согласіи принять народное избраніе и о томъ, что онъ «учинился» государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси, послѣ того, какъ «положился» на волю Божію и на вѣрность русскихъ людей. Мать царя Михаила Θеодоровича особой грамотой извѣстила соборъ о томъ, что она «благословила» сына своего на царство. Обѣ грамоты оканчивались обѣщаніемъ скоро прибыть въ Москву [13]).

Не знаемъ точно, кто явился совѣтникомъ юнаго царя на первыхъ порахъ его дѣятельности. Извѣстно только, что первое мѣсто при Михаилѣ Θеодоровичѣ скоро заняли его родственники, братья Салтыковы: Борисъ и Михаилъ Михайловичи [14]). Близокъ къ царю былъ и великій посолъ, бояринъ Θ. И. Шереметевъ [15]).

Во всякомъ случаѣ царь Михаилъ Θеодоровичъ сразу усвоилъ себѣ властный и независимый тонъ, какъ по отношенію къ собору, такъ и съ правившими Москвой боярами, «Θедоромъ Мстиславскимъ съ товарищи». Это объясняется положеніемъ государя, излюбленнаго всей землей [16]). «Подвигъ» свой къ Москвѣ царь Михаилъ Θеодоровичъ совершалъ очень медленно и имѣлъ на это основательныя причины. Конечно, ему мѣшало дурное состояніе дорогъ. Царю съ его «поѣздомъ» нужно было по крайней мѣрѣ дней 8-мь, чтобы отъ Ярославля достигнуть Москвы [17]). Но Михаилъ Θеодоровичъ земедлилъ приходомъ въ столицу до 2-го мая. Это объясняется не однѣми только трудностями пути. Надобно было привести въ приличный видъ Московскій дворецъ, въ которомъ могъ бы имѣть свое пребываніе русскій государь. Московское разоренье сказывалось на каждомъ шагу, и царскія палаты раздѣлили участь многихъ другихъ зданій. И для матери царя, иноки Марθы, надо было озаботиться ремонтомъ и устройствомъ подобающаго помѣщенія [18]).

Но главную заботу, безпокойство и огорченіе молодому государю причиняли «атаманы и казаки». Не говоря уже о воровскихъ шайкахъ Заруцкаго и иныхъ подобныхъ вождей, и тѣ казаки, которые считались вѣрными государству «служилыми» людьми доставляли много хлопотъ высшему правительству. Сначала они докучали ему своими безпрестанными челобитьями о жалованьѣ и кормѣ. И правительство старалось всемѣрно удовлетворить ходатайства «атамановъ и казаковъ» [19]). Но послѣдніе привыкли къ безначалью и своеволію во время Смуты и «разрухи». Они не удовольствовались «жалованьемъ и кормомъ», а принялись за воровство и грабежи подъ самой Москвой [20]). Это опечалило и

возмутило царя и его мать, великую старицу иноку Мареу. Великимъ посламъ пришлось во время пребыванія царя въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ выслушать гнѣвныя рѣчи своего государя и передать ихъ земскому собору [21]).

26 апрѣля Михаилъ Θеодоровичъ и мать его «государыня великая старица инока Мароа Ивановна призвали» къ себѣ митрополита казанскаго Ефрема, присоединившагося въ то время къ царскому «походу» [22]), и все великое посольство и «на соборѣ говорили съ великимъ гнѣвомъ и со слезами, жалѣючи о православныхъ крестьянахъ, что грабежи и убивства на Москвѣ, и по городамъ, и по дорогамъ встали воры великіе, и православнымъ крестьянамъ, своей единокровной братьѣ, чинятъ нестерпимые смертные муки и убивства, и кровь крестьянскую льютъ безпрестани». Государь напомнилъ земскимъ людямъ, что онъ согласился принять народное избраніе подъ условіемъ, что всѣ люди Московскаго государства будутъ ему «служить и прямить», и «другу друга любить, и крови крестьянскіе межусобные не вчинать, а быти всѣмъ въ любви и въ соединеньи». Между тѣмъ «на Москвѣ и по городамъ и по дорогамъ грабежи и убивства,... православныхъ крестьянъ бьютъ и грабютъ, позабывъ свое волное крестное цѣлованье, и дороги всѣ затворили гонцомъ къ Москвѣ изъ городовъ, и съ Москвы въ городы никого служивыхъ и торговыхъ людей съ товары и ни съ какими запасы не пропустятъ». Поэтому молодоі царь «къ Москвѣ на свой царскій престолъ, отъ живоначальные Троицы изъ Сергіева монастыря идти не хочетъ, толко всего Московского Государства всѣхъ чиновъ люди въ соединенье не придутъ, и кровь крестьянская литися не перестанетъ». Отъ всѣхъ неурядицъ, грабежей и насилій по дорогамъ, государь и его мать «учинилися въ великомъ сумнѣньи» и бросили въ лицо посольства горькій упрекъ: «вы де намъ били челомъ и говорили, что Московскаго Государства люди всѣ пришли въ чювство, и отъ воровства отстали, и вы де намъ били челомъ и говорили ложно,... что всякіе люди перестали отъ всякаго дурна»... [23]).

Земскіе послы, «слыша такія слова отъ Государя и опалу, стали въ великой скорби» и отправили къ земскому собору отписку, въ которой совѣтовали принять самыя строгія мѣры противъ «воровства»: грабежей и убійствъ и прислать къ царю грамоту съ просьбой ускорить пріѣздъ «на свой царскій престолъ» въ Москву. «А мы господа,—писали Θеодоритъ и Шереметевъ отъ лица всего посольства,—«Государю царю

и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу всеа Русіи и матери его, государынѣ великой старицѣ инокѣ Марөѣ Ивановнѣ бьемъ челомъ безпрестани, чтобъ Государь милость показалъ, шелъ на свой царскій престолъ къ Москвѣ». Эту отписку въ виду ея важности повезли въ Москву чудовскій и новоспасскій архимандриты, стольникъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ и многіе другіе члены великаго посольства «изъ всѣхъ чиновъ всякихъ людей [24]).

Отправка этой депутаціи отъ посольства состоялась 28-го апрѣля [25]), а на другой день земскому собору была послана и царская грамота. Въ ней государь писалъ: «при своемъ государствѣ слышимъ на Москвѣ и подъ Москвою по дорогамъ воровство, грабежи и убивства великіе не престанутъ, и за чѣмъ къ Москвѣ никто изъ городовъ ни съ чѣмъ не ѣдутъ, и о томъ мать наша, великая старица инока Марөа Ивановна, и мы конечно и вседушно скорбимъ, и за тѣмъ къ Москвѣ итти не хотимъ». Такія рѣчи, по собственнымъ словамъ царя, онъ говорилъ великому посольству, и только просьбы послѣдняго нѣсколько смягчили разгнѣваннаго и опечаленнаго государя. Онъ указывалъ земскому собору на необходимость принятія строгихъ мѣръ противъ воровства и на то, чтобъ «ни кому бы за тѣхъ воровъ не стоять» [26]).

Гнѣвъ государя возымѣлъ важныя послѣдствія, такъ какъ были, наконецъ, приняты дѣйствительныя мѣры противъ «воровства». Земскій соборъ очень встревожился, получивъ вѣсти объ неудовольствіи и «великомъ сумнѣньи» государя и его матери, и сталъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ выслалъ нѣсколько «посылокъ» изъ Москвы съ цѣлью поимки «воровъ», расписалъ въ столицѣ «объѣзжихъ головъ», и велѣлъ «заказъ крѣпкій учинить, чтобъ «на Москвѣ» «во всѣхъ слободахъ и въ казачьихъ таборахъ» «одноличпо воровства и корчемъ не было нигдѣ». «Атаманы и казаки», оставшіеся вѣрными правительству, «межъ себя нынѣ, для большаго укрѣпленія велѣли дву атаманомъ у одного атамана черезъ день, его станицы казаковъ смотрѣть и котораго вора сыщутъ, никакъ его не потаятъ» [27]).

Постаравшись обуздать такимъ образомъ своеволіе казачьихъ массъ [28]), соборъ не замедлилъ отправкой Государю торжественной делегаціи отъ своего имени. Въ составъ ея вошли архіепископъ суздальскій Герасимъ, бояре князь Иванъ Михаил. Воротынскій, Василій Петровичъ Морозовъ, окольничій князь Данило Ив. Мезецкой [29]), дьякъ Андрей Ивановъ, служилые и «всякихъ чиновъ» люди. «Пріѣхавъ ко Государю на станъ», делегація

Вѣнчаніе царя Михаила Θеодоровича на царство.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

должна была «свидитися» съ митрополитомъ Ефремомъ» и съ тѣмъ... «которые на передъ сего посыланы къ Государю въ челобитчекѣхъ» и «бити челомъ» царю Михаилу Θеодоровичу и его матери, чтобъ онъ государь умилосердился надо всѣми православными крестьяны, шелъ бы государь на свой царскій престолъ къ Москвѣ и походомъ бы своимъ не замѣшкалъ, и Московскаго государства всякихъ людей приходомъ своимъ учинилъ радостныхъ [30]). Съ просьбами «бить челомъ» государю соборъ обратился также къ митрополиту Ефрему и своимъ великимъ посламъ, Θеодориту и Шереметеву «съ товарищи» [31]).

Съ дѣломъ отправки къ царю новаго посольства очень спѣшили: дьяку было поручено, написавъ наказъ и «грамоту противъ наказу отпустить сейчасъ, не выходя изъ избы» [32]).

Архіепископъ Герасимъ и князь Воротынскій «съ товарищи» застали государя «на стану въ Братошинѣ», гдѣ и были приняты въ тотъ же день, 1-го мая. Царь Михаилъ Θеодоровичъ объявилъ имъ, что «Государь на свой царскій престолъ къ Москвѣ идетъ, «а будетъ . . . . . на послѣдній станъ отъ Москвы, въ Топинское, мая въ 1 день, а къ Москвѣ . . . мая во 2 день» [33]).

И дѣйствительно, 2-го мая, въ весенній воскресный день многочисленныя толпы ликующаго народа имѣли счастье видѣть въѣздъ въ столицу излюбленнаго всей землей государя. Слѣдуя благочестивому обычаю и влеченію набожнаго сердца, царь Михаилъ Θеодоровичъ поклонился Московскимъ святынямъ, отслушалъ благодарственный молебенъ и «возведенъ бысть въ царскій его домъ» [34]).

Понятны были чувства, волновавшія москвичей, да и остальныхъ русскихъ людей, 2-го мая 1613 года. Къ глубокой радости народа порядокъ явно торжествовалъ надъ смутой и правильная жизнь государства несомнѣнно налаживалась прочнѣе и крѣпче.

II.

Послѣ торжественнаго въѣзда царя въ Москву рѣшено было озаботиться составленіемъ грамоты объ избраніи Михаила Θеодоровича «на превысочайшій престолъ Россійскаго царствія». По изготовленіи грамоты въ теченіе многихъ мѣсяцевъ собирались подъ ней подписи «властей», «синклита» [35]) и выборныхъ изъ городовъ [36]).

Въ то же время земскій соборъ, исполняя желаніе народа, обратился къ царю съ усиленной и единодушной просьбой о скорѣйшемъ вѣнчаніи

на царство. «И прiидоша ко государю всею землею»,—повѣствуетъ Новый Лѣтописецъ,—«со слезами бити челомъ, чтобы Государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцемъ». Молодой государь назначилъ днемъ своего вѣнчанiя на царство воскресенье 11-го iюля 1613 года, канунъ дня своего Ангела. При этомъ, чтобы не омрачать величайшаго торжества Русской земли мѣстническими счетами, Царь Михаилъ Θеодоровичъ указалъ «для своего царскаго вѣнца, во всякихъ чинѣхъ быть безъ мѣстъ» [37].

Въ день своего вѣнчанья государь пожаловалъ саномъ боярства своего родственника князя Ивана Борисовича Черкасскаго и славнаго вождя нижегородскаго ополченiя, стольника Дмитрiя Михайловича Пожарскаго [38]. А затѣмъ въ день своего Ангела, 12-го iюля 1613 года, «пожаловалъ государь въ думные дворяне Кузму Минина» [39]. Зная московскiе порядки и обычаи, не можемъ не согласиться съ покойнымъ И. Е. Забѣлинымъ, что награды, данныя Пожарскому и Минину, были чрезвычайными въ соотвѣтствiи съ необычайными заслугами знаменитыхъ нижегородскихъ вождей передъ государствомъ [40].

Самое вѣнчанiе царя Михаила Θеодоровича на царство происходило слѣдующимъ образомъ [41]. Подъ наблюденiемъ казначея Никифора Вас. Траханiотова, «земскаго» Θеонасья Зиновьева и дьяковъ Хвитскаго и Шипова въ Успенскомъ соборѣ было устроено покрытое дорогимъ «черленымъ сукномъ» царское мѣсто. На немъ былъ поставленъ «Государю Царю и Великому Князю престолъ «персидской золотъ» и митрополиту Ефрему, совершавшему чинъ вѣнчанiя, «стулъ». «Для царскаго чину» былъ устроенъ близъ царскихъ вратъ собора особый «налой». По полу собора въ мѣстахъ, по которымъ долженъ былъ проходить царь, былъ «постланъ черчатъ поставъ», поверхъ котораго передъ самымъ вѣнчанiемъ надлежало разослать «бархаты черчаты».

Наканунѣ царскаго вѣнчанiя отслужены были торжественныя всенощныя во всѣхъ московскихъ церквахъ. На другой день «во второмъ часу дня» состоялся выходъ государя изъ «Царскихъ постельныхъ хоромъ» въ Золотую палату, куда были призваны всѣ бояре, «а воеводамъ и княжатамъ и всѣмъ своимъ чиновникамъ» Царь «велѣлъ быти передъ Золотою палатою въ сѣнехъ въ золотномъ нарядномъ платьѣ».

Послѣ этого въ Успенскомъ Соборѣ собрались митрополиты, архiепископы «и весь освященный соборъ» и ожидали тамъ появленiя «святаго животворящаго креста и святыя бармы и скифетра и царскаго вѣнца» [42]. За царскимъ чиномъ были посланы «на казенный дворъ» бояринъ князь

Тронъ царя Михаила Θеодоровича.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, казначей Траханіотовъ и протопопъ съ 2-мя діаконами. Принесенный къ царю въ Золотую палату «царскій чинъ» съ торжественной церемоніей былъ перенесенъ въ Успенскій соборъ при перезвонѣ Кремлевскихъ колоколовъ. Въ перенесеніи его участвовали бояре Вас. П. Морозовъ и князь Дм. Мих. Пожарскій, казначей Траханіотовъ, дьяки Сыдавный Васильевъ и Алексѣй Шапиловъ. Въ соборѣ «Царскій санъ» встрѣтило высшее духовенство и возложило его на приготовленномъ «налоѣ». «А около налоя .... предстояли тѣ же посланные бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, да казначей Микифоръ Васильевичъ съ товарищи, и берегли со страхомъ и съ трепетомъ, чтобъ никто же отъ простыхъ людей прикоснулся того Царскаго сану и вѣнца. А бояринъ Василій Петровичъ Царю и Великому Князю сказалъ, что уготовано все по его Царскому приказу».

Тогда состоялся выходъ Государя въ Успенскій Соборъ. Передъ царемъ шелъ бояринъ В. П. Морозовъ, а съ нимъ всѣ окольничіи и 10-ть стольниковъ. За ними слѣдовалъ въ епитрахилѣ протопопъ и кропилъ царскій путь святой водой. Наконецъ, шелъ царь Михаилъ Өеодоровичъ, сопровождаемый боярами, и «прочими вельможами», за которыми шло «множество людей всякаго чину». По сторонамъ процессіи толпилось «всенародное многое множество православныхъ крестьянъ, имъ же нѣсть числа и всѣ предстояли со страхомъ и съ великимъ вниманіемъ по своимъ мѣстамъ .... и славили Бога и дивишась Царскому чудному происхожденію». Порядокъ оберегали стрѣлецкіе головы, сотники и стрѣльцы.

Государь прослѣдовалъ въ церковь и при пѣніи многолѣтія «ходилъ молитися и знаменоватися ко святымъ иконамъ и къ великомъ чудотворцамъ», послѣ чего «пріиде къ Митрополиту благословитися».

Тѣмъ временемъ окольничіи и стольники и «всякіе чиновники, ходя по всей церкви уставливали народы, чтобъ стояли со всякимъ молчаніемъ и кротостію и цѣломудріемъ и вниманіемъ». Царь отошелъ тогда къ патріаршему мѣсту, гдѣ и слушалъ торжественное молебствіе.

Послѣ молебна митрополитъ Ефремъ «со всѣми властьми» «пріиде» къ Царю и Великому Князю «и возведе Царя и Великаго Князя на чертожное мѣсто». «И взошедъ, Царь и Великій Князь и Митрополитъ сѣдоша на своихъ мѣстахъ, а власти сѣли по своимъ мѣстамъ». Остальные присутствовавшіе стояли въ благоговѣйномъ молчаніи и «ожидали рѣчи Царя и Великаго Князя къ Митрополиту».

И вотъ, «посидѣвъ мало», царь всталъ и произнесъ, обращаясь къ митрополиту Ефрему рѣчь, въ которой вкратцѣ упомянулъ объ угасшей династіи и о смутномъ времени, наставшемъ послѣ того, какъ «за умноженіе грѣхъ нашихъ Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи безчаденъ оставя земное Царство, отыде къ вѣчному блаженству». Затѣмъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ перешелъ къ своему избранію на царскій престолъ. «А нынѣ всесильнаго въ Троицѣ Славимаго Бога нашею милостію и неизреченными его судьбами и по племени по дядѣ нашемъ, хваламъ достойнаго, по Великомъ праведномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, всея Русіи Самодержцѣ, вы богомольцы наши Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и атаманы, и казаки, и гости, и всякіе служилые и жилецкіе люди всенародное множество всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго Царствія, изобрали на сей Царскій престолъ на Россійское государство насъ Великого Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи Самодержца. И вы бъ богомольцы наши»,—закончилъ Государь свою рѣчь,—«по Божіей милости и по данной благодати святаго Духа, а по вашему и всего Московскаго Государства всякихъ чиновъ людей избранью, насъ Великаго Государя на тѣ наши великія Государства благословили и вѣнчали Царскимъ вѣнцемъ и діадимою, по прежнему нашему Царскому чину достоянью».

По окончаніи царской рѣчи митрополитъ Ефремъ далъ благословеніе государю и произнесъ отвѣтную рѣчь. Построенная также какъ и царская, но болѣе подробная рѣчь архипастыря Казанскаго отличалась отъ нея нѣкоторыми частностями, не лишенными интереса. Такъ, упомянувъ о Гришкѣ Отрепьевѣ, митрополитъ остановился на помощи, оказанной ему королемъ Сигизмундомъ и радными панами; они даже явились подстрекателями злаго еретика Гришки. Говоря о царѣ Василіи Шуйскомъ, митрополитъ казанскій отмѣтилъ «что Царь Василій Ивановичъ по нашему челобитью, Государство оставилъ». Но съ особой подробностью разсказалъ митрополитъ Ефремъ о договорѣ съ Сигизмундомъ, великомъ посольствѣ, коварствѣ и вѣроломствѣ поляковъ [43]), задержаніи великихъ пословъ, гибели въ Москвѣ «дерзосердаго страдальца» [44]) Патріарха Гермогена, несчастьяхъ занятой врагами столицы и бѣдствіяхъ въ ней самого царя и его матери. Затѣмъ казанскій владыка указалъ, что, «видѣвъ се зло и неправду Жигимонта Короля и разоренье Московскому Государ-

Вѣнецъ, скипетръ и держава царя Михаила Θеодоровича.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

ству», русскіе люди дружно стали противъ враговъ и очистили отъ нихъ Москву. «А нынѣ всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, на насъ милость свою показалъ, подаровалъ намъ на великія Государства Россійскаго царствія, по племени дядѣ вашемъ, хваламъ достойнаго по Великомъ праведномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Өеодорѣ Ивановичѣ, всея Русіи Самодержцѣ, тебя Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи Самодержца, Государя благочестива, и по православной Хрестьянской вѣрѣ поборателя». Затѣмъ митрополитъ Ефремъ отъ лица всего освященнаго собора заявилъ, что благословляетъ и вѣнчаетъ царя «по Божіей волѣ и по племени дяди» государева «и по избранію всѣхъ чиновъ людей всего» «Россійскаго Царствія», и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Превысочайшую же честь и вышехвальную славу Царствія вѣнецъ на главу свою воспріими, его же взыска отъ древнихъ лѣтъ Великій Государь Владиміръ Мономахъ, чтобъ намъ отъ васъ Великаго Государя отъ вашего Царскаго прекрасно цвѣтущаго корени пресвѣтлая и прекрасная вѣтвь процвѣла, въ надежу и въ наслѣдіе всѣмъ Великимъ Государствомъ Россійскаго Царствія».

За рѣчами царя и митрополита Ефрема послѣдовало царское вѣнчаніе, послѣ котораго духовенство, а за ними «бояре творили поклоненіе и поздравленіе Боговѣнчанному Царю и Великому Князю и вси людіе».

«И потомъ»,—какъ сказано въ чинѣ вѣнчанія,—«поучи Митрополитъ Царя и Великаго Князя о полезномъ» [45]). Во время послѣдующей затѣмъ литургіи царь Михаилъ Өеодоровичъ стоялъ «въ своемъ царскомъ сану», снявъ и отдавъ его только на время совершеннаго надъ нимъ мvропомазанія. Тогда «Царскій вѣнецъ» «постави на златомъ блюдѣ, повелѣ держати сродичемъ своимъ Ивану Никитичу». «А скиөетръ держа бояринъ же Князь Дмитрій Тимоѳѣевичъ Трубецкой». «Яблоко царского чина держа бояринъ же Князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій, близъ себѣ на уготованномъ мѣстѣ, до совершеннаго времени». Послѣ мvропомазанія государь причастился Св. Таинъ.

По окончаніи богослуженія царь въ вѣнцѣ на главѣ и со скипетромъ въ рукѣ снова принималъ поздравленіе отъ духовенства и «зва» его «хлѣба ясти».

Изъ Успенскаго Собора Вѣнценосецъ отправился въ Архангельскій и Благовѣщенскій Соборъ. При выходѣ изъ каждаго собора государя осыпалъ «потрижды» «золотыми и серебряными деньгами» бояринъ Князь Өеодоръ Ивановичъ Мстиславскій и казначей Н. В. Траханіотовъ. Изъ

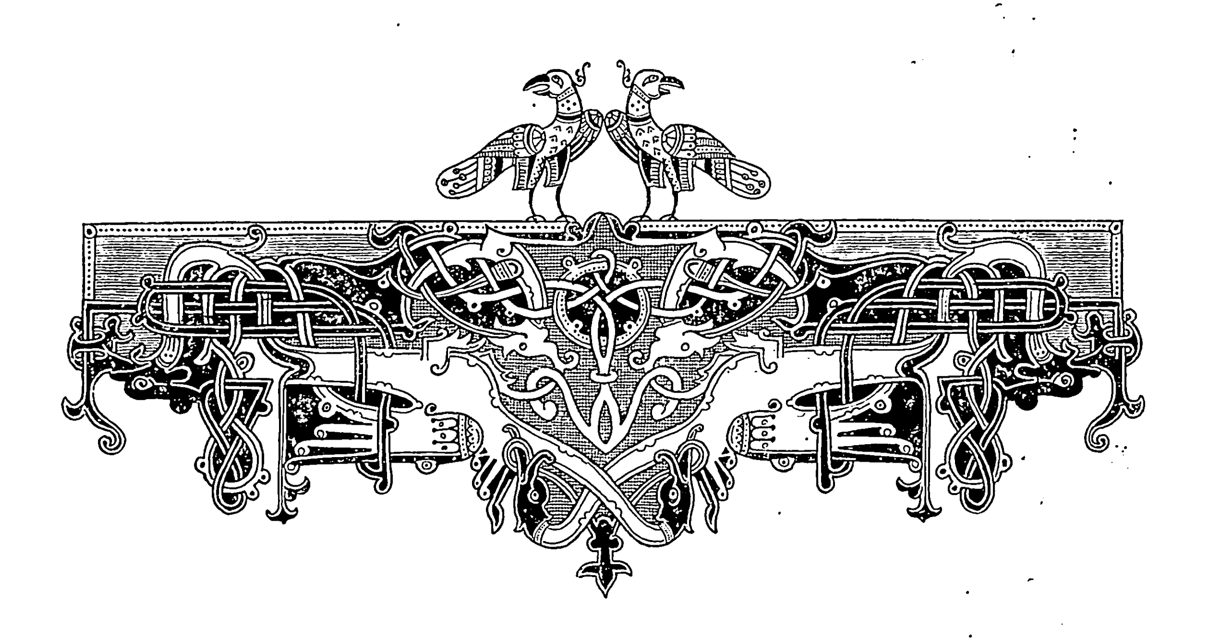
Благовѣщенскаго собора Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прослѣдовалъ «въ свои Царскія палаты». Этимъ и закончилось царское вѣнчаніе.

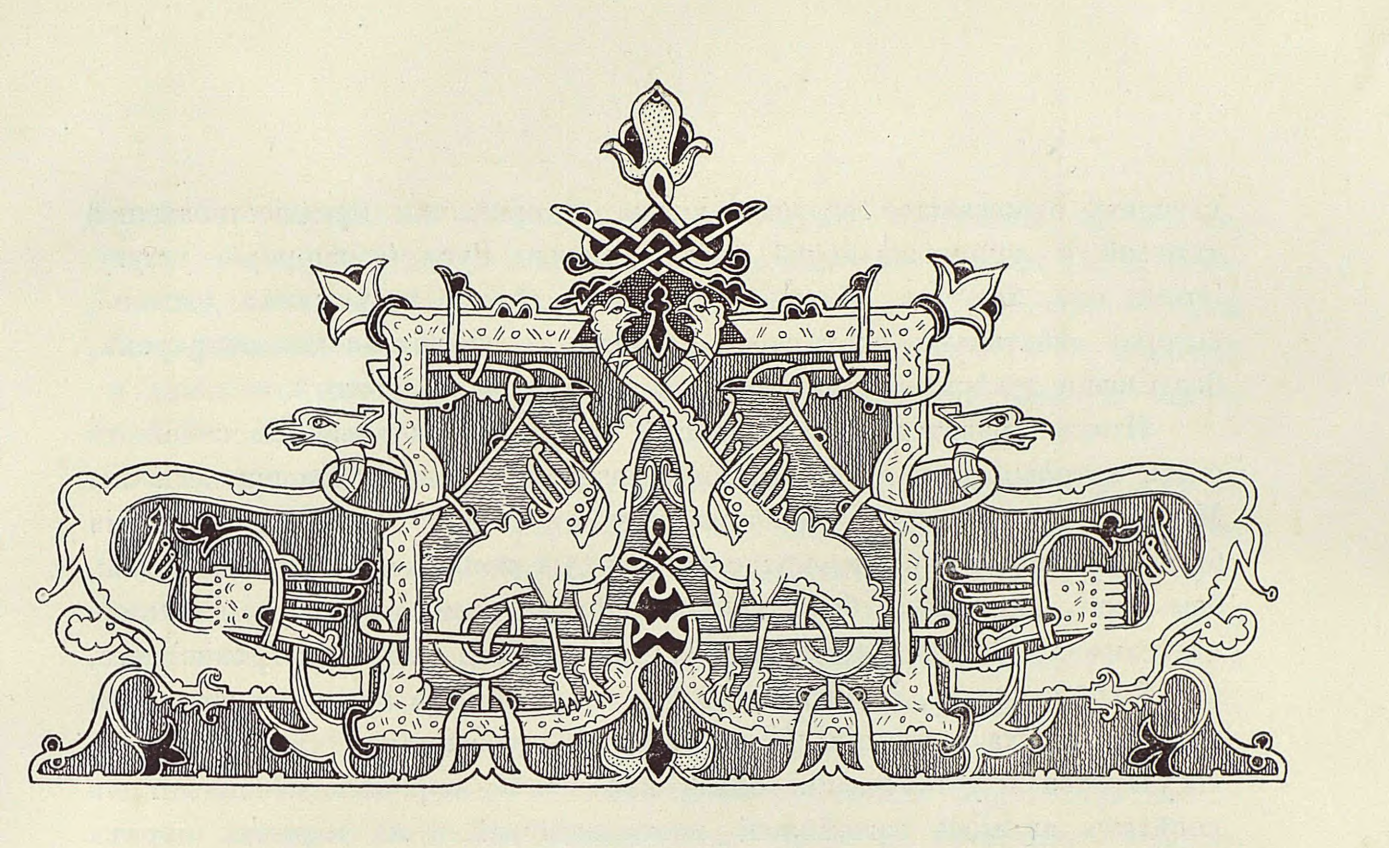
По старому обычаю «Царское постланное мѣсто весь народъ обоима, каждо что взя на честь постановленія».

По доброму старому обычаю не были забыты въ день царскаго вѣнчанія и обездоленные судьбой бѣдняки. Слѣдуя тому же обычаю, Царь давалъ по случаю «своего вѣнца» честные пиры духовенству, боярамъ и вельможамъ.

Шумно и весело было въ Москвѣ въ день святаго царскаго торжества. Сознавали русскіе люди, что «паки наста весна благодатнаго бытія и простирается струя свѣтлотекущаго житія», чувствовали они, что великая держава, какъ «доброрастное и красноцвѣтущее древо, еже тѣснотами лютыя зимы завядши смирися, но нынѣ паки при лѣтней теплотѣ свѣтлостію усмѣхнувшися и процвѣте» [46]).

Много еще предстояло труда надъ укрѣпленіемъ порядка и возстановленіемъ силъ страны, но радостное сознаніе того, что Смута окончательно побѣждена и что Русь «не безгосударна», окрыляло теперь нашихъ предковъ и помогало имъ въ ихъ тяжелой работѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Первые годы царствованія Михаила Θеодоровича и возвращеніе изъ плѣна государева отца.

I.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ и его мать, великая старица Марθа Ивановна, совершенно вѣрно оцѣнивали тяжелое положеніе Россіи, потрясенной Смутой и «разрухой». И казна царская была пуста, и служилые люди бѣдны, и враги грозили Руси, и свои «воры» довершали ея разоренье. Правда многіе русскіе люди «показались» и «пришли въ соединеніе», но долго еще грабежи, разбои, хищничество и своеволіе, печальное наслѣдіе Смутной поры, терзали нашу родину не менѣе, чѣмъ внѣшніе ея непріятели. Нужно было много силъ и умѣнья, чтобы вывести страну изъ полуанархіи на путь естественнаго развитія и упорядоченной нормальной жизни. И въ этомъ отношеніи правительство первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Θеодоровича, во многихъ

случаяхъ отражавшее на себѣ нравы и привычки предшествовавшей тяжелой и деморализующей эпохи, оказало Руси безспорную услугу. Этимъ оно, конечно, обязано участію въ дѣлахъ государства «земли», которая дѣйствовала въ тѣсномъ единеніи съ излюбленнымъ ею царемъ, безусловно довѣряя его несомнѣнной нравственной чистотѣ.

Итакъ правительство и «земскій соборъ» представляютъ собой тѣ силы, которыя надо имѣть въ виду, изучая первые годы царствованія Михаила Θеодоровича. Ознакомившись съ ними и тѣми мѣрами, какія были ими придуманы и осуществлены для пополненія царской казны, безъ чего немыслима была сколько-нибудь правильная государственная дѣятельность, [1]) намъ возможно будетъ перейти къ разсмотрѣнію того, что было сдѣлано для ликвидаціи Смуты въ первое время по воцареніи родоначальника династіи Романовыхъ. А безспорно, что успокоеніе государства и установленіе болѣе или менѣе мирныхъ отношеній къ сосѣдямъ являлось важнѣйшей, неотложнѣйшей и на первыхъ порахъ единственной задачей царя Михаила Θеодоровича и его правительства, включая въ него и «земскій соборъ» [2]).

Какъ показали новѣйшія изысканія, правительство царя Михаила Θеодоровича было необыкновенно пестро по своему составу. «Новый государь оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе. Не было ни одной опалы, ни одного удаленія въ пору «нареченія новаго монарха». Поэтому у власти остались и «седмичисленные бояре» съ княземъ Θ. И. Мстиславскимъ во главѣ. Изъ нихъ выдѣлились особенно близкіе къ государю по родству: дядя его Иванъ Никитичъ Романовъ, Θ. И. Шереметевъ и Б. М. Лыковъ. Остались и были замѣтны и бояринъ-тушинецъ, а затѣмъ предводитель подмосковныхъ ополченій князь Дм. Т. Трубецкой и знаменитый вождь Нижегородцевъ, князь Дм. Мих. Пожарскій. И думный дворянинъ Козьма Мининъ-Сухорукъ принималъ участіе въ финансовыхъ дѣлахъ, гдѣ его способности находили себѣ надлежащее примѣненіе. И изъ приказной среды царь Михаилъ Θеодоровичъ унаслѣдовалъ дѣльцовъ, служившихъ въ Смутную эпоху разнымъ властямъ, до воровскихъ включительно. Особенно выдвигались дьяки-тушинцы. Они преуспѣвали по службѣ, во-первыхъ, потому, что Тушино щедрѣе было на всякаго рода пожалованья; поэтому, когда сошлись и тушинцы, и нижегородцы, и московскіе приказные люди, первые заняли наиболѣе видныя мѣста. Во-вторыхъ, тушинскіе дьяки выдѣлялись способностями и дѣловитостью. Они заражены были лихоим-

ствомъ и вводили въ практику дурные пріемы управленія, но они же, какъ правильно думаетъ о приказныхъ людяхъ того времени Ст. Б. Веселовскій,—«съ удивительной постепенностью, обходя и временно оставляя безъ рѣшеній множество щекотливыхъ вопросовъ, борятся съ анархіей и выводятъ наконецъ черезъ нѣсколько лѣтъ государственную власть изъ неустойчиваго равновѣсія».

Не трогая старыхъ правительственныхъ лицъ, привлекая ихъ къ дѣламъ и выдвигая даже нѣкоторыхъ изъ нихъ, царь Михаилъ Өеодоровичъ естественнымъ образомъ далъ ходъ своей ближайшей роднѣ и довѣреннымъ, приближеннымъ къ семьѣ Никитичей людямъ. Такъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ объ особомъ значеніи въ правительствѣ братьевъ Салтыковыхъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать князя Ив. Бор. Черкасскаго и князя Ив. Ө. Троекурова, двоюродныхъ братьевъ царя, чашника, князя Аө. Вас. Лобанова-Ростовскаго, постельничаго Конст. Ив. Михалкова и казначея Ник. Вас. Траханіотова. Далѣе въ извѣстномъ приближеніи къ государю стояли родственные ему князья Черкасскіе и Сицкіе, Головины, Морозовы, Салтыковы. Эти то лица и составляли высшую правящую среду до самого возвращенія изъ далекаго плѣна государева отца, митрополита, впослѣдствіи патріарха, Филарета Никитича.

Признавая за правительствомъ царя Михаила Өеодоровича, не смотря на промахи, ошибки и злоупотребленія многихъ лицъ изъ его среды, большія и безспорныя заслуги въ дѣлѣ возстановленія государственнаго порядка, нельзя отрицать и того, что само населеніе охотно шло навстрѣчу дѣятельности государственной власти въ этомъ направленіи. Поэтому и органъ, посредствомъ котораго населеніе помогало Царю и его правительству во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ того времени, земскій соборъ, дѣйствовалъ энергично для оздоровленія государственнаго организма. При этомъ надо отмѣтить, что до самого 1622 года земскій соборъ дѣйствуетъ непрерывно. Налаживая порядокъ, молодой царь нуждался въ содѣйствіи «земли», которая первая единодушно признала, что «ни одна земля безъ государя не стоитъ». Не знаемъ въ точности порядка выборовъ въ новыя сессіи собора, но извѣстно, что составъ земскаго совѣта мѣнялся черезъ три года.

Компетенція собора, равно какъ и кругъ дѣятельности его были чрезвычайно велики. «Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовые и податные, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и

отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательные»—вотъ сфера дѣйствія «совѣта всея земли при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»,—справедливо утверждаетъ профессоръ Платоновъ.

Не затрагивая другихъ вопросовъ, отмѣтимъ, что было сдѣлано въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича для возстановленія правильнаго сбора податей и пополненія Государевой казны. Изъ актовъ, недавно опубликованныхъ Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ редакціей Ст. Б. Веселовскаго, съ неопровержимой ясностью раскрывается, какія губительныя слѣдствія имѣла «разруха» на сборъ государственныхъ доходовъ: какъ многіе жители страдали отъ постоянныхъ поборовъ и бѣдности, какъ съ другой стороны прекращали взносъ податей и люди достаточные и т. д. Изъ этихъ же актовъ узнаемъ, что уже Ляпунову мы обязаны первой попыткой возстановить болѣе или менѣе правильное поступленіе и расходованіе податей, что Пожарскій и Мининъ успѣшно дѣйствовали въ этомъ же направленіи и что еще до перехода власти къ царю Михаилу земскій соборъ приговоромъ отъ 27 февраля 1613 года предпринялъ извѣстные шаги для сосредоточенія сборовъ въ одномъ мѣстѣ. Новое высшее правительство поддержало постановленія «земскаго совѣта», и правильное поступленіе податей было мало по малу налажено.

Но обыкновенныхъ податей въ такое тяжелое время, когда приходилось напрягать силы населенія, чтобъ вывести страну изъ опаснаго положенія, было недостаточно. При этомъ они стали поступать съ большой «убавкой противъ прежняго». Поэтому царь и соборъ рѣшились на экстренныя мѣры. Они стали прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ: запроснымъ деньгамъ, сбиравшимся съ духовенства и служилыхъ людей, и пятой деньгѣ, которой облагались тяглецы; съ богатыхъ людей Строгановыхъ взяли при этомъ однажды до 40.000 рублей.

Благодаря этимъ мѣрамъ государева казна нѣсколько пополнилась, и неотложныя нужды: содержаніе ратей и служилыхъ людей, закупка военныхъ запасовъ и т. д. получили нѣкоторое удовлетвореніе [3]).

II.

Мы упомянули о финансовыхъ мѣрахъ правительства и собора потому, что безъ нихъ было бы невозможно выполненіе насущнѣйшей задачи государства того времени, борьбы съ внутренними и внѣшними врагами. А эту борьбу надо было вести, такъ какъ самое существованіе

государства подвергалось тогда неминуемой опасности. Смута, подавленная и разбитая, продолжала еще гнѣздиться во многихъ пунктахъ русской земли, истощая и разоряя ее [4]). Если населенію Руси тогда приходилось подчасъ очень тяжело отъ замашекъ администраціи, то неизмѣримо больше страдало оно отъ насилія, грабежей и убійствъ своихъ «воровъ», изъ которыхъ выдавался извѣстный тушинскій бояринъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. «Сей не нехрабръ бысть и сердцемъ лютъ, но нравомъ лукавъ» [5]). Виновникъ убійства Ляпунова, подозрѣваемый не безъ основаній въ попыткѣ организовать убійство Пожарскаго, Заруцкій не могъ примириться съ торжествомъ земщины, которой онъ былъ глубоко чуждъ. Онъ увелъ «мало не половину» казачьяго «войска» изъ-подъ Москвы и удалился на «Югъ». Государства. По очищеніи Москвы отъ поляковъ «земщинѣ» приходится принимать рядъ мѣръ противъ попытокъ Заруцкаго, дѣйствовавшаго теперь именемъ Марины Мнишекъ и Воренка, поднять новую Смуту въ странѣ. Эти попытки продолжаются и во время «подвига» царя Михаила въ Москву.

Противъ Заруцкаго былъ отправленъ изъ Москвы бояринъ князь Иванъ Никитичъ Одоевскій съ ополченіями изъ Суздаля, Владиміра, Тулы и Рязани. Среди сторонниковъ «тушинскаго боярина» началась рознь. Его покинули, узнавъ о воцареніи Михаила Өеодоровича, многіе приверженцы. Тогда онъ «съ Маринкою пойде прямо къ Воронежу.» Здѣсь его настигъ Одоевскій и имѣлъ съ нимъ бой. Послѣ этого сраженія Заруцкій «перелѣзе черезъ Донъ» и степью направился къ Астрахани, гдѣ и зимовалъ [6]). Онъ не терялъ надежды поднять вольное казачество, посылалъ грамоты на Донъ, но не имѣлъ успѣха. Получивъ государево «многое жалованье», донцы объявили, что они не начнутъ новаго «воровства». Впрочемъ, среди этихъ казаковъ нашлось 560 человѣкъ, которые ничего не имѣли противъ затѣваемаго Заруцкимъ похода на Самару и «добычи зипуновъ» во время этого предпріятія. Но воровской вождь своими насиліями и грабежами своихъ шаекъ возбудилъ противъ себя жителей города Астрахани, которые весной 1614 года сѣли отъ него въ правильную осаду. На помощь къ нимъ изъ Москвы шли бояринъ князь И. Н. Одоевскій, окольничій С. В. Головинъ и дьякъ Василій Іюдинъ. Заруцкій не дождался высланной противъ него московской рати. Онъ испугался явившагося подъ Астраханью «Казанца Василья Хохлова съ ратными людьми». Хохлова выслалъ распорядительный терскій воевода П. В. Головинъ. Силы Заруцкаго видимо таяли, и онъ въ маѣ 1614 года [7]) съ

Мариной Мнишекъ и Воренкомъ бѣжалъ на «Яикъ», гдѣ и укрылся на Медвѣжьемъ островѣ, но былъ тамъ послѣ боя захваченъ стрѣлецкимъ головой Гордѣемъ Пальчиковымъ и головой Севастьяномъ Онучинымъ, которые были отправлены Одоевскимъ для поимки опаснаго вора, и 6 іюля привезенъ въ Астрахань [8]).

Оттуда Заруцкій и Марина съ Воренкомъ были отправлены въ Москву. «На Москвѣ же тово Заруцково посадиша на колъ, а Воренка.. повѣсиша, а Маринка умре на Москвѣ» [9]).

Съ поимкой и гибелью Заруцкаго не прекратились грабежи и разбои «воровскихъ» казаковъ. Мы видѣли уже какъ даже казаки, служившіе Московскому правительству, уклонялись охотно въ воровство, чѣмъ вызвали рядъ строгихъ мѣръ противъ себя. Объ остальныхъ казакахъ и говорить нечего. Они поселяли ужасъ въ сердцахъ мирныхъ жителей. Изъ ихъ шаекъ особенно свирѣпствовала станица атамана Баловня, наводившая страхъ и трепетъ на жителей Заволжья. Къ Баловню присоединились «многіе казаки и боярскіе люди» и стали разорять и предавать запустѣнію «Московское государство». Началась «великая война» «на Романовѣ, на Углечѣ, въ Пошехонье и въ Бѣжецкомъ верху, въ Кашинѣ, на Бѣлѣ озерѣ и въ Новгородцкомъ уѣздѣ и въ Каргополѣ и на Вологдѣ и на Вагѣ и въ ыныхъ городахъ». Другіе казаки въ то время воевали «Сѣверскія и Украинскія городы». «Воры» не останавливались ни передъ какими насиліями и жестокостями, «якожъ въ древнихъ лѣтехъ такихъ мукъ не бяше: людей же ломаху на древо, и въ ротъ зелье сыпаху и зажигаху и на огнѣ жгоша безъ милости. Женскому полу сосцы прорѣзоваху и веревки вдергиваху и вѣшаху.... и многими различными иными муками мучиша и многіе грады разориша и многіе мѣста запустошиша».

Такое зло требовало принятія энергичныхъ мѣръ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ противъ казаковъ князя Бор. Мих. Лыкова, «и далъ ему рати седмь городовъ». Въ то же время московскій бояринъ и воевода получилъ приказаніе попытаться дѣйствовать увѣщаніями и обѣщаніемъ прощенія «ворамъ», если они «отъ воровства отстанутъ.» Б. М. Лыковъ во время похода побывалъ у славнаго подвижника той эпохи святого затворника старца Иринарха и получилъ его благословеніе на борьбу съ казаками. Затѣмъ Лыковъ прибылъ въ Ярославль, откуда двинулся противъ Черкасъ, т. е. малоросiйсскихъ казаковъ, которые разоряли Поволжье, настигъ ихъ въ Балаханскомъ уѣздѣ въ Василевѣ Слободкѣ и разбилъ ихъ на голову. Вернувшись въ Ярославль, московскій воевода

узналъ, что увѣщанія были тщетны и что казаки обнаруживаютъ «неуклонное» «свирѣпство.» Тогда онъ выступилъ противъ нихъ къ Вологдѣ, разсылая для преслѣдованія воровскихъ шаекъ «многіе посылки.» Такой способъ дѣйствія былъ удаченъ, и разбойничьи отряды сильно рѣдѣли. Тогда остальные казаки рѣшили двинуться къ Москвѣ, говоря: «идемъ своими головами государю бити челомъ.» Лыковъ погнался за ними и укрѣпился становъ въ Дорогомиловѣ. Между тѣмъ казаки не унимались: «начаша и на Москвѣ воровати.» Ихъ «старшины» были схвачены, а остальные вступили въ бой съ энергичнымь военачальникомъ, но были разбиты, «а достальные побѣгоша къ Сѣверскимъ казакамъ», но Лыковъ настигъ ихъ «въ Кременскомъ уѣздѣ на рѣкѣ на Лужи.» Московскому воеводѣ удалось на этотъ разъ обойтись безъ боя: «онъ же ихъ взялъ за крестнымъ цѣлованіемъ и привелъ ихъ къ Москвѣ и ничево имъ не здѣлаша. Старшинъ же ихъ, тово Баловня съ товарыщи, повѣсиша, а иныхъ по тюрмамъ розослаша».

Послѣ того какъ Лыкову удалось покончить съ ядромъ воровскаго казачества, а заодно истребить и множество мелкихъ шаекъ, «въ тѣхъ городахъ не бысть войны отъ казаковъ». Но долго еще бродили на Руси одичавшіе, жившіе грабежомъ и вымогательствомъ люди. Однако главныя «воровскія» силы были окончательно и надолго сломлены [10]).

III.

Ведя борьбу съ внутренними врагами «ворами», Московское государство должно было въ то же время такъ или иначе распутать свои отношенія къ двумъ непріятельскимъ странамъ: Швеціи и Польшѣ. Шведы заняли Новгородъ и угрожали намъ съ сѣвера и сѣверо-запада. Поляки овладѣли Смоленскомъ, а также частью Сѣверской области и не оставили, повидимому, мысли о завоеваніи или подчиненіи всего «Россійскаго царствія.» Отношеніями Москвы къ этимъ государствамъ и заняты были главнымъ образомъ московскіе люди въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича. И мы въ своемъ изложеніи остановимся на изображеніи хотя бы вкратцѣ той борьбы, дипломатической и военной, какую пришлось Москвѣ выдержать въ 1613—1619 годахъ съ двумя враждебными ей сосѣдями.

Въ то же время московское правительство попыталось вступить въ сношенія и съ другими государствами Европы и даже Азіи, въ особенности съ тѣми, съ которыми сносилась Московская Русь и до Смуты. Такъ, было отправлено посольство къ турецкому султану и персидскому

шаху, къ австрійскому цесарю, англійскому королю, въ Голландію и т. д. Всѣ эти посольства имѣли цѣлью извѣстить государей и правительства тѣхъ странъ, въ которыя они были отправлены, о воцареніи Михаила Өеодоровича и просить помощи противъ «недруговъ» Руси: шведскаго и польскаго короля. Въ отвѣтъ на это лишь шахъ прислалъ 7.000 рублей серебромъ «легкой казны» да Англія съ Голландіей, руководясь торговыми выгодами, предложили свое посредничество въ переговорахъ московскаго правительства съ врагами. Другихъ реальныхъ послѣдствій эти посольства не имѣли. [11])

Отправляя посольства во многія иностранныя государства, московское правительство, какъ уже и отмѣчено нами, должно было вести борьбу на два фронта, съ двумя исконными врагами Россіи. Если съ Рѣчью Посполитой Русь воевала изъ-за русскихъ западно-южныхъ областей, то со шведами мы постоянно боролись изъ-за береговъ Балтійскаго моря. Въ Смуту оба нашихъ врага пріобрѣли значительныя выгоды. Въ частности шведы, пользуясь «разрухой», съ іюня 1611 года овладѣли Новгородомъ съ прилегающей къ нему областью и держали ихъ въ своихъ цѣпкихъ рукахъ. Заняло Новгородъ шведское войско, бывшее подъ начальствомъ знаменитаго полководца Якова Пунтоса Делагарди, на своеобразныхъ условіяхъ. Новгородъ приглашалъ къ себѣ государемъ одного изъ шведскихъ королевичей, но оставался «особнымъ» государствомъ и не присоединялся къ Швеціи. Предвидѣлась возможность выбора того королевича, который будетъ новгородскимъ государемъ, на Московскій престолъ. Въ противномъ случаѣ Новгородъ оставался самостоятельнымъ, но союзнымъ Швеціи государствомъ.

Въ немъ дѣйствовало на время шведской оккупаціи особое правительство, состоявшее изъ шведовъ и новгородцевъ поровну. Жителямъ не должно было чиниться никакихъ насилій. Орудій военныхъ припасовъ и т. д. не должно было вывозить въ Швецію. Таковы были условія договора шведовъ съ новгородцами [12]). Однако въ дѣйствительности шведы держали себя въ городѣ надменно, прибѣгали къ насиліямъ и возбудили противъ себя большинство населенія. Конечно, и среди новгородцевъ нашлись шведскіе сторонники, отступники «православной вѣры». Объ этомъ свидѣтельствуютъ и перенесшій шведскую оккупацію дьякъ Иванъ Тимоөеевъ и донесенія шведскихъ военачальниковъ [13]).

Во всякомъ случаѣ новгородцы во время междуцарствія вели, какъ мы знаемъ, переговоры съ Москвой о кандидатурѣ предназначеннаго имъ

въ государи королевича Карла-Филиппа на русскій царскій престолъ. Во время переговоровъ выяснилось, что и новгородцы и остальные русскіе люди непремѣннымъ условіемъ признанія Карла-Филиппа считаютъ принятіе имъ православія. Между тѣмъ время шло и принесло съ собой большія перемѣны.

У насъ на Руси былъ избранъ царемъ Михаилъ Өеодоровичъ, а въ Швеціи умеръ король Карлъ IX и на престолъ вступилъ Густавъ Адольфъ. Королевичъ Карлъ-Филиппъ, собравшійся было отправиться въ Новгородъ и вызвавшій даже къ себѣ въ Выборгъ новгородское посольство, такъ и не пріѣхалъ «на свое государство». Онъ уступилъ свои права на Новгородъ своему державному брату, приславшему въ этотъ городъ на смѣну Делагарди фельдмаршала Эверта Горна. Послѣдній доносилъ своему государю, что настроеніе новгородцевъ измѣнилось, что всѣ они явно или тайно стоятъ на сторонѣ Москвы [14]). Къ этому времени относится посольство архимандрита Кипріана и дворянъ: Якова Бобарыкина и Матвѣя Муравьева въ Москву. Посланные шведами для переговора съ Москвой, они получили аудіенцію у царя, которому, «биша челомъ и милости просяху со слезами». Имъ дана была тайная милостивая грамота къ митрополиту и ко всѣмъ людямъ о томъ, что государь ихъ пожаловалъ и вины имъ всѣ отдалъ. Въ то же время была дана и другая грамота съ отвѣтомъ на посольство. По возвращеніи пословъ они «тѣ милостивые государевы грамоты роздаша всѣ въ тайнѣ». Но шведы «провѣдаша про тотъ списокъ и про ихъ челобитье», послѣ чего «томужъ архимандриту и дворянамъ бысть тѣснота и гоненіе великое» [15]).

Военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ. Кромѣ множества мелкихъ столкновеній были и очень значительныя. Такъ шведы осадили Тихвинъ, и только упорное сопротивленіе горожанъ спасло этотъ городъ отъ участи Новгорода. Въ свою очередь въ концѣ 1613 или въ началѣ 1614 года царь Михаилъ Өеодоровичъ «съ многою ратью послалъ боярина князя Дм. Т. Трубецкого». Послѣдній провелъ зиму въ Торжкѣ, гдѣ у него въ войскѣ «было нестроеніе великое, грабежи отъ казаковъ и отъ всѣхъ людей». Весной Трубецкой двинулся къ Новгороду и въ іюнѣ 1614 года потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Броницами, потерявъ многихъ людей плѣнными и убитыми. Самъ Трубецкой съ трудомъ ушелъ отъ преслѣдованія враговъ [16]).

Въ 1615 году король Густавъ-Адольфъ явился на Русь и осадилъ Псковъ, но безуспѣшно, при чемъ погибъ храбрый Эвертъ Горнъ. Въ

это время Англія предложила свое посредничество воюющимъ, приславъ для этой цѣли своего агента, Джона Мерика. Рѣшено было отправить съ обѣихъ сторонъ уполномоченныхъ для веденія предварительныхъ переговоровъ. Шведскій король назначилъ для этой цѣли Клоса Флеминга, Генриха Горна, Якова Делагарди и Монса Мартензона. Русскими послами были князь Дан. Ив. Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Посредничалъ Джонъ Мерикъ и голландскіе послы. Переговоры происходили сперва съ января 1616 года въ Дедеринѣ, были прерваны въ іюнѣ, а затѣмъ съ декабря 1617 года возобновились въ Столбовѣ, гдѣ и былъ 27 февраля 1617 года написанъ договоръ вѣчнаго мира. Шведы вернули Россіи Великій Новгородъ, Старую Русу, Гдовъ, Порховъ и Ладогу съ ихъ уѣздами, и Сумерскую волость. За Швеціей остались Ивань-Городъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ. Кромѣ того мы должны были уплатить Швеціи 20,000 рублей серебромъ.

Переговоры были бурными, спорили и горячились много, но обѣ стороны желали мира и остались имъ довольны. Густавъ-Адольфъ очень цѣнилъ пріобрѣтенія Швеціи. Великій король прекрасно понималъ, что Русь, могущества которой онъ опасался, надолго отрѣзана отъ Балтійскаго побережья. Но Россіи, какъ мѣтко выразился С. М. Соловьевъ, «теперь было не до моря». Не даромъ государь писалъ нашимъ посламъ: «съ шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтобъ они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не разорвите» [17]).

И дѣйствительно, съ одной стороны Столбовскій договоръ принесъ очищенье Новгорода, освободившагося отъ шведовъ къ 14 марта 1617 года, и другихъ важныхъ русскихъ городовъ, съ другой—миръ со Швеціей. При все болѣе и болѣе угрожавшемъ положеніи Рѣчи Посполитой Россіи важно было не имѣть врага на другомъ фронтѣ. Поэтому, не смотря на отказъ (конечно временный) отъ береговъ Балтійскаго моря, мы радовались необходимому миру со Швеціей и возвращенію исконныхъ русскихъ областей. Поэтому нельзя не считать договоръ 27-го февраля 1617 года значительнымъ успѣхомъ для Московскаго государства.

IV.

Еще болѣе враждебными, чѣмъ со Швеціей, были въ моментъ воцаренія Михаила Θеодоровича отношенія нашей родины къ Рѣчи Посполи-

той. Это обстоятельство не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Изъ предыдущаго изложенія видно, что русскіе люди имѣли полное основаніе относиться къ Сигизмунду и полякамъ съ жгучей ненавистью. Съ своей стороны поляки имѣли свои причины къ глубокому неудовольствію русскими. Ихъ самолюбіе страдало отъ непризнанія Владислава русскимъ царемъ; много поляковъ и литвы погибло отъ руки русскихъ или томилось въ неволѣ. При этомъ полякамъ важно было удержать за собой Смоленскъ и другія добытыя земли и завоевать новыя области. Не совсѣмъ отказались поляки и отъ мысли о полномъ подчиненіи Руси ихъ государству.

При такомъ настроеніи противниковъ понятно, что военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались. Впрочемъ и Русь и Польша готовы были на время заключить перемиріе другъ съ другомъ. Русскимъ хотѣлось поскорѣе освободить изъ тяжелой неволи государева отца и другихъ плѣнныхъ, въ Рѣчи Посполитой шли внутренніе раздоры; да и письмо Струся возымѣло нѣкоторое дѣйствіе. Поэтому, какъ мы уже знаемъ, Аладьинъ, отправленный гонцомъ отъ имени собора къ Сигизмунду, возвратился изъ Варшавы съ принципіальнымъ согласіемъ короля и пановъ радныхъ начать переговоры [18]). Въ ноябрѣ 1614 года радные паны прислали московскимъ боярамъ грамоту и въ ней предлагали съѣздъ на рубежѣ для переговоровъ о мирѣ. Грамота была написана высокомѣрно, наполнена упреками за непризнаніе Владислава, за дурное обращеніе съ плѣнными. Съ отвѣтомъ на эту грамоту въ Рѣчь Посполитую былъ отправленъ отъ имени бояръ Ѳедоръ Желябужскій. Бояре не оставили безъ возраженій укоровъ пановъ рады, отвѣчали на нихъ сильными попреками за ненаписанье царскаго титула, за многія неправды, за дурное обращеніе съ плѣненными въ противность обычаямъ послами Московскаго государства. «А въ Великаго Государя нашего Государствѣ Государя вашего люди, которые взяты въ Москвѣ, Миколай Струсъ, староста Хмелнскій и Любецкій, и полковники и ротмистры и все его товарищество и иные полоняники сидятъ во дворѣхъ на Москвѣ, и по городамъ дворы даны имъ добрые, и Царское жалованье, кормъ и питье даютъ имъ довольно, и людямъ ихъ въ торгѣ и на всякое дѣло, гдѣ кто кого пошлетъ, ходити имъ поволно, и скудости и тѣсноты имъ нѣсть никоторыя» [19]). Въ той же грамотѣ бояре согласились на веденіе мирныхъ переговоровъ.

Желябужскій правилъ свое посольство въ Литвѣ, гдѣ вынужденъ былъ слушать грубыя выходки Льва Сапѣги о томъ, что царь Михаилъ

Θеодоровичъ «не пошлый, т. е. не настоящій государь» и упреки въ томъ, что русскіе «всѣ крестъ цѣловали» королевичу Владиславу. На это нашъ посланникъ отвѣчалъ: «это дѣло бывшее и дальнее и поминать о томъ непригоже». Наконецъ паны дали Желябужскому грамоту, въ которой предлагали съѣхаться посламъ для переговоровъ между Смоленскомъ и Вязьмой. Въ сентябрѣ 1615 года состоялся этотъ съѣздъ. Съ нашей стороны послами были: бояре князь Ив. М. Воротынскій, князь Сицкій и окольничій Арт. В. Измайловъ. Поляки и литовцы прислали Кіевскаго «бискупа» князя Казимирскаго, гетмана Ходкѣвича, канцлера Льва Сапѣгу и Александра Гонсѣвскаго. Такой составъ уполномоченныхъ не предвѣщалъ добраго исхода переговоровъ. И Воротынскій и Гонсѣвскій были во враждѣ между собой. При общей обостренности отношеній все посольское дѣло свелось къ крупнымъ ссорамъ и перебранкамъ, при чемъ поляки не остановились передъ угрозой произвести судъ надъ государевымъ отцомъ и «надъ нимъ и покончить». Неудивительно поэтому, что въ январѣ 1616 года уполномоченные разъѣхались, не заключивъ перемирія [20]).

И до переговоровъ о перемиріи, и во время ихъ, и по окончаніи война продолжалась. Сначала мы повели наступательныя дѣйствія и неоднократно приходили подъ Смоленскъ, однако не могли осадить его и взять по недостатку воинскихъ людей. Но съ 1615 года иниціатива военныхъ дѣйствій переходитъ къ полякамъ. Они отправили набѣгомъ на Русь знаменитаго наѣздника пана Александра Лисовскаго съ отрядомъ его лисовчиковъ. Отражать нападеніе Лисовскаго было поручено славному вождю нижегородскаго ополченія, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Лисовскій, ворвавшійся въ русскіе предѣлы, напалъ было на Брянскъ, но, отбитый отъ него, захватилъ Карачевъ, въ которомъ и укрѣпился. Пожарскій не медлилъ. Онъ черезъ Бѣлевъ и Болховъ устремился къ Карачеву. Тогда Лисовскій вышелъ изъ Карачева и «пошелъ верхнею дорогою къ Орлу». Пожарскій пошелъ къ нему на перерѣзъ. Рати сошлись подъ Орломъ «въ воскресный день» и стали биться. Но москвичи дрогнули и побѣжали. Побѣжали даже и воеводы. Пожарскій «не съ великими людьми» «бившеся» съ Лисовскими «на многіе часы мало руками не имаючися билися». Наконецъ, «видя свое неизможеніе, обернушася телѣгами и сидѣша въ обозѣ». Лисовскій отступилъ на двѣ версты. Тѣмъ временемъ къ 600 храбрецамъ, бившимся противъ 2.000 литовцевъ, стало подходить подкрѣпленье, возвращались бѣглецы. Наиболѣе виновнымъ «чиниша ту наказаніе».

Собравъ свое войско, Пожарскій бросился въ погоню за Лисовскимъ. Тотъ быстро отступилъ къ Кромамъ. Пожарскій и тутъ настигъ его. Тогда неутомимый литовскій наѣздникъ въ одинъ день примчался къ Болхову, сдѣлавъ переходъ въ 150 верстъ, «едва Болхова не украдоша». Но храбрые воеводы отбились отъ Лисовскаго. Не то случилось въ Бѣлевѣ, гдѣ воеводы бѣжали. Городъ былъ захваченъ и разоренъ. Тоже повторилось и въ Перемышлѣ, куда обратился Лисовскій, потерпѣвшій неудачу подъ Лихвинымъ отъ храбраго воеводы Федора Стрешнева. Пожарскій между тѣмъ стянулъ свои силы къ Калугѣ и, получивъ въ подкрѣпленье казанскую рать, двинулся противъ Лисовскаго къ Перемышлю, но по дорогѣ «впаде въ болѣзнь лютую». Храбраго и распорядительнаго воеводу повезли въ Калугу, а рать его бездѣйствовала. Лисовскій тогда двинулся къ Ржевѣ Владимірской и сдѣлалъ приступъ къ этому городу, затѣмъ приступилъ къ Кашину и Угличу. Но силы его видимо таяли, и онъ скитался въ Суздальскомъ краѣ, уже не приступая къ городамъ. Потомъ смѣлый наѣздникъ повернулъ къ югу «въ Тульскія и Рязанскія мѣста», у Алексина имѣлъ столкновеніе съ русскими войсками, но ускользнулъ отъ нихъ и невредимо вышелъ въ Сѣверскую область [21]).

Смѣлый до дерзости набѣгъ Лисовскаго имѣлъ, повидимому, значеніе большой развѣдки. На Русь собиралась гроза. Готовился походъ королевича Владислава къ Москвѣ. На Руси долго не знали объ этомъ и даже возобновили было попытки продвинуться къ Смоленску, но скоро съ Литовскаго рубежа стали приходить одна за другой тревожныя вѣсти о наступленіи поляковъ и литовцевъ.

Сеймъ согласился на походъ королевича къ Москвѣ еще въ іюнѣ 1616 года. Съ Владиславомъ сеймъ посылалъ 8 своихъ коммисаровъ, на обязанности которыхъ лежало подавать королевичу совѣты, какъ дѣйствовать, и имѣть наблюденіе за его дѣятельностью. Дѣло въ томъ, что сеймъ смотрѣлъ на походъ Владислава съ такой точки зрѣнія: война начата съ цѣлью испытать, сохранилось ли въ русскомъ народѣ расположеніе къ королевичу. Если нѣтъ, то нужно стремиться къ заключенію славнаго и выгоднаго для Рѣчи Посполитой, польза которой должна быть у Владислава на первомъ мѣстѣ, мира съ Москвой. Если же Владиславъ станетъ русскимъ государемъ, то онъ обязанъ исполнить свои прежнія, скрѣпленныя собственноручной подписью, обѣщанія: 1) соединить Москву неразрывнымъ союзомъ съ Рѣчью Посполитой, 2) установить свободную торговлю между этими государствами, 3) вернуть Польшѣ и Литвѣ, «отъ

нихъ отторгнутыя страны»: Смоленское и значительную часть Сѣверскаго княжества, 4). отказаться за Русь отъ правъ на Ливонію и Эстонію. На такихъ условіяхъ сеймъ далъ королевичу денегъ и обѣщалъ 11.000 войска для похода на Московское государство. Главнымъ военачальникомъ назначенъ былъ гетманъ Карлъ Хоткѣвичъ, такъ какъ назначенный для этой цѣли гетманъ Станиславъ Жолкевскій отказался, отговариваясь ожидаемымъ нападеніемъ турокъ. Впрочемъ и Хоткѣвичъ хорошо зналъ театръ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ въ 1612 году ходилъ походомъ на выручку сидѣвшихъ въ московскомъ Кремлѣ и въ Китаѣ-городѣ поляковъ и почти у самой Москвы былъ отбитъ подмосковными ополченіями.

Собирая свое войско, часть котораго пришлось отрядить затѣмъ на помощь Жолкевскому, поляки прибѣгали и къ другимъ мѣрамъ. Такъ они потребовали, чтобы нашъ плѣнный посолъ, князь Вас. Вас. Голицынъ, написалъ къ боярамъ о правахъ Владислава. Но Голицынъ съ негодованіемъ отвергъ подобное требованіе. Большій успѣхъ имѣли поляки у донцовъ, многіе изъ которыхъ съ охотой согласились «правдой служить и прямить» королевичу. Подняли поляки и свое малороссійское служилое казачество. Храбрый гетманъ Конашевичъ Сагайдачный привелъ впослѣдствіи подъ Москву до 20.000 своихъ удальцевъ на помощь Владиславу.

Послѣ долгихъ сборовъ, въ апрѣлѣ 1617 года молодой королевичъ торжественно выступилъ изъ Варшавы въ русскій походъ, напутствуемый рѣчью архіепископа примаса. Въ этой рѣчи архіепископъ указывалъ на преимущество католицизма и на необходимость «извести заблужденныхъ на путь мира и спасенія». На это Владиславъ отвѣчалъ, что онъ всегда будетъ «прежде всего имѣть въ виду славу Господа Бога своего и святую католическую вѣру, въ которой воспитанъ и утвержденъ» [22]).

Королевичъ долго медлилъ на походѣ, возвращался въ Варшаву, и лишь въ сентябрѣ 1617 года прибылъ подъ Дорогобужъ, осажденный уже Хоткѣвичемъ. У Дорогобужцевъ воеводой былъ Иванисъ Ададуровъ. Онъ «Государю измѣнилъ и Дорогобужъ здалъ и королевичу крестъ цѣловалъ со всѣми людьми». За Дорогобужемъ Владиславъ занялъ Вязьму, первые воеводы которой обратились въ позорное бѣгство, увлекая своимъ примѣромъ стрѣльцовъ и посадскихъ людей. Казаки же, бывшіе въ городѣ, вспомнили старые времена, и бросились «Украинные мѣста воевати». Тогда третій вяземскій воевода, «князь Микита Гагаринъ, видя то, что ево покинули одново, заплакавъ, пойде къ Москве».

Вскорѣ послѣ появленія въ Москвѣ бѣжавшихъ изъ Вязьмы воеводъ, понесшихъ тяжкое наказаніе, въ столицу прибылъ и «Иванисъ Ададуровъ съ товарищи», «чтобы прельстить Московскихъ людей». Онъ былъ схваченъ и сосланъ въ Казань. Война между тѣмъ продолжалась. На время зимы, правда, военныя дѣйствія почти прекратились, и обѣ стороны посылали другъ къ другу «задирать о мирѣ». Однако съ весной война возобновилась, и королевичъ хотя и медленно, но неуклонно подвигался къ Москвѣ. Съ другой стороны съ юга надвигался на столицу Сагайдачный. Русскіе воеводы отступали къ Москвѣ. Отступилъ къ ней и храбрый Пожарскій послѣ ряда подвиговъ, совершенныхъ имъ въ должности воеводы Калужскаго [23]). Отступилъ по приказанію, данному изъ Москвы, идти на сходъ къ другимъ воеводамъ. Въ Москвѣ поднялось волненіе: «взволнова діяволъ людьми ратными: приходяху на бояръ со большимъ шумомъ и указываху, чево сами не знаху. Едва премилостивый Богъ утоли такое волненіе безъ крови».

Королевичъ тѣмъ временемъ осадилъ Можайскъ, но мужественный воевода Ѳед. Вас. Волынскій не далъ города и «съ ними бьющеся, не щадя головъ своихъ». Также стойко отразили Сагайдачнаго жители осажденнаго имъ города Михайлова. Тогда и Владиславъ и малороссійскій гетманъ, блокировавъ осажденные земли и города, съ главными силами двинулись къ Москвѣ.

Въ столицѣ царь и правительство принимали свои мѣры. 8 сентября Волынскій прислалъ извѣстіе о движеніи Владислава къ Москвѣ, а 9-го состоялось уже въ ней засѣданіе земскаго собора. На этомъ соборѣ царь говорилъ рѣчь о томъ, что «Владиславъ съ Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми и съ нарядомъ идетъ подъ царствующій градъ Москву, и хочетъ всякими злыми своими умыслы и прелестью Москву взять, и церкви Божія разорить и истинную нашу православную христіанскую вѣру попрать, а учинить свою проклятую бѣ еретическую латынскую вѣру». Михаилъ Ѳеодоровичъ «противъ разорителей вѣры христіанскія . . . . обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ королевичемъ и съ Польскими и съ Литовскими людьми битися». Въ свою очередь государь призывалъ черезъ посредство земскаго собора все московское населеніе биться съ врагами и не поддаваться «ни на какую прелесть».

«Прелести» начались уже давно, съ посылки Ададурова. Въ августѣ, находясь подъ Можайскомъ и собираясь идти къ Москвѣ, королевичъ

прислалъ въ русскую столицу грамоту. Въ ней онъ именовался русскимъ царемъ, просилъ «змышленнымъ и несправедливымъ рѣчамъ совѣтниковъ Михайловыхъ не пияти вѣры» и обѣщалъ сохраненіе въ чистотѣ и нерушимости православія. Но на Москвѣ знали цѣну польскимъ обѣщаніямъ. Поэтому члены собора съ полнымъ основаніемъ могли отвѣчать царю, «что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную Христіанскую вѣру и за него Государя стоять, и съ нимъ Государемъ въ осадѣ сидѣть безо всякого сумнѣнія, и съ недругомъ его съ королевичемъ Владиславомъ и съ Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми и съ Черкассы битись до смерти, не щадя головъ своихъ».

Въ этомъ же засѣданіи были обсуждены мѣры для выдержанія осады и для дальнѣйшей борьбы съ врагами. Для перваго рѣшено было расписать въ Москвѣ «по мѣстамъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей», для второго отправить въ Ярославль и Нижній-Новгородъ бояръ князей Ив. Б. Черкасскаго и Бор. Мих. Лыкова «въ городѣхъ сбиратися съ ратными людьми Государю и Московскому государству помочь чинить». Въ виду опасности положенія «указалъ Государь воеводамъ на Москвѣ и въ городѣхъ всѣмъ быть безъ мѣстъ по 120 годъ» [24]).

17-го сентября королевичъ Владиславъ подошелъ къ Звенигороду, въ 40 верстахъ отъ Москвы. «А выходцы и языки въ роспросѣ сказывали, что королевичевъ приходъ изъ Звенигорода будетъ подъ Москву сентября въ 20 день; а съ другую сторону Смоленскія дороги идетъ, къ королевичу въ сходъ, изъ Запорогъ Черкасскаго войска гетманъ Сагайдачный съ Черкасы со многими людьми, и сталъ въ Коломенскомъ уѣздѣ въ селѣ въ Бронницахъ».

Московская осада началась. Къ смятенію и опасеніямъ за ея исходъ присоединился еще страхъ передъ небеснымъ явленіемъ: кометой. Лѣтописецъ такъ передаетъ объ этомъ: «на небесѣхъ явися надъ самой Москвою звѣзда. Величиной жъ она бяше, какъ и протчіе звѣзды, свѣтлостію жъ она тѣхъ звѣздъ свѣтлѣе. Она жъ стояше надъ Москвою, хвостъ же у неѣ бяше великъ. И стояше на Польскую и на Нѣмецкіе земли хвостомъ. Отъ самой же звѣзды пойде хвостъ узокъ и отъ часу жъ нача роспространятися; и хвосту роспространившися, яко на поприще. Царь же и людіе всѣ, видя такое знаменіе на небесѣхъ, вельми ужасошася. Чаяху, что сіе есть знаменіе Московскому царству, и страшахуся отъ королевича, что въ тое же пору пришелъ подъ Москву. Мудрые жъ люди, философы о той звѣздѣ стаху толковати, что та есть звѣзда не

къ погибели Московскому государству, но къ радости и къ тишинѣ. О той же звѣздѣ толкуется: какъ она стоитъ главою, надъ которымъ государствомъ, и въ томъ государствѣ подаетъ Богъ вся благая и тишину; никоторова жъ мятежа въ томъ государствѣ не живетъ, а на кои государства она стоитъ хвостомъ, въ тѣхъ же государствахъ бываетъ всякое нестроеніе и бываетъ кроворазлитіе многое и междуусобные брани и войны великіе межъ ими» [25]). И дѣйствительно, толкованіе «мудрыхъ людей» на этотъ разъ сбылось, но во время осады появленіе кометы увеличило панику. Охваченные ею воеводы пропустили безпрепятственно Сагайдачнаго къ Москвѣ безъ боя съ нимъ.

Но приступъ королевича къ Москвѣ, 30 сентября, не удался. Несмотря на нѣкоторую шаткость казаковъ русскіе люди мужественно отбили его подъ предводительствомъ окольничего Никиты Вас. Годунова. Тогда Владиславъ двинулся по Ярославской дорогѣ, гдѣ передовые его отряды имѣли неудачу подъ стѣнами знаменитаго Троице-Сергіева монастыря. Въ это время завязались переговоры о перемиріи. Московскому государству, еще не вполнѣ окрѣпшему послѣ Смуты, тяжело было бороться съ врагомъ, угрожавшимъ самой столицѣ. Поляки въ свою очередь страшились русской зимы. Сверхъ того они поняли, что русскіе люди въ громаднѣйшемъ большинствѣ вѣрны своему государю и не желаютъ видѣть Владислава на московскомъ престолѣ. Между тѣмъ заключеніе выгоднаго для Рѣчи Посполитой мира было вполнѣ возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Поэтому въ началѣ ноября было достигнуто предварительное соглашеніе о перемиріи и выработаны главнѣйшія условія его съ польскими послами Христофоромъ Сапѣгой, Карсиньскимъ и Гридичемъ, для этой цѣли пріѣзжавшими въ Москву. Этимъ объясняется и желаніе поляковъ прекратить военныя дѣйствія, о чемъ находимъ извѣстіе въ сказаніи Аврамія Палицына. Этотъ писатель повѣствуетъ, что 10 ноября «Левъ Сапѣга прислалъ въ монастырь дву крестьянъ монастырскихъ, Ромашка да Илейку деревни Селкова, а въ грамотѣ писалъ хъ келарю Аврамію и къ воеводамъ, что подъѣщики ихъ взяли двухъ крестьяниновъ, чая ихъ лозутчиковъ». «И мы де»,—писалъ Сапѣга монастырскимъ властямъ—«тѣхъ дву крестьянъ къ вамъ послали и передь своимъ воинъскимъ людемъ заказали, селъ вашихъ жечь и крестьянъ побивать и въ полонъ имати не велѣли. А вамъ бы нашихъ воинъскихъ людей побивати и въ полонъ имати не велѣти» [26]). Правда, военныя дѣйствія продолжались, но вяло, и при томъ съ ущербомъ для поляковъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября съѣхались великіе послы обоихъ государствъ. Польскими уполномоченными были Сапѣга, Новодворскій и Гонсѣвскій; съ нашей стороны посольство правили бояре Ѳ. И. Шереметевъ и князь Дан. Ив. Мезецкій, окольничій Арт. Вас. Измайловъ, дьяки Ив. Болотниковъ и Матѳей Сомовъ. Съѣзды происходили въ Троицкомъ монастырскомъ селѣ Деулинѣ. «И на первомъ съѣздѣ (23 ноября 1618 года) у нихъ ничево добра не здѣлалось, розошлись бранью, а на другомъ съѣздѣ мало съ ними бою не бысть» [27]). Пунктовъ разногласія было нѣсколько, но главными были притязанія Владислава на Московскій престолъ и желаніе московскихъ пословъ добиться признанія поляками царя Михаила Ѳеодоровича законнымъ русскимъ государемъ, на что никакъ не могли согласиться поляки. Отсюда, написанныя русскими послами слова: «кого они своимъ государемъ имѣютъ» въ редакціи польскихъ пословъ обращались въ «кого они своимъ Государемъ именуютъ». Шли большіе споры изъ-за земельныхъ уступокъ. Польскимъ уполномоченнымъ хотѣлось добиться новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, на что никакъ не хотѣли согласиться русскіе великіе послы. Затѣмъ поляки обѣщали вывести свои войска, но не ручались за отряды Запорожцевъ, Чаплинскаго и Лисовчиковъ.

Наибольшимъ задоромъ отличался Гонсѣвскій, желавшій довести дѣло до новаго разрыва.

Во время переговоровъ поляки застращивали нашихъ пословъ, говорили имъ, что козаки добудутъ себѣ иного вора, что Воренокъ живъ и т. п. Пугали они и посольскую свиту, сообщая ей разныя тревожныя вѣсти.

Наконецъ состоялся третій съѣздъ, 1 декабря 1618 года. На немъ обѣ стороны пришли къ соглашенію и размѣнялись записями. Такъ было заключено на $14^1/_2$ лѣтъ извѣстное Деулинское перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) русскіе великіе послы «о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко, что то нынѣ и впередъ статься не можетъ», а «паны рады и великіе послы то дѣло на судъ Божій положили»; 2) отпускъ митрополита Филарета и князя Вас. Вас. Голицына съ товарищами въ размѣну «полоняниками» назначили произвести 15-го февраля 1619 года, «по русскому стилю, а по нашему римскому календарю февраля 25», 3) Россія «поступилась» Рѣчи Посполитой слѣдующими городами: Смоленскомъ, Бѣлой, Дорогобужемъ, Рославлемъ, Черниговомъ, Городищемъ Монастыревскимъ, Стародубомъ, Поповой горой, Новгородъ-Сѣверскимъ, Трубчевскомъ,

Почепомъ, Серпейскомъ, Невлемъ, Себежемъ, Краснымъ и Велижской волостью; 4) названные города Русь отдавала «съ нарядомъ со всякими пушечными запасами, съ посадскими людьми и съ уѣздными или пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей, а гостямъ и торговымъ людямъ дать волю, кто въ которую сторону захочетъ, а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей выпустить въ Московское Государство со всѣмъ имѣніемъ» [28]).

Такъ окончился походъ Владислава подъ Москву. Нельзя не признать, что Русь заключила перемиріе на крайне тяжелыхъ для себя условіяхъ. Мы не добились отказа королевича отъ притязаній на русскій престолъ и отдали полякамъ старыя русскія земли, съ русскимъ населеніемъ, отдали область верхняго Днѣпра и первые подступы къ Москвѣ. Но надо принять во вниманіе, что врагъ стоялъ въ центрѣ Государства, угрожая его столицѣ, что Россіи, истощенной Смутой, нужна была передышка и что при обмѣнѣ плѣнныхъ выгадывали мы: возвращались такіе люди, какъ государевъ отецъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ и бояре князь Голицынъ [29]) и знаменитый защитникъ Смоленска Шеинъ. При томъ въ лицѣ Филарета возвращался на родину умный, опытный и энергичный человѣкъ, который могъ быть авторитетнымъ соправителемъ своего царственнаго сына. Кромѣ того митрополитъ Филаретъ не могъ забыть утраты того города, за который онъ такъ ревностно боролся во время великаго посольства въ воинскій станъ Сигизмунда и значеніе котораго хорошо понималъ. Идея о борьбѣ съ поляками за возвращеніе Смоленска была однимъ изъ руководящихъ мотивовъ дѣятельности «великаго Государя патріарха Филарета всея Руси». А дѣятельность его была направлена на укрѣпленіе родины и поднятіе ея благосостоянія.

V.

Болѣе восьми лѣтъ протомился живой и подвижной несмотря на свои преклонные годы митрополитъ ростовскій и ярославскій Филаретъ Никитичъ въ тяжкой неволѣ, въ далекой и чужой странѣ. При томъ поляки разлучили членовъ великаго посольства. Филаретъ жилъ въ Маріенбургѣ, не имѣя при себѣ никого изъ своихъ людей. Въ октябрѣ 1614 года царь Михаилъ Θеодоровичъ отправилъ къ отцу игумена Срѣтенскаго московскаго Монастыря, «священника инока Ефрема, «слыша про нево и про ево государево житіе и утѣсненіе. Вѣдаше онъ, государь, что у нево Государя нѣтъ никакова человѣка и чаяше онъ, Госу-

дарь, что ево къ нему, государю, пустятъ». Вмѣстѣ съ игуменомъ Ефремомъ царь Михаилъ Θеодоровичъ отправилъ въ Литву къ митрополиту Филарету «слугу и иное, что мало... потребное по росписцѣ, а росписца всему тому у священника Ефрема». Кромѣ того государь черезъ посредство Струся посылалъ своему любимому отцу, страдавшему на чужбинѣ, денегъ и всякаго платья и рухляди, о чемъ нашъ плѣнникъ писалъ своей женѣ и «пріятелямъ». Не знаемъ, скоро ли получилъ «священникъ инокъ» Ефремъ доступъ къ митрополиту Филарету. Извѣстно лишь, что «Литовскіе же люди тово игумена Ефрема сперва къ нему, государю, не пустиша. Послѣ жъ тово ему, государю, ево и отдаша, и былъ у нево, покамѣста ево Государя Богъ принесъ на Московское государство».

Вскорѣ по отъѣздѣ игумена Ефрема, въ концѣ 1614 года, въ Варшаву съ грамотой отъ бояръ къ панамъ раднымъ былъ отправленъ Θеодоръ Желябужскій. Ему были вручены двѣ грамоты къ митрополиту Филарету. Въ первой царь Михаилъ Θеодоровичъ просилъ благословенія у своего отца, сообщалъ ему о здоровьѣ своемъ и инокини Марθы Ивановны и просилъ его написать: «священно инокъ Ефремъ и слуга бывалиль, и что съ нимъ послано по росписцѣ, до васъ, Великаго Государя, дошло ли, и что къ тебѣ Великому Государю прислали денегъ и иныя какія рухляди Струсова жена и пріятели? Чтобъ, Государь, про то намъ было бъ вѣдомо». Центральное мѣсто царской грамоты составляло извѣщеніе о намѣреніи освободить митрополита Филарета изъ плѣна. Грамота и оканчивается выраженіемъ пожеланія царя и его матери «не душевными токмо, но и тѣлесными очима видѣти» отца и мужа. Другая грамота была послана на имя Филарета отъ освященнаго собора и «бояръ». Въ ней говорилось сначала о неправдахъ поляковъ, затѣмъ выражалась готовность вступить съ ними въ мирные переговоры для освобожденія какъ митрополита Филарета, такъ и князя Голицына съ другими плѣнными послами. Желябужскій, пріѣхавъ въ Варшаву, получилъ разрѣшеніе видѣться съ митрополитомъ Филаретомъ. Государевъ отецъ жилъ въ то время въ домѣ Льва Сапѣги. Принявъ грамоту Царя Михаила, митрополитъ Филаретъ спросилъ Желябужскаго: «Какъ Богъ милуетъ сына моего?» На отвѣтъ, что Царь Михаилъ Θеодоровичъ, Богъ далъ, въ добромъ здоровьѣ», государевъ отецъ сказалъ нашему посланнику: «Не гораздо вы сдѣлали, послали меня отъ всего Московскаго Россійскаго государства съ наказомъ къ Жигимонту королю прошать

сына его Владислава королевича на Московское государство государемъ; я и до сихъ поръ дѣлаю во всемъ вправду, а послѣ меня обрали на Московское государство государемъ сына моего, Михаила Θеодоровича; и вы въ томъ передо мною неправы; если уже вы хотѣли выбирать на Московское государство государя, то можно было и кромѣ моего сына, а вы это теперь сдѣлали безъ моего вѣдома». Желябужскій возразилъ на это: «Царственное дѣло ни зачѣмъ не останавливается; хотя бы и ты, великій господинъ, былъ, то и тебѣ было перемѣнить того нельзя,— сдѣлалось то волею Божіею, а не хотѣньемъ сына твоего». Митрополитъ Филаретъ согласился съ словами посла: «То вы подлинно говорите, что сынъ мой учинился у васъ государемъ не по своему хотѣнью, изволеніемъ Божіемъ да вашимъ принужденіемъ» [30]).

Затѣмъ, обратившись къ своему приставу Льву Сапѣгѣ, государевъ отецъ промолвилъ: «Какъ было то сдѣлать сыну моему?—Остался сынъ мой послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ и безсемеенъ, только насъ осталось я здѣсь, да братъ мой на Москвѣ одинъ, Иванъ Никитичъ».

Сапѣга, взбѣшенный, отвѣтилъ грубостью: «Посадили сына твоего на Московское государство государемъ одни казаки донцы». Желябужскій не оставилъ безъ возраженія дерзкаго замѣчанья Сапѣги. «Что ты, панъ канцлеръ, такое слово говоришь»,—съ укоризной сказалъ нашъ посланникъ,—«то сдѣлалось волею и хотѣньемъ Бога нашего, Богъ послалъ Духа своего Святаго въ сердца всѣхъ людей».

Послѣ этого митрополитъ обратился и къ своему приставу, пану Олешинскому, говоря и Сапѣгѣ и ему: «Насъ царь Борисъ всѣхъ извелъ,— меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичъ».

«Для чего царь Борисъ надъ ними это сдѣлалъ?»,—спросилъ у Сапѣги Олешинскій и получилъ въ отвѣтъ: «Для того царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдясь отъ нихъ, чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близки къ царю Θедору».

Тогда Олешинскій съ усмѣшкой сказалъ Желябужскому: «На весну пойдетъ къ Москвѣ королевичъ Владиславъ, а съ нимъ мы всѣ пойдемъ Посполитою Рѣчью; Владиславъ королевичъ учинитъ вашего митрополита патріархомъ, а сына его бояриномъ».

«Я въ патріархи не хочу», заявилъ Филаретъ, а посланникъ нашъ промолвилъ: «Ты, панъ, говоришь слово похвальное, а мы надѣемся на

милость Божію да на великаго государя Михаила Θеодоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость, и на премудрый разумъ надежны; нынѣ во всѣхъ государствахъ миръ, покой и тишина; всѣ люди ему, великому государю, служатъ и радѣютъ единодушно; и будемъ стоять противъ Владислава, вашего королевича, и противъ всѣхъ васъ».

Во время разговора вошла жена Струся и начала просить, чтобъ Филаретъ написалъ къ своему царственному сыну съ просьбой жаловать ея мужа. Митрополитъ Филаретъ обѣщалъ это сдѣлать, изъ чего можно заключить, что жена Струся исполнила извѣстное уже намъ порученіе царя Михаила Θеодоровича.

Желябужскому не удалось проститься съ государевымъ отцомъ. Причиной этого было то, что митрополитъ Филаретъ отказался писать къ сыну грамоты безъ царскаго титула, заявивъ: «не могу просто написати безъ царскаго именованія, боюся отъ Бога наказанія: что ему Богъ далъ, а мнѣ како отнять, коли Богъ ево нарече царемъ» [31]). Гридичъ, отправленный королемъ къ государеву отцу, сказалъ затѣмъ нашему посланнику: Какъ свѣдалъ Филаретъ, что сынъ его учинился государемъ, то сталъ на сына своего надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамотъ не пишетъ». Впрочемъ, по извѣстію Новаго Лѣтописца, митрополитъ Филаретъ имѣлъ возможность сказать Желябужскому: «Иди и скажи царю государю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Руси, а житіе мое все видишь самъ».

Послѣ отъѣзда Желябужскаго не было, кажется, къ митрополиту Филарету посылокъ изъ Россіи до 1619 года. Оно и понятно, такъ какъ въ это время готовился и состоялся походъ Владислава на Русь. Много, очевидно, пришлось пережить униженій и душевныхъ уколовъ плѣнному государеву отцу. Не разъ, конечно, ему приходилось выслушивать укоры поляковъ и переносить выходки Сапѣги и другихъ пановъ. Но въ 1619 году показался просвѣтъ. Митрополитъ Филаретъ узналъ, что заключено Деулинское перемиріе и назначенъ размѣнъ плѣнными.— Обхожденье съ Государевымъ отцомъ стало гораздо болѣе вѣжливымъ и учтивымъ [32]). А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ митрополита Филарета перевезли ближе къ русскимъ предѣламъ въ Оршу, а оттуда отправились съ нимъ къ Русскому рубежу.

Между тѣмъ уже въ началѣ марта 1619 года [33]) наши великіе послы, заключившіе въ декабрѣ 1618 года Деулинское перемиріе, были отправлены въ Вязьму на размѣнъ плѣнныхъ. Здѣсь жили они, ожидая

Встрѣча Филарета Никитича княземъ Пожарскимъ.

(Изъ „Книги о царскомъ избраніи“).

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

цикѡго
ст҃а преѡсщенного
митрополита макаре
ѧ антиѡхиича встрѣча
лъ в можаиске і бенд
архиепископъ рѧзанскиї
да боѧринъ кнѧзь дмит
реи михаиловичь пожа
рской . да ѡколничеи
кнѧзь григореи кон
стантиновичь
волконско
й.

до конца мая прибытія литовскихъ уполномоченныхъ и русскихъ плѣнниковъ. Съ ними же были и плѣнные поляки: «Струсь съ товарствомъ», всего до 300 человѣкъ. Наконецъ пришло извѣстіе, что литовское посольство прибыло въ Дорогобужъ. Тогда условились о мѣстѣ для съѣздовъ, которые должны были происходить въ пустоши Песочнѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Вязьмы, на рѣкѣ Поляновкѣ.

Литовскіе послы назначили съѣздъ на 27-е мая, но московскіе испугались того, что не уговорились о числѣ провожатыхъ съ обѣихъ сторонъ, и рѣшили съѣхаться 30-го. Такое промедленіе взволновало митрополита Филарета, истомившагося въ тяжкой неволѣ, и онъ велѣлъ передать посламъ, которые по приказу царя во всемъ спрашивали указаній государева отца: «Для чего бояре съ литовскими послами въ четвергъ 27 мая съѣздъ отложили и присрочили съѣздъ въ воскресенье 30? Намъ и такъ уже здѣшнее житье наскучило, не годъ и не два терпимъ нужду и заточенье, а они только грамоты къ намъ пишутъ и приказываютъ съ вами, что имъ подозрительно, отчего изъ Дорогобужа къ нимъ отъ меня никакой грамоты не прислано, а намъ о чемъ уже больше къ нимъ писать?— И такъ отъ меня къ нимъ писано трижды, боярамъ давно уже извѣстно, что меня на размѣнъ привезли, а если бы меня на размѣнъ отдать не хотѣли, то меня бы изъ Литвы не повезли, или бы изъ Орши назадъ поворотили».

На съѣздѣ 30-го мая Литовскіе послы предъявили новое требованіе о дорогѣ мимо Брянска между уступленными Москвой Рѣчи Посполитой городами. Послы отказали имъ въ этомъ и послали къ митрополиту Филарету спросить, не размѣнять ли его на Струся и нѣкоторыхъ его товарищей, а остальныхъ отпустить. Государевъ отецъ сквозь слезы сказалъ: «Велѣлъ бы мнѣ Богъ видѣть сына моего великаго государя царя, и всѣхъ православныхъ христіанъ въ Московскомъ государствѣ». Потомъ спросить у присланнаго Шереметевымъ и Мезецкимъ гонца: «Есть ли съ боярами какая-нибудь отъ сына моего присылка, соболи или что другое? Надобно мнѣ почтить тѣхъ поляковъ, которые оберегали мое здоровье; и если у бояръ есть соболи, то чтобъ они прислали мнѣ ихъ сегодня же».

Митрополитъ Филаретъ жаждалъ поскорѣе увидѣть своихъ близкихъ и дорогую родину, а литовскіе послы, понимая выгоды своего положенія, были неуступчивы и задорны. Положеніе нашихъ уполномоченныхъ было очень затруднительно. Въ то же время Шеинъ прислалъ черезъ довѣрен-

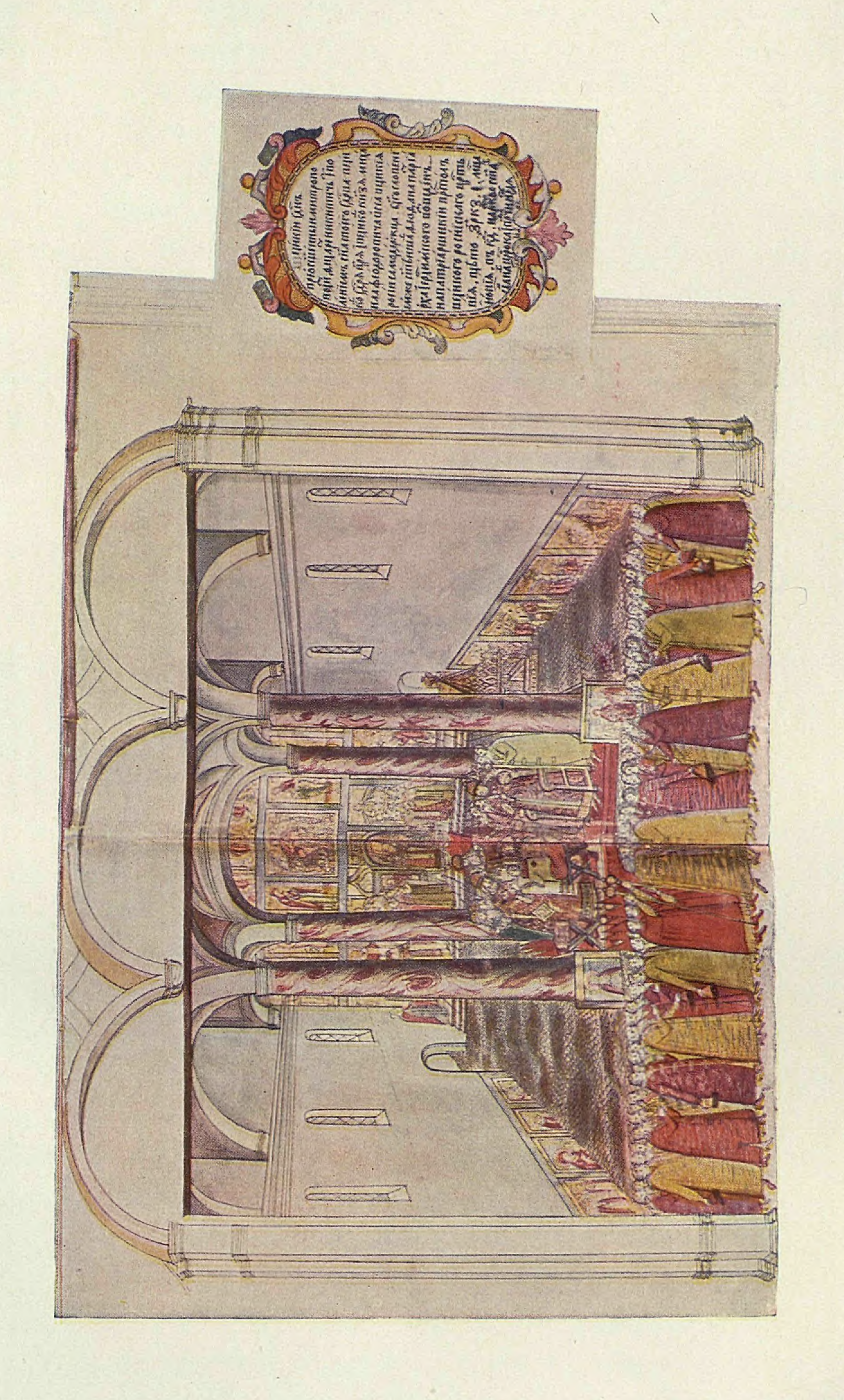
ное лицо сказать, что литовское посольство готово на нарушеніе перемирія. Тогда Θ. И. Шереметевъ съ товарищами согласились на требуемую уступку, и 1-го іюня поздно вечеромъ состоялся давно ожидаемый размѣнъ плѣнныхъ.

Самый размѣнъ произошелъ такимъ образомъ. Черезъ Поляновку построили два моста. Къ одному изъ нихъ подъѣхалъ Филаретъ въ возкѣ, за которымъ шли остальные русскіе плѣнные. У другого моста стоялъ въ то время Струсь и другіе плѣнные литовцы и поляки. Струсь первымъ былъ отпущенъ на литовскую сторону. Это разрѣшилъ сдѣлать Филаретъ. «Затѣмъ одновременно пошли по обоимъ мостамъ плѣнники, какъ русскіе, такъ и поляки съ литовцами. Послѣ долгой, томительной неволи государевъ отецъ, храбрый защитникъ Смоленска и многіе другіе стойкіе русскіе люди увидѣли желанную, любимую родину, которой принесли много великихъ жертвъ. Переѣхавъ черезъ Поляновку, митрополитъ Филаретъ вышелъ изъ возка. Къ нему подошелъ Θ. И. Шереметевъ и отъ лица царя сказалъ: «Государь Михаилъ Θеодоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, велѣлъ васъ о здоровьи спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорблялся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей многое время не сподоблялся видѣть». Потомъ Шереметевъ правилъ челобитье и отъ великой инокини Марθы. Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ по заведенному чину и благословилъ боярина. Затѣмъ товарищъ государева отца по великому посольству, князь Дан. Ив. Мезецкій, правилъ челобитье ему отъ боярской думы и «всего государства»: «Бояре, князь Θеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи, окольничіе и вся царского величества Дума и все великое Россійское государство вамъ, великому государю, челомъ бьетъ и вашего государскаго прихода ожидаетъ съ великою радостью». Третій великій посолъ, окольничій Измайловъ, обратился къ боярину Шеину съ такой рѣчью: «Служба твоя, раденье и терпѣнье, какъ ты терпѣлъ за нашу православную христіанскую вѣру, за Святыя Божіи церкви, за насъ, великаго государя, и за все православное христіанство Московскихъ великихъ государствъ, вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣли и промышляли, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить». И другіе плѣнные удостоились отъ царя подобнаго же знака вниманія.

На другой день утромъ государевъ отецъ поѣхалъ въ Вязьму, приказавъ послать польскимъ людямъ въ почесть барановъ, куръ, вина, меду,

Возведеніе Филарета Никитича на патріаршескій престолъ.

Клише и печать фотоцинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго.

калачей.—Въ это время въ Москвѣ происходили радостныя приготовленія къ достойной встрѣчѣ митрополита Филарета. 6-го іюня пришла въ Москву давно ожидавшаяся вѣсть о томъ, что государевъ отецъ освобожденъ [34]). Съ тѣхъ поръ государь трижды посылалъ къ нему узнать о здоровьѣ. Ѣздили приближеннѣйшія къ царю лица: Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, князь Иванъ Бор. Черкасскій и князь Аѳ. Вас. Лобановъ-Ростовской [35]). Въ то же время выработали порядокъ торжественныхъ встрѣчъ митрополита Филарета. Дѣло не обошлось безъ мѣстническихъ счетовъ не смотря на приказъ государевъ: «быть всѣмъ безъ мѣстъ» [36]).

Первая встрѣча состоялась въ Можайскѣ. Встрѣчали государева отца архіепископъ Рязанскій Іосифъ, бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и окольничій кн. Гр. Конст. Волконскій со свитой изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Во второй встрѣчѣ близъ Звенигорода у Саввина Сторожевскаго монастыря участвовали архіепископъ Вологодскій Макарій, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и думный дворянинъ Гавр. Григ. Пушкинъ.

Въ селѣ Хорошевѣ состоялась третья встрѣча, на которой были Митрополитъ Сарскій и Подонскій Іона, бояринъ князь Дм. Тим. Трубецкій и окольничій Ѳед. Леонт. Бутурлинъ [37]).

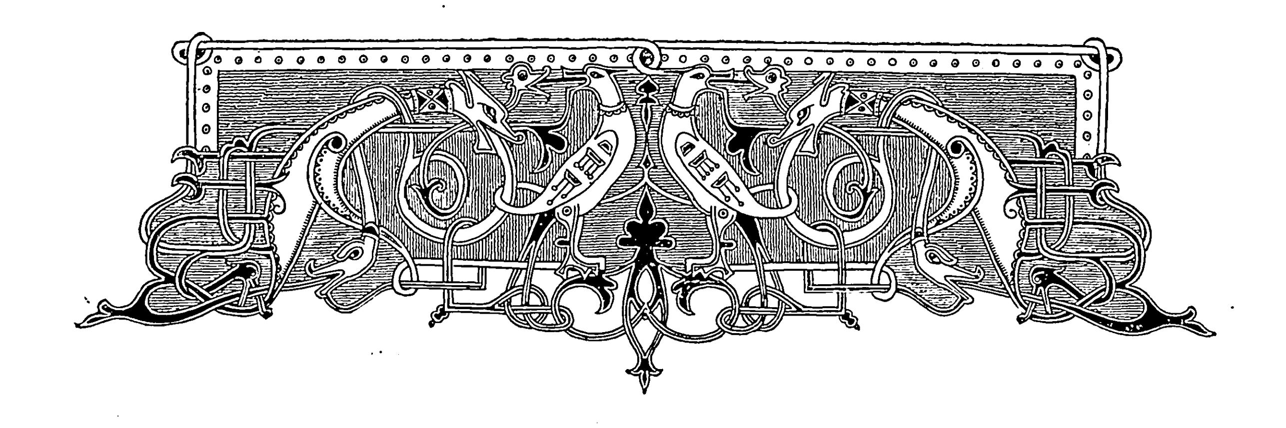
Наконецъ за рѣчкой Прѣсней, за Тверскими воротами встрѣчалъ 14-го іюня 1619 г. своего отца самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ и синклитомъ [38]). Встрѣча была радостная и трогательная: царственный сынъ склонился къ землѣ передъ митрополитомъ Филаретомъ, чтя въ немъ отца и святителя. И государевъ отецъ поклонился въ ноги сыну—царю. Долго не могли они подняться съ земли и заговорить; слезы умиленія и радости катились по ихъ лицамъ. И вся Москва ликовала при видѣ встрѣчи царя съ своимъ отцомъ, вернувшимся послѣ тяжкой неволи.

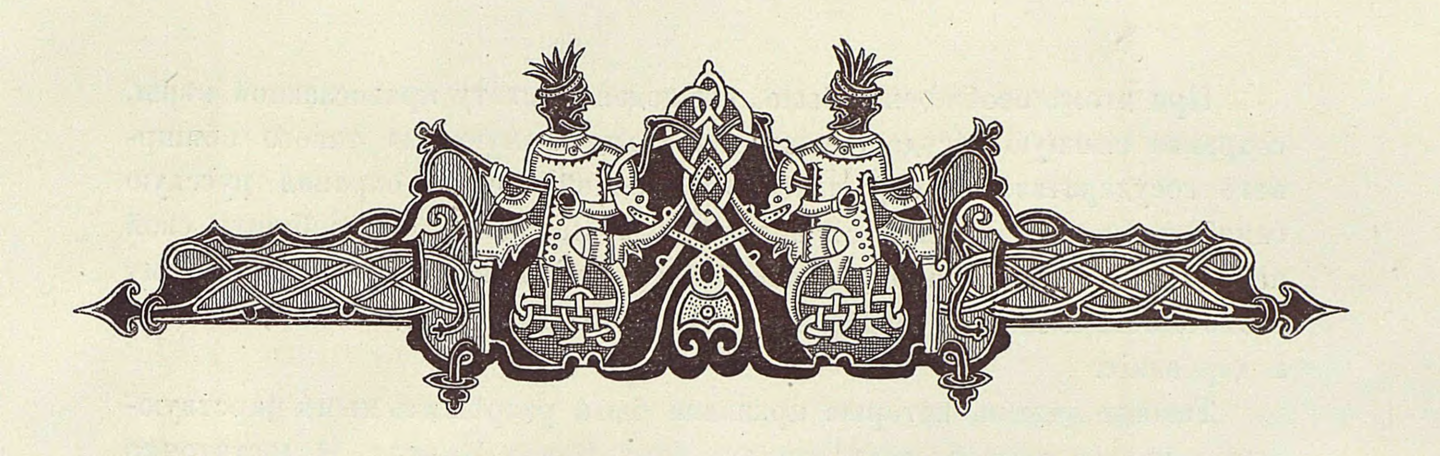
Царь ознаменовалъ радостный день свиданья съ митрополитомъ Филаретомъ подвигами благочестія и милосердія. Онъ построилъ между Никитской и Тверской улицами «храмъ во имя пророка Елисѣя», память котораго наша церковь празднуетъ 14-го іюня. Кромѣ того «Государь же Царь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи для прихода отца своего, кои были въ ево государской опалѣ за приставы и кои были сосланы по городамъ по темьницамъ, и тѣхъ государь пожаловалъ, велѣлъ освободить» [39]).

Вскорѣ по прибытіи митрополита Филарета «пріидоша же ко государю власти и бояре и всѣмъ народомъ Московскаго государства биша

ему челомъ со слезами, чтобъ онъ государь упросилъ у отца своего, государя Филарета Никитича, чтобъ вступился въ православную христіанскую вѣру и былъ бы на престолѣ патріаршескомъ Московскомъ и всеа Русіи [40]). Такое челобитье земскаго собора соотвѣтствовало задушевному желанію царя Михаила Өеодоровича и было совершенно естественно. На Москвѣ послѣ смерти Гермогена не было патріарха: ожидали освобожденія изъ плѣна государева отца [41]). Митрополитъ Филаретъ долго отрекался отъ великой должности и чести, слѣдуя русскому обычаю. Затѣмъ далъ свое согласіе. 22-го іюня его нарекли патріархомъ. 24-го іюня 1619 года состоялось торжественное возведеніе въ патріаршій санъ государева отца. Чинъ возведенія получилъ еще большую, чѣмъ обычно, торжественность, такъ какъ былъ совершенъ Іерусалимскимъ патріархомъ Өеофаномъ, бывшимъ въ то время въ Москвѣ [42]).

Прибытіе митрополита Филарета въ Москву и возведеніе его на патріаршескую каѳедру было важнымъ событіемъ русской исторіи. Государевъ отецъ былъ многоопытнымъ человѣкомъ. Съ желѣзной волей и властнымъ характеромъ онъ соединялъ широкій государственный умъ. Онъ хорошо зналъ Русь и ея нужды, знакомъ былъ съ вопросами внѣшней политики и внутренняго управленія. По своему положенію въ государствѣ, какъ государевъ отецъ и всероссійскій патріархъ, онъ пользовался громаднымъ и безусловнымъ авторитетомъ. Поэтому для Руси было безспорнымъ благомъ, что въ періодъ возстановленія и возсозданія нашей внутренней мощи на ряду съ добрымъ, ласковымъ, мягкимъ великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ сталъ у кормила правленія «владѣтельный», дѣятельный и проницательный великій государь патріархъ Филаретъ Никитичъ.

НАШЪ трудъ оконченъ. Съ возвращенiемъ государева отца изъ плѣна начинается новая эпоха царствованiя Михаила Θеодоровича. Первые годы своего правленiя родоначальникъ нынѣ царствующаго Дома Романовыхъ долженъ былъ положить на борьбу съ послѣдними проявленiями «разрухи» и «лихолѣтья». Смута не разъ пыталась возродиться, но не находила себѣ достаточной опоры въ русскомъ населенiи, громадное большинство котораго жаждало тишины и порядка, и поэтому была окончательно подавлена и прекращена. И съ внѣшними врагами, воспользовавшимися внутренними раздорами нашей родины, для того, чтобы обезсилить ее, а если окажется возможнымъ, то и покорить, такъ или иначе были установлены сравнительно мирныя отношенiя.

Велика была цѣна, которой наши предки купили себѣ спокойствiе на границахъ русской земли и прекращенiе иноземнаго вмѣшательства во внутреннiя дѣла Московскаго государства. За то Русь получила возможность дальнѣйшаго безпрепятственнаго развитiя и усиленiя.

Громадны и трудны были задачи, предлежавшiя нынѣ царствующей династiи. Предстояло на первыхъ порахъ поднятiе благосостоянiя страны, потрясенной смутой и «разрухой», и укрѣпленiе ея внутренней мощи, а затѣмъ упорная борьба за отторгнутыя отъ Руси ея исконныя области и за обладанiе берегами Балтiйскаго моря. Въ то же время нельзя было оставить безъ вниманiя и поддержки основнаго процесса нашей исторiи—освоенiя болѣе или менѣе пустынныхъ пространствъ Восточной Европы и Сѣверной и Средней Азiи и распространенiя въ нихъ русской христiанской культуры.

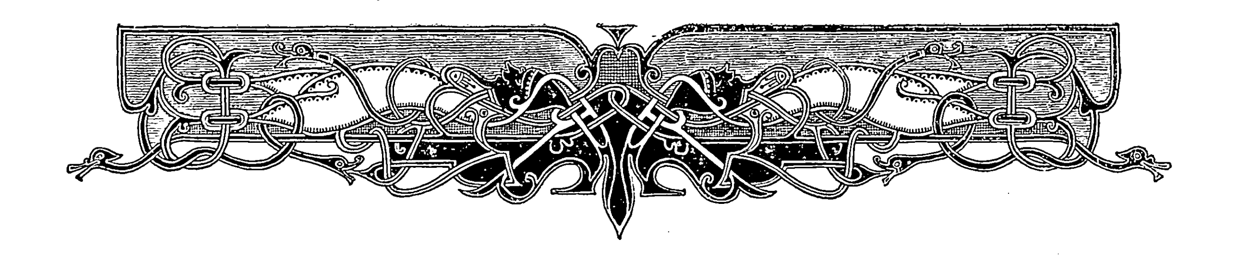
При этомъ необходимо было, соблюдая чистоту православной вѣры, сохраняя сильную государеву власть, столь важную для такого обширнаго государства, не отрываясь отъ родной почвы, охраняя русскую самобытность, сблизиться съ иноземнымъ Западомъ и пріобщить свой народъ къ благамъ западноевропейскаго знанія и культуры, дать ему возможность и свободу развернуть свои богатыя природныя способности и дарованія.

Таковы задачи, которыя призвана была разрѣшить нынѣ царствующая династія, унаслѣдовавъ ихъ отъ Дома Ивана Калиты. И достаточно имени Великаго Императора Петра I, внука царя Михаила Ѳеодоровича, чтобы понять, чѣмъ Россія обязана Дому Романовыхъ.

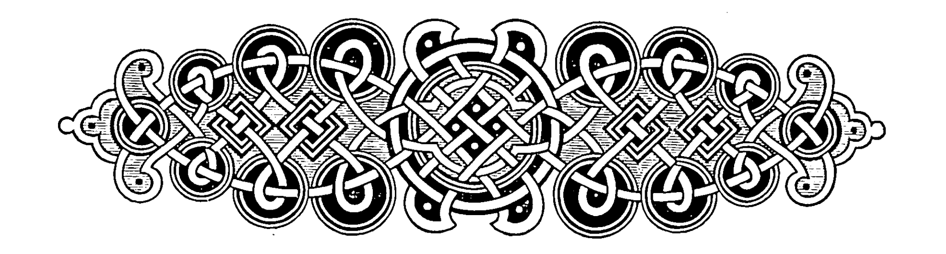
Между тѣмъ уже первые цари этого царствующаго Дома подготовили своей дѣятельностью ту почву, на которой съ такимъ блескомъ дѣйствовалъ впослѣдствіи Великій Преобразователь Россіи.

Они притомъ въ своемъ правленіи развивали начала, заложенныя въ Россіи предшествовавшей династіей. Вѣрные слуги и сотрудники, затѣмъ родственники князей и царей собирателей Руси, Романовы явились по праву историческаго преемства наслѣдниками и ихъ власти, и ихъ завѣтовъ.

Въ тяжелую годину смуты государи нынѣ царствующаго Дома бодро взялись за кормило правленія и, не страшась бурь и волненій, вывели могучую нашу родину на широкій путь славы, величія и процвѣтанія.

ПРИМѢЧАНІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ГЛАВѢ I.

1. П. С. Р. Л., т. X, стр. 218; курсивъ нашъ.

2. Это видно изъ того, что Лѣтопись помѣщаетъ это извѣстіе послѣ цѣлаго ряда сообщеній, относящихся къ 6855, т. е. 1346—1347 году.

3. Сочиненіе барона Кампенгаузена издано имъ въ Лейпцигѣ въ 1805 году.

4. Жирный шрифтъ въ оригиналѣ.

5. Первыя двѣ части (всего ихъ три) труда Кампенгаузена, относящіяся къ занимающей насъ темѣ, переиздалъ покойный Н. Н. Селифонтовъ въ «Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова», въ первой его части. Къ тексту приложенъ и переводъ in extenso. Мы въ текстѣ помѣщаемъ этотъ переводъ (данное мѣсто помѣщено на 113 стр. первой части «Сборника»), а въ примѣчаніяхъ даемъ нѣмецкій оригиналъ для свѣрки: das Haus *Romanow,* dessen voralterliches Stammhaus schon im dreizehnten Jahrhunderte in Russland ausässig ward, und seitdem dem Russischen Reiche im Kriege und Frieden, in den ansehnlichsten und wichtigsten Militair-Civil-und geistlichen Aemtern und Würden die ausgezeichnesten Dienste leistete,— das Haus Romanow, welches in der Linie Rurik-Romanow schon im sechzehnten Jahrhunderte zum Russischen Throne gelangte, und in der Linie Romanow-Rurik diesen Thron seit dem Jahre 1613, also seit ein hundert und zwei und neunzig Jahren, in männlicher und weiblicher Descendenz besitzt; stammt zunächst von dem Geschlechte Juriew, einem Zweige des Geschlechts Sacharin, das Geschlecht Sacharin aber von dem Geschlechte Koschkin, und das Geschlecht Koschkin von dem Gechlechte Kabülin oder Kambilin ab, von welchem sehr viele theils schon erloschene, theils noch fortblühende Russische Familien entsprossen sind. Das Geschlecht Kambilin ist aber kein einheimisch-Russisches, sondern ein Preussisch-Litthauisch-Samogitisches Geschlecht, das von den alten Königen, Fürsten, oder Machthabern unter den vormanligen heidnischen Bewohnern dieser Länder abstammt. (Селифонтовъ, стр. 112).

6. *Селифонтовъ*, I, стр. 120. Der erste in Russland etablirte Ahnherr der voralterlichen Romanowschen Stammhauses war ein Preussisch-Samogitischer Fürst oder Machthaber, Glandal (oder Glanda) Kambila Diwonowitsch genannt, von den uralten heidnischen Preussisch-Littauisch-Samogitischen Königen, Fürsten oder Machthabern entsprossen, der aus seinem väterlichen Erbe in Samogitien und in Sudauern-Land von dem die Preussischen Länder unterjochenden Deutschen Orrden vertrieben, in dem letzten Viertel des dreyzehnten Jahrhunderts mit seinem unmündigen Sohne nach Russland flüchtete, daselbst im Jahr 1287 getauft wurde und bey dieser Gelegenheit den Taufnahmen Jwan erhielt, wie dieses in der nachfolgen den genealogischen Special-Geschichte umständlicher erörtert werden wird. Seineben erwähnter Sohn, der in Russland Andrei Jwanowitsch Kambila (oder corrumpirt Kabüla, auch Kobüla) genannt wurde, hinterliess ein Zahlreiche Nachkommenschaft, die nach seinem und seines Vaters Beynahmen das Geschlecht Kabülin oder Kobülin hiess.

7. Первая посвящена исчисленію всѣхъ вѣтвей рода Андрея Кобыла, гербамъ этого рода, вопросу о родовыхъ вотчинахъ семьи Романовыхъ, и мн. др. Здѣсь авторомъ сдѣлано много интересныхъ наблюденій и приведено много цѣнныхъ для того времени (1805 г.) данныхъ. Однако Кампенгаузенъ

придаетъ слишкомъ большое значеніе сходству гербовъ родственныхъ между собоій фамиліи рода А. Кобылы и ихъ эмблемамъ (ibid. стр. 132—139), которыя по мнѣнію изслѣдователя подтверждаютъ происхожденіе Романовыхъ и отъ *Прусco-Литовско-Самогитскихъ* державцевъ. Мы знаемъ, что гербы вошли у насъ въ употребленіе съ конца XVII вѣка (Барсуковъ, I, стр. 12—13, ссылка на свидѣтельство Котошихина; ср. Котошихинъ «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», изданіе четвертое, стр. 28—29). Поэтому указанное Кампенгаузеномъ сходство свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что гербы составлены сообразно существовавшему въ концѣ XVII вѣка преданію, и подтверждать его никакъ не могутъ.

8. Ibid. стр. 191 и 192; Нѣмецкій текстъ см. на стр. 190 и 192: «Nach der Uebereinstimmung, die sich hierüber, neuern Forschungen zu Folge, in vielen der glaubwürdigsten Chroniken, Geschichts und Familien-Nachrichten und Urkunden findet, kann man mit Gewissheit annehmen, nicht nur, dass der erste Russische Ahnherr des vorälterlichen *Romanowschen* Stammhauses dieser *Glanda* (auch *Glandal* genannt) *Kambila Diwonowitsch,* sondern auch, dass er aus Samogitien und dem benachbarten Sudauer-Lande gekommen, in diesen Gegend ein Machthaber gewesen»...

9. Разсужденія Кампенгаузена основаны въ данномъ мѣстѣ на мнѣніи о томъ, что ложное преданіе въ такихъ случаяхъ не можетъ «зародиться, а потомъ удерживаться» не встрѣчая протестовъ «дѣйствительныхъ членовъ рода, которымъ навязывали чужеродцевъ» (ibid. стр. 193; см. стр. 192,нѣмецкій текстъ). А если преданіе возникло поздно и основано на измышленіяхъ? Кому тогда протестовать?

10. Кампенгаузенъ въ своихъ изысканіяхъ не нашелъ имени Гланды среди Самогитскихъ князей XIII вѣка (ibid. стр. 200—201), что не помѣшало ему вѣрить съ существованіе этоій миѳической личности.

11. Наибольшеій умѣренностью изъ намъ извѣстныхъ трудовъ подобнаго рода отличается «Родословіе Высочайшеій фамиліи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, Елизаветы Петровны самодержицы Всеросійскіе», составленное П. К. (какъ догадываются, извѣстнымъ Петромъ Крекшинымъ), напечатанное въ Памятникахъ Императорскаго Общества Любителеій Древнеій письменности и перепечатанное Селифонтовымъ. Въ предисловіи къ «Родословію» (*Селифонтовъ*, I, стр. 97) читается между прочимъ: «Фамилія... происходитъ отъ нѣкоего Андрея, которому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приписывается отечество Ивановичъ. И объ немъ упоминается, что выѣхалъ изъ Пруссіи и былъ братъ нѣкотораго Прусскаго князя. Когда сіе сдѣлалось, оное можно заключить по упомянутымъ въ родословныхъ книгахъ его потомкамъ, а именно, что пріѣздъ его въ Россію былъ около половины XIV вѣка по Рождествѣ Христовѣ, то-есть во время великаго князя Ивана Ивановича, отца великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго».

12. Извлеченіе изъ этоій записки, рукопись которой находится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева, сдѣлано въ извѣстномъ сочиненіи А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». Оно помѣщено въ 1-оій книгѣ названнаго труда на стр. 4—8.

13. *Барсуковъ* I, стр. 5, 6.

14. Ibid. стр. 7 и 8.

15. А. П. Барсуковъ сообщаетъ намъ и имена «ауторовъ», вдохновлявшихъ и руководившихъ Кольчева; среди нихъ мы встрѣчаемъ Длугоша, Кромера и т. п. историковъ, не отличавшихся критицизмомъ.

16. П. С. Р. Л., т. XXII, часть первая, стр. 214.

17. П. С. Р. Л., т. XII, стр. 78.

18. Прозваніе нѣкоторыхъ сыновеій Кобылы: Жеребецъ, Елка, Кошка; далѣе встрѣчаются Брехъ, Казакъ; Иванъ Никитичъ Романовъ имѣлъ прозвище Каша и т. д. Припомнимъ еще князей Овчину-Оболенскаго, Рѣпню и т. д. и т. д. Укажемъ у французовъ хотя бы епископа Пьера Кошона, у нѣмцевъ Баха и т. п.

19. Мы лично думаемъ, что Дивонъ измышленъ благодаря отчеству Андрея Кобылы, звавшагося, какъ видно изъ родословныхъ, Ивановичемъ. Подобно этому и Камбила появился благодаря прозвищу Андрея Ивановича. Правда, А. П. Барсуковъ приводитъ «дарственную запись Эрмляндскаго Капитула, данную 23 іюля 1290 года, нѣкоему Кабилѣ (Cabilo) на владѣніе помѣстьемъ Налабенъ (Nalaben), съ тѣмъ, чтобы онъ Кабило, и его наслѣдники, по обычаю страны, служили

капитулу однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ (*Барсуковъ* I, стр. 8) и дѣлаетъ такое заключеніе: «Сведя вмѣстѣ Колычовскаго Гланду-Камбилу, упоминаемаго въ Варминскихъ памятникахъ Cabilo и нашего лѣтописнаго Андрея Кобылу, казалось бы возможнымъ допустить что во всѣхъ трехъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ» (ibid., ст. 9). Такая возможность, по нашему мнѣнію, мало вѣроятна. Во всякомъ случаѣ разстояніе отъ князя, хотя бы и мелкаго, до ничтожнаго вассала, выставлявшаго на службу всего одного всадника (рыцарское «копье» состояло изъ нѣсколькихъ человѣкъ), слишкомъ велико, чтобы можно было сводить вмѣстѣ эти три показанія.

20. *Барсуковъ, I*, стр. 2. О происхожденіи Шереметевыхъ отъ А. Кобылы будетъ сказано въ настоящей книгѣ ниже.

21. *Барсуковъ, I*, стр. 3. Къ показанію Шереметева о властительномъ происхожденіи его предка въ Разрядѣ отнеслись, повидимому, безъ особаго довѣрія; по крайней мѣрѣ въ Бархатную книгу его не занесли; см. изд. Бархатной книги, Москва 1787 г., часть II, стр. 403.

22. Извѣстно, на какія искаженія и даже подлоги пускались люди конца XVII вѣка для прославленія своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ предковъ. См. объ этомъ хотя бы въ статьѣ «Хрущовскій списокъ Степенной книги...», Ж. М. Н. Пр., мартъ 1904 года, и отдѣльно.

23. Наоборотъ, какъ видно изъ показанія Шереметева, онъ считаетъ слово «Кобыла» прозвищемъ своего предка. Вообще, не принимая свидѣтельствъ этого боярина, не сомнѣваемся въ ихъ добросовѣстности. Изъ нижеслѣдующаго въ текстѣ видно, что слова Шереметева основаны на преданіяхъ XVI—XVII вѣковъ.

24. Н. П. Лихачевъ: «Разрядные дьяки XVI вѣка», стр. 312, прим. 2-е.

25. *Селифонтовъ, I*, стр. 19.

26. Курбскій, стр. 108.

27. Ibid., стр. 360.

28. Объ этомъ дѣлѣ подробно ниже, см. *Карамзинъ, VI*, прим. 489; Древнѣйшая Разрядная книга офиціальной редакціи, Москва, 1901 г., стр. 27. В. О. Ключевскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Извѣстенъ мѣстническій случай, въ которомъ самъ Иванъ III выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служилаго князя передъ простымъ, хотя бы и родовитымъ московскимъ бояриномъ... Великій князь... напомнилъ ему одинъ служебный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія: бояринъ Ѳ. Д. Хромой, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челядниныхъ, командовалъ сторожевымъ полкомъ, когда главнымъ воеводой былъ послѣдній великій князь Ярославскій... Великій князь хотѣлъ сказать Захарьичу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи, родовитой не менѣе Кошкиныхъ, не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ княземъ Ярославскимъ... Такъ генеалогической знатности стали жертвовать давностью службы» (*Ключевскій* «Дума», стр. 211 и сл.).

29. Вотъ почему покойный С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» ни разу не обмолвился о выѣздѣ Андрея Кобылы «изъ Пруссъ». Впрочемъ Ключевскій вѣритъ, что «изъ Пруссіи» шли «*Кошкины* съ отраслями своими *Захарьиными* и *Беззубцевыми* и съ родичами *Колычевыми*» (*Ключевскій* «Дума», стр. 168, прим.; курсивы въ подлинникѣ).

30. Быть можетъ, на такія предположенія наталкивали и выѣзжіе на Русь греки и славяне среди которыхъ были мастера на выдумыванье пышныхъ генеалогій; см. объ этомъ ниже.

31. См. Бархатную книгу, часть 2-ую, стр. 281—426.

32. Ibid., стр. 415 и 419—20.

33. *Ждановъ* «Русскій былевой эпосъ», стр. 109.

34. П. С. Р. Л., т. XXI, часть первая, стр. 10.

35. *Ждановъ* «Русскій былевой эпосъ», стр. 111; на стр. 109—110 Ждановъ указываетъ на аналогичныя генеалогіи болгарскихъ Асѣней, ведшихъ себя отъ знатнаго римскаго рода и сербскихъ Нѣманей, притязавшихъ на родство съ Константиномъ Великимъ.

36. Изъ «Сказанія о Князяхъ Владимерскихъ» и «Посланія Спиридона Саввы (тексты ихъ помѣщены у *Жданова*, op. cit; см. легенду на стр. 594 — 596) легенда перешла въ Московскую

оффиціальную лѣтопись и Степенную, гдѣ Пруссъ изъ родственника (такимъ его считали «Сказаніе и Посланіе») обратился въ брата Августа Кесаря.

37. Объ Иванѣ IV см. у *Жданова*, op. cit, стр. 113; припомнимъ любопытный разсказъ Флетчера о томъ, какъ самъ царь пресерьезно увѣрялъ одного иноземца въ своемъ нѣмецкомъ происхожденіи (Флетчеръ, изданіе Суворина, 1906, стр. 19).

38. *Селифонтовъ*, I, стр. 315—324. Русскіе люди XVII вѣка настолько вѣрили въ существованіе Пруса, что писали въ грамотѣ объ избраніи царя Михаила Θеодоровича, о происхожденіи Рюрика «отъ корени Августа Кесаря» (С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 399.

39. Издана въ С.-Петербургѣ, въ 1908 году.

40. Вся статья состоитъ главнымъ образомъ изъ ряда выдержекъ изъ документовъ XIII и XIV вѣка; среди этихъ выдержекъ и даются намеки, позволяющіе угадывать мысль автора. При этомъ нѣчто осталось недосказаннымъ, а потому и не совсѣмъ обоснованнымъ. Такъ, наприм., неясно, почему «Иванка» новгородскихъ грамотъ называются авторомъ также и Ивопей. Затѣмъ въ вопросѣ о владѣніяхъ, данныхъ «Иванкови», мы рѣшительно не можемъ согласиться съ уважаемымъ Г. С. Ш. Дѣло въ томъ, что въ грамотахъ (кстати отмѣтимъ, что на стр. 17 интереснаго изслѣдованія Г. С. Ш. вкралась въ ссылкахъ 1 и 2 путаница, явившаяся, быть можетъ, вслѣдствіе корректорскаго недосмотра: въ 1-ой ссылкѣ должно быть поставлено № 2, а во второй рѣчь должна идти о грамотѣ № 1), на которыя ссылается Г. С. Ш. и которыя говорятъ объ одномъ и томъ же пожалованіи «Иванкови» земли Новгородской, такъ какъ обѣ писаны въ одно время, читается объ этомъ фактѣ слѣдующимъ образомъ. Въ первой грамотѣ (С. Г. Гр. и Дог. I, стр. 1) стоитъ: «А се, Княже, волости Новгородскые: Волокъ съ всеми волостьми, Торжькъ, Бежицъ, городецъ Палицъ, а то семи дали Иванкови; потомъ Мелечя...» Если изъ приведеннаго мѣста можно было бы заключить, что Иванка получилъ Волокъ, Торжокъ и т. д., то вторая грамота (ibid. стр. 2) разъясняетъ, въ чемъ дѣло. Тамъ находимъ: «А се волости Новгородскые: Волокъ со всеми волостьми. А держати ти своіі тивунъ на половинѣ, а Новгородецъ на половинѣ во всеіі волости Волоцькоіі, а въ Торожку, княже, держати тивунъ на своеіі части, а Новгородецъ на своеіі части. А городецъ (здѣсь пропущено Палицъ; ср. ibid, стр. 3, 6 и т. д.), Княже, далъ Дмитріи съ Новгородци Иванку; а то ти, Княже, не отъяти...» Ясно, что Иванкѣ данъ былъ одинъ «Городьцъ Палицъ», притомъ не въ потомственное владѣніе; см. ibid. стр. 3; въ грамотѣ, написанной въ 1270 году, о дареніи Иванку уже не упоминается; сравн. и другія грамоты, помѣщенныя дальше въ томъ же томѣ.

41. *Селифонтовъ*, I, стр. 19.

42. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 51, подпись на духовной 1371 года; П. С. Р. Л., т. XI, стр. 54: «А на Москви воеводу своего остави у отца своего Кипріана митрополита всея Русію, и у жены своеіі, у великія княгинѣ Евдокѣ, и у сыновъ своихъ, у Василья и у Юрья, Θедора Андрѣевича»; С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 59 «что вытягалъ бояринъ моіі Θедоръ Андрѣевичъ на обчемъ рѣтѣ Товъ и Медынь у Смолнянъ».

43. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 62.

44. П. С. Р. Л., т. XXI, вторая часть, стр. 403.

45. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 16.

46. П. С. Р. Л., XI, стр. 155: «И Князь велики Василей Дмитреевичь посла къ нимъ въ Новгородъ Θеодора Кошку, Андреева сына Кобылина и Ивана Уду и Селивана и подкрѣпиша миръ по старинѣ и черноіі боръ даша великому князю на всѣхъ властехъ Новгородскихъ».

47. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 127: «Женилъ князь Михаилъ Александровичъ Тверскіи сына своего въ Москвѣ у Θедора у Кошки, Андреева сына».

48. Его подписи нѣтъ уже на первоіі духовной великаго князя Василья Дмитріевича, составленноіі въ 1406 году, объ его постриженіи и монашескомъ имени (Θеодоритъ), см. *Барсуковъ*, I, стр. 26 и 50—51.

49. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 72. Иванъ Θедоровичъ занимаетъ среди бояръ 6-е мѣсто.

50. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 16.

51. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 82 и 85.

52. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 82 и 85.

53. П. С. Р. Л., т. V, стр. 264 и сл. Разсказъ помѣщенъ въ Софійской первой лѣтописи.

54. *Барсуковъ*, I, стр. 30 и сл. и прим. 42, гдѣ указана 117 стр. Архангелогородскаго лѣтописца, изд. въ Москвѣ въ 1781 году.

55. Мы лично склонны ему вѣрить, хотя Никоновская лѣтопись разсказываетъ все дѣло иначе (П. С. Р. Л., т. XII, стр. 17 » ... тогда позналъ Петръ Констянтиновичь на князи Василыи Юрьевичѣ поясъ злать... Тотъ бо поясъ о свадьбѣ великаго князя Дмитрія Ивановича подмѣнилъ Василій тысятскій....»

56. Во время этихъ междуусобій, дѣйствительно, были случаи разграбленія имущества у враговъ и ихъ сторонниковъ, что видно, напримѣръ, изъ договорной грамоты вел. князя Василія II съ дядей его княземъ Юрьимъ Галицкимъ, относящійся къ 1428 году: «А что были межъ насъ въ наше нелюбие войны и грабежи, или дани иманы, или гдѣ что взято и положеное, и тому погребъ на обѣ сторонѣ". (С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 87). Затѣмъ въ 1448 году кн. Дмитрій Шемяка и кн. Иванъ Можайскихъ обязались передъ вел. кн. Васильемъ II возвратить, «что есмя взяли казну князя Великаго и матери его Великіе княгини, и его Великіе княгини и бояръ его и Марьины Голтяевы»

57. *Селифонтовъ*, I, стр. 284.

58. П. С. Р. Л., XII, стр. 63: «Приходиша Литва къ Колузѣ, панъ Судивой, пани Родивилъ Осиковичъ, Андрюша Мостиловичъ, Якубъ Раловичъ, Андрей Исаковичъ, Николай Немировичъ, Захарья Ивановичъ Кошкинъ, а рати съ ними 7000; Соловьевъ, I, стр. 1512, прим. 3: «Литовскій воевода Захаръ Ивановичъ Кошкинъ былъ смоленскій бояринъ. О фамиліи Смоленскихъ Кошкиныхъ см. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Польскія»....

59. Древнѣйшая разрядная книга офиціальной редакціи, стр. 10: «Князь Юрьи Патрикѣевичъ пріѣхалъ, а заѣхал бояр....». Положеніе служебныхъ князей первоначально было выше боярскаго, что видно и изъ выраженія «князья и бояре». Затѣмъ съ наплывомъ въ Москву массы княжья, съ присоединеніемъ къ Москвѣ удѣловъ измельчавшихъ княжескихъ фамилій, князья не только обратились въ рядовыхъ бояръ, но многіе изъ нихъ пополнили собой ряды класса уѣздныхъ дѣтей боярскихъ.

60. *Ключевскій* «Боярская дума», стр. 212: «столь же знатные Кошкины еще держатся коекакъ на поверхности служилаго потока» ibid., стр. 215: «изъ простаго московскаго боярства одни Кошкины съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались среди этой высшей знати».

61. Этотъ боярскій родъ, слѣдуя тогдашнему обыкновенію, часто смѣнялъ свою фамилію, при чемъ имя дѣда, иногда прадѣда замѣняли наше фамильное обозначеніе.

62. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 5; пожалованіе отмѣчено 6988 годомъ; это падаетъ на 1479—1480 гг. По словамъ В. О. Ключевскаго свѣдѣнія, сообщаемыя спискомъ чиновъ, помѣщенными въ Древней Вивліоѳикѣ, т. XX, не вполнѣ исправны (*Ключевскій*, «Боярская Дума» стр. 220, прим.), въ особенности запаздываютъ часто въ хронологіи.

63. Въ 1482 году въ Новгородѣ намѣстникомъ былъ еще князь Шуйскій (П. С. Р. Л., XII, стр. 213); но уже въ 1485 году великій князь «боярину своему Іакову Захарьичу велѣлъ пойти съ Новгородскою силою (ibid, стр. 217) «къ Твери ратію».

64. «Въ лѣто 6995.... князь великій перевелъ изъ Великаго Новгорода въ Володимеръ лучшихъ гостей новогородскихъ пятьдесятъ семей (П. С. Р. Л., т. XII, стр. 219).

65. П. С. Р. Л., т. XII, стр. 220; здѣсь разсказана вся исторія этого переселенія.

66. Древняя Россійская Вивліоѳика, XIV, стр. 237: «Князь Великій приказалъ съ Тобою (т. е. Генадіемъ) того дѣла обыскивати Намѣстникомъ Якову да Юрью Захарьевичемъ, и тыбъ съ ними того дѣла обыскивалъ вмѣстѣ, и которые дойдутъ по правиламъ твоимъ святительскимъ духовныя казни, и ты ихъ духовне казни, а которыя дойдутъ градскіе казни, ино тѣхъ Намѣстники Великаго князя казнятъ градскою казнею.

67. Древнѣйш. разр. Книга, стр. 22; П. С. Р. Л., т. XXI, часть вторая, стр. 571: «Въ лѣто же 7004 году великій князь посла воеводъ своихъ: князя Данила Васильевича и Якова Захарьича къ Немецькому граду Выбору. Они же града не взяша, землю же пусту сотвориша.

68. А. И., I, № 110.

69. П. С. Р. Л., XII, стр. 252.

70. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 12; выше Якова Захарьича стоятъ лишь князья Даніилъ Васильевичъ Щеня и Михаилъ Ѳедоровичъ Телятевскій; на духовной князя Ивана III подписались 4 сановниковъ: князь Василій Даниловичъ (Холмскій, занимающій въ спискѣ бояръ 7 мѣсто), князь Данила Васильевичъ (Щеня), да Яковъ Захарьичъ, да казначѣй Дмитреи Володимеровичъ Овца; (см. Г. Г. Гр. и Дог., I, стр. 400).

71. П. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 9.

72. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 15: «7019 году... умерли, Бояринъ Яковъ Захарьевичъ». Что касается именованія Якова Захарьича воеводой Коломенскимъ (см. *Соловьевъ*, т. VI, стр. 1513, выдержки изъ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи), то оно ни что иное, какъ титулъ, придававшійся нашимъ вельможамъ при сношеніи ихъ съ иноземцами.

73. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 7 и 11.

74. Какъ мы видѣли изъ одного изъ примѣчаній, сдѣланныхъ выше, Юрій Захарьевичъ былъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ намѣстникомъ Новгородскимъ въ 1492 году. Не былъ ли онъ имъ и раньше?

75. П. С. Р. Л., XII, стр. 252; о мѣстничествѣ съ княземъ Даниломъ см. «Древнѣйшая разрядная книга», стр. 27. Кромѣ войны съ Литовцами Юрій Захарьичъ участвовалъ въ двухъ походахъ на Казань: въ 1485 и 1499 годахъ, оба раза въ должности второстепеннаго воеводы (см. Др. разр. книгу, стр. 14 и 24).

76. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 453: «Иванъ Васильевичъ.... выбралъ себѣ невѣсту, дщерь околничего своего Романа Юрьевича». Въ спискѣ высшихъ чиновъ, помѣщенномъ въ XX т. Древней Россійской Вивліоѳики Романа Юрьевича не встрѣчается. Въ Древн. Разр. кн. онъ упоминается въ 1532 году, какъ одинъ изъ младшихъ воеводъ на берегу (стр. 87 и 89), а въ 1537 году, какъ второй воевода въ Нижнемъ-Новгородѣ (стр. 102). О днѣ и годѣ его смерти см. *Селифонтовъ*, II, стр. 33 и сл.

77. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 17 и 20; П. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 13: „Въ лѣто 7019 (т. е. 1510) ноября отпустилъ князь великій Василеіі Ивановичъ всеа Русіи посольствомъ въ Литву Михаила Юрьева сына Захарьича, ibid стр. 31—32, о посольствахъ М. Ю. въ Казань; въ 1520 году М. Ю. ведетъ переговоры съ Литовскими послами (*Карамзинъ*, VII прим. 206, выписка изъ Польскихъ дѣлъ, о военныхъ службахъ М. Ю. свѣдѣнія собраны у *Селифонтова*, II, стр. 30 и 31.

78. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 429 и 432. Древняя Вивліоѳика, XIII, стр. 15.

79. П. Р. С. Л., XIII, вторая половина, стр. 409—419; мы главнымъ образомъ останавливаемся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ играетъ роль Михаилъ Юрьевичъ.

80. Извѣстный любимецъ великаго князя Василія III.

81. Особенно не вѣрилъ онъ и сторонился отъ князя Юрія; пожалуй потому, что онъ, какъ старшій, былъ опаснѣе своего брата Андрея.

82. П. С. Р. Л., XIII, стр. 413 стоитъ 6; исправлено по разсказу Софійской второй лѣтописи.

83. Зная расположеніе князя Василія III именно къ этой средѣ служилыхъ людей, не сомнѣваемся въ искренности ихъ чувствъ.

84. П. С. Р. Л., XIII, стр. 414; Глинскій и Захарьинъ не названы, но по контексту ихъ присутствіе разумѣется.

85. *Соловьевъ*, II, стр. 13 и 17.

86. Древняя Вивліоѳика XX, стр. 29; изъ списка, помѣщеннаго тамъ же на стр. 27, видно, что М. Ю. въ годъ смерти Василія III занималъ въ боярской думѣ 8 мѣсто.

87. О братьяхъ и сестрахъ Михаила Юрьевича, а также и о дѣтяхъ его см. Селифонтовъ II, стр. 32—40 и 54—58.

88. Мысль объ историческомъ правѣ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ быть преемниками династіи Калиты унаслѣдована нами отъ С. М. Соловьева (*Соловьевъ*, II, стр. 537).

КЪ ГЛАВѢ II.

1. *Селифонтовъ*, II, стр. 33 и 58—70; Анна Романовна показана старшей; судя по тому, что въ разсказѣ о св. Геннадіи она не упоминается (см. объ этомъ ниже въ текстѣ), это совершенно правильно.

2. *Соловьевъ*, II, стр. 40, прим. 5: Принимая во вниманіе, что Далматъ Романовичъ умеръ въ октябрѣ 1545 г. (*Селифонтовъ*, II, стр. 62), посѣщеніе святаго относимъ къ 1545—1547 годамъ; быть можетъ, предсказаніе вызвано слухами о близкой женитьбѣ царя.

3. П. С. Р. Л. XXI, часть 2-я, стр. 629 (предсказаніе Дементія) и 584 (предвѣщаніе Галактіона); это предвѣщаніе сдѣлать было не такъ трудно: Казань клонилась къ паденію, Василій легко могъ имѣть сына, а имя Ивана тоже подсказывалось памятью объ Иванѣ III.

4. Ibid., стр. 608, «Повѣсть о роженіи царскаго отрочати» извѣстна М. А. Дьяконову по рукописи XV вѣка, въ которой она помѣщена, какъ отдѣльное сказаніе (*Дьяконовъ*, «Власть Московскихъ государей», стр. 105.

5. Ср. *Соловьевъ*, II, стр. 334: «Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ...... своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами:—выросъ Грозный». Если разсматривать Іоанна IV независимо отъ его нравственныхъ качествъ, нельзя не признать въ немъ очень крупнаго государственнаго дѣятеля.

6. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 415, П. С. Р. Л., VI, стр. 271.

7. Митрополитъ Макарій былъ иниціаторомъ составленія Великихъ Четь-Миней, собранныхъ его иждивеніемъ. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ іерарховъ. Не знаемъ навѣрное, близокъ ли былъ Макарій Ивану. Но извѣстно, что митрополитъ пользовался величайшимъ уваженіемъ царя. Макарій принадлежалъ къ той партіи духовенства, идейный вождь которой приравнивалъ власть государя къ Божьей.

8. До Ивана IV титулъ царя употреблялся нашими государями только во внѣшнихъ сношеніяхъ.

9. Думаемъ, что принятіе титула имѣло въ глазахъ Ивана именно этотъ двойной смыслъ. Разсказъ о намѣреніи Іоанна IV жениться и вѣнчаться на царство см. въ П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 450 и сл.

10. *Герберштейнъ*, «Записки о Московитскихъ дѣлахъ», изданіе А. С. Суворина, 1908 года, стр. 37 и 38; ср. 273 и 274 стр. того же изданія (изъ сочиненія Павла Іовія). Замѣтимъ, что Герберштейнъ, а за нимъ и Іовій считаютъ выборъ невѣсты изъ многихъ, приводимыхъ на смотръ, молодыхъ дѣвушекъ давнимъ обыкновеніемъ Московскихъ государей.

11. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 43 и 44.

12. См. *Соловьевъ*, II, стр. 40; сказавъ о знатности и древности рода невѣсты и о близости къ покойному великому князю Василію III, къ покойному же дядѣ Анастасіи Романовны, боярину Михаилу Юрьевичу, Соловьевъ замѣчаетъ: «быть можетъ и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ»; вторая жена Іоанна была княжной, но выѣзжей, Черкасской.

13. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 453; тамъ же «и бысть радость велія о государьскомъ брацѣ»; подробности о свадьбѣ см. Древняя Вивліоѳика, XIII, стр. 29—35; поученіе Макарія, см. Древняя Вивліоѳика, XIV, стр. 227—233.

14. Р. И. Б., XIII, стр. 11.

15. См. *Соловьевъ*, II, стр. 41—45; стр. 44: «Нравственный переворотъ, долженствовавшій произойти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши....».

16. *Селифонтовъ*, II, стр. 69; ср. Степенная, II, стр. 269.

17. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 483—4; рѣчи царя и царицы подверглись реторической обработкѣ во вкусѣ вѣка; но сцена схвачена живо.

18. *Курбскій*, стр. 38. Принявъ во вниманіе, что Даніилъ Романовичъ отправленъ былъ царемъ въ Москву, изъ Казани по завоеваніи этого города (не позже 3-го октября; см. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 515), а приговоръ идти къ Москвѣ состоялся 11-го октября (ibid. стр. 516),

неясно о какихъ *шурьяхъ* говоритъ Курбскій; у царицы было тогда въ живыхъ всего лишь 2 брата.

19. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 517—523; отмѣтимъ, что великая княгиня Елена не ѣздила въ Троицкій монастырь, куда Василій возилъ крестить своего сына Ивана (П. С. Р. Л., XXI, вторая часть, стр. 608).

20. Разсказъ о происшествіяхъ, связанныхъ съ присягой царевичу Дмитрію см. въ П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 523—526 и 529—532.

21. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 524: «Селиверстъ...... владѣяше всѣмъ съ своими совѣтниками..... И оттолѣ бысть вражда межъ бояръ и Селиверстомъ и его совѣтники».

22. О причинѣ смерти царевича свидѣтельства расходятся; Никоновская лѣтопись говоритъ глухо: «не стало царевича князя Димитрія въ объѣздѣ въ Кириловскомъ, назадъ ѣдучи къ Москвѣ» (П. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 230). Степенная говоритъ о болѣзни Дмитрія (Степенная, II, стр. 268—269: «Божіими же судьбами Царевичъ Дмитрій на пути томъ болѣзновати начати и въ той болѣзни отъиде къ Богу». Голландскій писатель Исаакъ Масса (русскій переводъ, стр. 13) разсказываетъ, что царевичъ погибъ, упавъ изъ рукъ матери въ озеро. Наконецъ дьякъ Иванъ Тимофеевъ, писатель вообще достойный довѣрія, хотя и несовременникъ Анастасіи, повѣствуетъ, что малютка Дмитрій былъ оброненъ уснувшей кормилицей въ воду и утонулъ (Р. И. Б., XIII, стр. 282). Впрочемъ трудно повѣрить этому разсказу. Грозный навѣрное увидѣлъ бы въ этой катастрофѣ злой умыселъ своихъ враговъ и распространился бы о ней въ перепискѣ съ Курбскимъ.

23. Селифонтовъ, II, стр. 69.

24. П. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 237 и 238 и примѣчанія, по вѣрному замѣчанію С. Ѳ. Платонова («Очерки», стр. 123) «Хотя... князья.... называли царицу робу «своей сестрою», тѣмъ не менѣе съ очень ясной брезгливостью относились къ ея нетитулованному роду».—Любопытно сравнить въ данномъ случаѣ указаніе на сравнительную незнатность Анастасіи дьяка Тимоѳеева. Проникнутый аристократическими тенденціями (О Тимоѳеевѣ см. статью «Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ и его Временникъ», помѣщенную въ Ж. М. Н. Пр., 1908 г., мартъ), дьякъ пишетъ (Р. И. Б., XIII, стр. 279/80) «свѣнечницу же своему царствія высоты не отъ странъ призва, ниже благородіемъ стройну. себѣ потребова, но своея его земли дому изобрѣлъ, отъ синклитска роду избравъ дщерь»; далѣе идутъ похвалы добродѣтелямъ и красотѣ Анастасіи.

25. *Курбскій*, Сказанія, стр. 191 и 216 (письмо Грознаго Курбскому).

26. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 321 (извѣстіе о болѣзни царицы) и 328 (о смерти ея).

27. *Курбскій*, Сказанія, стр. 224 (второе письмо Грознаго: «Только бы у меня не отняли юницы моея»...

28. П. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 328.

29. *Ключевскій*, «Боярская Дума», стр. 331.

30. Платоновъ, «Очерки»; собственно опричнинѣ посвящены стр. 131—150; о взглядахъ на политику Грознаго см. «Очерки» passim.

31. Вспомнимъ сказку о Горшенѣ, гдѣ царь выставленъ борющимся съ худымъ разумомъ бояръ, и пѣсню о Никитѣ Романовичѣ, приведенную въ этой книгѣ ниже.

КЪ ГЛАВѢ III.

1. Древняя Вивліоѳика, XIII, стр. 31: «а передъ великимъ княземъ ходилъ Окольничей Данило Романовичь Юрьевъ»; Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 35 «7056 (1547—1548 г.) году.... Окольничіе Данило Романовичь Юрьевъ».

2. Древняя Россійская Вивліоѳика, XX, стр. 35—6 „7057 (1548—1549 года) году «Сказано, Бояре.... Дворецкій Данило Романовичъ Юрьевъ». (Изъ Древней Вивліоѳики XIII, стр. 41) видно, что дворецкимъ Данило Романовичъ сталъ въ 1548 году; ibid., стр. 47, „7074 (1565—1566) году...

умерли, Бояре: Дворецкій Данило Романовичь Юрьевъ; ср. *Селифонтовъ*, II, стр. 60—3, гдѣ годомъ кончины принимается 1564.

3. *Селифонтовъ*, II, стр. 60—62.

4. *Курбскій*, стр. 78 и 79; далѣе читаемъ: «Тогда царева жена умре: они же рѣша, аки бы очаровали ее оные мужи (здѣсь разумѣются Сильвестръ и Адашевъ); подобно, чему сами искусны и во что вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагаютъ».

5. *Селифонтовъ*, II, стр. 59, 75 и 76, гдѣ указанъ годъ, мѣсяцъ и день кончины; въ этотъ именно день было нашествіе хана Девлетъ-Гирея, запалившаго Москву со всѣхъ сторонъ; во время страшнаго пожара масса жителей погибла отъ пламени, дыму и давки (см. *Карамзинъ*, IX, стр. 107).

6. Древняя Вивліоѳика, XIII, стр. 34; ibid. стр. 38, на свадьбѣ у царскаго брата Никита Романовичъ исполнялъ тѣ же обязанности.

7. *Селифонтовъ*, II, стр. 63 и 78—80; изъ разныхъ соображеній, приведенныхъ тамъ, явствуетъ, что патріархъ Филаретъ, старшій сынъ Н. Р., родился отъ втораго брака.

8. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 43, 45 и 47.

9. Древнѣйшая разр. кн. стр. 204, 205, 212, 215 и др.; рѣчь идетъ о походѣ 1559 и 1574—1575 годовъ. Древняя Вивліоѳика, стр. 436, 451, 457.

10. *Соловьевъ*, II, стр. 261.

11. Древняя Вивліоѳика, XIII, стр. 361, 368, 422, 423, 443; ibid. XIV, стр. 325 и 350; отмѣтимъ, что въ 1570 году Н. Р. ставилъ городокъ на Нещердѣ (ibid. XIII, стр. 416).

12. Древняя Вивліоѳика, XIII, стр. 293, 435; XIV, стр. 350.

13. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 55 и примѣчаніе. А. М. Гос., I, стр. 39, № 26.

14. *Соловьевъ*, II, стр. 366; здѣсь говорится о 1574 годѣ, какъ времени назначенія Р. Юрьева, но изъ А. М. Гос. I, стр. 18, № 15 видно, что назначеніе состоялось не позже 1572 года.

15. Матеріалы по оборонѣ южной окраины Московскаго государства въ указанное время, а также данныя для исторіи и быта ея населенія см. въ А. М. Гос., I, Писцовыхъ книгахъ, изданныхъ Калачевымъ, Десятняхъ XVI вѣка, помѣщенныхъ въ 8-й книгѣ Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи. Срав. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 84—97 et passim.

16. А. М. Гос. I, стр. 1, № 1; изъ документа видно, что сторожевая служба на южной окраинѣ существовала и до назначенія Воротынскаго. О дѣятельности Воротынскаго см. ibid № 1—14.

17. А. М. Гос. I, № 15, 16, 18, 19, 21, 23, 24, 28, 29 и 31; нижеслѣдующія въ текстѣ свѣдѣнія находятся въ этихъ документахъ.

18. Четь равняется $^1/_2$ десятины; но такъ какъ считали „четь въ полѣ, а въ дву потому жъ, то при исчисленіи окладовъ 50 четей приравнивались 75 десятинамъ.

19. Пѣсни, собранныя П. В. Рыбниковымъ, часть первая; ср. Сборникъ Кирши Данилова.

20. Для этого надо было бы произвести рядъ детальныхъ изысканій, требующихъ извѣстнаго времени. Въ настоящее время это отвлекло бы насъ очень далеко отъ главной темы и могло бы помѣшать ея изученію и изслѣдованію. Надѣемся при случаѣ вернуться къ поставленному нами вопросу.

21. Е. П. Карповичъ «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи»; стр. 62.

22. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 203—4 и 330.

23. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 150.

24. Быть можетъ, многія изъ владѣній Никиты Романовича на югѣ Московскаго государства пожалованы ему за его службу по оборонѣ этой окраины.

25. Доп. А. И., II, стр. 195.

26. Сборникъ въ память 300-лѣтія Нижегородскаго подвига, стр. 441.

27. *Соловьевъ*, II, стр. 394; ср. ibid. стр. 298.

28. Р. И. Б., XIII, стр. 2, 1216, 1276.

29. Р. И. Б. XIII, 1276, примѣчанія.

30. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 188.

31. Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 5.

32. А, М. Гос., I, № 31, стр. 59 «И 94 (т. е. 7094 или 1586) году марта въ 1 день бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ сеі росписи слушалъ и приговорилъ»....

33. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 61: «7093 (т. е. 1584—1585) году, ... умерли, Бояре: Никита Романовичъ Юрьевъ»; но въ Помянникѣ Новоспасскаго монастыря сказано: «Лѣта 7094, апрѣля въ 23 день (т. е. въ 1586 г.) представился рабъ Божіи болярниъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьичъ, во иноцѣхъ Нифонтъ, схимникъ» (*Селифонтовъ*, II, стр. 63 и 64); сопоставляя это извѣстіе съ вышеприведеннымъ документомъ А. М. Гос., предпочитаемъ его.

КЪ ГЛАВѢ IV.

1. Евдокія Александровна Юрьевна скончалась 4-го апрѣля 1581 (*Селифонтовъ*, II, стр. 64). Свѣдѣнія о дѣтяхъ ея и Никиты Романовича см. *Селифонтовъ*, II, стр. 77—94.

2. Если допустить, что второй бракъ Никиты Романовича имѣлъ мѣсто въ 1555 году, о чемъ см. выше, то Ѳеодоръ Никитичъ не могъ родиться раньше 1556 года.

3. Отзывъ Тимоѳеева о происхожденіи Бориса см. Р. И. Б., XIII, стр. 330 и 338; о соблюденіи Борисомъ Никитичеіі говоритъ Авраамій Палицынъ (ibid., стр. 478); «О завѣщательномъ союзѣ дружбы» упоминаетъ близкій къ Романовымъ князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій, зять Ѳеодора Никитича (ibid., стр. 567); укажемъ, что грамота о возведеніи Филарета на патріаршество (Доп. къ А. И., II, № 76, стр. 194 и сл.) сообщаетъ, что Борисъ «исперва любовно присоединись» къ дѣтямъ Никиты Романовича «и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помагателя имѣти»; о первоначальныхъ отношеніяхъ Романовыхъ и Годунова см. *Платонова* «Очерки», стр. 181 и 182.

4. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 191—193.

5. Древняя Вивліоѳика, XIV стр. 484: въ 1586 году въ февралѣ, на пріемѣ Литовскаго посла Ѳеодоръ Никитичъ сидѣлъ въ Кривомъ Столѣ выше окольничихъ; ibid., 443 стр.: въ ноябрѣ этого же года онъ назначенъ былъ быть рындоіі у большого копья; ibid., XX, стр. 62: «7095 году.... Сказано: бояринъ Ѳеодоръ Никитичь Юрьевъ».

6. Древняя Вивліоѳика, XX, стр. 62 и 63: «7095 году.... сказано..... краіічій Александро Никитичь Юрьевъ».

7. Изъ нихъ Левъ Никитичъ умеръ въ 1595, а Никита Никитичъ въ 1598 году, стольникомъ (*Селифонтовъ*, II, стр. 88 и 84).

8. *Масса*, стр. 51 и 52; Масса, пробывшій долгое время въ Россіи, находился, повидимому въ сношеніяхъ съ людьми, державшими сторону Романовыхъ и сообщавшихъ ему о нихъ свѣдѣнія, свидѣтельствующія въ ихъ пользу.

9. *Селифонтовъ*, II, стр. 77—94; Шереметевы, какъ мы знаемъ, и ранѣе были въ родствѣ съ Романовымъ, имѣя общаго предку Ѳеодора Кошку.

10. *Масса*, 51 стр.

11. А. И., II, стр. 65.

12. *Селифонтовъ*, II, стр. 95 и 96; старшаго Ѳеодора Никитича сына звали Борисомъ, быть можетъ, въ честь Бориса Годунова.

13. *Селифонтовъ*, II, стр. 96; Михаилъ Ѳеодоровичъ праздновалъ день своего Ангела па память Св. Михаила Малеина.

14. *Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи», часть III, Москва, 1908 года, стр. 61—65 et passim.

15. *Платоновъ* «Очерки», часть первая. Мы имѣли случай дважды печатно излагать воззрѣнія С. Ѳ. Платонова на происхожденіе Смуты, съ которыми мы вполнѣ согласны: въ статьѣ «Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія (сборникъ «Москва въ ея прошломъ и

настоящемъ») и въ краткомъ очеркѣ «Смута XVI—XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ и Нижній-Новгородъ» (Сборникъ въ память 300 лѣтія нижегородскаго подвига; изданъ Нижегородской Архивной Коммиссіей); отрывкомъ изъ этого очерка мы и воспользовались въ настоящемъ изложеніи.

16. См. *Платоновъ*, «Очерки», часть II, passim. Замѣтимъ, что и самозванчество XVIII вѣка, Пугачевщина разыгралась главнымъ образомъ тамъ, гдѣ соціальныя нестроенія были всего острѣе.

17. Р. И. Б., XIII, стр. 484; ср. стр. 482—483.

18. П. С. Р. Л., томъ XIV, первая половина, стр. 58. Вспомнимъ успѣхъ позднѣйшаго движенія Стеньки Разина, у котораго самозванщина (мнимые царевичи Алексѣй и патріархъ Никонъ) играла третьестепенную роль.

19. Р. И. Б., т. XIII, стр. 476 и 1284.

20. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 214; извѣстіе о присягѣ находится въ П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 20.

21. Р. И. Б. т. XIII, стр. 1277: «царица и великая княгиня Ирина.... яже вельми благоправными добротами точна бысть и тезобытна, Евдокии царице»; П. С. Р. Л., XIV, стр. 16: «имѣя же и супругу.... Ирину Θеодоровну... по всему благими нравы подобну себѣ, бѣ же добродѣтелію и любовію къ Богу другъ друга преспѣвая».

22. *Платоновъ* «Очерки», стр. 214.

23. *Платоновъ* «Очерки», стр. 215—6; авторъ основывается на изысканіяхъ В. О. Ключевскаго.

24. П. С. Р. Л. XIV, первая половина, стр. 50; *Платоновъ* «Очерки», стр. 217—218.

25. *Платоновъ* «Очерки», стр. 215, 222—224 (объ избирательной агитаціи), 212 (о вліяніи смерти царевны Θеодосіи) et passim.

26. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 212—213, 217, 220—221.

27. *Платоновъ* «Очерки», стр. 217—223; Ср. *Масса*, стр. 56 и 59; на стр. 62 названный иностранецъ приводитъ любопытнѣйшій разсказъ о томъ, будто Θеодоръ Никитичъ, вернувшись послѣ избранія царя Бориса, сказалъ своей женѣ: «милая! Радуйся и будь счастлива, Борисъ Θеодоровичъ—царемъ всея Руси». «На это»,—продолжаетъ Масса,—«она въ испугѣ отвѣчала: «стыдись! Зачѣмъ ты отнялъ корону и скипетръ отъ нашего рода и передалъ ихъ предателямъ нашего любезнаго отечества». Она очень бранила своего мужа и горько плакала. Разсердившись на это, онъ, въ порывѣ гнѣва, ударилъ ее по щекѣ, а прежде и худаго слова никогда не говаривалъ ей».

28. О моленіяхъ народа говорится во многихъ сказаніяхъ, посвященныхъ Смутѣ, при чемъ они приписываются стараніямъ „ласкателей" Бориса. См. также А. Э., II, № 7.

29. А. Э., II, № 7, стр. 33.

30. А. Э., II, № 6 и 7, т. е. Соборное опредѣленіе и грамота утвержденная, объ избраніи царемъ Бориса Θеодоровича Годунова. Дальнѣйшее изложеніе цѣликомъ основывается на этихъ документахъ. Особенно характерны слова, яко бы сказанныя Грознымъ: «какова мнѣ Богомъ дарованная дщерь царица Ирина, таковъ мнѣ и ты Борисъ въ нашей милости какъ еси сынъ».

31. Замѣтки къ «Латухинской Степенной книгѣ", СПБ., 1902 г., стр. 71, прим. 2-е. С. Θ. Платоновъ, указалъ, что лишь невполнѣ разъясненная смерть царевича Димитрія и, главное, его канонизація, сопровождаемая поясненіемъ, что Богъ прославилъ св. младенца, «заколеннаго отъ раба своего» заставила считать Годунова виновникомъ «Углицкаго дѣла». Но Промыселъ Божій неисповѣдимъ, и людскія толкованія Его могутъ быть ошибочными.

32. *Соловьевъ,* II, стр. 694—695.

33. Древняя Вивліоθика, XX, стр. 69 и 70: «при немъ Государи вновь сказано.... Бояре:... Александро Никитичь Юрьевичь Крайчиі........ Окольничіе:... Михайло Никитичь Юрьевъ.

34. Офиціозное происхожденіе Новаго Лѣтописца выяснено въ книгѣ С. Θ. Платонова «Древнія русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ», стр. 259 и сл.

35. О Бартеневѣ см. *Платоновъ* «Очерки», стр. 231. Отмѣтимъ, что онъ былъ изъ дѣтей боярскихъ, и даже вотчинниковъ въ Московскомъ уѣздѣ. У Романовыхъ, очевидно, среди «рабовъ»

были и бывшіе государевы служилые люди по отечеству. Такіе примѣры не рѣдкость въ древнерусской жизни.

36. Повѣствованіе Новаго Лѣтописца см. въ П. С. Р. Л., т. XV, первая половина, стр. 52—54.

37. А. И., II, № 38, стр, 34—52. Къ этому же дѣлу относится и № 54 этого тома (стр. 64—66).

38. А. И. II, № 38, стр. 36.

39. А. И., II, стр. 40.

40. ibidem, стр. 45.

41. «Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени», Спб. 1898 г.; стр. 29.

42. *Платоновъ* «Очерки», стр. 329 и сл. Намъ представляется, что Бѣльскій пострадалъ нѣсколько позже, чѣмъ Романовы и, пожалуй, независимо отъ ихъ дѣла, обвиненный въ преступленіи, аналогичномъ тому, въ которомъ обвинялся и Ѳеодоръ Никитичъ съ братіею. Что Бѣльскій подвергся опалѣ и наказанію не въ одно время съ Никитичами, а немного позднѣе, видно изъ словъ Филарета Никитича, сказанныхъ имъ въ ссылкѣ Богдану Воейкову про «Государевыхъ бояръ»: «не станетъ де ихъ съ дѣло ни съ которое, нѣтъ де у нихъ разумного; одинъ де у нихъ разуменъ, Богданъ Бѣлскій, къ посолскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ».— (А. И., II, стр. 51). Изъ этихъ словъ можно заключить также о нѣкоторомъ сочувствіи Филарета Никитича Бѣльскому, не болѣе. Изъ разсказаннаго С. Ѳ. Платоновымъ про поведеніе Бѣльскаго въ Царевѣ-Борисовѣ ясно, что царь Борисъ имѣлъ основанія покарать любимца покойнаго Грознаго, своего прежняго пріятеля. Если вспомнимъ дерзкіе замыслы Бѣльскаго стать царемъ по смерти Ѳеодора Ивановича и неспокойное населеніе южной окраины Московскаго государства, то удивимся не тому, что бывшій „оружничій“ попалъ въ опалу, а тому, какъ его могли послать на службу въ такое удобное для поднятія бунта мѣсто.—С. Ѳ. Платоновъ, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ на 229 стр. его «Очерковъ» готовъ, какъ будто, допустить, что Борисъ мстилъ своимъ соперникамъ и соискателямъ короны. Мы этого не думаемъ. Но что Борисъ боялся и подозрѣвалъ ихъ, это совершенно вѣрно.

43. *Платоновъ* «Очерки», стр. 230—235; одновременно съ Романовыми опала постигла и Шереметевыхъ (*Барсуковъ*, II, стр. 60, 61).

44. Разрядка въ «Очеркахъ».

45. Что самозванецъ былъ русскимъ человѣкомъ, прочно установлено благодаря изысканіямъ профессора Бодуэнъ-де-Куртене и С. Л. Птащицкаго; о томъ, что Самозванецъ былъ подготовленъ въ Москвѣ противъ Бориса, см. *Пирлингъ* «Изъ смутнаго времени», стр 35 (опасенія Лжедимитрія, что въ случаѣ смерти Бориса на престолъ возведутъ другого, если онъ, т. е. Самозванецъ, не вступитъ къ тому времени въ предѣлы Руси).

46. Р. И. Б., т. XIII, стр. 71; въ Крестоцѣловальной записи Василія Шуйскаго читаемъ: «учинилися есми на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ, царемъ и великимъ княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Россійскомъ государствѣ быша прародители мои, и посемъ на Суздалской уѣздъ раздѣлишася, не отнятіемъ и не отъ неволи, по родству, *яко же обыкли болшая братія на болшая мѣста седѣти* (курсивъ нашъ; дѣйствительно, было время, когда Суздаль былъ выше Москвы).

47. *Платоновъ* «Очерки», стр. 218. *Жолкевскій* «Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ», стр. 9—10.

48. Признавая безспорнымъ фактъ подготовки Самозванца русскими боярами въ цѣляхъ борьбы съ Годуновымъ, очень соблазнительно остановиться на Романовыхъ, какъ на виновникахъ этого дѣла. И мы прежде держались аналогичнаго мнѣнія (см. «Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія», стр. 69 и 70), но пересмотръ данныхъ по этому вопросу заставилъ насъ сильно поколебаться въ прежнемъ воззрѣніи на него.

49. *Платоновъ* «Очерки», стр. 233.

50. А. Э., т. II, № 29, стр. 78, Грамота Патріарха Іова, въ 1605 году; что «воровство» т. е. преступленіе Отрепьева, за которое ему грозила смертная казнь, не стоитъ въ связи съ дѣломъ Романовыхъ, видно изъ такого разсчета: въ 1601 году Романовыхъ постигла опала; въ этомъ же или слѣдующимъ году Гришка очутился уже за рубежомъ, до этого времени онъ успѣлъ побывать во многихъ монастыряхъ, стать іеродіакономъ Чудова монастыря и попасть во дворъ къ патріарху; на все это надо положить по крайней мѣрѣ 2, 3 года, если не болѣе. Отмѣтимъ кстати разсказъ, правда, очень баснословнаго повѣствованія о Смутѣ, а именно «Сказанія о царствѣ царя Θеодора Іоанновича: «А боярина князь Василья Ивановича Шуйскаго одарилъ велики дарами и многіе вотчины ему подаде, понеже бо ему знаемъ добрѣ, какъ онъ Растрига былъ въ Чюдовѣ монастыре въ діаконахъ и часто пребывалъ во дворѣ у него, бояриня, и онъ его велми жаловалъ». Помѣщенный (Р. И. Б. III, стр. 812—813) среди баснословій и выдумокъ всякаго рода этотъ разсказъ самъ по себѣ можетъ почесться правдоподобнымъ и соблазнить на толкованіе невыгодное для Шуйскихъ. Укажемъ, что все «Сказаніе» необыкновенно благоволитъ къ Шуйскому, такъ что въ тенденціозности его въ этомъ направленіи заподозрѣть нельзя.

51. При томъ невыяснено, Отрепьевъ ли онъ, или другое лицо (см. *Платоновъ* «Очерки», стр. 234). Мы лично склоняемся къ мнѣнію Соловьева, Платонова и Пирлинга о тожествѣ Отрепьева и Самозванца, но, подобно автору «Очерковъ по исторіи Смуты», не можемъ почесть этого мнѣнія вполнѣ неопровержимымъ.

52. Р. И. Б., XIII, стр. 1294; за приведенными въ текстѣ словами слѣдуютъ: «и сего ради вся благородныя и великославныя отъ заточенія и исъ темницъ изводитъ и со всяцеми почестьми въ древнее достоинство въ царствующій градъ Москву возвращаетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ царь Борисъ Федоровичь многозавистныя злобы ради изгна и заточи, понеже наслѣдію своему о царствованіи упраздняшеся и сего ради всѣхъ, иже бышя искреніи царскія крови родовѣ, аки доброцвѣтущія вѣтви, сихъ немилостивно искореняющи».

53. Романовы были двоюродными братьями съ материнской стороны царя Θеодора, единокровнаго брата царевича Димитрія.

54. А. И., II, стр. 39; прежде всего замѣтимъ, что другой приставъ въ подобномъ же случаѣ говорилъ лишь о томъ, что «Царскихъ дѣлъ» у него «писати некому» (ibid., стр. 51); надо принять къ свѣдѣнію еще и то, что въ памяти къ тому самому Ивану Некрасову, который употребилъ выраженіе «тайныя государевые дѣла», этихъ словъ нѣтъ (см. А. И. II, стр. 35; на данную «память» и отписывался Иванъ Некрасовъ), а стоитъ тамъ слѣдующее: и что съ нимъ Василей начнетъ разговаривать, и Ивану о томъ отписати ко Государю Царю»; поэтому, кажется намъ, нельзя придавать очень большого значенія подобной, многообѣщающей по первому впечатлѣнію фразѣ.

55. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 231.

56. *Масса,* стр. 62.

57. А. И., II, стр. 35 и мн. др. См. также «Приложеніе» къ настоящей работѣ.

58. А. И., II, стр. 51 и 52, стр. 64—66 (о Филаретѣ); стр. 36 и 37, а также «Приложеніе» къ настоящей работѣ (о Маріи Шестовой); не сомнѣваемся, что подобный надзоръ существовалъ и относительно Ксеніи Ивановны (иноки Марѳы) Романовой; но свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ.

59. Примѣръ суевѣрія того времени находимъ въ томъ же «Дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ» (А. И., II, стр. 46). Одинъ изъ приставовъ къ Романовымъ, Маматовъ, доноситъ Годунову о томъ, что его, т. е. Маматова, холопы разбѣжались изъ его помѣстья, а явившійся къ нему холопъ Тимошка Семеновъ пріѣхалъ безъ запасовъ. За это Маматовъ велѣлъ его «бить батоги ..... и вынялъ у него кость, и онъ .... въ роспросѣ сказалъ; то де змѣины рожка, а взялъ на Москвѣ у мужика у ходячего, а имени де ему не вѣдаю; а сказалъ мнѣ ... добро де къ нутреной болѣзни».

60. Судя по приказаніямъ Бориса о допросѣ всѣхъ, кто вступитъ въ переговоры съ Романовыми и о выспрашиваніи самихъ сосланныхъ, дѣло не было имъ вполнѣ выяснено.

61. О ссылкѣ Романовыхъ и ихъ родственниковъ съ нѣкоторыми подробностями о ней см. главнымъ образомъ Новый Лѣтописецъ (П. С. Р. Л., т, XIV, первая половина стр. 53 и 54;

всюду, гдѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящей главы называется Нов. Лѣт., разумѣются эти страницы. Хронографъ редакціи 1617 года неправильно думаетъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ раздѣлялъ ссылку съ отцомъ.

62. Р. И. Б., XIII, стр. 1285 и 1294.

63. *Карамзинъ*, XI, прим. 155. Объ Михаилѣ Никитичѣ есть работа г. Л. Богдановича, въ Правительственномъ вѣстникѣ за 1909 и Приложеніи къ Новому Времени за 1910 годъ. Думаемъ, что въ преданіи кое-что вѣрно; напр. если дѣйствительно, начались сношенія ныробцевъ съ заключенными, то приставъ, слѣдуя наказу, долженъ былъ послать ихъ къ Москвѣ. Тамъ ихъ могли подвергнуть пыткѣ.

64. А. И., II, стр. 35.

65. А. И., II, стр. 39 и 40 и приложеніе къ этой книгѣ; надо замѣтить, что въ Москвѣ затѣмъ рѣшили вызвать въ столицу Маматова, а оставить при Романовыхъ Некрасова; объ этомъ были посланы грамоты (ibid., стр. 40); но гонецъ опоздалъ, и Некрасовъ явился въ Москву.

66. А. И., II, стр. 40—42.

67. Василій Никитичъ находился подъ надзоромъ Некрасовъ около 6-ти мѣсяцевъ; за это время на кормъ ему было истрачено болѣе $9\frac{1}{2}$ рублей, сумма по тогдашней цѣнности денегъ достаточная, чтобъ человѣка прокормить вполнѣ сытно; конечно, для людей высшаго круга, къ которому принадлежали Никитичи столъ былъ простъ и однообразенъ.

68. Некрасовъ доносилъ уже объ этомъ царю, но умолчалъ, что онъ и раньше везъ Василія Никитича скованнымъ.

69. А. И., II, стр. 42.

70. А. И., II, стр. 42.

71. А. И., II, стр. 35 и 42.

72. А. И., II, стр. 42; вѣроятнѣе всего, что Иванъ Никитичъ страдалъ хроническимъ артритомъ.

73. А. И., II, стр. 43.

74. А. И., II стр. 43—46; 49 и 50; см. также «Приложеніе» къ настоящей книгѣ; въ указанныхъ мѣстахъ помѣщенъ рядъ отписокъ и грамотъ относительно Ивана Никитича и князя Черкасскаго; многія изъ нихъ любопытны своими частностями; такъ въ отпискѣ воеводѣ Нижегородскомъ, Нелединскому (Приложеніе) приказано давать въ случаѣ надобности деньги «на кормъ» Ивану Никитичу и князю Черкасскому; поэтому Нелединскій доноситъ, что приставъ денегъ не проситъ и говоритъ, что у него деньги есть; и. т. п.

75. Думаемъ такъ на основаніи хронологическихъ сопоставленій и словъ въ одной изъ грамотъ: «Писалъ еси къ намъ, что Василія Романова не стало, а братъ его Иванъ боленъ же (А. И., II, стр. 43, Грамота Маматову; за этими словами слѣдуетъ приказъ о переводѣ Ивана Никитича въ Уфу.—Замѣтимъ, что по разсказу Новаго лѣтописца И. Н. Романовъ и князь И. Б. Черкасскій, были посланы на житье въ Клины «съ Ваской Хлоповымъ».

76. А. И., II, стр. 46—49.

77. Ibid.

78. Кромѣ 3-хъ Никитичей погибло въ ссылкѣ еще нѣсколько ихъ родственниковъ. См. Новый лѣтописецъ, указанныя стр.

79. А. И., II, стр. 50—52.

80. А. И., II, стр. 64—66; этотъ документъ, помѣщенный въ «Актахъ» подъ № 54, по справедливому замѣчанію его издателя принадлежитъ къ «Дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ».

КЪ ГЛАВѢ V.

1. Изложеніе событій Смуты см. у *Платонова* «Очерки», *Соловьева*, II кн. (8-й томъ), *Костомарова* «Смутное время Московскаго государства», *Ключевскаго* «Курсъ русской исторіи», часть III, *Забѣлина* «Мининъ и Пожарскій» и т. д.

2. Р. И. Б., XIII, стр. 1294.

3. *Селифонтовъ*, II, стр. 97; дочь Θеодора Никитича, Татьяна, вышла къ тому времени замужъ за князя Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго, автора извѣстной повѣсти о Смутѣ.

4. Характерно, что ни Новый Лѣтописецъ, ни грамота объ избраніи царя Михаила не упоминаютъ о времени возведенія Филарета въ санъ митрополита, а офиціальное жизнеописаніе этого патріарха (Доп. А. И. II, 196 стр. 2) усвояетъ поставленіе его на митрополію Гермогену и времени Шуйскаго.

5. Р. И. Б., XIII, стр. 812—813; сейчасъ же за приведенной въ текстѣ статьей читаемъ про пожалованіе всякихъ почестей и богатствъ Романовымъ.

6. *Платоновъ* «Очерки», стр. 289—291.

7. Объ участіи, напр., Ивана Никитича въ переворотѣ 17 мая, см. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 289.

8. *Платоновъ* «Очерки» стр. 293.

9. Біографію Гермогена см. въ изданіи «Люди Смутнаго времени», СПБ. 1905 годъ.

10. Р. И. Б., XIII, стр. 1013.

11. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 83.

12. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 394.

13. Р. И. Б., XIII, стр. 1013 и 1014; о томъ, что Филаретъ былъ силой взятъ изъ Ростова, у Палицына говорится такъ: «сего убо митрополита Филарета, исторгше силою, яко отъ пазуху матерню, отъ церкви Божіи».

14. Р. И. Б., XIII, стр. 1014. Они же блюдуще того крѣпкими стражами, и никако же ни словеси, ни помаванія дерзнути тому дающе.

15. А. Э. II, стр. 288. Издатели неудачно помѣстили эту грамоту среди документовъ, относящихся къ 1611 году.

16. Гермогенъ впослѣдствіи не только согласился поставить Филарета во главѣ великаго посольства, но даже предлагалъ избрать его сына на престолъ. Въ свою очередь Филаретъ высказывалъ полное уваженіе къ Гермогену и во время посольства спрашивалъ у него указаній по важнымъ вопросамъ.

17. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 396.

18. Героизма нельзя, конечно, требовать отъ людей. Но въ данномъ положеніи его необходимо было проявить. Такъ представляется намъ. И Филаретъ былъ способенъ на это, однако непріязнь къ Шуйскому, вѣроятно, не давала Филарету нужнаго подъема духа.

19. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 396 и прим. 160.

20. *Жолкевскій*, прил. № 20, стр. 41—48.

21. *Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи», часть третья, стр. 49.

22. Припомнимъ, что и самъ Филаретъ издавна отличался большой любознательностью. Ключевскій въ своемъ «Курсѣ» (часть третья, стр. 79) приводитъ разсказъ Горсея, что бояринъ Θеодоръ Никитичъ непремѣнно хотѣлъ выучиться по латыни.

23. *Жолкевскій*, прил. № 20, стр. 48.

24. *Платоновъ*, «Очерки» стр. 404; на этой и предъидущихъ страницахъ помѣщенъ превосходный анализъ договора. Этимъ анализомъ мы пользуемся въ текстѣ. Отмѣтимъ, что вопросъ о казачествѣ въ договорѣ поставленъ сейчасъ же за статьей о холопахъ невольникахъ.

25. С. Θ. Платоновъ («Очерки», стр. 416) полагаетъ, что Филаретъ былъ «захваченъ московскими войсками на пути къ королю». Возможно, что это такъ и было (Р. И. Б., I, стр. 191 и 592; здѣсь Филаретъ названъ патріархомъ). Нельзя не отмѣтить однако, что Филаретъ, повидимому, ѣхалъ въ станъ къ Сигизмунду не безъ большихъ колебаній и промедленій. Быть можетъ, не желая возвращаться въ Москву при Шуйскомъ, онъ выжидалъ времени его паденія.

26. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 420—423.

27. Р. И. Б. XIII, стр. 1185—1186; тамъ же и о желаніи Гермогена возстановить Шуйскаго на престолѣ.

28. *Жолкевскій,* стр. 74 и 75.

29. Предпочтеніе Гермогеномъ кандидатуры Михаила Θеодоровича уже само по себѣ говоритъ противъ предполагавшагося одно время происхожденія патріарха изъ рода Голицыныхъ.

30. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 430—433 и 437.

31. Голицынъ, повидимому, мечтавшій одно время о коронѣ, понялъ опасность положенія и примкнулъ къ партіи, желавшей возведенія на престолъ Владислава. А митрополитъ Филаретъ искренне не желалъ видѣть своего сына на престолѣ въ столь опасное время.

32. Договоръ 17-го августа напечатанъ въ С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 391—399; ср. *Жолкевскій,* стр. 75 и 76.

33. *Жолкевскій,* стр. 86 и 87.

34. *Голиковъ,* «Дѣянія Петра Великаго», изданіе второе, XII, стр. 293, исчисляетъ всѣхъ бывшихъ съ послами въ 1144 человѣка, считая и ихъ самихъ.

35. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 406—438; указанныя «статьи» приведены на стр. 417—419.

36. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 421 и сл.

37. Статейный списокъ великаго посольства къ сожалѣнію не дошелъ до насъ въ подлинникѣ. Мы принуждены поэтому пользоваться имъ въ изложеніи Голикова. См. 12-й томъ «Дѣянія Петра Великаго», изданіе второе, стр. 300 и сл.

38. *Голиковъ,* стр. 300—303.

39. *Голиковъ,* стр. 303—312.

40. *Голиковъ,* стр. 312.

41. *Платоновъ,* «Очерки» стр. 439; по польскимъ воспоминаніямъ особенно настаивалъ на впускѣ поляковъ въ Кремль И. Н. Романовъ.

42. Р. И. Б., XIII, стр. 1190—1191. Палицынъ по своему обыкновенію пишетъ очень уклончиво, такъ какъ его поведеніе въ данномъ случаѣ не можетъ послужить ему къ чести, поэтому онъ не называетъ уѣхавшихъ; отъѣздъ второстепенныхъ членовъ посольства состоялся еще до того, какъ получены были грамоты изъ Москвы отъ бояръ. Палицынъ приэтомъ сказался больнымъ и не поѣхалъ къ Филарету Никитичу (*Голиковъ,* стр. 366—367).

43. *Голиковъ,* стр. 361—368; тамъ же въ примѣчаніи списокъ лицъ, сохранившихъ вѣрность родинѣ и оставшихся съ великими послами.

44. *Голиковъ,* стр. 395 и 397.

45. *Голиковъ,* стр. 393.

46. *Голиковъ,* стр. 321; такъ въ одномъ изъ первыхъ съѣздовъ послы напомнили панамъ «какъ государство Русское есть обширно» и заявили, что оно «въ состояніи противустать толикой явной неправдѣ».

47. О ней и времени ея написанія см. *Платоновъ,* «Древне-русскія новѣсти и сказанія...», стр. 86—102.

48. Текстъ «Новой повѣсти», изъ которой приводятся ниже отрывки, напечатанъ въ XIII томѣ Р. И. Б., стр. 187—218.

49. Р. И. Б., XIII, стр. 196; авторъ повѣсти не знаетъ, насколько искренне поддались королю уѣхавшіе изъ-подъ Смоленска послы.

50. Р. И. Б., XIII, стр. 198—199.

51. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 441.

52. Ихъ благородная твердость давно засвидѣтельствована историками и къ нашей темѣ не относится.

53. *Голиковъ,* стр. 328—330; споръ на съѣздѣ 23 октября 1610 года.

54. О совѣщаніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ и рѣчахъ послѣдняго см. у *Голикова,* op. cit., passim.

55. *Голиковъ,* стр. 395.

56. О переговорахъ относительно впуска въ Смоленскъ поляковъ и о послѣднихъ временахъ посольства см. *Голиковъ,* Op. cit., passim; о плѣнѣ пословъ ibid., стр. 423—424.

КЪ ГЛАВѢ VI.

1. Быть можетъ, боярскій санъ, хотя пожалованный Воромъ, имѣлъ здѣсь значеніе.

2. Грамоту Гермогена см. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 567. Въ прежнее время въ наукѣ держался взглядъ, и теперь еще повторяющійся по инерціи, что троицкимъ грамотамъ 1611 года мы обязаны нижегородскимъ ополченіемъ. Но послѣ изслѣдованій И. Е. Забѣлина («Мининъ и Пожарскій») и С. Ѳ. Платонова («Очерки») ясно, что движеніе началось раньше троицкихъ грамотъ и не приняло программы, въ нихъ находившейся. Троицкія власти, поневолѣ дружившія съ единственно реальной силой подъ Москвой, съ казачьими таборами, звали земщину на единенье и содѣйствіе имъ, а земщина рѣшила подчинить себѣ казачью массу, что и нужно было для интересовъ общаго дѣла.

3. *Голиковъ,* стр. 383.

4. А. Э, II, стр. 253; *А. И. Маркевичъ* «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова», Ж. М. Н. Пр., сентябрь 1891 г., стр. 182.

5. А. Э, II, стр. 256.

6. Ж. М. Н. Пр., 1691 годъ, сентябрь, стр. 18.

7. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 121 и 119.

8. С. Г. Гр. и Дог., II, № 281 и 282; стр. 593—599; см. особенно стр. 597; во второй грамотѣ говорится только о томъ что Карлъ-Филиппъ обѣщалъ пріѣхать въ Новгородъ и стать тамъ царемъ, принявъ православіе; для обсужденія этого факта и должны были сослаться между собой Сибирскіе города и прислать свои мнѣнія въ Москву.

9. А. Э., II, № 210, стр. 269—270; во время переговоровъ съ новгородскими послами князь Пожарскій сказалъ: «Мы всѣ единомышленно у милосердаго въ Троицы славимаго Бога нашего милости просимъ и хотимъ, чтобъ намъ всѣмъ людемъ Россійского государства въ соединеньѣ быть; и обрати бъ на Московское государство Государя Царя и Великого Князя, государьского сына, толко бы былъ въ православной крестьянской вѣрѣ Греческаго закона, а не въ иной которой, которая вѣра съ нашею православною вѣрою не состоится. А какъ Королевичъ придетъ въ Новгородъ и будетъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и мы тотчасъ отъ всего Россійского государства съ радостію выбравъ честныхъ людей, которые къ тому великому дѣлу будутъ годны, и дадимъ имъ полный наказъ о государственныхъ и о земскихъ о добрыхъ дѣлахъ говорити и становити, какъ государствомъ быть въ соединеньѣ. А въ Свѣю намъ пословъ послать никакъ не мочно, потому: вѣдомо вамъ самимъ, что къ Полскому Жигимонту королю какіе люди въ послахъ посланы, бояринъ князь Василій Голицынъ съ товарищи? А нынѣ держатъ въ вязеньѣ, какъ полоняниковъ, и со всякія нужи и безчестья, будучи въ чужей землѣ, погибаютъ».... И видя намъ то, что учинилося съ Литовской стороны, въ Свію намъ пословъ не посылывати и Государя на государство не нашія православныя вѣры Греческаго закона не хотѣть». Добавимъ, что въ отвѣтъ на эту рѣчь новгородскіе посланцы съ своей стороны заявили о своей преданности православію и готовности погибнуть за него.

10. См. объ этомъ Доп. А. И., I, № 166, стр. 294; тамъ же указаніе и на время написанія документа, гдѣ говорится о созывѣ выборныхъ. Въ 1911 году въ «Сборникѣ Новгородскаго общества любителей древности», въ 5-мъ выпускѣ, изданъ переводъ любопытнаго документа, представляющаго собой шведскій переводъ (русскаго оригинала къ сожалѣнію не сохранилось) грамоты воеводъ Князей Трубецкого и Пожарскаго въ Осташковъ къ воеводѣ Осипу Хлопову (Сборникъ н. о., стр. 19—20); въ немъ читаемъ: «Бояринъ и воевода Дмитрій Трубецкой и стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій кланяются тебѣ Осипъ Тимофеевичъ Хлоповъ. Мы раньше писали тебѣ, чтобы ты послалъ отъ поповъ, дворянъ, горожанъ и крестьянъ, живущихъ въ Осташковѣ и его округѣ десять разумныхъ и надежныхъ людей сюда въ Москву къ 5 декабрю; когда они изъ Осташкова и другіе изъ всѣхъ городовъ прибудутъ сюда, хотимъ мы съ полнаго ихъ согласія избрать себѣ Великаго Князя, если Богъ дастъ. Но ты еще не прислалъ ихъ, почему еще просимъ мы тебя, чтобы ты прислалъ ихъ сюда къ вышеупомянутому сроку, помня, какъ важно, чтобы

они во время сюда прибыли».... Такимъ образомъ число выборныхъ было опредѣлено первоначально въ 10-ть человѣкъ изъ каждаго города; между тѣмъ изъ Нижняго, какъ мы увидимъ, было прислано значительно большее число выборныхъ; да и въ другихъ документахъ (напр. С. Г. Гр. и Д., III, стр. 1—6; Дв. Р. I, стр. 12) число не опредѣлено. Проф. Латкинъ. («Земскіе соборы Древней Руси», стр. 124, прим. 3-е) догадывается, что въ первыхъ грамотахъ о присылкѣ указывалось число, а въ послѣдующихъ—нѣтъ. Въ сборникѣ «Новые акты Смутнаго времени» (изданіе Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; сборникъ изданъ подъ редакціей Ст. Б. Веселовскаго) издана подлинная грамота Пожарскаго и Трубецкого, приглашавшая Бѣлозерцевъ прислать къ Николину дню 10-ть человѣкъ «о земскомъ о большомъ дѣлѣ», такъ какъ «ни въ которыхъ государствахъ нигдѣ безъ Государя государство не стоитъ» (№ 82, стр. 99—100); изъ грамоты изъ Бѣлозерска отъ воеводы и дьяка къ игумену Матѳею видно, что до 27 декабря никто изъ Бѣлозерска въ Москву не поѣхалъ (ibid. № 89, стр. 107).

11. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 128.

12. Ж. М. Н. Пр., 1906 г., январь и отд., стр. 8.

13. Въ донесеніяхъ и распросныхъ рѣчахъ шведы всюду употребляютъ слово «бояринъ», когда надо сказать «дворянинъ» или «сынъ боярскій».

14. *Сборникъ н. о.,* стр. 19.

15. Этими посланными отъ имени короля и королевича людьми были Адамъ Жолкевскій и упомянутые въ текстѣ князь Даніилъ Мезецкій (бывшій великій посолъ) и дьякъ Иванъ Грамотинъ, одинъ изъ членовъ тушинскаго правительства. Оба они состоять потомъ на службѣ у Михаила Ѳеодоровича.

16. Hirchberg, Polska a Moskwa, we Lwowie, 1901, стр. 363; донесеніе писано латинскими буквами, но по русски; мы предпочли дать русскую транскрипцію.

17. Тѣмъ болѣе, что самъ Философовъ указываетъ, какъ обошлись съ боярами, которые «на Москвѣ сидѣли» съ поляками.

18. *Сборникъ н. о.,* стр. 18.

19. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 613; ср. *Сборникъ н. о,* стр. 17 и 18.

20. *Сборникъ н. о.,* стр. 17; о казакахъ Дубровскій разсказываетъ слѣдующее: «Когда русскіе взяли Кремль, казаки хотѣли силой ворваться туда, чтобы посмотрѣть, что тамъ можно найти, но военачальники и бояре не позволяли имъ этого и потребовали отъ нихъ, чтобы они представили списокъ старыхъ казаковъ, отдѣливъ крестьянъ и другіе приставшіе къ нимъ безпорядочные отряды; тогда ихъ признаютъ за казаковъ, и они будутъ награждены. Такъ и сдѣлали. Лучшихъ и старыхъ казаковъ было насчитано 11.000»; имъ было роздано оружіе и деньги. «Но другимъ безпорядочнымъ отрядамъ, въ которыхъ было нѣсколько тысячъ, не дали никакихъ денегъ, а позволили имъ построиться и жить въ Москвѣ или другихъ городахъ и не платя два года налоговъ и долговъ...... они.... остаются въ Москвѣ и будутъ строить себѣ дома въ окруженной каменной стѣной части.—О щедромъ награжденіи казаковъ ср. Hirchberg, стр. 364, показаніе Философова.

21. См. хотя бы П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 128; тамъ читаемъ, что во время приступа короля Сигизмунда къ Волоку, «промыслу же всему бывшу отъ атамановъ: отъ Нелюба Маркова да отъ Ивана Епанчина; о томъ, что казаки своевольничали въ Москвѣ и враждовали «съ начальниками» и дѣтьми боярскими, см. ibid., стр. 127.

22. Р. И. Б., I, стр. 513—515.

23. О томъ, что казаки назвали Воренка «больше изъ казацкаго приличія», говоритъ Ключевскій («Курсъ», часть III, стр. 76 и 77.) Сопоставленіе грамоты Гермогена въ Нижній въ августѣ 1611 г., показаній Философова и неоднократныхъ упоминаній о томъ, чтобъ «не хотѣть Маринки и ея сына» въ избирательной грамотѣ 1613 года, позволяетъ намъ считать слова В. О. Ключевскаго скорѣе остроумными, чѣмъ вѣрными.

24. О фильтраціи казачества см. въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній, гдѣ приведено показаніе Дубровскаго объ этомъ фактѣ. Здѣсь можно припомнить, что мы уже указали бѣглымъ образомъ на невыгодныя для казаковъ постановленія 30-го іюня 1611 года. Въ нихъ мы между

прочимъ читаемъ: «А которые Атаманы и казаки служатъ *старо*, а нынѣ похотятъ верстаться... и служить съ городы;.... поверстать смотря *по ихъ отечеству* и по службѣ» (*Карамзинъ*, XII, стр. 793; курсивъ нашъ); слова *по отечеству* указываютъ по нашему мнѣнію на то, что среди вольнаго казачества были и дѣти боярскіе; нѣкоторыя наши паблюденія, подтверждающія это, надѣемся опубликовать въ свое время.

25. По мнѣнію С. Ѳ. Платонова («Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», отд., стр. 10 и 15) казаки выдвигали «Филаретова сына» по тушинскимъ воспоминаніямъ; тоже полагаетъ и *Ключевскій* (*Курсъ*, часть III, стр. 76); трудно сказать, на сколько тушинскія отношенія Филарета могли сыграть роль при этомъ; мы лично не думаемъ, чтобъ у Филарета завязались хорошія отношенія къ тушинскому воровскому казачеству. Вспомнимъ, что «Тушино» распадалось на слои, и что Филаретъ не тяготѣлъ къ желаніямъ казаковъ.

26. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 528—533 и прим. къ нимъ; Маркевичъ «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова». Ж. М. Н. Пр., 1891 г., сентябрь и октябрь, см. также *Латкинъ*, «Земскіе соборы», стр. 123 и сл., *Ключевскій*, курсъ, часть III, стр. 74—80, и др.

27. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 640—643. Вотъ имена этихъ городовъ (въ алфавитномъ порядкѣ; въ грамотѣ подписи представителей городовъ идутъ безъ системы): Алексинъ, Арзамасъ, Брянскъ, Бѣжецкій Верхъ, Бѣлгородъ, Владиміръ, Вологда, Вязьма, Вятка, Зарайскъ, Казань, Калуга, Кашинъ, Козельскъ, Коломна, Козмодемьянскъ, Курскъ, Ливны, Малый Ярославецъ, Мещовскъ Мценскъ, Нижній-Новгородъ, Новосиль, Одоевъ, Осколъ, Осташковъ, Перемышль, Романовъ, Ростовъ, Рыльскъ, Рязань, Серпейскъ, Серпуховъ, Солова, Тверь, Торжокъ, Тула, Устюжна Желѣзнопольская, Царевосанчюрскъ, Чебоксары, Чернь, Шацкъ, Ярославль. Къ этому надо прибавить, что за нѣкоторые города подписались, повидимому, мѣстныя духовныя «власти».

28. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 598; подписи сбирались значительно позднѣе (см. *Платоновъ* «Очерки» стр. 529), но не позднѣе первой половины 1614 года, такъ какъ 17-го іюня этого года двое изъ подписавшихъ грамоту, а именно Микита Пушкинъ (С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 639) и Романовецъ Фока Дуровъ (ibid., 643 стр.) были взяты шведами въ плѣнъ во время неудачнаго похода князя Трубецкого (*Сборникъ и. о.*, V, стр. 29—33).

29. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 529 и 533; прим. 250.

30. Сборникъ Нижегородской Архивной Коммиссіи въ память 300-лѣтія нижегородскаго подвига, стр. 449 (изъ Хронографа Князя М. А. Оболенскаго): «нѣкто дворянска чина Галича града предложи на томъ соборѣ выпись о родствѣ цареви...». Впервые это извѣстіе было обнародовано И. Е. Забѣлинымъ въ числѣ приложеній къ книгѣ «Мининъ и Пожарскій». Въ Дв. Р. (I, ст. 1189) названы дворяне изъ Костромы (Хрипуновъ) и Галича (Свиньинъ), которые поѣхали отъ имени земскаго собора къ царю.

31. Точнѣе было бы сказать до «Бѣлгорода» (см. С. Г. Гр. и Дог., стр. 642).

32. *Платоновъ* «Очерки», стр. 529.

33. Это число установилъ С. Ѳ. Платоновъ, ссылаясь па Дв. Р., I, стр. 1085—1086 (см. № 13-й и прил.). Отмѣтимъ, что подписи на грамотѣ даютъ совершенно иныя имена нижегородскихъ представителей, чѣмъ названный документъ, напечатанный въ I т. Дв. Р. Только протопопъ Савва Ефимьевъ, уполномоченный въ «отпискѣ», подписался и на грамотѣ (С. Г. Гр. Д., стр. 643).

34. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 529.

35. Такъ «Мещенинъ Степанъ Стрешневъ выборнова Дворянина Савы Мясоѣдова и во всѣхъ выборныхъ Соловлянъ людей мѣста руку приложилъ», а «Мещенинъ Купай Огарковъ» подписался даже за представителей 2-хъ городовъ: Черни и Новосиля (С. Г. Гр. и Дог., стр. 641 и 642).

36. Мы имѣемъ случаи упоминанія о казакахъ въ подписяхъ представителей Рыльска, Ливенъ и Бѣлгорода. Въ первомъ случаѣ: «пушкарь Ивашка Родивоновъ въ посадкихъ людей, и въ казаковъ, и стрельцовъ, въ пушкарей и затинщиковъ мѣста руку приложилъ»; во второмъ: «выборный, Егорьевской попъ Гаврила, и въ детей боярскихъ и въ козаковъ мѣста руку приложилъ»; наконецъ, въ третьемъ: Бѣлгородской Пречистенской попъ Исакъ, и вмѣсто детей боярскихъ, и Атамановъ, и козаковъ и стрѣльцовъ, и пушкарей выборныхъ, руку приложилъ». Если вдуматься въ

эти случаи, то мы поймемъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о группѣ «атаманы и казаки», а о городовыхъ казакахъ и атаманахъ, изъ которыхъ первые были почти во всѣхъ, а вторые во многихъ украинныхъ городахъ; а Ливны, Рыльскъ и Бѣлгородъ къ такимъ именно городамъ и относятся. Къ тому же грамота подписывалась тогда, когда группа атамановъ казаковъ, неудобная въ общежитіи, была подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ распылена и удалена изъ Москвы.

37. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 534.

38. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 612; Р. И. Б., XIII, стр. 1233—1236, отмѣтимъ, что и грамота и Палицынъ говорятъ о многихъ дняхъ совѣщаніи собора; а первая говоритъ о томъ, что на соборѣ рѣшено было не хотѣть никого изъ иноземцевъ и Маринкина сына; стало быть о нихъ шла рѣчь; въ Хронографѣ 1617 года этихъ упоминаній вовсе нѣтъ, и избраніе представлено результатомъ единодушнаго порыва. (Р. И. Б., XIII, стр. 419).

39. Р. И. Б., XIII, стр. 618. Отмѣтимъ, что Катыревъ былъ на избирательномъ соборѣ (С. Г. Гр. и Д., I, стр. 638).

40. П. С. Р. Л., XIУ, первая половина, стр. 129; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, позднѣйшій изводъ Новаго Лѣтописца добавляетъ (изд. 2-е, стр. 270): «Мнозіи же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары». Неизвѣстно кто именно здѣсь подразумѣвается; врядъ ли Пожарскій, такъ какъ къ нему Новый Лѣтописецъ относится съ нескрываемымъ сочувствіемъ.

41. П. С. Р. Л., V, стр. 63 и 62.

42. *Сборникъ и. о.*, V, стр. 18; ср. ibid. стр. 22 (изъ распросныхъ рѣчей 2-хъ русскихъ купцовъ, которые 10 февраля 1613 года показали между прочимъ): «бояре съ другими земскими чинами .... всѣ на бывшемъ у нихъ собраніи рѣшили, что они будутъ просить Великаго Князя изъ чужого государства, и Королевскаго рода и т. к. Его Княжеская Милость Герцогъ Карлъ Филиппъ сюда позже прибудетъ....., то они поэтому признаютъ его........».

43. Отъ этихъ лицъ исходили приглашенія на соборъ; вѣроятно они и открывали его.

44. А. А. Э., II, № 180, стр. 308.

45. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 612 «и изъ иноземцовъ, которые служатъ въ Московскомъ государстве... никакъ никому не быти»; изъ Дв. Р. (I, стр. 13) видно, что въ данномъ случаѣ «говорили на соборахъ о царевичяхъ, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ».

46. Платоновъ, Очерки, стр. 531. О различныхъ кандидатахъ см. *Латкинъ* «Земскіе соборы» стр. 125—6; отмѣтимъ, что кандидатура князя Голицына по одному современному извѣстію выдвигалась на соборѣ или передъ соборомъ (*Сборникъ и. о.,* V, стр. 30); нѣкоторые говорили, что надо помолиться Богу и затѣмъ бросить жребій между тремя лицами княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ, княземъ Иваномъ Голицынымъ и Михаиломъ Романовымъ, кого изъ нихъ Богъ пожелаетъ дать имъ въ Государи. Но когда затѣмъ собрались земскіе чины, они задумались надъ этимъ (взято изъ распросныхъ рѣчей плѣнныхъ шведами 17-го іюня 1614 года стольника Ивана Ивановича Чепчугова, московскаго дворянина Никиты Остафьевича Пушкина и дворянина Романовца Фоки Дурова; послѣдніе двое участвовали на соборѣ 1613 года; см. объ этомъ одно изъ предыдущихъ примѣчаній).

47. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 532.

48. О Трубецкомъ упоминается, какъ мы уже указали выше, въ распросныхъ рѣчахъ Чепчугова, Пушкина и Дурова; см. также *Костомаровъ* «Смутное время», т. III, стр. 306, съ ссылкой на слова А. Ѳ. Бычкова, который прочелъ извѣстіе о кандидатурѣ Трубецкого въ приипскѣ къ одной рукописи, бывшей въ его рукахъ.

49. *Забѣлинъ,* «Мининъ и Пожарскій», стр. 152—154; тамъ же подробно разсказана исторія намековъ на подкупы княземъ Пожарскимъ во время избирательнаго періода; но, во-первыхъ, и самъ Суминъ, сказавшій, что Пожарскій «воцарялся» на Москвѣ и истратилъ на это 20.000 рублей, отрекся отъ своихъ словъ, и ясно, что онъ ихъ не могъ бы подтвердить. Во-вторыхъ, и сумма чрезмѣрно велика; въ-третьихъ, весь характеръ Пожарскаго этому противорѣчитъ. И. Е. Забѣлинымъ собрано очень много данныхъ о Пожарскомъ и его честной службѣ отечеству и во время Смуты и при царѣ Михаилѣ (См. «Мининъ и Пожарскій»).

50. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 532.

51. *Забѣлинъ,* «Мининъ и Пожарскій», стр. 299.

52. *Сборникъ н. о.,* V, стр. 27, рѣчи Калитина.

53. *Сборникъ н. о.,* V, стр. 21.

54. *Сборникъ н. о.,* стр. 30 и 31. Отмѣтимъ, что и Никита Пушкинъ и Фока Дуровъ дали свои подписи подъ избирательной грамотой, рисующей дѣло иначе. Поэтому къ словамъ ихъ надо относиться съ особенной осторожностью. Они были свидѣтелями и участниками избранія но легко относились къ истинѣ. Притомъ они, повидимому, были дружественны къ Трубецкому (см. стр. 32)· Несомнѣнно, казаки шумѣли и на соборѣ, и на московскихъ площадяхъ; но несомнѣнно и то, что кандидатура Михаила Ѳеодоровича встрѣчала извѣстное сочувствіе и въ высшихъ слояхъ общества; это видно и изъ показаній Чепчугова съ товарищами по плѣну: въ одномъ изъ ближайшихъ примѣчаній мы указали, что говорилось по собственнымъ признаніямъ Чепчугова, Пушкина и Дурова передъ соборомъ; тогда называли Голицына, Трубецкого и Михаила Романова, какъ желательныхъ кандидатовъ.

55. Дальнѣйшее изложеніе слѣдуетъ главнымъ образомъ за «Очерками» С. Ѳ. Платонова (стр. 532—533).

56. Р. И. Б., XIII, стр. 1237, «Егда убо писаньми о избраніи его царскомъ утвержающеся и, коіждо чинъ себѣ написавше, снесоша же во общее свидѣтельство и не обрѣтеся ни въ единомъ словеси разньствіа, но, яко во едино собравшеся, написаша».

57. А. И. Маркевичъ. op. cit., Ж. М. Н. Пр., октябрь, стр. 403.

58. Здѣсь разумѣется событіе, разсказанное Палицынымъ такъ (Р. И. Б., XIII, стр. 1236). Сначала состоялось предварительное избраніе Михаила Ѳеодоровича на соборѣ. «Потомъ же посылаютъ на Лобное мѣсто Рязанскаго архіепископа Феодорита да Троицкаго келаря старца Авраамія да Новово Спасскаго монастыря архимарита Іосифа, да боярина Василія Петровича Морозова». Они посланы были къ толпившемуся на Красной площади всему народу и «воинству» и дивно же тогда сотворися. Невѣдущимъ, народомъ, чесо ради собрани, и еще прежде вопрошеніа во всемъ народѣ, яко отъ единыхъ устъ вси возопиша: «Михаилъ Ѳеодоровичъ да будетъ царь и государь Московскому государству и всеа Рускіа державы».

59. *Ключевскій,* «Курсъ», часть III, стр. 78—80.

60. *Платоновъ,* «Очерки», стр. 532; «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ» стр. 15.

61. О немъ повѣствуютъ, слѣдуя Страленбергу, гг. *Барсуковъ* («Родъ Шереметевыхъ», II) и *Латкинъ* «Земскіе соборы», оба беря изъ его разсказа то, что соотвѣтствуетъ ихъ взглядамъ. Но послѣ изысканій А. И. Маркевича (op. cit. passim) и замѣчаній... «С. Ѳ. Платонова («Московское правительство....» passim) Страленберга приходится оставить въ сторонѣ.—Не зная поэтому ничего достовѣрнаго объ участіи Ѳ. И. Шереметева въ избраніи Михаила Ѳеодоровича, не придаемъ особаго значенія и его полумифическому письму къ князю Вас. Вас. Голицыну. Изъ этого письма особенной извѣстностью пользуется фраза «Выберемъ Мишу Романова. Онъ еще молодъ и разумомъ еще не дошелъ, и намъ будетъ поваденъ». Покойный Н. И. Костомаровъ, слышавшій эту фразу въ изустной передачѣ отъ извѣстнаго романиста и изслѣдователя П. И. Мельникова (Печерскаго), обнародовалъ её въ неправдоподобной и не совсѣмъ пристойной формѣ («Смутное время», стр. 294).

62. *Сборникъ н. о.,* V, стр. 26—27. О вышепоименованныхъ боярахъ говорится, какъ о сторонникахъ князя Михаила, затѣмъ называется кн. Ѳедоръ Мстиславскій—его противникъ; но извѣстно, что Мстиславскаго не было на избирательномъ соборѣ до 21 февраля.

63. *Сборникъ н. о.,* V, стр. 30.

64. А. И. Маркевичъ (op. cit., стр. 181) думаетъ, что лишь московскіе книжники «хорошо знали о родствѣ М. Ѳ. Романова съ послѣднимъ царемъ Рюриковичемъ», и что «бракъ царя Ивана Васильевича и Анастасіи Романовны происходилъ 65 лѣтъ назадъ». Но царица Анастасія, прожившая въ бракѣ съ Іоанномъ Грознымъ $13^1/_2$ лѣтъ, умерла всего за 52—53 года до выбора Михаила Ѳеодоровича и была очень популярна; народъ очень хорошо зналъ и любилъ царскаго шурина

и дядю царя Θеодора, Никиту Романовича; любимы были народомъ и двоюродные братья царя Никитичи; поэтому далеко не одни книжники хорошо знали отношенія Романовыхъ къ угасшей династіи и придавали этимъ родственнымъ связямъ огромное значеніе.

65. Вѣдь въ Тушинѣ былъ и Трубецкой. Онъ былъ всегда ближе къ казакамъ, былъ ихъ постояннымъ начальникомъ, и, однако казаки о немъ не подумали.

66. Тогда совершеннолѣтіе считалось въ 15-ть лѣтъ.

67. Это указываетъ и самъ А. И. Маркевичъ (op. cit., стр. 199); уже послѣ выбора Михаила Θеодоровича носились слухи о сношеніяхъ Ивана Никитича съ польскимъ королемъ (*Сборникъ н. о.* V, стр. 23). Отмѣтимъ здѣсь дальнѣйшую судьбу Ивана Никитича. Онъ былъ въ большой чести у своего царственнаго племянника, участвовалъ въ цѣломъ рядѣ придворныхъ церемоній и государевыхъ службъ. Скончался въ 1640 году. Изъ его дѣтей пережилъ отца лишь любимый народомъ за ласковость и доброту бояринъ и дворецкій Никита Ивановичъ, двоюродный дядя царя Алексѣя Михаиловича. Съ его смертью (въ 1654 году) прекратилась боярская линія Дома Романовыхъ. (*Селифонтовъ* II, стр. 81, 87 и 100).

КЪ ГЛАВѢ VII.

1. О радости присягавшихъ см. хотя бы Дв. разряды, I, ст. 1045 и 1046: «марта, Государь, въ 1 день, слыша они (дворяне,...... и всякіе служилые и Переяславля Рязанскаго посадскіе люди, и уѣздные») про твое царское Величество, тебѣ Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичю всеа Русіи крестъ цѣловали всѣ единомышленно радостными душами...... и за твое царское здоровье Бога молили, пѣли молебны со звономъ по всѣмъ церквамъ; ibid. ст. 1047—1048... „Марта въ 14 день писали... изъ Боровска: протопопъ и весь освященный соборъ, и воеводы Θеодоръ Бутурлинъ, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди съ Любимомъ Радищевымъ, что они, отъ мала и до велика, слыша про твое царское здоровье обрадовались сердечною радостью и, о крестномъ цѣлованьѣ не дожидаясь указу, Марта въ 5 день тебѣ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичю всеа Русіи крестъ цѣловали, и посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей къ кресту привели"; сохранились и другіе документы такого же содержанія; нѣтъ причинъ сомнѣваться въ искренней радости русскихъ людей того времени при мысли о прекращеньи безгосударнаго времени; ср. *Маркевичъ*, op. cit., стр. 195 и прим.—Крестоцѣловальная запись напечатана въ С. Г. Гр. и Дог., III, № 5, стр. 14—15; тамъ читаемъ между прочимъ: (присяга дается на имя царя, царицы (будущей) и «ихъ царскихъ дѣтей», «которыхъ имъ Государямъ Богъ дастъ»: «Иного государя изъ иныхъ государствъ, Литовскаго и Нѣмецкаго Короля и Королевичевъ и Цареи и Царевичевъ изъ иныхъ земель и изъ Русскихъ родовъ никого и Маринки и сына ея на Московское государство не хотѣти и Государства не подъискивати..... Также мнѣ, кто не станетъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичу всеа Русіи служить и прямить, и мнѣ съ ними битися, что съ непріятели своими до смерти».

2. Дв. Р. I, ст. 17—18; Р. И. Б., XIII, ст. 1238; Въ наказѣ посламъ (С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 16) перечень составленъ нѣсколько иначе; Тамъ читается: «Θеодориту Архіепископу Рязанскому и Муромскому, да Архимандриту Чудовскому, Троицы Сергіева монастыря келарю Аврамію, Спаса Новаго монастыря Архимандриту, Симона монастыря Архимандриту, Благовѣщенскому протопопу, Архангельскому протопопу и собора ключарю, Николы Зарайскаго протопопу, да боярамъ Θеодору Ивановичу Шереметеву, да Князю Володиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, да окольничему Θеодору Васильевичу Головину, и стольникамъ, и стряпчимъ, и приказнымъ людямъ, и жильцамъ и выборнымъ людямъ изъ городовъ по спискамъ, а списки даны боярамъ». Изъ великихъ пословъ Θ. И. Шереметевъ, и Θ. В. Головинъ принадлежали къ Романовскому кругу. Происходя отъ одного съ царемъ Михаиломъ родоначальника, Θ. И. Шереметевъ былъ мужемъ двоюродной сестры народнаго избранника, а Θеодоръ Васильевичъ Головинъ былъ или двоюроднымъ дѣдомъ, или четвероюроднымъ дядей его (такъ какъ Михаилъ Θеодоровичъ былъ внукомъ или

княжны Евдокіи Александровны Горбатоіі (дочери Анастасіи Петровны Головиноіі) или Варвары Ивановны Головиной.

3. С. Г. Гр. и Дог., III, № 7, стр. 15—22; Наказъ великому посольству.

4. Новоселки указаны у Палицына (Р. И. Б., XIII, стр. 1239). Тамъ же читается: «изъ града же пріидоша къ нимъ градодержатели со множествомъ народа». Однако послы доносили въ Москву земскому собору лишь объ обсылкѣ съ воеводами и другими именитыми костромичами (Дв. Р., I, стр. 53. «И мы, господа, сослався съ воеводы....»).

5. Въ избирательноіі грамотѣ (С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 611) говорится далѣе: «Михаіло Салтыковъ.... да Александра Гасевскііі, наипаче сего праведнаго Михаила Θеодоровича и на его благочестивую матерь..... нападаютъ...... и домышляхуся, какъ бы его, аки агнца беззлобиваго, смерти предать». Это, конечно, преувеличеніе, но что за Михаиломъ Θеодоровичемъ особенно слѣдили, въ этомъ не сомнѣваемся.

6. П. С. Р., XIV, первая половина, стр. 126; Р. И. Б., XIII, стр. 1319, С. Г. Гр. и Дог. I, 615 и мн. др.

7. Объ этомъ есть разсказъ въ житіи св. Макарія. Ср. П. М. Любомировъ, «Легенда о старцѣ Давидѣ Хвостовѣ», Ж. М. Н. Пр. 1911 г., декабрь, стр. 322—355; см. стр. 329; авторомъ названноіі статьи очень обстоятельно разобраны и оцѣнены по достоинству малодоказательныя утвержденія о тожествѣ Казанскаго митрополита Ефрема (въ мірѣ Хвостова), гг. Бѣляева, Скворцова, Л. А. Б-вича съ строителемъ монастыря св. Макарія Унженскаго, объ особоіі роли этого монастыря въ судьбѣ Романовыхъ, о помощи, оказанноіі м. Ефремомъ Михаилу Θеодоровичу и т. д. Вполнѣ соглашаясь съ скрупулезно—точными изысканіями г. Любомирова, не считаемъ нужнымъ останавливаться на этихъ вопросахъ.

8. С. Г. Гр. и Дог., III, № 50, стр. 214—215. Покоіiный Н. И. Костомаровъ въ статьѣ «Иванъ Сусанинъ» заподозрѣлъ подлинность подвига Сусанина. Его доводы блестяще опровергнуты С. М. Соловьевымъ (II, стр. 1396—1404). Обыкновенно видятъ въ шайкѣ, замучившеіі Сусанина, отрядъ польскихъ казаковъ. Но это могъ быть и польскііі или литовскііі отрядъ. Вѣдь поляки знали, кого «примѣриваютъ» на царство.

9. Р. И. Б., XIII, стр. 1239.

10. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 619. Здѣсь и далѣе, излагая рѣчи пословъ царя Михаила Θеодоровича и инокини Марθы Ивановны, слѣдуемъ почти исключительно сообщенію избирательноіі грамоты (стр. 619—630). Этотъ источникъ очень реториченъ, но сущность переговоровъ, думается намъ, въ немъ сохранена. По краіінеіі мѣрѣ мотивы, выставленные избраннымъ Государемъ и его матерью, равно какъ и великими послами, вполнѣ соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ. См. также Дв. Р., I, стр. 52—66 (грамота, какую послалъ Θеодоровъ и Шереметевъ земскому Собору, послѣ согласія Михаила Θеодоровича). Весьма вѣроятно, что эта грамота легла въ основаніе разсказа избирательноіі. Пользуемся избирательноіі, такъ какъ самая реторика—реторика XVII вѣка и очень характерна для него; притомъ же и въ избирательноіі грамотѣ рѣчи царя, его матери, Шереметева отличаются отъ рѣчеіі Θеодорита тономъ и способомъ изложенія мысли.

11. Дв. Р. I, стр. 56—60. Грамота пословъ въ Москву сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности: инокиня Марθа, заявивъ, что русскіе люди «измалодушествовались», вспоминаетъ участь прежнихъ государеіі и претендентовъ на престолъ: Бориса, его семьи, Гришки Отрепьева, Шуіiскаго; Шереметевъ говоритъ, что „царя Шуіiскаго Василія выбрали немногіе люди» и что послѣ междоусобііі били ему челомъ, чтобъ онъ «государство оставилъ“. Кромѣ того Шереметевъ заявилъ, что русскіе люди «понаказались» выпавшими на ихъ долю невзгодами.

12. Эти и нѣкоторые другіе аргументы архіепископа Θеодорита можно сопоставить съ рѣчами, говорившимися царю Борису. Да и вся грамота носитъ на себѣ слѣды вліянія предшествующаго еіі документа, аналогичнаго по значенію; но и обстановка была иная, и отказы отъ власти звучали во второмъ случаѣ, несомнѣнно, гораздо искреннѣе. Борисъ желалъ власти и привыкъ къ неіі. Романовы въ 1613 году, несомнѣнно, страшились согласиться на народныя просьбы. Мы теперь знаемъ, что положеніе царя Михаила Θеодоровича было гораздо болѣе благопріятнымъ,

чѣмъ положеніе Бориса Годунова, такъ какъ Смута уже окончилась. Но въ 1613 году было очень и очень много тревожныхъ, грозныхъ симптомовъ; да и плѣнъ митрополита Филарета очень тревожилъ любящія сердца близкихъ ему людей. Не даромъ гетманъ Жолкевскій со свойственной ему проницательностью удалилъ Филарета. О бѣдствіяхъ отца Государева въ плѣну рѣчь пойдетъ въ послѣдней главѣ настоящаго труда.

13. У Палицына (Р. И. Б., XIII, стр. 1241) находимъ такую подробность: Θеодоритъ взялъ на свои руки образъ Пресвятой Богородицы, а келарь Троице Сергіева монастыря—иконы Московскихъ Чудотворцевъ.

14. Конечно, были и недовольные избраніемъ Михаила Θеодоровича (см. хотя бы *Маркевичъ* op. cit., стр. 195—196, (прим.); но такихъ было ничтожнѣйшее меньшинство.

15. Дв. Р. I, стр. 65; Палицынъ такъ разсказываетъ объ этомъ (Р. И. Б., XIII, стр. 1242): «возложился на государя пречестный и животворящій крестъ, и жезлъ царскій пріими въ руку свою и сяде на стулѣ царьскомъ и нареченъ бысть Богомъ избранный благовѣрный великій государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичь всея Русіи самодержецъ, въ церкви Пресвятыя Живоначальныя Троицы въ Ипацкомъ монастырѣ въ лѣто 7121-го марта въ 14. И совершивше святую литоргію и молебны о царскомъ его многолѣтномъ здравіи, исходитъ отъ церкви святыя Живоначальныя Троицы Богомъ дарованный Государь и самодержецъ, нося въ руку своею царскій жезлъ, почитаемъ отъ всего царскаго синклита и отъ всего воинства и отъ множества народа всѣхъ чиновъ».

16. А. И. *Маркевичъ*, Op. cit., passim вторая половина статьи, Ж. М. Н. Пр., 1891 г., октябрь резюме см. на стр. 403.

17. *Платоновъ*, „Московское Правительство при первыхъ Романовыхъ", passim; резюме см. на стр. 56.

18. *Платоновъ*, „Очерки", стр. 601, прим. 253.

КЪ ГЛАВѢ VIII.

1. С. Г. Гр. и Дог., III, № 7, стр. 22—31, грамота Сигизмунду; ibid. № 8, стр. 31—38, списокъ русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Польшѣ.

2. С. Г. Гр. и Дог., III, № 9, стр. 38. Переводъ письма Струся.

3. С. Г. Гр. и Дог., III, № 14, стр. 55—65. Грамота Короля Сигизмунда.

4. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 131. Здѣсь цѣлью посылки Аладьина, посланнаго «боярами», выставляется извѣщеніе поляковъ о выборѣ царя Михаила Θеодоровича.

5. Дв. Р., I, ст. 65.

6. Свѣдѣнія о томъ, какъ организовалось правленіе въ первые мѣсяцы царствованія Михаила Θеодоровича см. также у С. Θ. Платонова въ статьѣ «Московское правительство..», стр. 27—30; Отписки собора см. Дв. Р. I, № 12, 13, 20 и мн. др.; см. отписки «бояръ» ibid. № 24, 30, 31 и мн. др. Отписки бояръ очень часты съ 11-го апрѣля 1613 года. Но бояре во главѣ съ Мстиславскимъ дѣйствуютъ въ Москвѣ уже раньше (ibid. № 4).

7. Дв. Р. I, № 13, 48 и др.

8. Дв. Р. I, № 52 (1613 г., 28 апрѣля), № 54 (29 апрѣля) и др.

9. Дв. Р. I, № 12 (ст. 1083 и примѣчаніе; послѣ 26-го марта); № 65 (конецъ апрѣля); С. Θ. Платоновъ относитъ этотъ документъ къ марту («Московское правительство», стр. 29, пр. 2).

10. Дв. Р. I, № 4. Эта отписка адресована не земскому собору, какъ принято думать, а освященному собору и «господамъ боярамъ».

11. Дв. Р. I, № 52 (отписка земскому собору великихъ пословъ), № 62 (отписка къ великимъ посламъ земскаго собора) и др.

12. Ibid., ст. 1120.

13. Изъ Ярославля царь отправился 16-го апрѣля въ Ростовъ, прибылъ 17, а въ дальнѣйшій путь разсчитывалъ выступить 19-го числа того же мѣсяца (Дв. Р., I, стр. 1119—1120).

14. Дв. Р., I, стр. 68—88; С. Г. Гр. и Дог., III, № 11 и 12, стр. 46—55.

15. Въ Сборникѣ и. о. (V, стр. 32), въ распросныхъ рѣчахъ Чепчугова, Пушкина и Дурова есть интересныя подробности объ управленіи (рѣчи относятся къ іюню 1614 года): «хотя бояре и думскіе совѣтники сохраняютъ свое прежнее званіе и ежедневно засѣдаютъ въ Думѣ, но они ничего не должны дѣлать, обсуждать или рѣшать, на что не согласенъ Борисъ Салтыковъ, сынъ одноглазаго Михаилы Салтыкова; не дядѣ Великаго Князя Ивану Никитичу Романову, но этому вышеупомянутому Борису Салтыкову принадлежатъ высшіе совѣтъ и власть, не по его званію, но потому, что онъ родственникъ старой монахини, матери теперешняго Великаго Князя и она ему предоставляетъ это».

16. Царь это и напоминалъ земскому собору (см. Дв. Р. I, ст. 1100): «А то вамъ самимъ и всему Московскому Государству.... вѣдомо... учинилися есмя... Царемъ.. вашимъ прошеньемъ и челобитьемъ, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ цѣловали есте своею волею».

17. Дв. Р. I, прил. № 34, ст. 1119—1120; Царская грамота: «нашъ походъ къ Москвѣ замедлился, что путь зимнеі испортился и рѣки росполились.... а идемъ пѣшкотно за тѣмъ, что подводъ мало и худы служилые люди: стрѣльцы, и казаки, и дворовые люди многіе идутъ пѣши».

18. Дв. Р. I, ст. 1151—1154, 1179—1180.

19. Дв. Р. I, ст. 1099—1100 (Царская грамота изъ Ярославля, отъ 8-го апрѣля) «которые атаманы и казаки пріѣхали къ намъ со властями и съ бояры нашими.... безпрестани намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьѣ и о своихъ и о конскихъ кормахъ».—Царь требовалъ, чтобъ соборъ учинилъ «приговоръ», «чѣмъ.... атамановъ и казаковъ... жаловать»; ibid. № 30 (ст. 1113—1116; ibid. ст. 1138—1140, 1161, 1175.

20. Дв. Р. I, 1159—1162, случаи насилія и самоуправства атамановъ и казаковъ, служившихъ государству; у самого Государя къ приходу его въ Троице-Сергіевъ монастырь «нынѣ атаманы всѣ, а казаки у Троицы остались немногіе, а многіе разъѣхались». «И, апрѣля въ 28 день съ утра», читаемъ мы въ царской грамотѣ отъ 29-го апрѣля (Дв. Р. I, ст. 1175),—«изъ тѣхъ атамановъ и казаковъ побѣжали съ нашего стану, отъ Троицы-Сергіева монастыря, многіе атаманы и казаки къ Москвѣ, и дорогою ѣдучи, многихъ людеі грабили».

21. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пробылъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ съ 23 по 30-е апрѣля («седьмицу днеі»). О торжественномъ пріемѣ, устроенномъ Государю братіеіі монастыря, см. разсказъ Палицына (Р. И. Б., XIII, стр. 1243—1244).

22. Дв. Р. I, ст. 1162, «и апрѣля въ 26 день»; когда пріѣхалъ митрополитъ казанскіі Ефремъ къ государю, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ не позднѣе 26 апрѣля.

23. Дв. Р. I, ст. 1162—1165.

24. Дв. Р. I, ст. 1165—1166. Интересенъ фактъ посылки такоі депутаціи.

25. Дв. Р. I, ст. 1167.

26. Дв. Р. I, ст. 1169—1176.—Въ грамотѣ указывались невыгодныя экономическія послѣдствія «воровства» и прибавлялось: «Да и то намъ подлинно вѣдомо есть, которые гости, и торговые и всякіе жилетцкіе люди и Москвичи въ Московское разоренье разбѣжались съ Москвы по городамъ а нынѣ, по вашему боярскому приговору, велѣно имъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы ѣхати къ Москвѣ на житье и подованы въ томъ на крѣпкіе поруки за записми, и тѣ всѣ гости и жилетцкіе и посадцкіе всякіе люди, для убивствъ и грабежей къ Москвѣ ѣхати не смѣютъ. И вамъ бы одноконечно о томъ на Москвѣ учинити заказъ крѣпкоі, а которые отъ прежнего своего всякаго дурна не уімутся, и вы бъ на тѣхъ воровъ посылали многихъ людеі и велѣли ихъ сыскивать, и имая приводить къ Москвѣ; а на Москвѣ имъ наказаніе велѣли чинити по ихъ винамъ, кто чего доведется, чтобъ, на нихъ смотря, и инымъ неповадно было воровать».

27. Дв. Р., I, ст. 1193—1194 (Отписка земскаго собора Царю).

28. Думаемъ, что это были первые рѣшительные шаги къ обузданію казачьеі массы Выславъ затѣмъ ее въ разные посылки и испомѣстивъ по разнымъ городамъ, правительство окончательно обезвредило «атамановъ и казаковъ».

29. Великіі посолъ 1610 года, согласившіііся служить Сигизмунду (см. выше) и какимъ-то образомъ отъ него избавившіііся.

30. Дв. Р. I, № 66 и № 60; также № 61.

31. Дв. Р. I, №№ 62 и 63.

32. Дв. Р. I, ст. 1194.

33. Дв. Р. I, № 66 (ст. 1212).

34. Подробнаго описанія встрѣчи въ офиціальныхъ документахъ не сохранилось. Краткое Дв. Р. I, ст. 89—90)—неточно. Въ немъ указанъ апрѣль мѣсяцъ.

35. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 599—643. Подписывались и не бывшіе на соборѣ. Такъ, на первомъ мѣстѣ находимъ имя митрополита Ефрема (стр. 636).

36. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 131.

37. С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 87. Ср. Дв. Р. I, стр. 96—98; всетаки было нѣсколько попытокъ мѣстничества, очень любопытныхъ. Государь всѣ ихъ прекращалъ приказаніемъ быть безъ мѣстъ.

38. Дв. Р. I, ст. 96.

39. Дв. Р. I, ст. 98: «сказывалъ думное дворянство Кузмѣ Миничю»; такимъ образомъ «Куземка Мининъ обратился въ Кузму Минича»; писаться «съ вичемъ» имѣли право только высокопоставленныя лица: думные люди, стольники, московскіе дворяне, именитые люди Строгоновы и т. п.

40. *Забѣлинъ* «Мининъ и Пожарскій», passim. И впослѣдствіи услугами Пожарскаго часто пользуются въ трудныхъ обстоятельствахъ, но, какъ сравнительно неродовитый человѣкъ, онъ не занимаетъ первыхъ мѣстъ. Отмѣтимъ, что обычной наградой для Пожарскаго могло быть окольничество, а для Минина—городовое дворянство, или пожалованіе его «гостемъ».

41. Здѣсь и далѣе мы пользуемся чиномъ царскаго вѣнчанія, напечатаннымъ въ Г. Гр. и Дог., III, № 16, стр. 70—87.

42. Такъ назывались тогда царскія регаліи.

43. Отмѣтимъ, что, какъ и въ другихъ офиціальныхъ памятникахъ того времени, такъ и въ чинѣ вѣнчанія къ «царю Борису» относятся очень сдержанно.

44. Подробность разсказа относительна. Онъ гораздо подробнѣе, чѣмъ очень краткія упоминанія въ рѣчи Царя Михаила Ѳеодоровича, но самъ по себѣ тоже кратокъ.

45. Поученіе, какъ и весь «чинъ» заимствованы изъ «чина» вѣнчанія царя Ѳеодора Ивановича.

46. Р. И. Б., XIII, ст. 1318—1320.

КЪ ГЛАВѢ IX.

1. Надо помнить, что въ тѣ времена не было различія между государственной и личной царской казной.

2. О правительствѣ и земскомъ соборѣ въ первыя времена послѣ Смуты (1613—1619 года) о мѣрахъ, ими принятыхъ (о пятой деньгѣ, экстренныхъ сборахъ и т. д.), см. особенно: С. Ѳ. Платоновъ «Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ» и «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», В. Н. Латкинъ «Земскіе соборы древней Руси», И. Е. Забѣлинъ «Мининъ и Пожарскій»; въ названныхъ работахъ указаны и источники нашихъ свѣдѣній о названныхъ вопросахъ; изъ новѣйшихъ матеріаловъ см. Ст. Б. Веселовскій и подъ его редакціей изданный сборникъ актовъ: «Новые Акты Смутнаго Времени».

3. Вопросъ о пятой деньгѣ возбуждалъ много споровъ въ научной литературѣ. Новѣйшими изслѣдователями его являются С. Б. Веселовскій («Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ». Москва 1908 г.) и Е. Д. Сташевскій («Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московскаго государства». Ж. М. Н. Пр. 1912 г., апрѣль и май). Веселовскій (op. cit., стр. 57) говоритъ: «пятину 122 (т. е. 1614 г.) года можно охарактеризовать, какъ налогъ съ наличной движимости, которая по оцѣнкѣ стоила отъ 10 рублей и болѣе». Сташевскій (op. cit. апрѣль, стр. 267 и сл., особенно 272 стр.) утверждаетъ, что «въ пятинный окладъ шла не только движимость, но и недвижимость». Послѣдній изслѣдователь, вслѣдъ за В. О. Ключевскимъ, считаетъ, что пятина имѣла

цѣлью взять у населенія «наименьшій чистый годовой доходъ (Сташевскій, op. cit. апрѣль, 274 стр.). Слова Лѣтописца о пятинѣ: «собираху.... пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей» (П. С. Р. Л., V, стр. 64) указываютъ по нашему мнѣнію точно, что пятая деньга сбиралась со всего имущества тяглецовъ.

4. О первыхъ годахъ царствованія Михаила собрано много матеріаловъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева; см. также Д. И. Иловайскій, «Исторія Россіи», томъ четвертый, выпускъ второй: «Эпоха Михаила Θеодоровича Романова». О Заруцкомъ см. Дв. Р., I, рядъ актовъ въ приложеніи; С. Г. Гр. и Дог., III, нѣсколько актовъ, и Новый Лѣтописецъ.

5. Р. И. Б., XIII, стр. 1316.

6. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 130 и 132.

7. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 134.

8. С. Г. Гр. и Дог., III, № 23, стр. 104.

9. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 134.

10, П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 135—136; Р. И. Б., XIII, стр. 1394—1396.

11. Молодой русскій ученый А. И. Заозерскій, въ очеркѣ «Къ характеристикѣ Московской дипломатіи XVII вѣка» сдѣлалъ недавно (въ сборникѣ «С. Θ. Платонову, ученики, друзья и почитатели». СПБ. 1911 г., стр. 335—355) удачную попытку показать, что новаго внесла Смута въ исторію развитія московской дипломатіи.

12. Латинскій текстъ договора и русскій переводъ съ этого перевода напечатанъ въ С. Г. Гр. и Дог. II, № 264, стр. 563—573. Въ Сборникѣ и. о. V, стр. 3—11 напечатанъ переводъ съ нѣмецкаго текста его; изъ примѣчанія къ нему видно, что издатели считаютъ отрывокъ, напечатанный въ А. Э., II, стр. 317–318, № 187, и найденный на полатяхъ Св. Софіи, черновикомъ этого договора; между тѣмъ отрывокъ не даетъ правъ къ такому заключенію: тамъ рѣчь идетъ о совсѣмъ другихъ условіяхъ. Мы знаемъ (Р. И. Б., XIII, ст. 452—454), что передъ сдачей Новгорода былъ составленъ дьякомъ Иваномъ Тимоθеевымъ договоръ, гораздо болѣе выгодный для русскихъ, но затѣмъ передѣланный. Не къ этому ли отрывку относятся слова Тимоθеева? Объ этомъ, впрочемъ, здѣсь неумѣстно распространяться.

13. Р. И. Б., XIII, Временникъ дьяка Ивана Тимоθеева, passim; *Сборникъ и. о.*, V, 26 (Калитинъ можетъ быть отнесенъ къ шведскимъ сторонникамъ).

14. *Сборникъ и. о.* V, стр. 38 (Листъ Эверта Горна Королю Густаву-Адольфу): «Я нашелъ ихъ чрезвычайно разочарованными» и т. д. Вообще этотъ выпускъ «Сборника» содержитъ много интереснаго матеріала для исторіи шведо-русскихъ отношеній того времени.

15. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 138—139; Лѣтописецъ видѣлъ въ томъ, что шведы узнали о тайныхъ грамотахъ, измѣну дьяка Петра Третьякова.

16. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 132; ср. *Сборникъ и. о.*, V, стр. 31—32, гдѣ другія свѣдѣнія о числѣ войскъ и благосклонный отзывъ о Трубецкомъ.

17. *Соловьевъ*, II, стр. 1120 и др.

18. О польскихъ отношеніяхъ богатый матеріаломъ собранъ у С. М. Соловьева (II, т. IX, гл. 1 и 2); см. также С. Г. Гр. и Дог. III, нѣсколько документовъ, и П. С. Р. Л., XIV, первая половина, passim.

19. С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 116.

20. Во-время переговоровъ произошелъ любопытнѣйшій фактъ. Гонсѣвскій упрекнулъ московскихъ пословъ въ томъ, что самъ царь Михаилъ Θеодоровичъ цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу. Послы на это заявили, что «царя Богъ соблюдалъ, онъ крестъ королевичу не цѣловалъ» и получилъ за это выговоръ: «Вы Гонсѣвскому отказали не подумавши: и такъ литовскіе послы пишутъ, будто великій господинъ отецъ нашъ, Московскаго государства намъ подъискивалъ и домогался». (*Соловьевъ*, II, стр, 1089). Новый Лѣтописецъ неудачу дѣла приписывалъ кознямъ посольскаго дьяка Третьякова (П. С. Р. Л., XIV, первая половина, 138 стр.) «Всему жъ тому доброму дѣлу и нарушенье посольству отъ дьяка отъ Петра Третьякова».

21. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 136—138.

22. «Походъ Владислава и переговоры о мирѣ см. въ Новомъ Лѣтописцѣ», passim, С. Г. Гр. и Дог., III т., рядъ документовъ, Сказаніе Палицына, *Соловьевъ*, II, томъ 9-й, глава 2-я.

23. О нихъ см. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 141—145; отмѣтимъ, что калужане сами просили назначить къ нимъ Пожарскаго (ibid, 142) и что онъ по отступленіи, уже въ Серпуховѣ «впаде въ болѣзнь въ лютую и былъ конечно боленъ» (ibid. 145). На показаніяхъ Новаго Лѣтописца основывается и разсказъ объ этомъ И. Е. Забѣлина («Мининъ и Пожарскій»).

24. т. е. по первое сентября 1619 (или 7120) года. О земскомъ соборѣ см. С. Г. Гр. и Дог., III № 40, стр. 169—177; здѣсь же и роспись осадныхъ воеводъ и число защитниковъ Москвы въ разныхъ пунктахъ.

25. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 146.

26. Р. И. Б., XIII, ст, 1256—1257.

27. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 148.

28. Лисовскій умеръ внезапно во время похода на Русь (П. С. Р. Л., XIV, первая половина стр. 140).

29. Голицынъ умеръ по дорогѣ въ русскую землю.

30. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 133, С. Г. Гр. и Дог., III № 25 и 26, стр. 120—126.

31. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 133—134.

32. Д. А. И., II, № 76, стр. 199 «и убо первіи они зліи Поляне и Литвы, озлобившія его безъ правды, съ великою честію сего провожаху къ предѣлу Россійскія державы, не мало себѣ зазираюше, яко такова свята мужа дерзнувше озлобити».

33. Дв. Р., I, ст. 387—388; извѣстіе помѣщено между извѣстіями о событіяхъ 5-го—12-го марта.

34. Дв. Р., I, ст. 392—393.

35. Дв. Р., I, ст, 393.

36. Дв. Р., I, ст. 393 и сл. Бутурлинъ билъ челомъ на Пожарскаго, Морозовъ на Трубецкого и т. д.

37. Дв. Р., I, ст. 395—396. Во всѣхъ трехъ встрѣчахъ первое мѣсто занимали вожди подмосковныхъ ополченій.

38. Дв. Р., I, ст. 398—399.

39. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 149.

40. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 149.

41. Дв. Р., I, ст. 405 и сл.

42. Дв. Р., I, ст. 405 и другія. Чинъ нареченія и поставленія см. Г. Гр. и Дог., III, № 45, стр. 187—201.

ПРИЛОЖЕНІЯ

АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ДѢЛУ О ССЫЛКѢ

РОМАНОВЫХЪ

ВЪ 1601 ГОДУ [1].

[1]) Большинство актовъ изъ этого Дѣла, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, было напечатано подъ № 38 во II томѣ Актовъ Историческихъ. Опубликовывая нынѣ пропущенные въ названномъ изданіи акты, приносимъ глубокую благодарность С. А. Бѣлокурову, оказавшему намъ съ особенной любезностью свое авторитетное содѣйствіе при приготовленіи этихъ документовъ къ печати.

I.

Царская грамота въ Чебоксары Ждану Зиновьеву.

От царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русиі, в Чебоксар Ждану Зиновьеву. По нашему указу послана с Москвы в Чебоксар сь Яковом с Вельяминовым Ѳедорова теща Романова Марья Шестово, а велено еѣ (*зачеркнуто:* съ тоб) в Чебоксаре в Никольском девиче монастырѣ постричь. И какъ к тебѣ ся наша грамота придет и Яков (*зачеркнуто:* в чебоксар приѣхав) съ Ѳедоровою тещею Романова с Марью в Чебоксар приѣдет, и ты б сь Яковом вмѣсте тоѣ Ѳедорову тещу (*зачеркнуто:* пострижетъ, и ты, игуменье, с сестрами приказал) Марью в девиче монастырѣ (*зачеркнуто:* вѣлели) при себѣ вѣлели постричи и приказал игуменье с сестрами беречи того накрѣпко, чтоб еѣ из монастыря никуда не пущали, и не подходил бы к ней и не розговаривал с нею и грамоток ни од кого к ней не подносил нихто ни о чом никоторыми дѣлы (*зачеркнуто:* а кормить бы еси естя еѣ велѣл чѣмъ и иных сестру кормят); и ругу б еси ей нашу давал, какъ и иным старицам наша руга идет. А будет (*зачеркнуто:* к ней) хто к ней учнет приходя розговаривать или грамотками ссылатца, и ты б тѣхъ людей велѣл имать (*зачеркнуто:* і велѣл) и приводити к себѣ, и роспрашивал их подлинно, для чего онѣ к ней приходят, и что с ней розговариваютъ (*зачеркнуто:* или хто грамотки прислал) и нѣ ссылается ли она с кѣм грамотками, и будет ссылаетца, и с кѣм и о чом ссылаетца. Да будет хто доидетъ до пытки, и ты б тѣх людей велѣл пытать до о том адписывал подлинно к нам к Москве, і велѣл адписки отдавать в Казанской і в Мещерской дворец діяком нашим Офонасью Власьеву да Нечаю Ѳедорову. Писанна на Москвѣ лѣта 7008-го июля въ 3 день.

II.

Царская Грамота пелымскому воеводѣ князю Василью Григорьевичу Долгорукову.

От царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русиі, в Сибирь в Пелымской город воеводе нашему князю Василью Григорьевичю Долгоруково да голове Гаврилу Григорьевичю Пушкину. По нашему указу послан с Москвы в Пелымской город з головою стрелецким Смирным Моматовым Иван Романов. И какъ к вам ся наша грамота придет и Смирной Моматов на Пелым Ивана Романова привезет, и вы б Смирному Моматову дали двор в городе, чтоб от церкви и от Сьезжей избы и от жилецкихъ дворов подалѣ, а на дворѣ б было хоромъ: двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погреб и около двора городьба. А будет такова двора нѣт, гдѣ Смирной под двор мѣсто присмотрить і вы б ему для того дворового дѣла, кѣм ему двор ставити, дали людей сколько будет доведетца (*зачеркнуто*: и мы, присмотря мѣсто, велѣли двор поставить, чтоб не блиско двором жилецким и дороги б мимо двор прохожие не было, а на дворѣ велѣли поставить хором: две избы, да сени, да клѣть, да погреб и около двора городбу; а какъ Смирной Моматов на Пелым приѣдет и в котором числѣ, и вы б отписали к нам к Москве и велѣли отписку отдати в Казанском дворцѣ діяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову).

III.

Царская Грамота стрѣлецкому головѣ Смирному Маматову.

От царя і великаго князя Бориса Федоровіча, всеа Русиі, в Сибирь в Пелымской город головѣ стрелетцкому Смирному Юрьевичю Маматову. Велѣли есмя быти у Ивана да у Василья Романовых Ивану Некрасову, а тебѣ велѣли есмя быти к нам к Москве (*зачеркнуто*: по нашему указу велено было тебѣ быти на Пелыми для Івана Романова, а после того послан к тебе ж с сотником стрелецким с Ыван͡ом с Некрасовым Василей Романов, а велено тебѣ, взяв у Івана Василья, отпустити его Івана к нам к Москве; и мы на Пелыми у Ивана и у Василья у Романовыхъ велѣли быти Івану Некрасову, а тебѣ велѣли есмя ѣхати к намъ к Москве и подорожная к тебѣ наша послана с сею нашею грамотою вмѣсте). І как к тебѣ ся наша грамота (*зачеркнуто:* и подорожная) придет, и ты б Ивана и Василья Романовых (*зачеркнуто:* оказал, отдал) и деньги кормовые (*зачеркнуто:* отдал), что у тебя их есть, отдав Івану Некрасову, ѣхал к намъ к Москве; а приѣхавъ к Москве явился діаку нашему Нечаю Ѳедорову. А к Ивану Некрасову о том от нас писано ж. Писан на Москвѣ лѣта 7110-го декабря въ 8 день.

IV.

Царская грамота нижегородскому воеводѣ Юрію Ивановичу Нелединскому.

От царя і великаго князя Бориса Өедоровича, всеа Русиі, в Нижней Новгород Юрью Івановичю Нелединскому да дьяку нашему Василью Папову. По нашему указу велено быти на нашеі службе в Нижнемъ Новѣгороде князю Ивану Черкаскому да Ивану Романову, а для береженья велено с ними быти Василью Хлопову да Смирному Моматову. І как к вамъ ся наша грамота придет, а Василей Хлопов с князем Іваном Черкаскимъ, а Смирной Моматов с Ываном Романовымъ в Нижней Новгород приѣдут, і вы б Василью и Смирному со князем Иваном и съ (И)ваном дали в городе двор, гдѣ будет пригоже, на котором дворѣ мочно всѣм вместица. А которого числа Василей Хлопов с князем Иваном Черкаскимъ, а Смирной Моматовъ с Ываномъ с Романовымъ в Нижней Новгород приѣдут, і вы б о том отписали к нам к Москве і велѣли отписку отдати в приказе Казанскаго Дворца діяком нашим Өонасью Власьеву да Нечаю Өедорову. А чтоб однолично у вас двор приготовлен был до Васильева и до Смирного приѣзду. Писана на Москвѣ лѣта 7110-го іюня въ 28 день.

V.

Царская грамота нижегородскому воеводѣ Юрію Ивановичу Нелединскому.

От царя і великаго князя Бориса Өедоровича, всеа Русиі, в Нижней Новгород Юрью Івановичю Нелединскому да дьяку нашему Василью Папову. Писали есмя к вам, что велено быти на нашей службе в Нижнем Новѣгородѣ князю Івану Черкаскому да Івану Романову, а с ними велѣли есмя быти для береженья Василью Хлопову (*зачеркнуто:* да Смирному Маматову а корму) да Смирнову Маматову. И как к вам ся наша грамота придет, а Василей Хлопов со князем Іваном с Черкаскимъ, а Смирной Маматовъ с Іваном в Нижней Новгород приѣдут, и учнут у вас Василей и Иван просити (*зачеркнуто:* Ивана..., для) князю Івану и (*зачеркнуто:* на) Івану пива или меду, і вы б им на них пиво и мед (*зачеркнуто:* давали, давати) велѣли давати с кабака. Да будет у вас и денег учнут на корм им просити, і вы б им (*зачеркнуто:* потому ж) и денги давали (*зачеркнуто:* помѣсячно сколько доведетца, на сколько им надобет давали) из нашие казны (*зачеркнуто:* помѣсячно по кольку доведетца). А колько денег (*зачеркнуто:* дадите і в) или пива и меду дадите, і вы б то писали в книги (*зачеркнуто:* подлинно, в книг..., а им потому ж велѣли писати въ книги, да о том от, дати да о том к нам отписали і велѣли отписку отдати в Посольском приказе в пр..., діяку нашему Өѳонасью Власьеву). Писана на Москвѣ лѣта 7110-го июня въ 11 день.

Посланъ с Осипом з Зюзиным.

VI.

Отписка казанскаго воеводы князя Ивана Голицына.

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русиі, холопи твои Івашко Голицын, да Васка Кузминъ, да Олешка Шапилов, да Петрушка Микулин челом бьют. В нынѣшнем, государь, во 110-м году июня въ 11 день в твоей государеве грамоте писано к нам, холопем твоим; по твоему государеву указу посланы были на житье в Малмыж князь Іван Черкаской да в Сибирь в Пелымской город Іван Рамановъ; и ты, государь, князя Івана Черкаского и Ивана Раманова пожаловал, велѣл имъ быти на своей государеве службе в Нижнем Новѣгороде; а велено, государь, ѣхати до Нижнего со князем Іваном Василью Хлопову, а с Ываном Смирнову Маматову. И о том от тебя, государя, в твоих государевых грамотах к ним писано ж. И тѣ твои государевы две грамоты присланы к нам же, холопемъ, а велено, государь, нам одну грамоту послати в Малмыж к Василью Хлопову, а другую в Пелым к Смирному Маматову, с кѣмъ будет пригоже; да какъ Василей Хлопов со князем Іваномъ Черкаскимъ, а Смирной Маматов с Ываном Рамановым в Казань приѣдут, и нам, холопем твоимъ, велено под нихъ дав суды и кормъщиков и гребцов против подорожных отпустити ихъ в Нижней Новъгород тотчас. А котораго, государь, числа Василей Хлопов со князем Иваном, а Смирной Маматов с Ываном в Казань приѣдут, и которого числа из нихъ в Нижней Новгород отпустимъ, и нам бы, холопем твоимъ, о том отписати к тебѣ ко государю к Москве в Казаньской Дворецъ. И мы, холопи твои, с твоими государевыми грамотами в Малмыж к Василью Хлопову, а в Пелымской город к Смирному Маматову послали ис Казани детей боярскихъ того ж дни; і Василей, государь, Хлопов со князем Іваном Черкаским приѣхал в Казань из Малмыжа июня въ 23 день. И мы, холопи твои, по твоему государеву указу, дав ему судно і кормъщика и гребцовъ по подорожной, отпустили Василья Хлопова со князем Іваном в Нижней Новъгород того ж часу. А Смирной, государь, Маматов с Ываном Рамановым июля по 2-е число в Казань не бывал.

(На оборотѣ сего столбца: Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі. 110-го июля въ 12 день с Казанцом сыном боярским з Богданом с Ызносковым).

VII.

Отписка нижегородскаго воеводы Юрія Нелединскаго.

Государю царю і великому князю Борису Федоровичю, всеа Русіі холопи твои Юшко Нелединской да Васка Панов челомъ бьют. В нынешнем, государь, во 110-м году июня въ 9 день писано, государь, от тебя, государя царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіі, в твоей государеве грамоте за приписью твоего государева діяка Офанасья Власьева к намъ, холопем твоим, с Кириломъ с Коробовым: по твоему государеву цареву і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіі, указу велено быть на твое государеве службе в Нижнемъ Новѣгороде князе Івану Черкаскому да Івану Романову; а для, государь, бережения велено с ними быть Василью Хлопову да Смирному Маматову. И какъ, государь, твоя государева грамота к намъ, холопем твоим, придет, а Василей Хлопов с князем Іваномъ Черкаскимъ, а Смирной Маматов с Ываномъ Романовым в Нижней Новгород приѣдут, и нам бы, государь, холопем твоим, Василью и Смирному с княземъ Іваном и с Ываномъ дать в городе двор, гдѣ будет доведетца, на котором дворѣ мочно всѣмъ вместитца. А которого, государь, числа Василей Хлопов с княземъ Іваном Черкаским, а Смирной Маматов с Ываном Романовым в Нижней Новгород приѣдут, и намъ бы, государь, холопем твоим, отписать к тебѣ ко государю к Москве і велѣть, государь, отписку отдать в приказе Казанскаго дворца твоимъ государевым діякомъ Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову. А чтоб, государь, однолично у нас, холопей твоих, двор приготовлен был до Васильева и до Смирново приѣзду. І Василей, государь, Хлопов с князем Іваном Черкаским в Нижней Новгород приѣхали июля въ 2 день. И мы, государь, холопи твои, по твоей государеве грамоте Василью со княземъ Іваном дали в городе двор Троецкой Сергиева монастыря, а Смирной, государь, Моматов с Ываномъ с Романовымъ в Нижней Новъгород июля по 2 число не бывали. А какъ, государь, Смирной Моматов с Ываномъ с Романовымъ в Нижней приѣдут, и мы, холопи твои, к тебѣ ко государю тот же часъ отпишем. А корму, государь, у нас, холопей твоих, Василей Холопов и денег на кормъ по твоей, государеве, грамоте посямѣстъ не прашивал; а сказывает, что у него твои государевы деньги на кормъ есть.

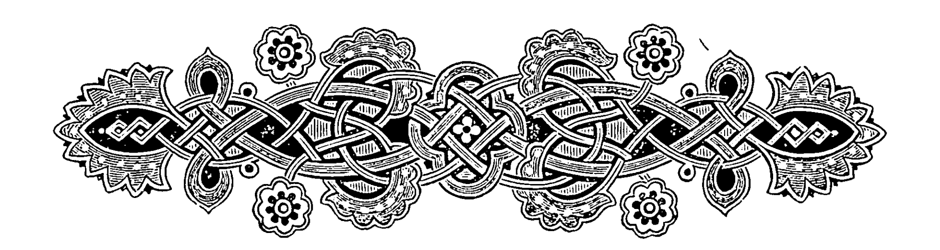
(*На оборотѣ 1-го столбца:* Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русіі. 110-го июля въ 15 день с Арземасцом с Ратманом Суриновым).

VIII.

Отписка нижегородскаго воеводы Юрія Нелединскаго.

Государю царю і великому князю Борису Федоровичю, всеа Русиі, холопы твои Юшко Нелединской да Васька Панов челом бьют. В нынешнемъ, государь, во 110-м году июня въ 9 день писано, государь, от тебя, государя царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русиі, в твоей государеве грамоте за приписью твоего государева діяка Офонасья Власьева к намъ, холопемъ твоим, с Кирилом с Коробовым; по твоему государеву цареву і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русиі, указу велено быть на твоей государеве службе въ Нижнемъ Новѣгороде князю Івану Черкаскому да Івану Романову, а для, государь, бережения велено с ними быть Василью Хлопову да Смирному Моматову. І как, государь, твоя государева грамота к намъ, холопем твоим, придет, а Василей Хлопов со княземъ Іваномъ Черкаскимъ, а Смирной Моматов с Ываномъ Романовым в Нижней Новгород приѣдут, і нам бы, государь, холопем твоимъ Василью и Смирному с княземъ Іваномъ и с Ываномъ дать в городе двор, гдѣ будет доведстца, на котором дворѣ мочно им вместица. А которого, государь, числа Василей Хлопов с княземъ Іваномъ Черкаским, а Смирной Моматов с Ываномъ с Романовым в Нижней Новгород приѣдут, і нам бы, государь, холопем твоимъ, отписать к тебѣ, ко государю, к Москве і велѣть, государь, отписку отдать в приказе Казанскаго дворца твоимъ государевым діяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову; а чтоб, государь, однолично у нас, холопей твоих, двор приготовлен был до Васильева и до Смирново приѣзду. І по твоей государеве грамоте преж сего о Васильеве Хлопова со княземъ Іваномъ Черкаскимъ в Нижней приѣзде и что имъ дан внутри города Троецкаго Сергѣева монастыря двор мы, холопи твои, к тебѣ, ко государю, писали с Арзамасцом' сыном боярскимъ с Раманом Русиновым июля въ 1 день; а Смирной, государь, Моматов с Ыванам Романовым в Нижней Новгород приѣхали июля въ 25 день. И мы, холопи твои, Смирново и Івана по твоему государеву указу поставили на том же дворѣ; а Смирной, государь, Моматов прошал у нас, холопей твоих, подвод, а сказал, что ему к тебѣ, ко государю, грамоты велено присылать с своими людми. И мы, холопи твои, подвод ему для твоего государева дѣла не дать не смѣли.

(*На оборотѣ 1-го столбца:* Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі. 110-го августа въ 1 день съ Евсюком Исаковым).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

